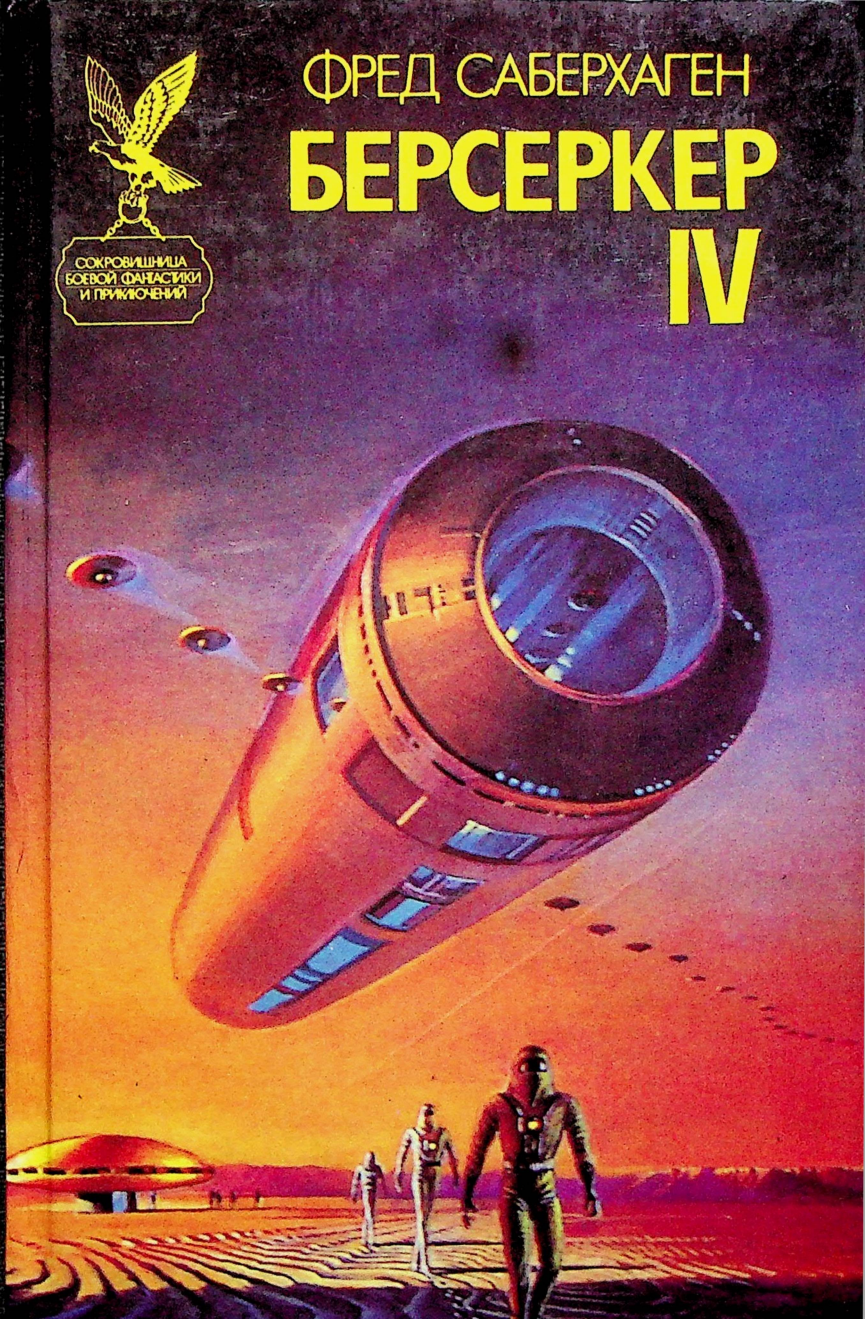

ФРЕД САБЕРХАГЕН
БЕРСЕРКЕР
IV
СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ФРЕД САБЕРХАГЕН

БЕРСЕРКЕР IV

РОМАН

СМОЛЕНСК
РУСИЧ
1994

ББК 84(7США)
С 121
УДК 820(73)-31

Серия основана в 1993 году

Перевод с английского *И. Малынской, Т. Замиловой*

Художник *А. А. Шуплецов*

Публикуется впервые с разрешения автора и его литературного агента Александра Корженевского. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону

Саберхаген Ф.

С 121 Берсеркер-IV: Роман / Пер. с англ. И. Малынской и др.; Худож. А. А. Шуплецов.— Смоленск: Русич, 1994.— 448 с.— (Сокровищница боевой фантастики и приключений).

ISBN 5-88590-013-2.

В четвертой книге увлекательной истории борьбы человека с могущественными космическими роботами-берсеркерами на арену выходят загадочные создатели этих безжалостных убийц.

С 8200000000 ББК 84(7США)

ISBN 5-88590-013-2

© by F. Saberhagen, 1993.
© Перевод. И. Малынская, Т. Замилова, 1994
© Оформление. А. А. Шуплецов, 1994

ПРОЛОГ

Это было в самом деле необычно. Представьте себе, что корабль по уму, что ли, во многом превосходил людей, находящихся на этом судне. Задача, которая состояла в том, чтобы оптико-электроникой исследовать неясные границы плотной и темной туманности, кораблем выполнялась безукоризненно. А ведь он большую часть времени двигался на автопилоте по самостоятельно выработанному курсу среди широких гряд и пролегших на миллионы километров пропастей в облаках межзвездного газа и пыли, заполнявших Мавронари.

Подумаете: а зачем в таком случае экипаж на корабле? А затем, что только живые люди были способны обратить внимание на такие явления в туманности, которые всесторонне могли заинтересовать других людей.

Команда этого исследовательского корабля состояла из мужчины и женщины, которых звали Скурлок и Кэрол. За месяцы полета пара действительно выяснила, что оба подходят друг другу, а это просто жизненно важно: долгое-предолгое время находишься в изоляции от всех, в двух небольших помещениях. Так что всегда наедине друг с другом.

Необходимо сказать, что Скурлок и Кэрол поженились незадолго перед полетом. И вот так получалось, что большую часть семейной жизни — примерно стандартный месяц — они провели, исследуя туманности Мавронари.

Корабль, конечно же, не являлся их собственностью: супруги были не настолько богаты, чтобы заиметь свой

межзвездный транспорт. Их космическое судно было маленьким, но очень подвижным, скоростным. У него не было имени. Только номер. И принадлежал корабль фонду Сардо, в который входили богатые люди, имеющие свои причины на то, чтобы тратить миллионы на сбор информации о некоторых интересных явлениях в космосе, которые большинству жителей не представлялись любопытными.

И вот молодая пара в корабле их работодателей, сделав удачный прыжок со скоростью, превосходящей скорость света, были в далеком далеке от любого населенного объекта в космосе. Но ни Скурлок, ни Кэрол не страдали в изоляции от остального человечества и всего живого.

Как выглядели наши путешественники? Скурлок был довольно высокого роста, но телосложения не плотного, со светлыми глазами и длинными ресницами — это делало его моложе. Кэрол — среднего роста, худощавая. Но обладала такими физическими данными, которые еще раз подтверждали, что ее предки называли Средний Восток старушки-Земли своим домом.

И Скурлок, и Кэрол отличались склонностью к сильным чувствам и честолюбию.

Сейчас же молодые находились в веселом расположении духа, пели и шутили, просматривая результаты научных наблюдений, проделанных за день. С добрым юмором отзывались о мозге корабля — устройства, от которого зависела их жизнь и которое несло ответственность за пилотаж и безопасность полета. Но сам корабль не отвечал на юмор. Как и другие корабли, он никогда не интересовался настроением людей, находящихся на борту.

Одной из задач, возложенных хозяевами на астронавтов, являлось открытие новых способов проникновения в туманность, а также путей, ведущих в Мавронари и еще не отмеченных на карте. Это намного облегчило бы общение между населенными мирами. Ведь за огромными массами газа и пыли могли находиться населен-

ные объекты. Подобное представляло большой интерес не только для фонда Сардо.

В настоящее же время дело обстояло так, что с населенными планетами по ту сторону Мавронари, о существовании которых было хорошо известно, людям солнечной системы — если бы представилась возможность! — пришлось бы общаться только в обход туманности.

И все же это было не основное для астронавтов. Основное — сбор астрономических данных, различных излучений, образцов мелких частиц и типов скоростей, обследование впадин и извилин между долами туманности... Все, что невозможно обследовать извне.

Отправляясь в неведомое, Скурлок и Кэрол были уверены, что выполнение задания улучшит их материальное положение, даст возможность продвинуться в обществе, а значит — добиться в жизни чего-нибудь важного.

По мере того, как маленький корабль продвигался, появился мрачный блеск Центра Галактики — тусклого, хотя и многоцветного шара, покрытого облаками и полосами темного вещества. Экипаж замечал, что из-за такого свечения корабль отбрасывает тень на пропасть огромной Мавронари, а облака окрашиваются в серебро, как от луны.

Отмечая это, Кэрол вдруг прервала свои поэтические размышления, а по ее телу пробежала неожиданная дрожь.

Скурлок забеспокоился:

— Что с тобой? Что случилось?

Она нервно пригладила темными пальцами свою короткую стрижку.

— Ничего... Правда, ничего. Просто глянув наружу, почувствовала, как все далеко.

Ее спутник задумался:

— Понимаю, что все далеко. И знаю, что имеешь ввиду.

Но после непродолжительного молчания, во время

которого корабль самодрейфовал, тема разговора Скурлока и Кэрол поменялась на светлую. В который раз заговорили о желании заиметь ребенка в рамках программы колонизации премьер-министра Дирака Сардо, в которой самое активное участие принимал Фонд Сардо, создателем которой был сам премьер.

Кэрол вроде завозмущалась:

— Не знаю, как люди идут на это? Я не хочу, чтобы мой ребенок подвергался какой бы то ни было программе. Даже вроде этой.

Скурлок не замедлил с ответом:

— Согласен.

Он сам более, чем Кэрол, не хотел иметь ребенка по каким-либо условиям.

Кэрол бы удивилась, если бы муж не согласился с ней.

Они говорили и о другом, но не спускали глаз с приборов, регистрирующих курс полета. Они убеждались, что *автопилот* лучше чем они справляется с тем, чтобы корабль не зашел далеко в завитки туманности. Сам же *район, который сейчас* обследовался, мог бы представить стандарт земной атмосферы — нет, безвоздушного пространства над землей, где во множестве скопились микроскопические частицы вещества, представлявшие опасность для движения.

Было бы чертовски печально попасть их маленькому кораблику в густые полосы и объятия пыли в той системе, что в два раза меньше солнечной, и затеряться здесь.

В это время оптико-электронный мозг корабля сообщил, что обнаружил несколько неопределенных объектов, величиной с маленькие корабли, которые быстро продвигаются на фоне пылевой туманности. Что это такое — неизвестно, но появились объекты неожиданно и довольно близко — в нескольких сотнях километров от них.

На дисплеях экипаж увидел несколько темных точек на серебряном фоне.

Скурлок диковато уставился на эти точки и, ничего не понимая, произнес:

— М-м... С какой стати?

Кэрол вздохнула:

— Если б знала...

Их корабль тоже не мог ничего объяснить своим пилотам. Ничего удивительного. И живой, и технический мозг были крайне озадачены: на приборах неопознанные объекты выглядели весьма определенно — как маленькие корабли. Но была малая вероятность встретить какой-либо транспорт, особенно здесь — на краю Мавронари — это почти невозможно.

Через несколько секунд замешательство молодой пары сменилось страхом. У обоих возникло предположение, от которого они уже не могли избавиться. И поскольку они были одеты не по форме, молча отправились за снаряжением, представляя, что предстоит встреча с неожиданными посетителями.

Вдруг Скурлок без всякого объяснения предложил надеть скафандры. Кэрол не думала, что это необходимо. Ограничились тем, что решили все проверить на готовность: и снаряжение, и приборы в отделениях.

После этого уселись в кресла управления, пристально наблюдая за установкой объемного изображения пространства. На дисплее неуклонно вырастала неведомая точка на фоне темной пыли.

Кэрол сказала:

— Ну хорошо, Скурли, мы должны разобраться в этом. Вдруг это военные корабли?

Ее спутник согласно кивнул головой:

— Не исключено... Возможно, приближается эскадра Иматры, ближайшей от нас системы. Или Тамплиера. Или Межзвездные вооруженные силы.

Объекты — теперь их виделось семь — широко растянутым строем двигались навстречу исследовательскому кораблю. И определенно не были похожи на гражданский транспорт. Чьи же это войска? Должно быть... если только не одно страшное предположение...

Ни Скурлок, ни Кэрол не произнесли вслух возникшую мысль, хотя она все больше утверждалась в сознании. Они иногда посматривали друг на друга, будто успокаивая. Но мало получалось.

И вдруг послышались слова машины — тонкий бес-

сердечный голос. Известие прозвучало почти спокойно, словно об опасности не могло быть речи:

— Семь приближающихся объектов определены как машины берсеркеров.

Ответ людей последовал не сразу. В душу Скурлока ударил гнев на корабль, который с таким спокойствием доложил это. Впрочем, что гневаться? Машина создана конструкторами Солнечной системы, а они всегда были уверены в своей правоте. И лишали свои изобретения каких-либо эмоций.

Впрочем, Скурлок знал, что корабль по-своему прав в ледяном спокойствии. Если это действительно машины берсеркеров, то они запрограммированы таким образом, что не представляют никакой угрозы для других кораблей в космосе.

Впрочем, нет! Они предназначались для уничтожения цели, намного отличающейся от космических кораблей. Их задачей было разрушение всего живого в Галактике. И прежде всего — рода человеческого, поскольку он мешал, в лучшем случае, создавал трудности для выполнения их целей. А разновидность человечества в Солнечной системе являлось излюбленной мишенью для машин-убийц, поскольку земляне — да, особенно земляне! — чертовски упорно, даже неистово сопротивлялись смерти.

Кэрол, которая намного превосходила своего спутника как пилот, уже находилась в кресле ускорения, позволявшем более эффективно осуществлять ручное и дистанционное управление кораблем, и просовывала голову в обруч альфа-излучения. Скурлок, пальцы которого, казалось, онемели от страха, поспешил к креслу рядом с пилотом, поскольку по инструкции это было важней, чем надевать скафандр.

Ни скафандры, ни кресла ускорения, похоже, не могли улучшить положения безоружного корабля в то время, когда к нему приближались берсеркеры. Скурлок понимал, что в такой ситуации все земные инструкции бесполезны.

Вдруг ему в голову пришла мысль, как спастись: укрыть их маленький корабль в ближайшей впадине

туманности и переждать в надежде, что их не обнаружат.

Но и живой, и электронный пилоты проигнорировали его идею. Возможно, она была и неплохой, но Скурлок и Кэрол находились в таком нервном состоянии, что не смогли бы четко выполнить маневр. Кроме того, мысль пришла слишком поздно: было заметно, что приближающиеся объекты явно летят в сторону их корабля. Значит, их уже заметили.

Кэрол что-то бормотала, сидя в кресле пилота, и изо всех сил увеличивала скорость корабля под правым углом атакующих убийц. Двигатель ответил плавным ускорением. И быстро сработала искусственная сила тяготения в салоне. Полифазные перетяжки на креслах ускорения были натянуты не до конца, и люди не испытывали ни малейшего дискомфорта.

Но эти маневры оказались более чем бесполезны, потому что соответственно изменили курс и объекты. Стало ясно, что преследование не случайно.

Кэрол снова пробормотала что-то и повторила попытку оторваться от наседавших, но безрезультатно, хотя она и ее спутник теснее прижались к ремням и лентам из полифазной материи, которые сейчас больше походили на спагетти — каждый в своем кресле ускорения, словно это могло помочь делу.

Оба еще не произносили страшного слова. Будто угроза была нереальной, если о ней не говорить вслух. Казалось, они не приняли во внимание даже тот факт, что об урозе им уже сообщила сама машина.

С минуту два перепуганных человека пытались панически уйти от приближающихся объектов, используя все возможности их корабля — чередуя автопилот и управление голосом. Кэрол была достаточно опытным пилотом, чтобы осуществлять взаимодействие органического и искусственного интеллектов. Причем, второй намного превосходил первый по своим данным. Но, увы, любой пилот не вышел бы из сложившейся ситуации.

Исследовательский корабль Кэрол и Скурлока не имел вооружения. Но даже боевой корабль-разведчик Межзвездных вооруженных сил, который в два раза

больше по размерам и в тысячу раз превосходящий по самозащите, вряд ли имел большой шанс противостоять машинам, которые стремительно приближались к несчастным. Все семь преследователей уже ясно просматривались. По величине они были такие же или чуть больше судна Кэрол и Скурлока. Они упорно приближались, но... орудия их молчали.

Вдруг Скурлок громко застонал. Испарились его последние надежды: на фоне облаков за сотни километров увиделся новый объект — плывущий континент из черного, ужасного, как сама смерть, металла. Это был не иначе как корабль-носитель берсеркеров. Одновременно на экране обозначился огромный предмет, который словно наощупь двигался вперед, вырастая из густой пыли. Он напоминал собой зловещую гору. Скорость его казалась необычной для такого огромного и уродливого объекта. Он выполз из темноты Мавронари, подобно королю демонов из старых легенд об аде.

Никто из обреченного корабля не проронил ни слова. Влюбленные повернулись друг к другу, читая в глазах взаимное отчаяние.

— Скурлок,— Кэрол почти задыхалась.

— Да?

— Пообещай мне.

— Что? — хотя знал, о чем речь. Слишком хорошо знал.

Кэрол запнулась. Она перешла на шепот:

— Если берсеркеры убьют нас быстро, я обрадуюсь, что мы и дальше будем вместе.

— Я тоже.

— Но если не убьют... сделай это... Я слышала: если они не убивают сразу, это значит, что собираются... Я не выдержу... Я не хочу...

Кэрол не решалась сказать последнее слово — чего она хотела от мужа. Но и он не желал ей подсказать это слово. Все, но только не это!

Кэрол, отвернувшись от любимого, попыталась сделать последнюю попытку, чтобы совершить очередной

маневр и оторваться от преследователей. Но уже через какое-то мгновение их обогнали. Суденышко Кэрол и Скурлока было окружено, лишено возможности двигаться под воздействием сильных энергетических полей. Автопилот сообщил с неестественным для трагедии спокойствием о полной невозможности маневрировать.

Семь атакующих врагов находились в сотнях метров. Зажали в тиски маленький исследовательский корабль, надвигаясь на него тесным строем.

Кэрол и Скурлок не отрывали друг от друга глаз. Им казалось, что время окончательно остановилось.

Корабль невозмутимо сообщал о следующем этапе катастрофы: двигатель полностью вышел из строя.

Чуть позже доложил о попытке извне открыть люк главного тамбурного отсека. В этих докладах уже не было необходимости: люди сами слышали и чувствовали происходящее. Судно колыхалось от ударов огромного молота и буквально задыхалось от пронзительного визга сверла.

Скурлок после нескольких попыток освободиться трясущимися руками от ремней, выбрался из своего кресла ускорения. Чуть позже к нему присоединилась Кэрол. Они вместе стали на середине крошечной кабины.

Скурлок, словно сбросив с себя оцепенение, неожиданно сильным голосом произнес:

— Если бы двигатель не вышел из строя, мы могли бы перейти на ручное управление и...

Кэрол тихо и смятенно ответила:

— Но двигатель не действует. Очевидно, они не хотели нашего ни героического, ни панического самоубийства. И своей траты энергии. Излишней траты для таких превосходно сконструированных машин... Да ведь у нас на борту никакого оружия!

— Знаю.

— Скурли... даже если б и было оружие, я не смогла бы... ни тебя, ни себя.

— Я тоже.

Ответил и понял: вряд ли это лучшее, что мог сказать. И добавил:

— Но... но я не оставил бы тебя одну... с берсеркерами.

Их разговор внезапно прервали громкие звуки, донесшиеся с расстояния нескольких метров. Стало ясно, что смертельная опасность уже в тамбуре. Неожиданно враг появился почти перед ними. Приближение гибели предстало изображением на дисплее, который установлен в центре отсека управления. Скурлок ясно увидел огромные громады двух захватчиков — раскачивающиеся громады. Они враз уничтожили видеодатчики в тамбуре.

— Кэрол, я люблю тебя!

— И я люблю тебя...

Такое они произносили редко.

— Не бойся, Кэрол, они не заставляют людей долго мучиться. Все произойдет быстро, как бы они...

Скурлок старался придать голосу уверенность. Ведь знал, что основной заповедью машин смерти, главный принцип их запрограммированности — уничтожение всего живого, что встречается на пути. От них не требовалось страдание живых существ. Быстрое убийство эффективнее. Это стало правилом.

Но случались и исключения. Враг в погоне за крупной мишенью хотел получить нечто большее от чужой захваченной жизни.

Но сейчас никто из экипажа не думал об исключении. Судя по шуму, захватчики уже намного приблизились. Металлические руки и прочие конечности скребли и царапали, а затем стали колотить по внутренним дверям главного тамбура.

— Кэрол...

— Да, Скурли, я тоже люблю тебя.

Ее голос прозвучал отрешенно, почти безразлично. Она больше не могла говорить.

Внутренняя дверь тамбура медленно отворялась. На какое-то время в камере немного упало давление, но воздух в корабле еще сохранялся. Все было сделано, чтобы обеспечить жизнь экипажу.

Берсеркеры входили в кабину.

В отсек управления шеренгой быстро вошли четыре конструкции из темного металла. По росту они немного превосходили жителей Солнечной системы, но по форме ужасно отличались от людей, родившихся на планете. Эти машины обладали несвойственной людям силой. И предназначением. Передвигались быстрее и решительнее. У некоторых было четыре металлических ноги, у других шесть.

Людей поразило, что в первый момент захватчики не обращали внимания на своих пленников. А пленники продолжали стоять посреди камеры, нервно сцепив руки.

Подобно практически любому жителю Солнечной системы, Кэрол и Скурлок никогда в жизни не слышали о берсеркерах. Точней, о какой-либо истории о них. Что-то звучало в древних легендах, что-то называлось. Были планеты, где даже не видели берсеркеров. Но не было в живом мире места, где бы о них не говорили. Утверждали, что они обладают людской речью. Что если берсеркер не убивал своего пленника, то по слогам начинал с ним разговор. О том, что жизнь отвратительно тяжела. Что люди заслужили быструю смерть. Но почти не знали о причинах, благодаря которым берсеркер временно даровал жизнь пленнику.

Но вот машины, захватившие Скурлока и Кэрол вместе с кораблем, совсем ничего не говорили, если не считать странных щелчков или писка, которые исходили от некоторых захватчиков. Если этот шум действительно был их языком, землянам ничего не понять и ничего не ответить.

Супруги не были сразу же разлучены, как они с великим страхом думали. Но надежда, что машины не будут на них обращать внимания, быстро испарилась.

После некоторой задержки металлические пальцы и зажимы повели исследование. Измерили пленников, бесстрастно ощупывая по их коже и одежде. Затем отпустили, не причиняя никакого насилия. После этого все захватчики — кроме одного! — покинули отсек управления и разошлись по углам маленького корабля, изучая содержимое.

На какое-то время пленники, вроде бы освободив-

шись, уставились друг на друга с выражением неутолимого страдания. Обменялись несколькими словами, лишенными логики и смысла. Без сомнения их металлическая охрана все слышала. Но не последовало приказа молчать, не было и намека на наказание.

Наконец, обследование судна завершилось, и машины вернулись, остановились и замерли, словно слуги-роботы.

Нервы Скурлока не выдержали и он резко спросил:

— Что же будет?

И на мгновение Кэрол увидела в нем смелого человека. Решительного. Со сжатыми кулаками. Глядящего на неживых врагов с мужеством.

Машины даже не обратили на это никакого внимания. Один находился у пульта управления, пытаясь проникнуть в банк данных своими конечностями.

Шли минуты. Но ничего не происходило. Скурли и Кэрол сели в кресла.

Выглянув наружу, они лучше смогли разглядеть корабль-носитель. Скурлок отметил для себя, что в свете далекой Галактики эта ужасная масса являла — даже внешним видом — все признаки страшного разрушения. Так взорвавшийся вулкан уничтожает все кругом.

И все же... это создание производило грандиозное впечатление. Отдельные выступы указывали на огромную боеспособность. Корпус яйцеобразной, почти круглой формы. Без приборов в космосе трудно определить размеры чего-либо. Но по движению пыли было ясно, что корабль в диаметре составлял, по крайней мере, несколько километров.

В первый час, находясь в ужасной тишине, нервы Кэрол стали окончательно сдавать от напряжения. Она погрузилась в тяжелое молчание, не отвечала даже мужу.

— Кэрол!

Молчание. Уставившись в пустой угол кабины, она

медленно поднесла ко рту белый кулак и стала кусать его, пока не появилась кровь.

— Кэрол! — Скурли, пошатываясь, поднялся и схватил руку жены, оттаскивая ее от лица.

Она подняла глаза и дико посмотрела на Скурлока.

— Кэрол, образумься!

Внезапно она разрыдалась. Скурлок прижал ее к себе, неловко пытаясь успокоить.

Берсеркеры бесстрастно наблюдали за этим.

И еще несколько часов машины наблюдали за своими пленниками. Это было заметно по окулярам на металлических корпусах. И без сомнения все слышали. Но почему-то бездействовали. Заключенные могли без всяких препятствий ходить по отсеку управления, наведываться в спальную кабину, что по соседству. Они могли сидеть, стоять, лежать и, простите, пользоваться уборной.

Это продолжалось так долго, что Кэрол и Скурлок, заглушив тревогу, один за другим уснули.

Скурлок, выйдя из спальни, зашел в отсек управления и глянул на хронометр корабля. Цифры были мертвы, ни о чем не говорили. Он постарался вспомнить время и день, когда смотрел на прибор в последний раз, еще до вторжения берсеркеров, но тщетно: остался в полном неведении.

Кэрол спала. Муж оставил ее спящей... впрочем, лучше сказать, в бессознательном состоянии.

Скурлок захотел выпить воды. Он шел мимо одного из берсеркеров и нечаянно задел его. Что удивительного? В маленькой кабине повсюду торчали металлические ноги и прочее. Скурлок знал, что в любое мгновение его могут убить — даже не заметишь намерения: удар мгновенен, подобно полету пули.

Что ж, пусть и так!

Но ничего страшного не произошло.

Он медленно отправился за водой снова, чтоб отне-

сти своей супруге в спальный отсек.

Еще не думал о еде.

Но у обоих появилась какая-то тень надежды.

Вернувшись в отсек управления, он снова взглянул на хронометр. И — о, нечаянный дар! Цифры вдруг начали обретать какой-то смысл. Ощутив легкий шок, землянин вспомнил кое-что и вычислил, что с момента захвата прошел день.

Хотел сказать Кэрол, но та была в какой-то агонии: не прекращала кусать руки. Пальцы густо перепачканы кровью. И Скурлок уже был не в состоянии остановить любимую.

А время шло и шло. Первоначальный страх стал ослабляться. Утих ужас перед неминуемой смертью. Казалось, что жизнь и дальше продолжалась.

Несколько изменилось и поведение пленников. Скурлок и Кэрол немало часов проводили вместе: в креслах, на кровати. Правда, Кэрол иногда разражалась странным смехом. И ее муж, глядя на это, тяжело думал: а не сошла ли она окончательно с ума?

Когда она засыпала, он тоже вроде бы впадал в сон. Но словно в шоке пробуждался от сна, похожего на смерть.

Однажды Кэрол вскочила на кровати и закричала изо всех сил: «Ну что они хотят от нас? Что они хотят?» И в истерике, с окровавленными руками бросилась на одну из машин:

— Что ты хочешь? Почему не убиваешь? Убей нас!

Машина только передвинула ноги, чтоб сохранить устойчивость.

И все.

Кэрол упала на пол к металлическим ногам, бессильно всхлипывая.

Но даже истерика не может продолжаться долго. Бывало, что Кэрол и Скурлок вели себя почти спокойно. Правда, беседы были возбужденными и прерывались долгими беспомощными паузами.

В одном из разговоров Скурлок заметил:

— У меня предположение, почему они не разговаривают. Возможно, это очень старые берсеркеры. И по каким-то причинам застряли в Мавронари на долгое время. Знаешь, это может случиться с любым кораблем. Вероятно, они долгое время выбирались из туманности. Или, направляясь в другую сторону, изо всех сил пробивали себе дорогу.

Помолчав, а возможно, размышляя, Кэрол ответила:

— Возможно...

По телу Скурлока пробежал холодок: в этот момент Кэрол была настолько бесстрастна, что, казалось, уже ничего не боялась.

Она замолчала.

Скурлок продолжал:

— В таком случае... если они провели там тысячи лет, откуда им знать земной язык? Звуки, которые они издают, в те времена могли быть языком Строителей.

— Что? — отрешенно отозвалась Кэрол, словно не зная, о чем речь.

Ей вроде было все равно, о чем ни заведи разговор.

— А вспомни историю Галактики, любимая. Давным-давно существовал род людей, которых мы, жители Солнечной системы, ныне называем Строителями, потому что не подыщем лучшего им названия. Те, кто построил первых берсеркеров, задумал их как оружие в безумных войнах между людьми. По времени... это неолит на Земле, или даже раньше. Но затем что-то произошло, и берсеркеры уничтожили Строителей вместе с их безымянными врагами. Я как-то узнал, что речь Строителей представляла из себя щелканье и писк.

Кэрол ничего не ответила. Молчали несколько минут, а затем задремали. И вдруг Скурлок услышал, как один из охраны заговорил: это в первый раз за все пребывание их на борту.

И были слова, произнесенные обычным голосом машины, мало отличавшимся от голоса их корабля, на отчетливом языке жителей Солнечной системы. Скурлок опешил, услышав: «У меня предположение, почему они не разговаривают».

— Что? — он вскочил, дико уставился на машины и Кэрол, которая спала в кресле.

Та же машина тщательно, но чуть громче, произнесла:

— Щелканье и писк.

Эти слова пробудили и Кэрол.

Скурлок схватил ее за руку и сказал:

— Вот что они хотят от нас: выучить наш язык.

Кэрол, которая хоть на время вышла из глубокой отрешенности, всплеснула в ужасе руками:

— Ради Бога, мы не должны помогать им в этом!

— Любимая, я не думаю, что у нас есть какой-либо выбор. И возможно, это наш единственный шанс выжить.

Они надолго замолчали, глядя в глаза друг другу, словно стараясь вызнать, что думает каждый.

«Любимая»,— произнесла машина.

Но ее уже никто из людей не слушал. Скурлок внезапно взорвался:

— Кэрол, я не хочу умирать!

Та в ответ:

— Нет, нет, я тоже не хочу! Скурли, как мы... как мы вообще будем делать это?

— Просто, любимая. Мы не добивались такого поворота событий. Но если он случился, мы должны делать то, что должны. Вот и все.

«Просто, любимая»,— прозвучал голос берсеркера.— «Вот и все».

Иногда машины заставляли людей разговаривать, часами держа в разных отсеках, чтоб не встречались, а только перекрикивались.

Изнурительно? Да. Но не поддержать затею берсеркеров — глупо и опасно. В банке данных захваченного корабля, как объяснил Скурлок жене, берсеркеры взяли огромное количество материалов, записей радиопередач различного характера и с разных планет и кораблей — на всех языках, на которых говорили Кэрол и Скурлок.

И теперь их неживой захватчик стал «проигрывать»

различные записи, подражать звукам человеческой речи. Видя все это Скурлок убеждал Кэрол: «Сопротивление с нашей стороны бесполезно».

— Любимая, от нас не намного зависит их обучение. Даже если мы и не станем говорить, можно произвести математический расчет наших речей, подкрепив узнанное видео-материалами. Узнают все и без нашей помощи.

И добавил:

— Ты ведь знаешь, что никто не станет нас искать.

Кэрол никогда не спорила. Молча слушала. Иногда в ожесточении кусала руку.

И настал час, когда пленников стали настойчиво заставлять разговаривать. Если молчание затягивалось хоть на минуту, по рукам пропускали легкий электрический ток. И снова берсеркер на новом изученном языке давал команду на разговор.

Им не давали спать. В лучшем случае, если один спал, то с другим занимались. У обоих возрастало физическое и умственное истощение.

Сколько это продолжалось, Скурлок уже не мог определить. Он даже забывал взглянуть на корабельный хронометр, когда находился вблизи, разговаривая с берсеркером. Иногда у него проскальзывал молчаливый вопрос: «Как же узнать, сколько времени», но отпущенный в спальню, падал на койку и погружался в бессознательное состояние. А ведь, возможно, и часы на корабле, подобно двигателю, давно выключены?

Но хотя корабль по сути бездействовал, экипаж его обслуживающими устройствами снабжался едой и напитками, как прежде, жизнедеятельность обеспечивалась свежей атмосферой, в исправном состоянии находилась искусственная сила тяготения.

Супруги виделись редко и недолго, обменивались ничего не значащими словами, когда шли из отсека управления в спальню и наоборот.

Первоначальный ужас прошел. Как оказалось, все было терпимо. Страх смерти стал будничным.

Но постоянно что-то менялось. Образование врага шло успешно. Через какое-то время — когда точно Скурлок сказать не мог — в допросах сначало неясно, но затем все определенней заявило о себе новое звучание, новый смысл. Захватчиков уже интересовало гораздо больше, чем изучение языка. И намерения их были угрожающи, если не больше.

Однажды Скурлок, который сохранял постоянную бдительность, узнал, в чем дело. Он находился с машинами в отсеке, когда одна из них указала на стоящую в центре небольшую установку объемного изображения.

Захватчик, овладевший управлением электронного мозга корабля, на маленьком экране вызвал изображение карты, состоящей из сверкающих точек и представляющей ближайшие солнечные системы. Звезды и планеты отмечены правильными именами. И машине требовалась информация о континентах и городах, фабриках и станциях, где строили космические корабли.

Как-то Скурлок проснулся в спальне в одиночестве. И вдруг увидел, как одна машина рукой открыла дверь. Тогда землянин и услышал, что в соседней комнате по очереди называются изображения, которые, по всей видимости, появлялись на экране.

— Это мужчина. Это дерево. Это женщина.

— Я женщина,— прозвучал голос Кэрол, который мало отличался от механического голоса берсеркера.

— Кто я? — неожиданно спросили ее.

Скурлок от страха распахнул глаза, встал на почти несгибающиеся ноги и отправился к жене.

Стоя в дверном проеме, почувствовал, что на него нашло просветление. Он понял, что его жена изменилась со дня захвата в плен. И без того худая, она теперь была похожа на скелет. Ее пальцы были в шрамах и засохшей крови. Если бы на земной улице он встретил бы такую Кэрол, не узнал. Ни фигуры, ни лица. Да и сам-то он изменился не к лучшему. Здорово потерял в весе. Борода и волосы неряшливо отросли. Одежда воняла, висела на нем, словно что-то непотребное и случайное.

И еще пришла мысль. С тех пор, как их захватили, Скурлок и Кэрол не касались друг друга — как муж и

жена, как любовники. Ни одного поцелуя!

— Отвечай! — настаивал металлический голос.

Кэрол, которая стояла с отрешенным видом, обернулась туда, откуда прозвучало требование.

— Ты...

А взгляд скользил к иллюминатору, в котором показалась дрейфующая гора корабля-носителя.

— ...машина,— добавила Кэрол.

— Я машина. Я неживая. Ты живая. Дерево живое.

Кэрол, похожая в эту минуту на сумасшедшую, неистово замотала головой, словно строгая классная учительница. И Скурлок, стоя в дверях, услышал в ее голосе страшное подтверждение ее безумия.

— Нет. Я неживая. Я не буду живой. Если вы захотите этого. Больше не буду живой.

— Не лги мне. Ты живая.

— Нет, нет! — упрямилась строгая учительница.— Нет. Живое надо убивать. Правильно? Я...,— она вдруг бросила быстрый взгляд на Скурлока,— ...мы полезные живые.

«Полезные живые» — эти слова придумали сами берсеркеры. И во всей их истории они появлялись: в рассказах ли, в разговоре. Так назывались люди, которые были на стороне смерти. Вернее, машин смерти, преданно служили им и даже поклонялись.

Скурлок сжал металлический каркас двери и уставился тяжелым и растерянным взглядом на Кэрол. Неужели своим состоянием, близким к безумию, она и находила единственный путь к их спасению?

— «Полезные живые» не приносят вреда,— продолжала Кэрол. Ее партнер слушал с ужасно фальшивым воодушевлением.

— Мы «полезные живые», запомните это. Мы любим берсеркеров.

Скурлок крепче сжал дверь, чтоб не упасть.

И вдруг тоже выпалил:

— Мы полезные живые!

Машина не выказала особой радости по поводу смены допрашиваемых. Лишь сказала:

— Я поверю вам потом. Сейчас вы должны верить мне.

— Мы верим тебе. Что вы собираетесь делать с нами? — это Скурлок услышал свой собственный голос, выпавший вопрос, не успев решить: действительно ли он хочет слышать ответ.

Машина, не поворачивая объективы в его сторону, произнесла:

— Использовать вас.

— Мы можем быть полезны. Очень полезны... Если вы не убьете нас.

Машина не ответила. Кэрол тяжело опустилась в кресло перед установкой объемного изображения, не обращая внимания на своего партнера. Что муж? Все ее внимание было обращено на робота, продолжавшего допрос.

Беседа вдруг поменяла свое русло. Машина сузила тему и область интересов. Сконцентрировала свой длинный опрос на шести-восьми звездных системах — занимаемой жителями стороны, находящейся в нескольких днях полета от этой Мавронари.

Машина:

— Назови и опиши каждую обитаемую планету в названной системе. Какой защитой обладает она, все вместе? Какие военные корабли посылаются в космос? Какие промышленные и научные сооружения имеются там? Какой вид межзвездного сообщения используется?

И далее, и далее — бесконечные вопросы. Иногда собирательного характера, иногда детального.

Кэрол отвечала. Казалось, предалась единственной цели: сделать приятное спрашивающему.

Скурлок, мучаясь, что страх заставил его говорить, не мог придумать ничего, чтобы солгать. Он мало знал о средствах безопасности на планетах, о которых спрашивали, но проблески какой-то оставшейся гордости подсказывали: говорить об огромной военной силе на этих планетах.

Но, спохватился он, если так обмолвится, его замучают допросами. Хотя смешно было бы думать, что и так эта пытка скоро окончится. Скорее всего, он умрет от

допросов, а умирать-то не хочется. Он ясно чувствовал, что еще хочется дышать, неважно где и как. Оттого и сознавал: даже попытка что-либо солгать машине — совсем не выход из положения.

...Мужчина и женщина втянулись в игру, в которую попали.

Прошел час занятий, посвященный Иматранской системе, когда Скурлок, говоря об объектах на орбите вокруг необитаемого астероида, упомянул нечто, что до сих пор не приходило на память: посещение биологической лаборатории, запланированной, как он слышал, для установки на какое-то время в Иматранской системе. Практически лаборатория была построена на одном из межзвездных кораблей, а это связано с проектом колонизации премьер-министра Дирака Сардо...

И едва Скурлок упомянул лабораторию, зазвенел какой-то колокольчик, очевидно, в обширной и запутанной цепи электронного интеллекта берсеркера. Конечно, это был не звон колокольчика. Но сигнал, который чисто человеческое сознание сравнило со звоном колокольчика.

И машина враз потребовала:

— Расскажи о лаборатории.

— Я уже рассказал все, что знаю. Думаю, что это движущееся сооружение имеет отношение к биологическим исследованиям. Поверь мне, больше ничего не знаю. Я...

Его перебило жесткое требование:

— Расскажи о лаборатории.

1

Глубоко — среди переплетенных корней человеческой жизни — если воздействовать небольшим пробным давлением, происходит вот что.

Биллионы атомов, или около этого, перемещаются, изменяя свои структуры за время, равное образованию нескольких молекул, которые являются клетками организма.

К невыносимо сложной работе над человеческим мозгом были привлечены квантовая механика и электронная оптика, которые буквально вгрызались в пласт секретов, скрывающихся под основными качествами жизни и вообще материи.

Вдруг послышался шум, сбивающий с толку и отвлекающий разум ученых от глубоких размышлений. Процесс на микроскопическом уровне был нарушен.

Доктор Даниэл Ховелер, исследователь, отвел напряженный взгляд от глазка микроскопа и поднялся со стула своего рабочего кабинета. Досадно обрывать дело! Но его раздражение быстро сменилось удивлением. Через центральный вход основного отсека главной лаборатории вбежала женщина. Даниэл никогда не встречался с ней воочию, но узнал сразу: знаменитая леди Дженевьев Сардо.

Молодую, маленькую леди Дженевьев, одетую в белые оборки, сопровождала небольшая, но довольно шумная группа лиц. Это был очередной отряд посетителей — десять человек. Они остановились, едва вошли в огромную, как спортивное поле, комнату со слишком высоким для космического корабля потолком. В комнате слегка отражалось эхо, повторяя любой звук.

Перед людьми предстала сцена странного беспоряд-

ка. Штат лаборатории уделил не более десяти минут подготовке к посещению леди.

Ховслер, узнав об этом, еще пуще раздосадовался, что сотрудники суетились, не поставив его в известность.

Когда же знаменитость остановилась, оглядываясь вокруг себя, суматоха в лаборатории улеглась. Доктор Ховелер сразу отметил для себя: если весть о прибытии леди Дженевьев вызвала волнение, оттого и беспорядок, то ее присутствие охватило потрясением десяток работников.

За время, в которое можно сделать три-четыре вздоха, лишь один звук нарушил тишину: шум, создаваемый оборудованием, решающим различные задачи и эксперименты.

Незаметно пара рабочих покинула свои места и незаметно стала искать возможность связаться по внутренним каналам с начальником.

Было от чего волноваться! После объявления о женитьбе премьер-министра Дирака на леди Дженевьев не прошло и месяца, а эта личность, появившаяся неизвестно откуда, стала самой заметной политической знаменитостью в обитаемом мире семидесяти десятков солнечных систем. «Месяц назад,— думал Ховелер,— лишь немногие в этой комнате узнали бы ее лицо, ей бы уделили внимания не более, чем любому случайному посетителю. А сейчас сотрудники стоят, замерев в ее присутствии».

Очевидно, стараясь как-то разрядить обстановку, леди завела непринужденную беседу, обращаясь со словами приветствия. Манера была хорошо заучена, но плохо отрепетирована. Выдающаяся посетительница улыбалась и говорила, говорила. Но так тихо, что ее уже не было слышно в нескольких метрах.

Ховелер ненадолго вернулся к своему микроскопу, чтобы убедиться, что несколько минут перерыва не нанесли особого вреда его работе. Затем вернулся и сделал несколько шагов в сторону леди Дженевьев, чтобы лучше рассмотреть ее и послушать. И вдруг почувствовал, что появилось какое-то ощущение защиты от ее присутствия.

Одна из женщин, окружавших знаменитость, была ростом выше леди Дженевьев, увереннее, обладала более звучным голосом. Ховелеру она показалась знакомой. Во всяком случае, лицо ее часто можно видеть на экране в качестве агента на телевидении. Это она сопровождала свою клиентку через люк. А сейчас стояла рядом, была настороже. Профессиональная улыбка и сверкающие глаза хищника, готового защитить девушку. Остальные мужчины и женщины, незванные гости, обвешенные аппаратурой, своим решительным видом показывали, что готовы сделать предметом истории запись каждого незначительного слова леди, каждого ее жеста.

Подборка новостей, запечатленная сегодня, будет переброшена со сверхкурьером со скоростью, превышающей скорость света, за несколько дней на сотни кубических световых лет в соседние миры.

Сообщения пересекут Галактику, как только журналисты дадут им ход.

Премьер Дирак не хотел ограничивать свою власть и влияние лишь на несколько десятков планет.

Ну, а в лаборатории... Наконец-таки появилась начальница, а точнее сказать заведующая лабораторией Анюта Задор. Высокая, темноволосая. Немного застенчивая. Она вышла из-за стеллажа с оборудованием, чтоб открыто поприветствовать важную гостью из политических кругов. Ясно, что и ей не хватило подготовиться как следует к приему: она была небрежно одета, в халате, в поношенных и шаркающих туфлях.

Задор была так же молода и похожая на девочку как леди Дженевьев. Но выглядела несколько старше, поскольку имела более крупную фигуру и не носила никаких украшений. Полные губы и темные волосы намекали на ее африканских предков, а удивительно голубые глаза указывали на ее северо-европейскую родословную.

Действительным начальником лаборатории являлся босс Задор, доктор Нарбонезис, находившийся на конференции за пределами системы — лишнее доказательство, что визит леди Дженевьев — полная неожиданность.

Доктор Ховелер с легкой тревогой наблюдал, как исполняющая обязанности начальника лаборатории смело выступила вперед в своих поношенных туфлях, ловко протянула руку и от имени сотрудников приветствовала леди.

Важная гостья ответила тем же. Лишь слабый голос выдавал неопытность. Леди Дженевьев добавила, что она и ее муж испытывают чувство гордости, что делают персональный вклад в великую работу этого сооружения.

Вполуха Ховелер слушал шаблонные фразы. Далее пошел обмен мнениями, что было подсказано агентом прессы: необходимо дать информацию другим мирам. И дело коснулось того факта, что орбитальная станция является одним из важных объектов подготовки и, в конечном счете, создания одной огромной или нескольких колоний, задачей которых станет распространение человечества земного происхождения и гарантия его будущего.

У Ховелера появилось ощущение, что леди Дженевьев говорила автоматически, что свидетельствовало о ее обучении, где и какие произнести фразы в качестве политических сообщений.

Анюта Задор воспользовалась паузой и вернулась к прежней теме:

— Я правильно поняла вас, леди Дженевьев, что сегодня вы прибыли к нам, чтобы сделать персональный вклад?

Маленькая головка с медно-каштановыми локонами согласно закивала:

— Да, правильно. Мой муж, премьер Дирак и я решили отдать нашего первенца, чтобы пополнить ряды будущих колонистов. Я прибыла сюда для этого.

Новость, вызвавшая неподдельное удивление собравшихся. И еще леди сообщила, что сам премьер прибудет к ней сюда, в Иматранскую систему, через несколько дней и пробудет примерно месяц.

Лабораторное оборудование продолжало свой нетребовательный полифонический шепот.

Ховелер и каждый из присутствующих мог без уси-

лия, в иллюминаторы, увидеть недалеко внизу планету Иматра — зеленую от растительности, с точками маленьких озер, линиями каналов. Это карта земли, окруженная черным звездным небом, раскачивалась над иллюминатором, закрепленная в двух точках. Ну а где «низ» и «верх» — зависело от тяготения на орбитальной станции.

Потом леди Дженевьев, получив очередную подсказку агента прессы, спрашивала Анюту Задор, как долго ее рабочие и очень впечатляющая лаборатория находятся в этой системе, что интересного, по их мнению, на Иматранских планетах? «Эти планеты,— добавила леди с неумелой неискренностью,— входят в число немногих, особенно полюбившихся премьеру звезд и планет во всей Вселенной».

Задор, которая уже полностью пришла в себя, вежливо привела несколько мало значащих фактов. Ну а лаборатория в Иматранской системе запланирована на несколько месяцев, возможно, на год.

После подтверждения леди Дженевьев о подарке лаборатории Анюта Задор обменялась мнением с двумя *ближайшими помощниками*, среди которых Ховелер — по специальности больше биоинженер, чем медик. Рабочие задвигались спешнее. Началась скрытая техническая подготовка, необходимая для того, чтобы важная гостья во время пребывания на лаборатории не ощутила никаких неудобств.

А тем временем двое младших сотрудников стали перешептываться. Это было недалеко от Ховелера, но они не заботились, что доктор их услышит.

Один сказал:

— Очевидно, их бракосочетание выходит за рамки программы.

Среди циничных политических обозревателей ходили предположения, что последние свадьбы премьера не запланированы.

— Да! Настоящее политическое событие, не больше.

Союз двух неравных фамилий, а точнее, династий, стал главной мишенью для одних группировок и про-

клятьем для других. До такой степени был поспешно заключен этот брак.

Ховелер слышал, как другой сотрудник сказал, что династическая пара в первый раз познакомилась лишь за несколько дней до свадьбы.

А вот программа колонизации, в которой лаборатория играла существенную роль, долгое время чувствовала покровительство самого Дирака и группировок, его поддерживающих. Многие называли премьера даже главным архитектором проекта.

Вклад же леди Дженевьев мог увеличить поддержку в определенных кругах сотрудников биолаборатории, а в целом — всей программы колонизации. Даже если эта акция вызовет сопротивление других кругов. Правда, доктор Анюта Задор мысленно отогнала эту идею.

Пока шли закулисные приготовления к событию, леди Дженевьев и Анюта Задор продолжали официальную беседу.

Агент прессы уже делала свое дело. В виде распечаток распространяла содержание программы посещения леди Дженевьев Иматранской системы. Сама леди сожалела, что не может провести достаточно времени на борту станции. Ей хотелось бы, но... Так, во всяком случае, доктор Ховелер понял ее усталый лепет и слова, которые вскоре стали невнятными.

Некоторые из окружения леди ненавязчиво торопили медиков и техников, ссылаясь на то, что их маленький корабль находится в тамбурном отсеке, а следующая остановка по графику не более чем через час.

Сама леди выглядела усталой. Странно, но именно это стало вызывать у Ховелера чувство симпатии к гостье. Высокий рост доктора позволял через головы внимательней разглядеть леди. Она храбро сохраняла самообладание. И это все несмотря на затянувшееся техническое приготовление к решению основного вопроса.

Ховелер понимал, почему подготовка требовала времени. Среди проблем, которые надо было решить, и выбор операционной, где пройдет процедура, и поиск хирурга для контроля операции: извлечение зиготы из матки и ее сохранение всегда выполняла машина. Робо-

ты-специалисты, техника, оживленная опытнейшими системами, действующими независимо от прямого человеческого контроля... Все превосходило даже самых опытных живых хирургов. Прежде всего — в точности и надежности.

И вот Ховелер заметил, что из комнат, находившихся с одной стороны лаборатории, выбрали операционную. Когда приоткрылась дверь камеры, которая имела кубическую форму, он мельком увидел прибор, похожий на седло — это часть робота-специалиста.

Наконец, один из помощников доктора Анюты Задор робко сказал леди: «Все готово». Молодая жена премьера с усталой улыбкой заявила окружающим, что собирается ненадолго исчезнуть. Дескать, несколько минут будет находиться на частном приеме у машин. Возможно, под контролем тщательно выбранного оператора. Похоже, что эту задачу взяла на себя доктор Анюта Задор, которая сразу же пошла вслед за леди.

Досточтимая гостья, которую учтиво сопровождали в нужном направлении, проходя через большую дверь, через которую появилась в лаборатории, выглядела трогательной, смущенной и растерянной. Ховелер слышал тихий шепот кого-то из сотрудников и понял, что у многих леди вызывала жалость.

Когда Дженевьев Сардо скрылась за дверями, представители прессы, расположившись неподалеку, стали сочинять комментарий к материалу о будущем колонистов. Все сразу записывалось.

Ховелер, покачав головой, отправился к своему рабочему месту. Он уже не мог освободиться от мысли о безумии мира и не делал попытки продолжить свой труд, пока лаборатория не очистится от посетителей.

Откинувшись на спинку стула, он с легкой улыбкой наблюдал за операционной. Ему словно хотелось заверить последнего донора, что медицинское оборудование сработает четко и быстро.

Так и вышло. Без каких-либо осложнений. Из комнаты появилась улыбающаяся Дженевьев Сардо — без сомнения, любимая жена премьера.

Доктор Задор осталась в операционной. Ховелер

понял, что она у приборов, чтобы убедиться, что в последний момент не произошло сбоя.

А знаменитая гостья в своем чистеньком белом платье, которое, казалось, и не снимала, была вовсе не похожа на человека, только что подвергшегося неприятной процедуре. И снова полился разговор.

Бразды беседы взяла в свои руки агент прессы, а Дженевьев ограничивалась краткими репликами согласия.

Биоинженер Ховелер, наблюдая за леди, сделал вывод: «Растерянность». Слово, которое вроде и не подходило к леди. Но похоже, что она как бы потеряла почву под ногами.

И все же оставалась привлекательной. Молодая маленькая женщина чем-то напоминала эльфа, а ее лицо и цвет кожи говорили о смеси европейской и индонезийской крови — и последняя, скорее всего, преобладала.

Нравилось ли ей, в самом деле, быть на станции? Настолько ли она была счастлива, как не без лести заявляла? Была ли леди от души довольна тем, что сделала такой дар от себя и мужа?

Что ж, возможно. Без сомнения, она была умна. У Ховелера сложилось мнение, что леди трудно было заставить что-либо сделать против ее воли. Но, возможно, это пожертвование частично явилось результатом желания освободиться от ответственности растить собственного ребенка?

Вдруг по лаборатории пронесся шумок. Поднялись и повернулись в одну сторону фото- и кинокамеры журналистов. Остальные зашевелились, чтобы лучше разглядеть событие.

Доктор Анюта Задор — все еще в хирургической маске, чисто символической — улыбаясь, появилась из маленькой операционной. В поднятых руках она держала голубую стеклянную плитку, величиной с ладонь. В ней, по видимости, и находился последний, или скорее, первый колонист, помещенный в капсулу для долгого хранения в живом состоянии.

На этой плитке были нанесены цветные закодированные опознавательные полосы. И исполняющая обязанности начальника станции Задор показала журналистам образец в капсуле — достойный восхищения и увековечивания.

Но неожиданно, когда обстановка на станции разрядилась, центральная установка на станции начала подавать сигналы, что за ними кто-то следит. На эти сдержанные вести мало кто обратил внимание. Но вот Ховелер заметил слабый пульсирующий звук, исходивший от расположенной неподалеку установки объемного изображения — прибора, который находился на середине палубы и напоминал по форме плоский пенек.

Странно, но кроме доктора Ховелера никто не спешил ответить на вызов.

Едва он ответил, электронный голос связи, которая являлась составной частью компьютеризированного мозга корабля-лаборатории, вежливо передал, что для леди Дженевьев есть личное сообщение.

Ховелер:

— Можно немного подождать?

Электронный голос:

— Думаю, это очень важно.

Вежливая настойчивость говорила Ховелеру, что кто-то из приближенных премьера, а возможно и сам Дирак, пытался выйти на связь.

Ховелер:

— Тогда подождите минуту.

Приняв решительный вид, насколько это было возможно, и успешно, но не грубо используя преимущества своего высокого роста, доктор пробился через ревниво сомкнувшуюся толпу до самой леди. На таком расстоянии — где-то в двух-трех шагах — он мог передать все без напряжения и усилий.

Леди устремила на него ясный взгляд, едва Ховелер стал говорить. Привлекательная женщина ответила тихо, что такое поведение не похоже на характер ее мужа, к тому же он находится на расстоянии световых лет. Как он мог что-либо узнать?

Но, извинившись перед собравшимися, леди поспешно подошла к экрану.

Ховелер увидел, как внезапно на дисплее появилось изображение головы и плеч моложавого, довольно плотного мужчины в костюме космонавта с отличительными знаками пилота на расстегнутом воротнике. И все было настолько реально и четко, словно он находился совсем рядом.

Пилот сразу заметил леди и небрежно кивнул ей головой. Это походило на жест, граничащий с самонадеянностью.

Прозвучал его резкий голос:

— Николас Хоксмур, архитектор и пилот, к вашим услугам, леди.

Имя что-то смутно напомнило доктору Ховелеру. Он где-то слышал о Хоксмуре мимолетно. О нем у всех сложилось мнение, как о специальном личном агенте Дирака, но Ховелер ничего больше не знал и никогда его не видел. На дисплее он казался весьма симпатичным.

Глядя на леди Дженевьев, можно было угадать, что она мало знала этого парня. Узнав его имя, леди неуверенно ответила.

Никто, кроме леди и Ховелера, не обратили внимания на разговор. Хоксмур сообщил в нескольких элегантных фразах, что лично говорил с мужем леди Дженевьев всего несколько дней назад. Она сама не видела премьера больше. Пилот передал леди персональное приветствие от Дирака.

— Что ж, прекрасно, Николас Хоксмур, спасибо. Что нибудь еще?

— О, с моей точки зрения, леди, еще очень много,— говорил он спокойно и дерзко.— Вы не интересуетесь архитектурой?

Дженевьев Сардо сощурила глаза:

— Думаю, что очень. А почему вас это интересует?

— Только потому, что я прибыл сюда, в эту систему по приказу премьера для изучения архитектуры системы. Надеюсь, что конечные чертежи колониальных летательных аппаратов сыграют главную роль, когда великий проект начнет работать.

— Что очень важно.

— Да, вы слышали что премьер говорил обо мне,— задумчиво, чуть прикусив губу, спросил пилот.

— Да...— рассеянно ответила леди Дженевьев.— Где вы сейчас находитесь, Ник? Я могу называть вас так же, как премьер? Не возражаете?

— Конечно, можете, моя леди,— в его голосе уже исчезла наглость и самоуверенность, они уступили место более серьезному настроению.

Ник докладывал леди Дженевьев, что находится у пульта маленького корабля, который он использует для работы и по привычке сам управляет.

С появлением леди в лаборатории Ховелер заинтересовался ею. А теперь любопытство выросло еще больше. Он постоянно наблюдал. И безутешно отметил про себя, что вел себя невоспитанно.

Но разве не интересно видеть, как этот выскочка Николас — кем бы он там ни был — и молодая леди Дженевьев все еще глядели друг на друга, а точней, в воображаемые глаза и словно чувствовали, что между ними какая-то связь.

И в этот момент в лаборатории прозвучал сигнал аварийной тревоги.

Ховелер, находящийся в глубокой сосредоточенности, не сразу услышал отдаленный шум.

Леди Дженевьев тоже едва различила незнакомый сигнал. Он показался одним из приглушенных звуков, создающих странный, но нежный фон в этом месте.

Незнакомцу что в этом сигнале? Ведь вся Иматранская система считалась до скукоты надежной. Откуда быть опасности?

И первый сигнал тревоги, дойдя до большей части станции, оказался опасно тихим. Еще минута, и никто в лаборатории совершенно не заметил бы предостережения. Его все же заметили, но приняли за очень несвоевременный пробный сигнал.

И только Хоксмур первым определил, что звуки, которые слышат в лаборатории, верный знак о надвига-

ющейся атаке. Избежать ее было слишком мало шансов, даже если бы и Николас не сообщил об этом.

— Извините,— произнес Ник леди Дженевьев через секунду после звонка, прозвучавшего в лаборатории.

А когда прозвучал второй, его изображение испарилось.

Замешательство прошло.

Леди еще ждала у экрана, раздумывая, что могло вызвать столь неожиданное исчезновение пилота. И была она удивленно-погрустневшая.

Она внезапно взглянула на Ховелера, во взоре ее скрывался молчаливый вопрос. Но затем в нерешительности отвернулась от экрана и решила вернуться к своим дипломатическим обязанностям.

Вскоре, секунд через десять, раздался более громкий сигнал тревоги, сразу нарушивший иллюзорный покой станции.

Такое уже нельзя было не услышать. Люди были раздражены беспокойством, хотя и стали осознавать опасность.

Кто-то спросил:

— Это пробная тревога? С какой стати в это время...

Кто-то тихо ответил:

— Нет. Это не проба.

И через мгновение о крепкий корпус лаборатории ударила волна взрыва. Очевидно, он раздался невдалеке в космосе. Но был настолько сильным, что металл зазвенел, словно гонг. Задрожали генераторы искусственной гравитации. Сотряслась под ногами палуба станции.

Исполняющая обязанности начальника лаборатории Анюта Задор повернулась к внутреннему селектору, чтобы связаться с оптико-электронным мозгом. Обратившись к своей знаменитой гостье, стоявшей с широко раскрытыми глазами, она сказала:

— Рядом взорвался корабль. Боюсь, что это был ваш. Пилот, должно быть, оторвался от станции и отлетел, когда увидел...

Задор запнулась. Леди смотрела на нее, все еще слабо улыбаясь, но не в силах понять, что происходит.

Но ведь и в лаборатории никто не мог понять. Люди,

которые ощутили на себе давление со стороны других, не смогли воспринять страшную правду.

А когда, наконец, до них дошло, все, поначалу выдохнув, замерли, потом началась паника. Паника паникой, а надвигалось настоящее нападение, неслыханное здесь, в Иматранской системе. Наступала угроза всем, кто дышит.

И вдруг кто-то выкрикнул одно ужасное слово:

— Берсеркеры!

Нет, всего единственный берсеркер. Это стало явным из сообщения, переданного громкоговорителем системы связи лаборатории. Голос был неколебимым и громким. Создавалось впечатление, что электроника желает успокоить людей.

Но паника все-таки продолжалась: в каком количестве и в какой форме может придти смерть?

Не успела леди Дженевьев отойти от экрана подальше, как на нем снова явилось изображение Ника. Настойчиво глядя в лицо леди, застывшей от страха, Хоксмур сжато, но уверенно предложил себя в пилоты.

— Моя леди, боюсь, что вашего корабля уже нет. Но мой находится рядом. И совершит стыковку с лабораторией через минуту. Повторяю: я очень хороший пилот.

Леди Дженевьев воскликнула:

— Моего корабля нет?

Николас:

— Корабль, который доставил вас сюда, уничтожен. Но мой готов лететь за вами.

Слова, слетавшие с экрана дисплея, где красовался невозмутимый человек, отличавшийся компетентностью и уверенностью в себе, звучали как приказ леди Дженевьев бежать в определенный тамбур. Ей даже давалось четкое направление, куда двигаться.

— Вы находитесь примерно на середине палубы главной лаборатории, не так ли?

Леди оглядывалась в поисках ответа, растерянно посмотрела на Ховелера, который, сам удивляясь своему спокойствию, кивнул ей утвердительно: «Да, примерно на середине».

Повернувшись к дисплею, леди послушно ответила:

— Да.

Ник продолжал спокойно ее инструктировать. Он собирался произвести стыковку в том месте, где она в это время окажется.

Ей следовало спешить.

Пилот закончил разговор:

— Возьмите всех с собой. У меня есть место на борту. И сотрудников станции заберите. Думаю, будет не так уж много народа.

А Ховелер, хотя и сбитый с толку атакой, вспомнил редкие тренировочные тревоги на борту лаборатории. И в памяти возникали обязанности, которые он должен был выполнять в таких критических ситуациях. Его задача в случае аварии или атаки в основном состояла в том, что он должен контролировать машины, наделенные разумом и выполняющие основную работу на станции. Ховелер нес так же ответственность за своевременное прекращение экспериментов, а так же за хранение инструментов и материалов.

Биоинженер принялся за работу, которая во многом напомнила ему тренировки. И хотя не было необходимости оставаться у дисплея, он все еще не покидал своего места, откуда мог наблюдать за тем, что происходило между супругой премьера и его лучшим пилотом.

Ховелер не упускал возможности наблюдать и за исполняющей обязанности начальника станции доктором Задор, которая в минуту тревоги уже отдавала приказ по самообороне. Она волей случая даже оказалась командующей этой обороны. Несомненно, что она не привыкла к таким трудностям, и Ховелер боялся, что она тоже впадет в панику.

И что-то из опасений Ховелера подтверждалось. Анюта отказалась от предложения Хоксмура, который знал, что делать для их спасения.

С экрана послышалось обращение к ответственным лицам на борту лаборатории, которое доктор Ховелер услышал первым. Это было сообщение с корабля-курьера, как правило, с людьми на борту. Курьер как раз

находился на подходе к станции. Его пилот вызвался помочь в эвакуации с лаборатории, поскольку сама станция из-за громоздкости и тяжести не могла маневрировать.

Корабль-курьер мог прибыть к месту происшествия в считанные секунды.

— Согласны! — решительно ответила Анюта Задор.— Разрешаю стыковку корабля к люку номер три.

Сделав последнюю важную запись на плоской поверхности монитора, что был рядом с Ховелером, метнув на доктора многозначительный взгляд, она как бы сказала: «Это ваша обязанность».

И побежала за леди Дженевьев.

Ховелер видел, как Анюта схватила маленькуд женщину за руку и решительно повела ее не в том направлении, которое рекомендовал Ник, а прямо к тамбуру номер три. В суматохе люди бегали взад-вперед и по лаборатории, и по двум направлениям, вдаль коридора.

Ховелер не успел опомниться, как Задор уже стояла рядом с ним, устремив взгляд на центральный дисплей.

— Хоксмур!

— Доктор Задор? — узнал ее симпатичный пилот.

— Я сейчас отвечаю за самооборону здесь.

— Да, мадам, понимаю.

— Вам не следует приближаться к станции. Другой корабль уже произвел стыковку.

Она бросила быстрый взор на счетчик:

— И может благополучно произвести эвакуацию.

Добавила:

— Без вашей помощи. А вы займитесь противником.

Хоксмур:

— Мой корабль безоружен.

Голос Ника звучал, как никогда, спокойно и уверенно.

Анюта Задор осерчала:

— Не перебивайте! Если корабль не вооружен, вы можете напасть на врага, протаранить его! А?

Не правда ли, странный приказ? Но Хоксмур ответил:

— Да, мадам! — без колебания подчинился воле Задор. И его изображение исчезло с экрана дисплея.

«Аня, какого черта ты творишь?» — хотелось крикнуть Ховелеру, который до крайности удивился, услышав приказ и ответ на него. Ведь это был приказ принять на себя смерть, самоубийство. Ник выразил спокойное согласие. Определенно что-то происходило, что доктор не мог понять.

Но у него не было времени разгадывать такие шарады. У него не было и необходимости понимать и думать, что происходит снаружи лаборатории.

Ховелер и Задор, оставшиеся на посту по долгу службы, да и по совести, обменялись несколькими словами о том, как идет эвакуация. Затем он позволил себе сделать личное замечание Анюте Задор.

— Анюта!

Ее внимание было занято техническими размышлениями, и она, казалось, не слышала Ховелера.

Он обратился к ней еще раз, уже в официальном тоне:

— Доктор Задор!

Она посмотрела на биоинженера.

— Да.

— Вам следует покинуть станцию с остальными. Вы ведь выходите через месяц замуж. Не думаю, что у вас много шансов на то, чтобы... я прекрасно справлюсь один.

— Это моя работа,— в ее голосе заметно раздражение. И она вернулась к дисплеям.

Исполняющая обязанности начальника лаборатории не стала называть по имени своего старого друга и коллегу. Да, только не сейчас.

Ховелер, тщательно убрав свое рабочее место, покинул его. И оказался вскоре в центре палубы, недалеко от поста, на котором находилась Анюта Задор. Согласно инструкции здесь должны стоять два кресла ускорения для них. Но Ховелер смутился, вспомнив, что несколько месяцев назад их убрали по текущей модификации и не

вернули обратно. Считали: зачем, если станция вовсе не приспособлена к маневрам?

Для обеспечения жизни на борту биостанция обладала всеми возможностями для межзвездных полетов. И она посетила большое количество солнечных систем за несколько лет своего существования.

Но на ней всегда стояли очень простые приборы, поскольку для совершения далеких перелетов использовались специальные усилители синхронизирующих импульсов и стартовые двигатели.

Но этот недостаток не казался решающим в создавшемся положении. Ведь любая попытка спастись за счет некоторых преимуществ стала бы для корабля самоубийством: он попал бы в глубокий гравитационный колодец, образованный окружающими его планетами.

Стремительное приближение берсеркера от поверхности планетоида, как выкрикнул один из перепуганных людей, наводило Анюту Задор на мысль, что лучше всего покончить жизнь самоубийством — и следовало попробовать это сделать.

Берсеркер продолжал приближаться на большой скорости. И находился уже в нескольких минутах от планетоида. Кто-то предложил Задор, несмотря на неминуемую гибель, сделать попытку маневра.

Доктор Анюта Задор ответила, как заметил Ховелер, со спокойствием, вызывающим восхищение, что при сложившихся обстоятельствах, даже при наличии мощного двигателя, не стала бы рисковать ни своей, ни чужой жизнью. К тому ж, на борту станции не имелось профессионального летного экипажа.

Никто по простым приборам, установленным в лаборатории, не мог с точностью установить, действительно ли берсеркер — судя по дисплеям, находящийся на расстоянии еще не малом, шел прямо на станцию, хотя его направление упорно указывало на это.

Иматранская система включала в себя две-три планеты, которые были гораздо крупнее и населеннее, чем планетоид, обладала потенциальным урожаем в биллионы человеческих жизней. Эти планеты лежали примерно в одном направлении со станцией, если учитывать путь

берсеркера, но на несколько миллионов километров дальше по направлению к солнцу.

Два человека, добровольно оставшихся в силу долга в лаборатории, уже вполне могли разглядеть изображение берсеркера на экране. Ховелер, вконец завороженный этим, уже не мог больше никуда смотреть. Ведь с каждым моментом все отчетливее вырастала, становилась отчетливей чудовищная фигура. Она вырисовывалась на почти беззвездном фоне туманности Мавронари.

Среди возрастающего шума аварийной ситуации невозможно было использовать даже слабый, действующий на подсознательном уровне двигатель. Силовая установка была в основном предусмотрена для небольших орбитальных маневров. Оттого лаборатория, даже постоянно находясь в движении, не имела возможности спастись от того, кто стремительно надвигался из глубины.

Гораздо больше шансов на спасение имелось у курьера. Он загружался. Еще спасение — корабль Хоксмура. Оба они были быстрые и маленькие, что позволяло отменно менять курсы.

Несколько десятков человек — посетители и сотрудники станции — продираясь через различные палубы и переходы, спешили к кораблю-курьеру, который уже совершил стыковку.

По станции раздался голос маленького корабля, который коротко сообщил о готовности к расстыковке и отлету на полной скорости к планетам, где ожидалась внушительная военная защита.

В коридорах лаборатории все еще не утихал шум беготни и крики: кто-то торопился, да в неправильном направлении. Вот и заворачивали обратно.

Анюта Задор, обращаясь непосредственно к пилоту курьера, не переставала отдавать приказ задержать вылет, пока все, кто хотел, не окажутся на борту.

Пилот:

— Хорошо, хорошо... А вы оба идете? Ведь крайний случай.

Исполняющая обязанности начальника бросила быстрый взгляд на своего компаньона. Ясно!

— Я знаю, что крайний случай, черт побери. Оттого мы и остаемся.

Ховелер ощутил некий трепет гордости, словно она этими словами оказала и лично ему высокую честь. Он не чувствовал страха. К тому ж... По причине, о которой умалчивали, и курьер вряд ли гарантировал безопасность.

Не потому ли Ховелер не настаивал, чтобы Анюта Задор покинула станцию?

Доктор Задор так же не торопила биоинженера спасаться. Было очевидно, что она нуждалась в его помощи и принимала ее.

В коридоре прозвучали последние шаги.

Через несколько секунд курьер отчалил.

На станции остались два живых существа.

Да, два — если не считать тонны голубых плиток, где находились мириады еще бессознательных искр будущей жизни. Этот груз был особенно драгоценным.

Ховелер и Задор молчали.

Бесполезно было о чем-либо разговаривать.

На экране объемного изображения, что находился в нескольких метрах от них, постепенно вырастал образ врага, который несся на стремительной скорости.

2

Никогда еще леди Дженевьев не попадала в такое чрезвычайное положение. Свою еще небольшую жизнь она провела в центральном районе Галактики, где преобладало население земного происхождения. Это было пространство солнечной системы, которое надежно охранялось флотом Темплиеров — межзвездными вооруженными силами — и местными военными сооружениями.

В этом благословенном районе о берсеркерах говорили как о неправдоподобных монстрах, демонах из мифов и легенд.

Ее обручение и свадьба, повлекшие за собой быстрый поток других событий — не страшных самих по себе — незаметно приблизили ее к этому миру легенд. Идя по узкому коридору к незнакомому космическому кораблю, она почувствовала, как об острый локоть толкающей ее журналистки — агента печати — разбилась ее последняя иллюзия.

В том же коридоре сразу оказались десятки людей. Но беготня и суматоха были такие, словно здесь их были сотни. Нет, даже сотни тысяч человек. То, что несколько минут назад представляло из себя собрание цивилизованных людей, быстро превратилось в безумную толпу.

Толпа вначале колыхнулась. И разом превратилась в саму панику.

Позже биоинженер Ховелер вспоминал, как леди Дженевьев быстро выходила из лаборатории. Казалось, что ее окружение проталкивает ее вперед. За дверями леди отправилась в направлении, указанном Анютой Задор, к люку, где ее ждал спасательный корабль.

В это же время недалеко от биостанции, возможно, палубой выше или ниже, послышался ритмичный звук громоподобного клаксона, подобного которому оставшиеся сотрудники никогда не слыхали.

Оба вспомнили, как *молодая жена премьера, выбегая* из лаборатории, сделала попытку обернуться. Телохранитель с силой завернул ее и буквально потащил к курьеру.

Тогда-то леди и выкрикнула: «Мой ребенок!»

Ховелер подумал: «Вдруг сейчас он стал ребенком...» Ведь несколько минут назад этот микроскопический сгусток органической ткани, который был отделен от Дженевьев, являлся всего лишь даром, зиготой или проребенком.

Но леди исчезла. И некогда было больше думать о ней.

Сама Дженевьев, несмотря на материнский порыв, прекрасно понимала, что это чувство лишено всякой

логики: покинуть ребенка и мужа означало для нее не более чем осуществление надежды, которую давно таила.

Но... она, конечно же, не ожидала, что произойдет нападение берсеркера...

Леди понимала, что микроскопическое скопление клеток, скрытое под защитным стеклом, вряд ли могло в большей безопасности находиться в ее маленьких руках здесь, куда бы его не поместили. А там, возможно, оно уже на каком-то складе? И все же леди ощущала желание слегка задержаться.

Но телохранитель ее почти грубо развернул. И с этого момента ее мысли были направлены на одно: выжить!

Никто из людей, толкающихся и восклицающих, не бывали раньше в подобной обстановке. Это было сценой, полной страха и эгоизма. Но на борту маленького корабля хватало места.

Едва последний человек протиснулся в люк, курьер, который, конечно же, как и люди, надеялся на помощь — задраился всеми возможными средствами.

Пилот, чья выдержка, возможно, не соответствовала ситуации, отдавая себе отчет в том, что несет ответственность за столько жизней, в том числе и за свою, не стал ожидать больше никаких указаний. Он оторвался от станции и быстро помчал свой маленький корабль в надежде на спасение.

Десятки людей, испытывая благодарность, толпились на небольшом пространстве для пассажиров. Они стояли и ходили в поле нормального тяготения, которое поддерживалось на корабле. Они заняли все имеющиеся кресла ускорения, обеспечивающие безопасность в случае нарушения тяготения.

Все облегченно вздыхали.

Дженевьев разделяла бурный восторг попутчиков. Она ощущала приподнятость, уверенность в спасении.

Постепенно все успокаивалось. Леди решила обратиться к кому-то из своего официального окружения, чтобы пожаловаться на грубость телохранителя и же-

сткость журналистки. Она не успела этого сделать.

Вдруг послышался новый взрыв.

Предыдущий, который они слышали на станции, не шел ни в какое сравнение с этим. Там что-то произошло на безопасном расстоянии. А здесь... Это было какой-то катастрофой.

Мир для молодой жены премьера расплылся от шока и ужаса.

На какое-то время она потеряла сознание.

Придя в себя, леди Дженевьев оказалась в кабине, где плавал холодный дым в перемежку с туманом, образовавшимся от внезапного падения давления воздуха.

Вспомнив, где она находится, леди оглянулась: где найти скафандр? Увы, не знала.

В шоке, с болью в теле, едва дыша, Дженевьев выбралась из своего кресла ускорения. И только тогда поняла, что тяготение нарушено, оно постепенно уменьшалось.

Зажегся аварийный свет.

Она перебралась на другую сторону взорванной кабины и, как во сне, до леди дошло, что она единственная, кто мог передвигаться. Вокруг плавали тела, которые медленно укладывались при низкой гравитации прямо на палубу. Руки и ноги слабо свисали с сидений.

Дженевьев услышала, как из пробитой кабины со свистом уходит воздух. Он испарялся медленно. Однако, быстрее, чем его могли восполнить запасные резервуары.

Леди двигалась туда, где, по ее мнению, находился отсек пилота. Живого или автоматического, но выполняющего свои обязанности. Хотела обратиться за помощью для себя и других. Но не смогла открыть люк или дверь, ведущую из пассажирской кабины.

На двери находилась маленькая стеклянная панель, через которую мало что можно было разглядеть. А по едва увиденному стало ясно: впереди руины.

Воздух продолжал уходить с тихим завыванием и

свистом... автоматическая система уплотнения тщетно пыталась выправить положение.

Вокруг леди медленно двигались, верней, плыли мертвые, умирающие и те немногие, кто подобно леди освободился от кресел, но сделать больше ничего не мог. Дженевьев заметила, что ни на ком не было аварийной одежды или оборудования.

Где уж продержаться под вселенским натиском пустоты за пределами слабого корпуса корабля?

Оборудование работало рывками. Это слышалось в отсеке, куда были заперты леди и ее попутчики.

Откуда-то, наконец, послышался голос автопилота, сделавший попытку успокоить всех, но вскоре замолчал. Затем опять дал о себе знать. Но и это было сущим идиотизмом: голос звал всех покинуть свои кресла и прийти на обед.

Дженевьев пыталась заговорить с кем-либо, подающим признаки жизни, ухватиться за них своими больными руками. Тщетно. Никакой реакции.

Она испытывала боль от каждого вздоха. Отталкиваясь от одного кресла к другому, поняла, что шок у нее возрастает. Обратиться не к кому. Ее телохранители и помощники, а так же журналисты мертвы. Похоже, что среди еще дышавших пассажиров, способных издавать хотя бы стоны, она одна передвигалась самостоятельно.

Леди Дженевьев уже стала привыкать к мысли о смерти. Вдруг до ее ушей дошел новый звук. Она открыла глаза, сжав кулаки, и думая, что этот звук померещился. Однако ж, не бред... Ей не кажется. Разрушается корабль, терпящий бедствие?

Словно ниоткуда пришла мысль: перед лицом смерти считает, что отказ от ребенка — ошибка. Если бы она не думала это делать, сейчас не оказалась бы здесь. Сидела бы дома.

Звук повторился. Да нет же, не шум рушащегося корабля.

Кто-то или что-то пытается пробиться на корабль извне.

Чуть позже она, пытаясь сосредоточиться вопреки ощущению, похожему на опьянение из-за кислородного голодания, расслышала трение между двумя кораблями. Кто-то осуществил стыковку.

Пробравшись почти в полной невесомости к иллюминатору, она увидела маленький корабль, который пытался догнать их пострадавшее судно и был уже довольно близко.

Тот же звук. Совсем близко. И что-то похожее на вспышку света. Кто-то или что-то пробивается сквозь металл.

И внезапно его разорвало. Но это не вызвало смертельной для жизни потери воздуха. Она, леди Дженевьев, чуть не потеряла сознание от сильного потрясения, поскольку перед ней предстала не смертельная машина, а скорее — человеческая фигура в скафандре, которая вдруг заговорила с ней по-человечески. Успокаивающе.

Дженевьев испытывала не только потрясение, но и сильное головокружение от потери кислорода: давление в кабине упало до опасно низкого уровня. Тело женщины было покрыто царапинами и кровоподтеками. Но она смогла проскользнуть своим почти невесомым телом через заполненную дымом кабину и поцеловать лицевую панель своего спасителя.

Но то, что леди увидела за шлемом, хотя, возможно, ей изменяло зрение, *заставило на мгновение ее глаза* широко раскрыться.

В ответ на ее поцелуй в шлем, спаситель почувствовал замешательство. А затем он нежно обнял ее руками в доспехах. Голос, звучавший из динамика скафандра, напомнил голос, слышанный ею с экрана дисплея в лаборатории.

Голос:

— Николас Хоксмур, моя леди, к вашим услугам.

Освободившись от объятий, она нетерпеливо спросила:

— Вы можете меня забрать отсюда? Видите, у меня нет костюма. Похоже, что на борту нет и скафандров.

Ответ:

— Все в порядке, леди. Конечно, я вас спасу. Потому что...

И — о, ужас! — в это мгновение раздался резкий взрыв, уничтоживший ее заново спасенную жизнь, ее мир.

Доктор Ховелер и Задор, завершая систематизацию экспериментов и материалов, часто отрывались от работы, чтобы посмотреть на экран дисплея: что же творится за пределами станции?

Между этими наблюдениями оба следили и за роботами, которые обслуживали жизненные системы лаборатории. Но что сделать для ее защиты? Ведь она проектировалась не для военных целей, посему и была безоружной, беззащитной.

Несколько раз наблюдатели, то есть, Ховелер и Задор выражали надежду, что курьер убрался восвояси. Но вестей от него никаких.

Иногда Анюта Задор, оторвавшись от выполнения своих обязанностей, пыталась вслух раздумывать, добился ли какого-нибудь успеха Николас Хоксмур, выполняя ее приказ пойти на таран. Ховелер и сам хотел бы знать, да вот откуда же узнать?

По его мнению конечный результат атаки берсеркера мало зависел от Хоксмура. Каковы бы ни были его возможности, на поверхности планеты Иматра находились сильные вооруженные объекты, и орбитальная станция совершала свой полет в зоне их действия.

В космосе появились два вооруженных корабля, посланных против наступающего противника.

Наземные батареи и корабли с экипажами на борту, как подтвердили поздние записи, храбро отражали бешеную атаку.

Но события показывали, что и единственный враг был слишком силен. Защитники беспомощно наблюдали, как берсеркер безо всякой задержки и промедления, на предельной скорости шел по явно просчитанному неуклонному курсу — наперерез биолаборатории, быстро вращавшейся по орбите. И меньше чем через минуту враг оказался рядом с ней.

Ховелер еще раз беспомощно глянул на экран дисп-

лея и увидел, как от несущегося на них образа смерти отделились маленькие фрагменты. Он решил, что берсеркер спустил свои маленькие корабли. А может, ракеты? И удивился, что перед угрозой уничтожения, его так интересуют детали.

Никто на станции не знал, что наземные силы обороны планетоида, совершая все возможное, уничтожили несколько маленьких машин врага, применив сильнейшие лучи энергии, разрезающей и разрывающей космос. Но после того, как наземные батареи открыли огонь, их заставило замолчать еще более мощное оружие врага.

Вскоре разлетелась на куски первая пара кораблей, пытавшихся отвлечь противника. Они превратились в растущее облако из металлического пара... В перемежку с веществом органического происхождения.

В Иматранской системе осталась еще одна пара военных кораблей, но лишь один оказался рядом с ареной битвы. В позиции, близкой к атакующему. У экипажа и капитана хватало мужества. Этот последний живой защитник смело ворвался в поле досягаемости и ввязался в драку, направив свои орудия против гигантского противника и маленьких его кораблей или космических машин, используемых для нападения.

Но, казалось, ни одно оружие людей не могло принести какого-либо повреждения огромному берсеркеру, хотя и невозможно было точно определить результат атаки.

И уже не оставалось никаких сомнений по поводу первостепенной цели врага. Огромный корпус берсеркера — со смутными очертаниями почти сферической формы — окруженный сверкающей энергией своих защитных полей, легко остановился в нескольких сотнях метров от биолаборатории, загородив станцию и... плавно повторил резкий поворот маленького объекта на орбите.

К этому времени Ховелер покинул свой пост, выполнив совершенно бесполезные инструкции.

Аня, увидев, что он уходит, резко крикнула:

— Куда?

Он бросил через плечо:

— Я вернусь.

Он решил, что будет лучше, если Задор не будет знать, что собирался делать.

Покинув лабораторию, Ховелер поднялся на быстром лифте на палубу, где находилось оборудование, составляющее оптико-электронный мозг станции. Анюта Задор вновь позвала его, требуя ответить, куда он идет, но Ховелер отказался сказать. Считал, что он каким-то образом обезопасит ее от мести берсеркера, если не посвятит в свои планы.

А в планы его входило уничтожить код, с помощью которого мозг станции сохранял следы многочисленных запасов плиток, в которых находились зиготы.

Доктор Задор продолжала звать Ховелера по внутренней связи, а он пробирался к камере, где находился мозг станции.

Наконец, ответил — коротко и уклончиво, со смутным и, возможно, неоправданным страхом, что враг мог услышать его.

Система внутренней связи автоматически следила за его движением. От палубы к палубе Ховелер и Задор поддерживали свое общение.

Оба ничего не желали, кроме быстрой смерти.

Остаться в живых предвещало более страшную участь.

— Дэн, он там, в двухстах метрах от нашего корпуса! Дэн, что ты делаешь?

Возможно, она подумала, что Ховелер пытается спрятаться или спастись.

Он же ни о чем не думал, пока Анюта Задор звала. Ховелер должен напрячься, потому что добрался до маленькой комнаты, куда стремился.

Открыл дверь.

И лишь тогда решил объяснить своей партнерше положение:

— Аня, я не прячусь. Я ищу зиготы.

— Ищешь их? — в ее возгласе ощущалась полная паника.

— Аня, ты не спрашивала меня, почему мы еще живы? А я скажу. Потому, что берсеркеру нужно то, что у нас на борту. Он хочет захватить что-то, не повредив. Думаю, что это наш груз.

— Дэн! Пластинки...,— ее голос сорвался.

Они давно жили, думали и боролись вместе. Иногда спорили по мелочам. Но были убеждены в одном: генеральный колониальный проект будет иметь успех.

Оба посвятили себя сбережению зародышей человеческой жизни, надеясь когда-либо внести вклад в развитие новых судеб.

На мгновение внутренняя связь замолчала.

Ховелер отчаянно трудился у компьютера, вводя команды и пытаясь вспомнить ту часть мозга корабля, которая имеет дело с каталогом груза, чтобы не повредить другие функции. Он быстро просматривал цифры на мониторе и вызывал на объемном экране огромные данные запоминающих устройств о зародышах людей. Они хранились в разных камерах. На разных палубах. В разных бункерах.

Однажды в голове промелькнуло горькое: для зародышей было большой милостью, что они не чувствовали ни боли, ни страха.

Ховелер стоял, нерешительно уставившись в изображение бункеров и кабин, где хранились будущие колонисты.

Вызывая изображения на экране, он изучал хранилища пластинок. Ряд за рядом. Ящик за ящиком. Портативные складские приборы были на редкость прочными — и на разрушение, и на сопротивление.

Вспомнилось о подаренном зародыше премьера. Аня положила пластину на крышку его консоля, но вот после этого он уже ничего не помнил. Если бы события развивались нормально, то одна из машин должна была подобрать пластину и быстренько определить ее на склад. А теперь... Ах, и вообще, бесполезно вообще думать об этом. Как бы он ни старался, времени не хватит выполнить задумку.

Однако шли и шли минуты в соседстве с причалившим чудовищем, а они — Ховелер и Задор — продолжали жить. В чем дело? Почему?

И верно: почему? Неужели оттуда не видели, что Ховелер умно и искусно пытается нанести повреждение. Преднамеренное. Необратимое для всей думающей части оборудования.

А жизнь все продолжалась.

По неизвестной причине смертельный удар откладывался.

Разрушитель, столь могущественный, обращался с безоружной и беззащитной лабораторией очень осторожно.

Но что-то ужасное должно же случиться?

И началось.

Вместо уничтожения послышался звук глухого со скрежетом удара. Страшный и знакомый.

Ховелер торопился завершить то, что начал. Послышались новые удары. Словно какой-то маленький корабль или машина, очевидно, агент берсеркера, пытался совершить стыковку с лабораторией.

При страшно ограниченном времени и минимуме приспособлений уничтожить большую часть пластин — такая же невыполнимая задача, как и их спасение. Поэтому Ховелер сосредоточил свое внимание и усилие на том, чтобы безнадежно запутать опознание образцов.

А жизнь обоих продолжалась.

Было похоже, что берсеркер действительно не собирался их убивать.

Ховелер пытался обдумать причину такой милости, но пришел к выводу: она ужасна.

Было очевидно, что их решили уничтожить не сразу. Но проклятые машины планируют захватить зиготы с искусственными матками и вырастить из них полезных рабов и помощников.

А Аня Задор слушала спокойный голос робота связи станции, сообщающий, что кто-то совершил точную стыковку у тамбура номер два.

— Открыть люк? — спросил все тот же спокойный голос.

Она и не подумала отвечать. Не было необходимости. Тот, кто находился снаружи, не ждал вежливого приема. Тамбур представлял стандартную модель, не предназначенную для сдерживания атаки. И вскоре его открыли без мозга корабля.

Враг открыл люк. И в главную лабораторию шагнули четыре машины ужасного вида. Шли на приспособлениях, похожих на ноги.

Анюта Задор закрыла глаза и, ожидая гибели, остановила дыхание... А затем, не выдержав, с содроганием опять задышала. Открыла глаза и увидела только одну машину, которая молча смотрела на Анюту, направив на нее свои окуляры. Остальные куда-то разошлись. Должно быть, по лаборатории. Или вернулись в коридор. Но только не обратно в тамбур. Задор услышала бы звук открывающейся двери.

— Выполняй приказы,— посоветовала ей машина голосом, не намного отличающимся от голоса связи станции.— И ты останешься цела.

У Анюты не хватило сил ответить.

Задор не могла заставить себя говорить.

— Понятно? — настойчиво произнесла машина.

Она подкатилась ближе и остановилась не более, чем в двух метрах от Задор.

Произнесла:

— Ты должна подчиняться.

— Да. Я... Я понимаю.

Она облокотилась на пульт управления, чтобы не упасть от ужаса.

Машина:

— Сколько людей на борту?

Задор:

— Больше никого!

Смело выпалила, не подумав о последствиях.

В лабораторию вернулся еще один захватчик. И спросил требовательным голосом:

— Где находится управление кораблем?

Задор должна была подумать. Ответила:

— Управление кораблем палубой выше.

Только что вошедшая в лабораторию машина вновь покинула свое место.

Ховелер продолжал неистово, но четко работать. Он не хотел оставлять никаких следов вторжения. Поскольку невозможно было уничтожить груз — кроме того, он не был уверен, что смог бы это выполнить — Ховелер решил лишить берсеркеров возможности использовать его в своих экспериментах.

Убедившись, что главное выполнено, задумался: что делать дальше? Хлоднокровно покончить с собой? Вряд ли сумеет. Найти берсеркера и сдаться? Вернуться на свой пост, где скорее всего уже мертвая Аня?

Если спрятаться, то можно немного протянуть время до захвата или смерти. Смотря сколько машин отправил берсеркер на борт лаборатории. Если захватчиков мало, можно скрываться. Можно воспользоваться и тем, что враг не знает внутреннего расположения станции.

Форма же лаборатории напоминала цилиндр. Двенадцать палуб или уровней для работы, складов, жизни экипажа. На станции достаточно места, чтобы экипаж и машины могли свободно передвигаться.

Сооружение спроектировано и построено как учебное судно. Оборудовано надежной установкой искусственной гравитации и техникой, включая десятиметровый куб для проведения исследований в условиях, приближенных к реальной жизни.

Ховелер вспомнил, что конструкторы вышли из милости премьера Дирака примерно год назад, потому что он постоянно разочаровывался в их работе.

Вот почему Николас Хоксмур прилетел сюда.

Чтобы окончательно завершить задуманное, Ховелер должен был перейти с палубы на палубу. Он боялся, что смертоносные машины берсеркера уже на борте станции и смогут заметить его присутствие. Это если воспользоваться лифтом. Впрочем, если они проникнут во внутрь,

то все равно его отыщут. Но надо рисковать.

Осторожно выбравшись из комнаты, в которой он находился, Ховелер закрыл за собой дверь и на цыпочках отправился по кривому коридору к ближайшему трапу.

Самый кратчайший путь к его следующей цели пролегал через палубу, где было установлено большинство механических маток.

Ховелер вдруг замер, глядя направо. На другой стороне палубы, где-то метрах в сорока, он неясно разглядел между рядами молчаливых машин, вынашивающих жизнь, совершенно незнакомую металлическую фигуру. Похоже, берсеркер установил здесь охрану.

Ховелер же не мог оставаться на одном месте целый день и ждать, пока его схватят. Он обязан двигаться. Может, слабого шума струящегося воздуха и работающего электричества достаточно, чтобы заглушить легкий стук мягко обутых ног о пол? А может, машины, стоящие на пути, помешают берсеркеру увидеть его? Во всяком случае, Ховелеру удалось дойти до следующего трапа и соседней палубы наземеченным.

Приложив некоторое усилие, он смог пробраться в соседний отсек, где могли быть восстановлены записи системы. Закрыл дверь и принялся запутывать ту систему, что относилась к центральному складу.

Ховелеру показалось, что звук работы с инструментами выдал его присутствие. Не прошло и двенадцати секунд, как одна из оказавшихся на борту станции машин толкнула дверь маленькой комнаты и схватила его на месте преступления.

Ховелер надеялся на быструю смерть, но его мрачные надежды улетучились. Многорукая машина, стараясь как можно меньше нанести ему ушибов, потащила назад в лабораторию.

Он и Анюта Задор вскрикнули, увидев друг друга живыми.

Машина, тащившая Ховелера, освободила его. И два человека бросились в объятия.

Момент смерти, какой бы угрожающий она ни была, почему-то откладывался. Вместо того, чтобы полностью уничтожить беззащитную станцию или безжалостно распотрошить ее, гигантский противник зажал ее внешний корпус силовыми полями. Это могли наблюдать пленники, имея доступ к объемному экрану. Он начал менять направление движения лаборатории. Корпус от непривычного давления издал странный плачущий звук. Затем все стихло.

Минуты плена тянулись, словно отделенные от самого времени. Уставшие от напряжения веки опускались — Ховелер и Задор попытались отдохнуть. «Последняя возможность отдыха»,— мрачно подумал Ховелер.

Гравитация еще работала стабильно, тормозя и гася ускорение, которое появилось в связи с новым движением, навязанном извне. Люди внутри не чувствовали, что их тянут на буксире.

Удивительно, но берсеркер, казалось, не обращал внимания на случай саботажа Ховелера. Пока высадившиеся на борт машины не наказывали его, не угрожали и не задавали вопросов. Оба человека находили поведение захватчиков вполне приличным. Берсеркер, не делавший ничего худого, возможно, готовился к чему-нибудь худшему.

Немного отдохнув, Ховелер и Задор стали совещаться. Сами не замечая того, они обращались друг к другу шепотом. И это несмотря на то, что их металлические враги, стоящие неподалеку, почти наверняка могли различать звуки более тихие, чем те, какие могло уловить человеческое ухо.

Оба были сбиты с толку, даже странно напуганы, что их не убивают. Кроме того и Анюта и Даниэл имели доступ ко всему, что используется в управлении. Во всяком случае, внутри лаборатории.

Правда им не разрешалось манипулировать команда-

ми, оказывающими влияние на весь корабль. Но ни Ховелер, ни Задор с тех пор, как их притащили в лабораторию, не покидали ее.

И все же Даниэл, несмотря на страх, молча поздравил себя с тем, что действительно в основном смог пробраться в систему хранения груза. Вот только не посмел сказать Анюте о таких своих достижениях. Не думал он говорить с Задор — в присутствии берсеркеров — о том, что могло случиться с последней подаренной зиготой.

Доктор Задор тоже ничего не сказала о его отсутствии и насильном возвращении сюда. Но примерно через час, когда она почувствовала возможность задать Ховелеру вопрос, обратилась к нему красноречивым взглядом: «Где ты был?»

Он тоже взглядом дал понять Анюте, что понял ее тревогу, но не знает, каким образом подробнее ответить.

Но как ни старались они отвлечь друг друга от насевшего страха, их мысли неизменно возвращались к зыбкости и опасности положения, в котором оказались.

У Дэна Ховелера не было своей семьи — и за это он сейчас благодарил судьбу. «А вот Анюта...» — скорбно думал он. Его спутница по несчастью, когда сидела с закрытыми глазами, возможно, думала и о мужчине, за которого собиралась замуж.

Ховелер тайком нашептал ей предположение, как спастись, но оба грустно понимали, что это вряд ли реально.

Прошло несколько часво. Захваченная пара все так же шепотом успела обменяться несколькими фразами. И решили попытаться покинуть лабораторию. Пойти в свои кабины. И к их удивлению, никто не помешал Ховелеру и Задор выполнить задуманное. Нет, не потому, что берсеркер забыл о своих пленниках — две машины проводили их из лаборатории и тщательно проверили кабины перед тем, как разрешить войти туда их обитателям.

Стража, находящаяся в отсеках, позволила людям отдохнуть. Ховелер, раскинувшись на кушетке, вскоре задремал.

Отдохнув, хотя и в присутствии стражи, сотрудники биолаборатории вернулись на рабочие места. Они с любопытством пытались выяснить обстановку. Иллюминаторы и возможность использовать объемные экраны позволили получить некоторую информацию.

Анюта Задор заговорила первой:

— Ты прав, без сомнения. Мы на буксире.

Ховелер шумно вздохнул:

— Не уверен.

— Я вроде тоже... Но скорее всего нас действительно тащат на буксире. Всю станцию. Ее корпус, или большая часть корабля окружают силовые поля. Они похожи на слабый серый туман, который просматривается только под определенным углом.

Они заново настроили экран и наблюдали. Их надсмотрщики сохраняли загадочное молчание.

Задор произнесла:

— Дэн, это не имеет никакого смысла.

— Знаю.

— Куда они нас тащат?

Ховелер пожал плечами:

— Похоже мы удаляемся от Солнца. Медленно, но настойчиво увеличивается скорость. А поскольку у нас нет никакой связи с человечеством, нельзя решить и предпринять ничего определенного.

Время бессвязно тянулось. Люди сидели и стояли, испытывая ужас, который медленно переходил в состояние, напоминающее нездоровое спокойствие. И все ожидали, ожидали... Что с ними будет?

Затем и у Ховелера стало угасать ощущение маленького триумфа, что он успел проделать с системой складирования. На смену же пришла отвратительная мысль: а если берсеркера и не интересовало точное опознание зародышей колонистов?

В дьявольски отменно продуманном плане врага не имела значения личность человека Солнечной системы и его зародыша.

Машины продолжали хранить спокойствие. Не причиняли захваченным никакого вреда. Берсеркер даже не

возражал против того, чтобы пленники говорили друг с другом. Напротив — как показалось Ховелеру — их специально не разделяли, чтобы позволить свободно беседовать.

И Даниэл не побоялся высказаться вслух:

— Может нам позволяют говорить, чтобы слушать, что нас волнует?

Анюта закивала:

— Мне тоже пришла в голову такая мысль.

— Так что же делать?

— Не знаю... Но что плохого в том, что разговариваем? Мы не владеем военными секретами.

Но ошибкой было бы предположить, что машины-захватчики молча бездействовали. Одна постоянно находилась в поле зрения пленников. Остальные, работая с перерывами, изучали своими приспособлениями систему управления лаборатории, другое оборудование. Ховелер не смог бы ответить: входило ли в их намерение что-либо изменить, или шло заданное исследование?

Но людям было явное послабление. Им даже позволили бродить по станции где угодно, хотя и под присмотром охраны. Ховелер и Задор могли наблюдать за вторгшимися машинами и на других палубах: повсюду рылись в оборудовании. Даниэл даже прикинул, что на борту лаборатории с десяток таких врагов.

Но никто из них не произнес ни единой команды, ни одного сигнала пленникам.

И вот пролетел стандартный день.

Анюта и Даниэл большую часть времени проводили в отменно знакомой им лаборатории. И вдруг, среди тихой беседы, Задор запнулась и подняла изумленные глаза.

Ховелер, проследив за ее взглядом, тоже онемел.

Перед ними внезапно появились незнакомые мужчина и женщина. Оборванные пугала, похожие на жителей Солнечной системы. Пришельцы уставились на Ховелера и Задор голодными глазами.

Даниэлу не оставалось ничего, как прервать тишину:

— Привет!

Незнакомцы не ответили ничего.

Судя по их потрепанным, истощенным фигурам, выражению лиц и глаз, Ховелер быстро догадался, что не дождется от них внятного слова.

Но повторил попытку разговорить. На сей раз появившиеся представились: Кэрол и Скурлок.

Анюта внимательно рассматривала их. И спросила:

— Как вы попали сюда? Пришли... от берсеркеров?

Оба закивали головой. Мужчина пробормотал что-то утвердительное.

Задор и Ховелер глянули друг на друга в ужасе: не таково ли и их будущее?

Чем больше изучал Даниэл пришельцев, тем сильнее брал его страх. Скурлок небрит. Волосы спутаны, грязны. Одежда небрежна. Все нараспашку. Видно, что они давным-давно не переодевались.

Кэрол была босой. Через расстегнутую обвислую рубаху виднелась обнаженная грудь.

Из какого общества бы они ни пришли, чувствовалось первоначальное смущение. Скурлок пытался прикрыть свою полураздетую подругу.

Но, видно, пара эта имела свободный доступ к еде, поскольку остались равнодушны к тому, что предложили им роботы-прислуга на станции по приказанию Задор и Ховелера.

Нельзя было также сказать, глядя на тела незнакомцев, что они подвергались дурному обращению.

Но вот по взглядам, по бессвязным словам, особенно у Кэрол Ховелер мог предположить, что они... да, возможно, они безумны. Очевидно, Скурлок и Кэрол привыкли к присутствию берсеркеров, потому что не обращали на машины никакого внимания.

Ховелер поймал себя на успокоительной мысли, что эта парочка не принесет никакого вреда оборудованию.

Словно это имело сейчас какое-либо значение.

Скурлок и Кэрол расположились в отдельной пустой каюте. Сотрудники лаборатории пришли к общему мнению, что оба пришельца, особенно Кэрол, отличались неуровновешенной психикой из-за напряжения тяжкого

длительного плена. Не потому ли и их разговор внезапно на полуслове обрывался, и следовало долгое молчание?

Анюта попросила их:

— Расскажите, как вас захватили? Где?

Скурлок взволнованно откликнулся:

— Они отняли у нас корабль!

Он упорно смотрел на обитателей лаборатории, словно пытаясь угадать, как они воспримут такую новость.

— Когда это было?

Ни Кэрол, ни Скурлок не могли ответить. Может, скрывали какой-то секрет?

Анюта Задор повернулась к пульту и занялась поиском информации о потерянных кораблях за несколько месяцев.

Был представлен небольшой список того, что исчезло в секторе.

Речь шла, конечно, о космических средствах передвижения.

Кэрол и Скурлок, как это ни странно, не были заинтересованы в поиске, не пытались подсказать. Правда, вспомнили, что работали на маленьком корабле, проводя исследования для Фонда Сардо... Нет, у них никакого представления о том, что мог сейчас делать берсеркер с их кораблем. Они действительно не помнили, когда распрощались со своим судном.

Биоинженеры пытались выспросить, как происходил захват их корабля. Ни Кэрол, ни Скурлок не могли сказать, сколько времени в плену.

Не знали они и то, почему их высадили на лабораторию.

Задор внезапно спросила:

— На борту у берсеркеров есть еще люди?

Она пыталась еще что-нибудь узнать.

Может, кто-либо из «полезных»?

— Мы «полезные»,— четко произнесла Кэрол, со страхом оглянувшись на стоявшую поблизости и слушающую машину. Но отшатнулись только Задор и Ховелер: настойчивость оборванной грязной женщины казалась поистине безумной.

Но и ее спутник согласно закивал головой. Закивал медленно и задумчиво.

— Да, да... А вы?

Помолчав, Анюта произнесла тихо, но твердо:

— Мы не «полезные». Нет.

Машина, стоящая рядом, казалось, ничего не заметила.

Постепенно Скурлок стал приглядываться к новому окружению, в которое поместил его металлический хозяин.

Спросил:

— Что это за место?

Ховелер стал объяснять.

Грязный нечесанный мужчина оборвал Даниэла:

— Интересно, что собирается делать наша машина?

— Ваша машина? Берсеркер?

— Называй их, как хочешь. Нам задали ужасно много вопросов об этом... месте... перед тем, как попасть сюда.

Задор и Ховелер ощутили прилив нового страха.

Кэрол добавила к словам Скурлока:

— Не знаю, какую пользу представляют из себя человеческие зиготы. Тьфу!.. Но нашей машине лучше знать.

— Ваша машина, как вы ее называете, воспользуется вашей же помощью?

Кэрол поспешно согласилась:

— Разумеется, я помогу!

Речь ее становилась ясной и понятной:

— Мы поможем. Пока не знаем, как. Но наступит время, и машина подскажет. Мы же готовы ко всему.

Ее страстно поддержал Скурлок:

— Мы готовы!

Он вдруг запнулся, увидев, с каким отвращением и презрением глядят на него Ховелер и Задор. И уже другим тоном добавил:

— «Вредные»!

Прошептал, давая чувству обильное презрение.

— Мы «полезные»,— снова повторила Кэрол с видом школьной учительницы, но явно находясь в состоя-

нии душевной неуравновешенности.

Задор резко оборвала ее:

— С вами никто не спорит! Хорошо, если вы так говорите. Вы — «полезные»... Думаю, достаточно умело подготовленные.

Ховелер не удержался и добавил несколько грязных эпитетов.

Кэрол дико закричала и вдруг набросилась на Анюту, с безумной силой наваливаясь на высокую женщину, царапая своими обломанными ногтями ее лицо.

Чтобы оградить Задор от телесных травм, Ховелер бросился к Кэрол и так резко ее оттолкнул, что маленькая женщина отшатнулась и упала на гладкую палубу.

— Оставь ее! — Скурлок в свою очередь толкнул Ховелера.

Тот зло ответил:

— Тогда прикажи ей оставить нас!

Перебранка и оскорбления двух сторон постепенно стихли.

Спустя несколько часов наступило неловкое перемирие. У Ховелера и Задор, тихо и спокойно разговаривающих, появилось сильное подозрение, что Скурлок и Кэрол сами нашли в полетах берсеркера, чтобы добровольно наняться на службу.

Ховелер:

— Думаешь, и от нас ждут того же?

Задор:

— Любопытно, подслушивают нас?

— Конечно, подслушивают. Ну и что? Мне наплевать. Может, слушают от нечего делать?

Чуть помолчал.

— Меня больше волнует то... и пугает, что начинаю понимать, как люди становятся «полезными». Ты когда-нибудь думала об этом?

— До сих пор нет.

Временами Скурлок, во всяком случае, так казалось, пытался найти соглашение с другой парой. Кэрол же была слишком не в себе, чтобы заботиться об этом.

Скурлок говорил:

— Послушайте, мы все пленники.

Ховелер осторожно кивал головой:

— Машина говорила, что она собирается делать с нами?

Скурлок страшно улыбнулся:

— Нет! Но и я, и Кэрол будем участвовать в игре. Это единственный способ разобраться в ситуации, подобно этой.

После неожиданного захвата станции все базы, города и поселения на обитаемых планетах Иматранской системы находились в безумной активности. Но было уже бессмысленно и поздно спасать лабораторию.

Весть о ее захвате, об атаке берсеркера со скоростью света долетела до властей, управляющих планетами Солнечной системы.

Новость получили через несколько часов после случившегося.

В направлении разоренного планетоида была выслана посильная помощь.

Следуя военной доктрине, было образовано единое военное командование, под эгидой которого крупные планеты координировали свои усилия.

Внутри системы больше не наблюдалось столкновений — по одной причине: отсутствие в космическом пространстве Иматрана сил, способных противостоять победившему противнику. Захваченную станцию безжалостно и неумолимо, но осторожно и аккуратно уводили прочь.

После налета все, что осталось от вторжения — это умеренное число мертвых и раненых, следы повреждений, короткие и угасающие электромагнитные сигналы, включая световые волны...

Результатом короткого, неистового сражения стало небольшое количество обломков, мертво плывущих в космосе: останки кораблей и маленьких берсеркеров.

3

Во сне, который казался длинным и повторяющимся, перед глазами леди Дженевьев продолжал стоять образ ее спасителя. Фигура в костюме и с защитным космическим шлемом... Высокий, сильного телосложения человек протянул руки, предлагая спасение от гибели, избавление от...

Да, от всего. Кроме страшных снов.

Голос, доносящийся из динамика скафандра, вновь произнес ее имя, только что... как раз...

Леди Дженевьев, находясь на борту погибшего курьера, обрадовалась спасителю. С чувством всеохватной радости подняла руки, чтобы обнять ловкого, счастливого и великолепного Николаса Хоксмура.

Лишь на мгновение он показался нерешительным от удивления. И потом его руки в доспехах нежно обняли леди, осторожно отвечая на ее же объятия.

Потом Дженевьев, освободившись от признательных рук пилота, нетерпеливо спросила:

— Вы можете забрать меня отсюда? Видите, у меня нет костюма. Похоже, на борту нет скафандров.

Опять его голос... голос Ника, голос, который она запомнила еще с экрана... а теперь вот звучит в скафандровом динамике.

— Все в порядке, леди. *Конечно, я вас спасу. Потому что...*

А потом...

Вспоминая последовательность событий — сколько бы времени ни прошло, находясь в безопасном месте, где бы оно ни было, Дженевьев казалось, что взорвался весь мир.

Но и сейчас у нее оставались сомнения, что взрыв, всплывший в памяти, произошел на самом деле. Однако, сцена представлялась реальной и убедительной. Как и впечатление, что после взрыва нечто произошло.

То, что воспоминание о крушениях и взрывах стало отдаленным, несколько успокаивало леди.

Но и возвращало обратно.

В объятиях пилота ее тело, покрытое лишь обрывками белого платья, прижалось к жесткому бесчувственному снаряжению. Оба стояли, окруженные дымом, заполнявшим корабль-курьер.

Затем этот взрыв.

Реальный и убедительный.

И за ним начались видения. Огромный мир необычных снов, переходящих в странную ясность ума, а иногда — в видение, несущее ужас.

И теперь леди переживала неясный, неотступный страх, беспомощное чувство перед надвигающейся смертью, неизбежностью уничтожения.

Слава Богу, проявления ясности и страха были коротки.

И вновь Дженевьев впала в бессознательное состояние. Погружение в темноту, похожую на сон, больше всего напоминало прекращение существования.

Когда она вырывалась из небытия, являлась мысль, что курьер, на борту которого она находилась, разрушен на самом деле. Хотя все казалось таким далеким.

Наконец, до нее стала доходить реальность. Ее теперешнее состояние, приятное окружение доказывали, что она спасена и находится в безопасном месте. Леди занимала кровать, или скорее, узкую койку, которая по некоторым признакам была на борту корабля. В нескольких сантиметрах над ее лицом двигались тонкие, ловкие, явно не человеческие, но страсть как приветливые руки металлического медицинского робота, который ухаживал за ней.

С большим усилием, все еще лежа на кровати, леди Дженевьев слабо заговорила. А заговорила потому, что чуть дальше робота разглядела неясно вырисовывающееся лицо — красивое и мужественное — лицо пилота, который наблюдал за койкой через прозрачный гигиенический щит. Имя спасителя она теперь уже никогда не забудет: Николас Хоксмур присматривал за обессиленной и больной женой премьера.

Говорить ей было трудно. Она задыхалась. Но все же спросила:

— Где я?

Трудности с речью пугали ее. Однако, в душе верила: если она спасена, то трудности со здоровьем обязательно будут преодолены.

Хоксмур быстро наклонился, чтоб успокоить леди:

— Вы в безопасности, на борту моего маленького корабля. Я называю его «Рен». О, я вовремя вытащил вас из курьера.

Ник запнулся. И добавил:

— Вы помните, что произошло там?

— Я помню, как выбралась на курьере из лаборатории. Конечно, как не помнить?

— А меня помните?

— Николас Хоксмур, архитектор и пилот.

Каждое слово, которое она произносила, требовало неимоверных усилий. Но леди хотела говорить. Ей даже чудилось от этого желания, что она и не слишком устала:

— Вы очень хороший пилот, должна признать.

— Хорошо, хорошо,— произнес Ник успокаивающе.

Дженевьев не оборвала разговор:

— Как зовут вас друзья? Ник?

— Мои друзья? — вопрос, кажется, на мгновение выбил его из равновесия.— Да, да, Ник подойдет. А как вас зовут друзья?

— Дженни.

— Да, конечно, Дженни. Это имя мне что-то напоминает.

— Что же?

— Поэму. Стихи. Может быть, я исполню их позже.

Леди Дженевьев попыталась повернуть голову и хорошенько всмотреться. Белая стена, из которой торчали руки медицинского робота, являлась только частью ниши, не дававшей ей свободно двигаться. Белые гладкие стены углубления, в котором ее тело утопало, как в ванне, ограничивали поле зрения.

Пораженная неожиданной мыслью, леди спросила:

— А что с остальными людьми?

Николас вздохнул:

— С теми, кто был на борту курьера? Боюсь, что

ничего не смог бы сделать для них. Когда я появился, одни были уже мертвы, другие умирали. Кроме того, у меня было снаряжение лишь для одного человека.

Леди задумалась ненадолго. Она не считала, что все были безнадежны. Она помнила, что это было не совсем так. Но...

— У меня ничего не болит,— прошептала Дженевьев.

Ей было лучше, чем раньше, удавалось свободней дышать, когда произносила слова. Похоже... что-то... постепенно приходило в норму. Она слышала немало хороших отзывов о бортовых медицинских роботах, хотя раньше никогда не испытывала на себе их умение.

Николас был заботливо внимательным.

Произнес:

— Что ж, я рад. Так и должно быть. Вы обязаны быть здоровой после того... после всего, что сделали для вас. С вами будет все в порядке.

И снова наступило для леди время сна.

На поверхности Иматры местные власти, мелкие политические и военные лидеры не пострадали от атаки. Это счастливое обстоятельство не являлось результатом обороны или принятых индивидуальных мер предосторожности. Ведь почти все рядовые граждане, а так же гости, которые находились на планетоиде, вышли из катастрофы без последствий.

Но не благодаря силам обороны планетоида, которые практически не были проверены. Скорее, то, что жители выжили, зависело от тактики врага. Как оказалось, этот странный берсеркер не воспользовался возможностью устроить массовое кровопролитие. Он имел единственную цель: захватить биолабораторию.

Вскоре после последнего выстрела обитатели планетоида поняли, что берсеркер не вернется назад, а если вернется, то не сразу.

Ошеломленные власти, поднявшиеся из своих укрытий, получили немало рапортов из наиболее отдаленных районов Иматры. Везде подтверждалось, что полностью

уничтожены оборонные сооружения, разрушено то, что находилось вблизи их. В некоторых зонах наблюдалось и полное разрушение.

Местное начальство, не дожидаясь своих коллег и наблюдателей с крупных планет системы, поспешили собраться возле установки объемного изображения. Все были напуганы катастрофой. Но и успокоены, что каким-то образом — разрушения и потери людей были незначительными. Это было загадкой.

Планетоид Иматра долгое время был местом проведения научных исследований. Кроме того, здесь проводились конференции, встречи представителей близлежащих планет. В приятном окружении английского парка часто собирались администраторы различных уровней политической структуры премьера Дирака, чтобы в необычной обстановке отдохнуть от рутины. Обычно сюда прибывало много известных людей.

Итак, местные власти успокоились, что человеческих жертв мало.

Но все же...

Все же в телескоп еще просматривался берсеркер и его беспомощная жертва. Он шел с возрастающей скоростью. Вернее, удалялся. Казалось, что по тому же курсу, по которому и появился: в середину туманности Мавронари.

Снарядили один из быстрых курьеров, чтобы отправиться с плохими вестями к самому премьеру Дираку, находившемуся в нескольких днях полета в другой системе. По программе он должен был прибыть на Иматру ровно на стандартный месяц. И власти боялись, что прилетев, премьер привлечет их к ответственности. И не только за потерю молодой жены с недавно зачатым ребенком, но и вообще за все случившееся.

По крайней мере, придется отвечать за некомпетентность — власти это чувствовали.

Говорили:

— Как мы могли предвидеть нападение берсеркеров? Ведь в Иматранской системе берсеркеров не видели вот уже...

Вот уже... а никто не мог и сказать, сколько уже лет. Давно, очень давно.

Обеспокоенные лидеры стали быстрехонько просматривать записи нападения, сделанные с поверхности Иматрана, а так же с искусственных спутников планетоида. Дирак и его окружение, возможно, захотят все это посмотреть. Первый просмотр проводился для того, чтобы побольше узнать о странном берсеркере, чтобы в его поведении найти основание для своей защиты, если начнется расследование.

Среди событий, ясно показанных на записях, было и такое: перемещение странного маленького судна, несчастного курьера, который действительно отделился от биолаборатории, спасаясь бегством, но вскоре подвергся удару берсеркера. Сохранилось и краткое сообщение со станции, что вылет состоялся.

Услышав такое, у людей на земле появилась надежда, что леди Дженевьев удалось сесть на корабль и унестись от опасности.

Но вот отделившийся от лаборатории маленький корабль был разбит. За первым выстрелом вскоре последовал другой, более мощный. Он наверняка вывел из строя двигатель.

В перерывах между взрывами «Рену» Хоксмура удалось близко подойти к поверженному кораблю.

Увидевшие этот эпизод спрашивали:

— Какие были вести с «Рена»?

Кто-то бросил, откашлявшись:

— Никто не уцелел.

Хотя возможность найти оставшихся в живых была ничтожной, сразу же начались поиски людей, особенно леди Дженевьев. Эти попытки продолжались и тогда, когда на экране появился «Рен», другие корабли. Но все искали, искали остальных.

В район, где взорвался курьер, прибыли корабли, а многие были еще в пути, направляясь к ним на помощь. Но ничего утешительного об уцелевших. И вряд ли они объявятся.

Некоторые участники конференции местных лидеров остались недовольны тем, что показали записи. Что на

разбитом курьере не хватало аварийных космических костюмов, которые смогли бы помочь выжить пассажирам.

Такое сообщение было воспринято молча.

Хотя все знали, что перед нападением берсеркера вряд ли можно было назвать корабль, где защитной одежды хватило бы и на десяток человек.

Итак, обнаружены потери в космосе, которые не замолчишь. Кроме курьера погибло несколько боевых кораблей. С полными экипажами.

Правда, один участник конференции заметил со слабым удовлетворением, что и врагу не удалось избежать потерь: несколько маленьких машин берсеркеров, выпущенных в космос, которые напоминали исследовательские судна людей, были сбиты наземными батареями.

У планетоида и других планет системы не осталось ни одного вооруженного корабля. Все они храбро ввязывались в борьбу с берсеркерами, и за несколько минут чудовище быстро с ними разделалось.

Власти утешались тем, что если прибудет премьер, они твердо заявят: мы сделали все возможное, преследовали врага, но...

Кто-то из лидеров выдвинул перед коллегами утверждение, с которым собирался выступить и перед народом:

— Хотя наша кровь закипает от жажды вступить в борьбу от решимости быть отомщенными, у нас нет возможности преследовать врага. Думаю, что мы не сможем сделать более того, что сделали в критическую минуту катастрофы.

Его коллеги молчали, задумавшись.

Кто-то из них выразился мрачно:

— По крайней мере, наши потери в целом незначительны.

Другой уставился на выступившего:

— Незначительны? Разве вы забыли, что леди Дженевьев пропала, а может, и погибла? Вы понимаете это?

— Я сказал в целом. Общее число незначительно.

— Едва ли и в целом, если учесть зародыши людей, которые находятся в лаборатории, которую похитили у нас.

— Если что? Если кого?

— Я имею в виду предполагаемых колонистов.

Сказавший это и ведший спор, огляделся вокруг и увидел, как много смущенных взглядов и согласных кивков. Поддержанный, продолжал:

— Погибло то, что на биостанции являлось основной причиной вообще ее создания. Человеческие зиготы и несколько утробных плодов... Живые взносы и пожертвования, собранные за годы у семей и матерей, наверно, десятка планет.

Первый не сдавался:

— Слово «живые» можно подвергнуть сомнению. Ну сколько таких пожертвований, как вы называете, предполагаемых колонистов находилось на борту станции?

— У меня нет под рукой точного числа. Но я слышал — больше биллиона.

— Сколько, сколько?

— Десять в десятой степени.

Трудно было даже постигнуть сказанное.

Полыхнула какая-то суматоха в умах. И предложили:

— Тогда давайте позаботимся, чтобы их не считали и не упоминали в списках потерь.

— Но про одно уж точно узнают.

— Про что же?

— Разве вы не слышали, что Дженевьев прилетала не ради формальной проверки.

Говоривший повернул голову вправо:

— Ну, Кенсинг? Что скажете?

Стол переговоров не был столом как таковым. Это была система связи, выходящей на установку объемного изображения,— все для удобства местных властей: они тоже могли сделать вид, что участвуют в нелицеприятном разговоре.

А сами удобно располагались в отдельных комнатах или даже дома.

С одной стороны стола споров находился самый

молодой из присутствующих — человек по имени Сандро Кенсинг. До сих пор он хранил молчание. Во-первых, был очень расстроен. Во-вторых, совершенно не имел никакого отношения к властям. Если не считать того, что в прошлом году его дядя занимал пост в Совете, а сам он был женихом Анюты Задор, которая числилась среди пропавших.

Приглашен же сюда он был потому, что вот уже два года являлся близким другом единственного сына премьера Дирака, часто бывал у него дома и на борту его яхты.

Так или иначе начальство знало, что он кое-что да знает о монархе.

— Ну, Кенсинг!

Сандро приподнял густые брови и оглянулся. Он ссутулил тяжелые плечи над столом и сильно сжал руки. Волнение выдавали покрасневшие глаза.

— Извините? — он не слышал вопроса.

— Я спрашиваю,— повторил выступавший,— как вы думаете, Дирак отреагирует на ужасную новость?

— Ах, да...

Сандро не обращал внимания на местных лидеров, включая своего дядю:

— Что ж, вряд ли старик обрадуется. Это и без меня понятно.

Снова воцарилось молчание.

Принимая во внимание горе Кенсинга, что потеряна его невеста, никто не возмутился, не бросил на него сердитого взгляда в ответ на дерзкое поведение. Все понимали: есть более серьезные вещи, чем личные обиды и прочее.

Слово взял председатель:

— У нас много дел. Но перед тем, как закрыть заседание, мы должны решить вопрос о делегации.

— Делегации? — переспросил кто-то удивленный.

Председатель:

— Мне бы следовало сказать «депутации». Депутации для приема и встречи Дирака.

Оглядевшись вокруг, председатель решил, что внесена полная ясность. И продолжил:

— Если никто из нас не встретит его на орбите, я не удивлюсь, если он всех нас пригласит на свой борт для персонального отчета.

Настроение вокруг стола стало еще печальнее.

— Предлагаю,— произнес один из заседавших,— назначить делегата. Представителя, который доставит наш отчет. А пока мы полностью будем заняты нашей работой.

Головы вокруг экрана повернулись в одну сторону. Делегат был избран единодушно и без дебатов. Кенсинг, чей интерес к собранию повысился, слегка удивился. Слабо и цинично улыбнулся обращенным к нему лицам.

4

Премьер прибыл в Иматранскую систему на впечатляющей скорости. И на несколько часов раньше, чем его ждали. Прилетел на своей огромной вооруженной яхте «Фантом». Грозный боевой корабль — некоторые опытные обозреватели утверждали, что он больше похож на легкий крейсер — сопровождали два маленьких судна, вооруженных, но неопределенного типа.

Очевидно, премьер Дирак за короткое время смог снарядить только три корабля.

Вместо того, чтобы приземлиться на почти ровной поверхности планетоида Иматра, как и сделал бы он в мирное время, Дирак задержал свой маленький эскадрон на низкой орбите. Находясь в позиции готовности, он созвал словами, переданными более чем в вежливой форме, местных лидеров на борт яхты.

Он так же призвал к быстрой мобилизации и приведению в боевую готовность местные технические средства в помощь своей эскадрилье.

Оборудование на его корабле нуждалось в ремонте, перевооружении и перезарядке прежде, чем решаться на схватку с врагом.

При сложившихся обстоятельствах легко было понять, что отсутствовали формальная церемония встречи и приветствия. Единственным человеком, подчинившимся приказу премьера и явившимся на борт его корабля, чтобы приветствовать Дирака и его окружение, оказался выбранный делегат Сандро Кенсинг.

Молодой человек, слегка взволнованный, хотя ничуть не испуганный предстоящим приемом, ступил из челнока, сделавшего стыковку, в основной тамбур яхты. В кармане Сандро находилась запись, сделанная установкой объемного изображения, где запечатлелось заседание местного совета.

Запись, кстати, представляла правдивую компиляцию причин отсутствия начальства. Но представлять его и был уполномочен Кенсинг.

Большинство местных лидеров не отправились на прием к премьеру не оттого, что было слишком занято ликвидацией разрухи, а просто боялось разноса или чего худшего.

«Возможно,— думал Сандро,— у них были причины так решать». Сам же он ничего не боялся. Даже если бы он не испытывал горя, он вряд ли бы впал в испуг от встречи с отцом Майка, с которым не раз встречался, вместе ходил в школу, в семье которого был гостем.

Именно эти отношения привели Кенсинга к работе, связанной с проектом колонизации. И таким образом Кенсинг познакомился с Анютой Задор.

В тамбуре вооруженного «Фантома» Кенсинга встретил седеющий мужчина — сильного телосложения и неопределенного возраста, в спецодежде без знаков отличия. Кенсинг узнал одного из членов главной охраны премьера. Внешность его была Сандро известна по визитам во дворец Садро и его владения.

— Привет, Брабант!

Телохранитель, как обычно непринужденно вежливый к друзьям своего хозяина, узнал молодого посетителя в лицо, несмотря на то, что после их последней встречи прошло несколько лет.

— Привет, мистер Кенсинг. Присаживайтесь. Босс вас ждет. Он освободится через минуту.

За телохранителем просматривался интерьер корабля. Многое было переделано и заново отделано со времени последнего посещения Кенсинга и было похоже на административный офис власти планетарного значения.

— Я пока постою, спасибо. И так теперь немало сижу.

Брабант посмотрел на Сандро с сожалением.

— Эй, доктор Задор очень стойко держится. Действительно стойко.

Сандро встрепенулся:

— Спасибо.

Охранник:

— У вас с боссом общее горе. К большому сожалению.

Под давлением собственных горьких чувств Кенсинг нередко забывал, что пропала новая жена премьера. А ведь верно, что у него с премьером общее горе.

— Где Майк? — неожиданно сросил он телохранителя.

Тот попытался вспомнить, но пожал плечами:

— Он поссорился с отцом несколько месяцев назад и уехал. Залетал сюда, но это было давно.

— А где же он теперь?

— Семья не посвящает меня в свои дела.

— Я-то думал, что встречу его на борту яхты. Его отцу понадобятся хорошие пилоты.

— Эй, хороших пилотов у босса хватает. Даже лучших, чем Майк.

Кенсинг приподнял брови:

— Но ведь не многие находятся здесь?

— Но тот, который находится на борту, действительно хороший пилот.

Брабант с довольным видом, что владеет информацией, посмотрел в сторону коридора и добавил:

— Может, увидите его.

— Да? Говорите, что он представляет собой нечто ценное?

— Совершенно верно. Его зовут Фрэнк Маркус. Полковник. Это его последнее звание, о котором я слышал. В отставке.

На какое-то время Кенсинг даже забыл о личных переживаниях.

— Маркус? Вы говорите...

— Точно. Знаменитый человек... Мне сказали, что недавно — да, перед нашим полетом сюда — его поставили управлять яхтой.

— Боги космических полетов!.. Я думал, я полагал, что полковник Маркус умер несколько десятков лет назад.

— Не говори ему это, малыш. Извините. Я хотел сказать, что это было бы не совсем дипломатично, мистер официальный представитель Иматры.

И телохранитель рассмеялся.

Кенсинг покачал головой. Полковник Маркус по общепринятым нормам уже считался стариком, поскольку уже столетие, и даже больше, фигурировал в межзвездных легендах.

Сандро помнил рассказ, что Маркус еще в молодости лишился своего органического веса в какой-то аварии. Или это случилось в схватке с берсеркерами? — С тех пор его тело из-за своего бессилия находилось в ящиках. Кенсинг, расценил это как просто забавный факт.

— Эй, знаете, что я узнал, мистер Кенсинг? — Брабант слегка понизил голос.

— Что же?

Суть истории, поведанной в клинических деталях восхищенным телохранителем, заключалась в том, что Маркус, имея ранг одного из лучших космических пилотов в истории Солнечной системы, пару месяцев назад получил должность главного инструктора полетов, отказавшись от постоянной работы в качестве личного пилота премьера Дирака.

Вскоре беседа перекинулась на другую тему. И вдруг оборвалась. Что-то... нет, кто-то, должно быть, сам полковник шел к ним, покачиваясь, по коридору от отсека управления.

Если бы Кенсинг не знал, что полковник находится на борту корабля, он принял бы эту фигуру за слугу-робота. Он увидел три соединенных между собой металлических ящика, каждый высотой по колено, а вме-

сте размером не более человеческого роста. Ящики сохраняли подвижность по отношению друг к другу, и с помощью колесиков, сделанных из полифазного вещества, осуществлялось постоянное плавное изменение их положения.

Из переднего ящика послышался голос, механически воспроизводимый, но очень похожий на человеческий — самодовольный, даже надменный:

— Привет, Брабант! Я хотел бы увидеть шефа, когда он освободится.

Кенсинг, размышлял о том, что могло бы случится, если бы ему пришлось сделать официальное рукопожатие, посмотрел в окуляр и представился:

— Полковник Маркус? Очень приятно. Я — Сандро Кенсинг, друг Майка, сына премьера.

— Да, я слышал о Майке, но не имел случая познакомиться с ним.

— Что премьер собирается делать? — Кенсинга очень волновало это.

— Это не секрет,— заверил ящик.— Мы собираемся преследовать машину-убийцу.

Это Кенсинг и надеялся услышать. Что-то внутри, близко к сердцу, внушало надежду, что удастся догнать злодея, который утащил Анюту. Сначала выяснить, что произошло. Затем вступить в сражение с чудовищными неживыми средствами, натворившими столько бед.

И вот перед Кенсингом стоял единственный человек, у которого были реальные возможности сражаться. Это Фрэнк Маркус, который служил во всех вооруженных силах галактики, кроме Тэмплиеров. И был теперь пилотом яхты премьера Дирака.

Кенсинг решительно сказал.

— Полковник, если вы преследуете берсеркеров, я с вами.

— Да? — говорящие ящики зазвучали с заинтересованностью, но без особой уверенности в слова Сандро.

— Я и доктор Анюта Задор собирались пожениться через месяц. Более того, я — инженер, который учился и работал в оборонных сооружениях. Участвовал в предварительном проектировании колониальных кораблей.

— Есть боевой опыт?

— Нет.

— Впрочем, это может не иметь большого значения. Многие из нашего экипажа не воевали. Если вы квалифицированный инженер оборонительных сооружений, возможно, шеф захочет вас оставить.

Чуть позже Брабант, очевидно, получивший указание премьера по невидимой связи, проводил Кенсинга в офис.

Попав в комнаты апартаментов Дирака в первый раз за годы отсутствия, Сандро снова отметил, что были сделаны определенные изменения в отделке. Корабль теперь меньше стал похож на судно, больше на деловой офис.

В центре самой дальней комнаты стоял большой письменный стол. Деревянный. Хотя поверхность заставлена множеством электронных дисплеев. На столе также лежали настоящие бумаги. А за столом восседал настоящий человек. Премьер физически был некрупным. За два года, что они в последний раз виделись, в премьере произошли едва уловимые изменения, которые Кенсинг с трудом мог разглядеть.

Волосы Дирака имели серо-стальную окраску. Густые и вьющиеся от природы, они красиво обрамляли его широкий лоб. Глубоко посаженные серые глаза выглядывали из-под тяжелых бровей подобно разбойникам, приготовившимся к выходу из пещеры. Кожа и мускулы казались упругими и молодыми. И вместе с седыми волосами сбивали с толку в определении возраста Дирака. В руках он вертел нож с острым лезвием, в котором Сандро узнал антикварное приспособление для вскрывания писем. Голос у Дирака — выразительный актерский бас — звучал мягче, чем с экрана.

Когда Кенсинг вошел в кабинет, премьер разговаривал с довольно симпатичным молодым человеком, изображение которого передавал самый крупный на столе экран. Этот человек, имеющий на воротнике знаки отличия пилота, говорил:

— ...глубоко сочувствую, сэр.

— Спасибо, Ник.

Муж, потерявший жену, внешне сохранял контроль над собой, как это часто бывало и в других сложных обстоятельствах, хотя внутренне явно испытывал стресс.

Премьер поднял голову и кивнул Кенсингу, чей сопровождающий уже удалился, закрыв за собой дверь.

Кенсинг начал:

— Премьер Дирак, не уверен, что вы...

— Да, конечно, я помню вас, Кенсинг. Друг моего сына, он называл вас Сэнди. Майк всегда высоко ценил вас. Итак, вы делегированы, чтобы объяснить мне, что здесь происходит.

— Да, сэр.

— Вы потом отчитаетесь подробно. И вы участвуете в проекте колонизации, кроме того, вы — жених доктора Задор. Очень сожалею о том, что случилось. Ужасные дела здесь творятся.

— Да, сэр. Выражаю вам свое сочувствие. От себя и от жителей всей Иматры.

Дирак принял соболезнования, коротко кивнув головой.

— Майка нет со мной сейчас,— заметил он.

— Говорят, он в далеких путешествиях, сэр?

— Да. В очень далеких.

Премьер указал на экран:

— Не думаю, что вы знакомы с Ником, не так ли? Николас Хоксмур, архитектор и пилот. Работает на меня.

— Мы не знакомы, сэр.

Дирак коротко представил их друг другу. В глазах старика промелкнули слабые веселые огоньки.

Формальная часть закончилась, премьер взглянул на изображенного по пояс Николаса Хоксмура:

— Продолжайте.

Ник спокойно отчитывался:

— Я ничего не мог сделать, сэр. Я... почти... перед самым последним взрывом оказался на борту курьера. Но не успел. Ничем уже нельзя было никому помочь.

— У вас есть прямые доказательства, что моя жена находилась среди пассажиров?

— Я не могу это утверждать. Мне очень жаль.

— Ты не виноват, Ник.

— Нет, сэр. Спасибо за взаимопонимание, сэр.— Последовало короткое замешательство.— Но я хотел бы упомянуть еще о кое-чем.

— О чем?

— Сразу после начала тревоги я получил прямой приказ исполняющей обязанности начальника биостанции Задор. Она скомандовала направить мой корабль на таран.

Это утверждение было сделано как бы небрежно. Внимательно слушавший Кенсинг засомневался, что правильно расслышал, не упустив ничего. До него дошло, что Анюта, едва прозвучал сигнал тревоги, приняла оборону станции на себя — стала командовать. Очень для нее неподходящая должность, но...

Дирак кивнул головой, выслушав информацию о приказе с удивительным спокойствием.

— Итак, что случилось после этого?

— Но сэр, доктор Задор не являлась... не является военным офицером. И она, наверно, думала, что предлагает хороший план уничтожения берсеркера. Явно, что план не сработал бы. Вряд ли я смог бы добраться на «Рене» через тысячи километров до подобного чудовища: он превратил бы меня в пар, не меняя своего движения.

Поэтому, получив приказ Задор, я принял его, чтобы в дальнейшем не отвлекать доктора от прямых обязанностей. А потом проигнорировал этот приказ. Единственно разумным было оставаться рядом с курьером и следить за ним.

Если бы берсеркер попытался послать в курьера спутник или управляемую машину, я протаранил бы их. Или попробовал отвлечь на себя. Но если бы на самом деле разыгралась...

Ник выглядел несчастным.

Дирак мягко сказал:

— Все в порядке.

— Спасибо, сэр.

— Но...

— Да, сэр?

Мрачные глаза, таящие опасность, которую Кенсинг никогда раньше не видел, выглянули из-под стальных бровей:

— Судя по вашим словам, мы совсем не знаем, была ли леди Дженевьев на борту курьера. Так?

Изображение Ника на экране задумалось. Ответило:

— Думаю, что так.

Дирак медленно покачал головой. Он взглянул на Кенсинга.

— На самом деле, то, что я слышал из переданных транспортом радиозаписей, указывает, что доктор Задор имеет отношение к эвакуации людей со станции. Она боялась, что пилот вылетит прежде, чем все желающие войдут на борт его корабля.

Ник согласился:

— Правильно.

Премьер вновь обратил внимание на посетителя, который находился в его кабинете:

— Кенсинг, на Иматре есть дополнительный материал об этом?

— Я ничего конкретного об этом не знаю. И по возможности быстро проверю.

— Сделайте, пожалуйста. Мне нужна информация, была ли леди Дженевьев на борту курьера.

— Я достану сообщение, если оно существует.

— Хорошо,— Дирак соединил стальные брови,— пока никто не представил мне каких бы ни было твердых доказательств. Поэтому я надеюсь на добрый шанс, что она находилась на станции, когда ее так странно похитили.

Кенсинг промолчал.

Дирак не отступал от темы:

— Мы знаем, что кто-то еще находится на борту лаборатории, так? Это касается начальника станции Задор. Разве она ничего не сообщила пилоту курьера, что некто еще собирается остаться на борту лаборатории?

Николас Хоксмур вставил:

— По крайней мере, еще один, сэр. Очевидно, биоинженер. Дэниэл Ховелер, видимо, остался с доктором Задор. Это единственно точное свидетельство, которое у нас имеется.

Дирак кивнул головой, выражая мрачное удовлетворение.

— Итак, когда мы разговариваем, на станции находятся еще живые люди?

Он посмотрел в глаза каждому, словно вызывая на спор.

Кенсинг очень хотел, чтобы у Анюты оставалась надежда выжить. Но неслыханно, чтобы пленники берсеркера спаслись. Ник был готов возражать хозяину:

— Мы не знаем этого, сэр.

Дирак бросил на говорящего стальной сверкающий взгляд:

— Мы не знаем, убиты люди на борту станции или нет. Правильно?

Ник промолчал, как будто уступая. Ответил коротко:

— Да, сэр. Правильно.

Премьер слегка улыбнулся:

— Но мы должны допускать, что люди остались в живых. И моя жена, возможно, среди них.

— Так точно, сэр. Судя по тому, что мы знаем это может быть.

— Пока все,— Дирак протянул руку к поверхности стола перед собой, выключив связь с Хоксмуром, чье изображение исчезло, и стал на своей персональной установке вызывать других подчиненных.

Сказал:

— Кенсинг, я собираюсь отдать приказ начать поиски уцелевших на борту курьера. Любой действующий космический скафандр, находящийся поблизости, послал бы автоматический сигнал бедствия, но мы ничего подобного не обнаружили.

Кенсинг не знал, что сказать. Впрочем, от него ничего и не требовалось.

Дирак продолжал:

— Я собираюсь занять часть своих пилотов, в том

числе и Ника, чтобы прочесать все, что осталось в космосе. Включая осколки берсеркеров. Можно собрать и по мелочам немало информации.

— Да, сэр, согласен.

Стены комнаты были все в дисплеях. Это вдобавок к тому, что располагалось на столе. Со своего места Сандро мог легко прочесть сообщения со стены. Очевидно, наземные и спутниковые телескопы все еще были нацелены на врага, уходящего с добычей.

Кенсинга мучила мысль, что где-то внутри искаженной маленькой точки находится может еще живая Анюта.

Дирак уловил его взгляд.

— Посмотрите. Судя по данным телескопа, биоисследовательская станция не имеет серьезных повреждений. Мои корабли скоро отремонтируют — не вижу причин, чтобы на это ушло более, чем несколько часов — и мы отправимся в погоню.

— Я с вами, сэр.

— Конечно, я не ждал от вас другого. С вашим опытом оборонительных сооружений вы будете полезны. Добро пожаловать. Зайдите к Варваре перед уходом, она официально занесет вас в штат.

— Спасибо, сэр.

— Я говорю вам, что она жива.— Очевидно он имел в виду молодую свою жену. Глядя спокойно на экран, представляющий ближнее космическое пространство, добавил:

— Уверен, я бы узнал, если бы она умерла. Но хочу собрать всю возможную информацию о захватчике.

Кенсинг знал, что останки берсеркера часто имели большое значение для военной разведки, потому что помогали изучить типы вражеского оборудования.

Дирак кивнул головой: пригодится каждый грамм извлеченной пользы.

Покидая совещание, Кенсинг снова встретил полковника Маркуса и телохранителя Брабанта. Они разговаривали в коридоре с женщиной, которую Сандро раньше

не встречал и которая представилась ему: Варвара Энгадин. Она была примерно того же возраста, что и премьер — возможно, около пятидесяти лет. Но была стройна и впечатляюще красива.

Она являлась близким другом Дирака, а так же его политическим советником, как говаривали сплетни, когда Кенсинг впервые познакомился с семьей премьера. К тому времени мать Майка уже несколько лет как умерла.

Сандро сразу же ухватился за суть:

— Миссис Энгадин, надеюсь вы меня запишете в команду?

— Сэнди,— она протянула ему руки с чувством сострадания,— я слышала о твоей потере.

Разговор быстро сфокусировался на трагедии. Хотя все говорили вежливо и дипломатично, но откровенно признались, что Дирак решительно отказался принять ужасное предположение, будто его жена мертва. И твердо намерен вернуть ее. И делал все по-своему, навязывая свою волю... Даже когда его противником оказался берсеркер.

Кенсинг, нервы которого были туго натянуты, заметил, что потеряв близких, люди становятся тяжелые на характер. Однако, такое психическое состояние не характерно для премьера.

— Вы хорошо знаете его? — спросил полковник. Он поворачивал окуляры верхнего ящика, чтобы дать понять, к кому обращается.

— Я друг его сына. Когда-то был близким другом. Но я не видел Майка уже пару лет. Я даже жил с ними в одном из официальных дворцов. А вы?

Пилот:

— По-настоящему я не знаю их. Работаю на премьера два месяца. Собирался отказаться от работы главного старшего пилота, а Дирак взял сюда. Похоже, это надолго.

Маркус не казался разочарованным, что опять воевать придется.

У Кинсинга даже сложилось впечатление, что металлические ящики и голос, исходящий из них, способны

выражать оттенки чувств. Покачивание ящиков полковника создавало даже ощущение самодовольства.

— Как вы думаете, что случилось с его женой? — Сандро ощутил потребность выяснить мнение опытного человека о судьбе тех, кто остался на станции.

— Возможно, он прав. Она могла совсем не оказаться на борту курьера.

— А что вы думаете...— он не смог заставить себя задать вразумительный вопрос.

— Черт возьми! Я не знаю. В любом случае есть шанс на борьбу. Но нет смысла надеяться на многое.

Когда закончилась официальная процедура вербовки, Кенсинг в сопровождении Маркуса направился вниз по коридору к своему новому жилью. И продолжал слушать высказывания полковника.

Фрэнк Маркус заметил: анализируя последнее нападение и сравнивая его почти со всеми военными действиями, которые он в состоянии был вспомнить, отмечаются две непонятные вещи.

— Первое: не считая того, что натворил здесь берсеркер, ему не стоило никакого труда добраться до внутренних планет системы. А он даже не послал разведчиков к Солнцу, чтобы все разузнать. Или захватить космический транспорт по дороге. Ведь этот транспорт малочисленный и совсем не вооруженный.

— Внутренние планеты надежно защищены,— сказал Кенсинг.

Маркус прервал его, махнув металлической рукой, напоминающей щупальцы, не похожие на руку человеческую, но довольно практичной формы.

— Насколько мне известно, когда берсеркер, такой большой и грозный, как этот — да и любой берсеркер! — имеет возможность в бою взять пару биллионов людей, он не пройдет мимо такого шанса.

— Но почему же он захватил биостанцию? Не разрушил, а схватил и потащил?

— Не знаю пока. Знаю другое, что еще больше сбивает меня с толку. Наш хитрый берсеркер даже не

сделал серьезной попытки уничтожить население планетоида. Хотя находился здесь. Оборона на Иматре намного слабее, чем на планетах, обращенных к Солнцу. Он вывел из строя оборонительные установки, которые открыли по нему огонь. И все!

Кенсинг, который долгое время занимался теорией тактики берсеркеров, уже задавал себе этот вопрос.

— Итак, что это значит? Машина-чудовище, которая не убивает людей? Свидетельствует ли это о том, как это не странно, что берсеркер был не настоящим?

— Я не хотел бы это говорить парням из службы наземной обороны или людям, воюющим в космическом пространстве. Нет, он намерен убивать. Но у него другая цель, чем просто атаковать систему. Он никогда не уклоняется от своего плана. Даже ради того, чтобы прихватить пару биллионов человеческих жизней. Единиц жизней, как говорят берсеркеры. Он не задержится, чтобы расправиться с миллионом-другим людей, находящихся под рукой.

— Хорошо. А второе?

— Вторым странным моментом, о котором я подумал, является то, что даже сейчас, когда прошло несколько дней после нападения, проклятый захватчик все еще в поле зрения. Или он не может идти на сверхскорости света, таща на буксире тяжелый груз, подобный лаборатории, или не хочет рисковать. И если он до сих пор не использовал сверхскорость, уже к ней не прибегнет. Потому что, находясь близко от Мавронари, скоро войдет в плотную пыль.

Кенсинг остановился в коридоре, чтобы самому убедиться, и вызвал изображение на одном из многочисленных дисплеев на яхте.

Верно: хотя берсеркера с трудом можно было разглядеть, но он все же был в поле зрения. Передвигался медленным ходом. Хотя и с постоянно возрастающей скоростью. Крохотные, маячащие изображения берсеркера и его жертвы представляли собой красные точки, постоянно меняющие положение.

— Слишком далеко, если даже лететь за ними на сверхскорости.

— Верно. Он недостаточно нагрузил свой хвост, чтобы подойти к нему поближе. Я бы сказал, что сверхскорость не практикуется в этом направлении — к туманности.

На самом деле, как выяснил Кенсинг, берсеркер снизил ускорение, и по прогнозам компьютера, нагруженная машина будет уменьшать свою скорость при дальнейшем проникновении в приграничные зоны туманности.

Вскоре на борту «Фантома» началась сессия военного совета. Он в основном состоял из ведущих членов экипажа. Кенсинг присутствовал в качестве официального представителя Иматры. А иматранские соотечественники Кенсинга продолжали сохранять дистанцию.

Сандро остался на борту яхты, послав к себе домой за запасной одеждой и личными вещами. Было нежелательно покидать «Фантом» до отлета эскадрона.

Оставалось несколько часов.

На сессии выдвигались предположения некоторых участников. Что в последнем сражении берсеркер получил серьезные повреждения, не дающие ему возможности идти на сверхскорости. Поэтому он повернул к туманности, используя ее, как лучший шанс уйти прежде, чем человеческий флот соберется преследовать его.

Один офицер возразил:

— Это не ответ на вопрос, почему он выбрал отступление, вместо того, чтобы атаковать и убивать.

— Возможно, он серьезно поврежден.

— Ба! Ну и что? Мы говорим о берсеркере. Он не заботится о том, чтобы выжить. Заботится, как уничтожить максимальное количество жизней перед тем, как уйти. И ясно, что он все еще был способен сражаться.

— Если бы мы знали, почему он решил, что неповрежденная биостанция является очень ценной для него.

Заговорила Варвара Энгадин:

— Ответ должен быть ясным. Я так думаю. Речь идет о судне с биллионом человеческих зигот, хранящихся на станции.

— Да! Если не активная жизнь, то потенциальная. Биллион потенциально активных человеческих жизней! Полагаю, что берсеркер использует свой последний эрг энергии, пожертвует последним граммом материи, чтобы уничтожить такой груз. Но почему он хочет вывезти его из Галактики?

У Кенсинга подсознательно появились смутные зловещие предположения.

Кто-то возразил: потерял ли враг полностью или нет способность передвигаться со сверхскоростью света, но комплекс, состоящий из берсеркера и лаборатории, является более чем небольшим неудобством для космического путешествия. Он несомненно тяжелее, чем быстрые корабли командования премьера, чтобы маневрировать в космическом пространстве.

Данные компьютера показывали, что даже при задержке кораблей Дирака, его эскадрон имеет шансы догнать цель.

Фрэнк Маркус, слегка приподняв щит головного ящика, высказал свою точку зрения, что Дирак, который недалеко ушел в военных достижениях, все же не похож на выжившего из ума, решившись на погоню.

Кто-то официально, но очень умно задал вопрос Дираку:

— Это входит в ваш план, сэр?

Премьер поднял стальные глаза и посмотрел через стол — через границы реальности:

— Что за вопрос? Конечно мы идем за ними!

Дирак прищурился, продолжая глядеть на задавшего вопрос. Словно не мог понять, как может идти речь о другом решении. И продолжил:

— Какой бы план эта штука не собиралась выкинуть, мы не позволим ей добиться успеха.

Спросили о помощи, которую могут оказать местные силы.

Все взгляды обратились на Кенсинга.

Он извиняющимся тоном от лица соотечественников выразил сожаление, а так же убедительные заверения в том, что у них внутри системы не осталось ни одного

вооруженного корабля. И ничего, что могло бы помочь погоне.

— Понимаю,— успокоил его премьер.

На этом конференцию закрыли. Все приближалось к моменту готовности. Ремонт «Фантома» и кораблей его сопровождения подходил к концу, и эскадрон был почти готов к погоне.

А враг, действия которого все еще четко просматривались с кораблей на орбите Иматры, неуклонно держал курс примерно к центру туманности Мавронари. В массе газа и мелкой пыли плотность окружения была настолько высока, что сверхскоростной полет вообще был опасен, да и практически невозможен. Поэтому наблюдение за берсеркером с системы Иматры оставалось возможным еще несколько дней.

Оступающий же, как было заметно, уходил точно, или почти точно по курсу, на котором его обнаружили, когда он шел на Иматру. Если этот факт имел для берсеркера какое-то значение, то никто ничего не мог объяснить.

Враг захватил станцию полностью. Только для захвата пленников? Вряд ли. А если для создания огромного числа «полезных» или использования человеческих клеток для производства биологического оружия? Такие мысли прорезались у большинства обеспокоенных.

То, что берсеркер предпочел похищение массовому уничтожению, тоже показалось неимоверно угрожающим.

Несмотря на насмешки полковника Маркуса, странность ситуации не давало Кенсингу и многим его коллегам по военному совету избавиться от подозрения, что их быстро удаляющийся враг был не настоящим берсеркером. В прошлом некоторые негодяи маскировали свои корабли под берсеркеров, чтобы в своих злых намерениях грабить и убивать.

Когда Сандро высказался примерно так Дираку и его штату, все быстро отвергли это предположение. Да и некоторые свидетельства работали против мнения Кенсинга.

К этому времени собрали значительное количество осколков маленьких вражеских машин, оставшихся в космосе. Больше остальных собрал Николас Хоксмур. Добычу тщательно изучали.

Но ведь несколько крупных обломков, по крайней мере, несколько метров в ширину, упали на планетоид. Они полностью сохранились, благодаря тому, что над Иматрой поддерживался узкий искусственный слой атмосферы, которые не раз прошивали и метеориты, не сгорая.

Эксперты, рассмотрев, опробовав и протестировав их различными способами, признали настоящий металл, принадлежащий берсеркеру, который имел форму и сборку, присущие конструкциям берсеркеров.

Главные компьютеры на яхте Дирака — машины, годящиеся на любое дело — уверяли, что есть еще время догнать врага. Только не надо зря терять время. Каждый час приближал противника к укрытию в густой туманности.

Премьер намеревался отправиться, как только корабли будут загружены и готовы.

Кенсинг отметил, что команда Дирака, состоящая из тридцати человек, едина со своим шефом. Без сомнения, все являлись добровольцами, надежными и верными.

Но оказалось, что на борту есть и не доброволец. Человек, который не вызвался участвовать в погоне.

Одна из коек медицинского робота на яхте была занята. Кто-то лежал под стеклянной крышкой в камере, похожей на гроб, замороженный внутри. Робот был настроен на продолжительное поддержание жизни невидимого для окружающих человека.

Из-за желания узнать как можно больше, Сандро приходил, чтобы взглянуть на медробота. Он располагался в боковом коридоре корабля.

Варвара Энгадин чуть прояснила ситуацию. Обитатель морозильной камеры был добровольцем, участвовавшим в первом колониальном проекте фонда Сардо. Он же принял решение принять участие и в великом

колониальном путешествии, для чего его, или ее, жизнь была приостановлена на определенный срок, пока не начнется героическая миссия.

В той части Галактики, которую заселили люди, перепробовали множество способов перенаселения. Верней, избавления от этого.

На планетах, где населения насчитывалось сотни биллионов, каждый год наблюдались миллионы нежелательных зачатий. Извлечение зиготы или раннего плода считалось обычной процедурой. Но неприкрытое уничтожение живого организма было неприемлемо. Принимали на долговременное хранение. Но ведь неопределенный срок появления жизни равносилен ее отрицанию.

Многие сторонники премьера взяли курс на объявление массовой колонизации, даже на уже практическое начало ее. Только дату оставили в секрете.

У людей хватило духу, чтобы основывать новые поселения.

В план входило и такое: прятать секретные запасы человечества на случай, если берсеркеры сумеют опустошить все население планеты.

Предполагался поиск планеты, похожей на Землю, планеты скрытой и до сих пор неизвестной.

Теоретики придерживались утверждения, что такую планету надо искать в Галактике. А когда найдут, информацию о ней сотрут из всех записей. И так основательно, что берсеркеры никогда не узнают о существовании нового обитания, даже если захватят кое-какие материалы.

Энгадин объяснила, что существование колониального плана фонда Сардо, который будет одобрен на перенаселенных планетах, находящихся в сфере влияния премьера, определено сложными международными соглашениями. Она поведала, каким путем будет идти переселение на новую планету.

Слушая, Кенсинг не поверил в то, что план давал работу только конструкторам, инженерам и специалистам. Он придавал уверенность всему обществу людей Солнечной системы в то, что манипуляции с зиготами

и зародышами имеют большой смысл. Значительно более важным, чем задержка на неопределенный срок рождаемости.

Сколько искусственных маток можно поместить в колониальный корабль? Это еще не решено. На борту биолаборатории находилось более ста маток. Ну, а если специально сконструировать оборудование этого типа, то масштабы вынашивания новых жизней увеличатся.

Лаборатория давала возможность проявить себя двадцати или тридцати специалистам. Пища, вода и воздух вырабатывались в достаточном количестве. Бывало, что на борту станции трудилось и значительно большее количество ученых, инженеров.

Кенсинг вспомнил, что и Анюта ему говорила, что прежде, чем выйти замуж, она хотела бы потрудиться над вопросом переселения людей.

Проблема и впрямь была нелегкой. Широко использовались методы против зачатия. Но они не универсальны. На планетах, где жителей было уже сотни биллионов, ежегодно наблюдались миллионы зачатий.

Впрочем, об этом Сандро уже слышал. Просто его память снова ожила старыми фактами, о которых не раз писали и говорили.

Теперь же Кенсинг был на борту яхты премьера. И его тянуло увидеть «не добровольца», замороженного в камере. Как узнал Сандро от местной системы обслуживания, когда оказался в запасном коридоре, замороженный был мужчина. Звали его Фулер Аристов. Возраст, при котором погружен в искусственное небытие, небольшой: двадцать лет. На список же характеристик, на биографию Аристова Кенсингу пришлось обратить внимание позже.

Почему-то его неприятно поразила такая самоотверженность Фулера, такая его преданность делу. Скорее, это был фанатизм.

Конечно, его дело, как участвовать в общих планах Дирака и других лидеров. Ему теперь было все равно, сколько он пролежит замороженным. Да, в известной степени и он был добровольцем, поскольку достаточно ему было ступить в эту камеру, как он погрузился в сон.

Возвращение ото сна будет мгновенным, а восстановление физических и умственных сил потребует около часа.

На борту яхты было еще пять медицинских мест. Обычно же для космических сражений не характерно большое число раненых.

Наконец, через час — вылет.

5

«Дженни поцеловала меня при встрече,
Вскочив со стула, на котором сидела;
Жизнь-воровка, ты любишь
Приносить наслажденья:
Скажи, что я устал, что я печален,
Скажи, что здоровье и достаток прошли мимо,
Скажи, что я старею, но добавь...»

Песня постепенно умолкла. Длинные бледные пальцы исполнителя замерли на струнах уникального инструмента. Исполнитель стоял спокойно. И только по выражению его лица публика могла понять, что волна сильного чувства заставила его прервать пение.

Публика состояла... только из одного человека. Леди Дженевьев.

Маленькая изящная фигура, индонезийские черты. Выразительное создание нежной красоты.

Леди, облаченная в белый наряд, напоминающий старинное свадебное платье, полусидела на серой каменной скамье, очень старой, как и окружающие монастырь стены.

На скамье неясно проступала резьба, изображавшая фантастических животных. Рисунок был немного стерт временем, отчасти покрыт лишайником.

Но сиденье, на котором теперь располагалась Дженевьев, предварительно было обложено подушками — голубых, красных и желтых оттенков, гармонирующих с окружающими цветами.

— Вы красиво поете,— подбодрила она спутника.

Ее голос был слаб, но она больше не задыхалась при разговоре.

— Спасибо, моя леди.

Тот, кто взял на себя роль менестреля, немного еще постоял в золотых лучах солнца и полностью повернулся к своей слушательнице. Стремительным движением сорвал шляпу с перьями и стал размахивать ею, словно не зная, что с ней дальше делать. И бросил в благоухающую клумбу цветов.

Удивительные цветы, представляющие нагромождение почти ослепляющих красок, росли обочь большого, поросшего травой монастырского двора, построенного из древнего светло-серого камня.

Леди не могла сказать, что лежит за пределами этих старых стен, но чувствовала себя уютно — вдалеке от надоевшего шума.

Слабый бриз потревожил кружева на белом платье. Сотни вопросов заполняли ее разум, и некоторые действительно были страшными.

Решила начать с безобидного:

— Вы сами написали эту песню?

Менестрель кивнул и смутился:

— Музыка моя. Хотел бы, чтоб и слова были моими. Но текст сочинил человек по имени Лей Хант. Он жил много сотен лет назад, и, конечно, леди, которую Лей носил в своем сердце, была не похожа на вас. Может, помните, как я однажды сказал, что вы напоминаете мне...

— А где мы находимся? — молодая женщина неосознанно грубо прервала его. Зато вопрос был первым многозначительным, заданный попутчику.

И далее посыпались ее вопросы, хотя чем больше леди думала о своем положении, тем больше ничего не понимала.

Менестрель говорил чуть охрипшим голосом, который оказался ниже того, которым пел.

— Мы в Лондоне, на Старой Земле, моя леди Дженевьев. Во владениях знаменитого храма, дома богослужений. Храм называется Вестминстерское Аббатство.

— О? Но я даже не помню, как попала сюда.

— Вполне понятно, при таких обстоятельствах. Не стоит беспокоиться. Я все объясню в лучшие времена. Но помните ли вы меня?

За спокойствием певца проступало его беспокойство.

Прислонив свой старинный струнный инструмент к скамье, он оказался почти на коленях перед леди Дженевьев и протянул к ней правую руку. Движение получилось неловким, и певец разве что не упал на распущенное платье леди. Его длинные пальцы вовремя ухватились за подушку.

Потом представился:

— Николас Хоксмур к вашим услугам.

В этом окружении Ник выглядел человеком среднего роста, зрелой, но далеко не старой наружности. Не полный, как показался ей на экране. Волосы каштанового цвета — блестящие, немного вьющиеся. Немного редели на макушке. У Хоксмура была маленькая заостренная бородка того же тона, что и усы — немного редковатые.

Видно, что боялся, как бы его не приняли за денди или пустого красавца. Чтобы не произвести такого впечатления, Ник готов был идти на что угодно. Примирился бы с худшим, чем редеющие волосы.

Его лицо показалось Дженевьев не таким красивым, как при первой встрече. Нос слегка соколиный, что соответствовало имени, глаза немного водянистые и невыразительные — между серым и коричневым.

Сегодня, как представил он себя, архитектор и пилот был одет в средневековую одежду. Длинные ноги плотно обтянуты. Сверхкороткая куртка. Материя казалась крепкой, но не отличалась красотой, подобно глазам.

Все представляло вопиющую разницу с белым платьем леди.

— Конечно, я помню ваше имя,— ответила Дженевьев.— И ваше лицо тоже. По-моему, я вас видела дважды. И не лицом к лицу. Первый раз только на экране. Второй, когда вы были в космическом снаряжении, а я совсем не смогла разглядеть вас. Мы находились на корабле, и когда я попыталась заглянуть вовнутрь шлема...

Николас не видел, как побледнело лицо леди от наплыва заново переживаемых чувств.

Он поспешно перебил ее:

— Мы на самом деле находились на корабле. Но сейчас оба здесь, моя леди Дженевьев. Здесь, в этом приятном месте. Здесь хорошо, не так ли? И вы в безопасности. Настолько, насколько могу защитить вас. И у меня есть... определенные возможности.

Бледность прошла. Леди Дженевьев, похоже, приняла и оценила по достоинству уверения своего компаньона в безопасности. Качнув слегка головой, как бы исключая всякие сомнения, подняла холеную руку, словно в вопросительном жесте, и указала в сторону неясно вырисовывающихся за монастырскими стенами двух больших прямоугольных башен. Слабые косые лучи солнца окрашивали строения в серо-коричневый тон.

Каждую башню с четырех углов увеличивали четыре небольших шпиля. И ближняя башня казалась такой большой, что почти нависала над монастырским садом.

Между каменной кладкой и двумя людьми, скользя на прямых крыльях, пролетели ласточки со слабым писком.

Ник проследил за ее рукой.

— Это западные башни Аббатства. И между ними главный вход. Я проектировал их и руководил строительством... ну, честно говоря — а я хочу сохранять честность с вами — это сделал мой тезка. Он жил даже раньше того, как написал слова к песне, что я пел. Но уверен, я бы сделал все так же, если не лучше, работая с камнем и известью. Вы помните, что я вам сказал однажды, что я архитектор?

— Да. Помню каждое ваше слово.

Грациозно поднявшись, леди глубоко вздохнула:

— Но у меня ощущение, что я должна помнить больше, гораздо больше. Я имею в виду самые последние события. События большой важности и если бы по-настоящему сделала усилие вспомнить, что же со мной произошло, получила бы ответы на многое. Но...

— Разве вы не решаетесь сделать такое усилие?

— Да! — и добавила шепотом,— потому что боюсь!

Мужчина ловко поднялся и нерешительно к ней наклонился, говоря:

— Если вас что-то беспокоит, не спешите. Нет необходимости сейчас заниматься этим. Позвольте заботиться о вас, хотя бы недолго. Для меня привилегия — самая известная вам из всех — защищать вас. Во всем!

— Что ж, Николас, для меня большая часть пользоваться вашей защитой.

Дженевьев протянула маленькую руку, и мужчина, ступив вперед, принял ее с благодарностью.

После того, как пальцы их коснулись, леди ничего не помнила.

Среди трех космических кораблей «Фантом» заметно выделялся величиной, скоростью и вооружением. Находясь на орбите вблизи планетоида Иматра, премьер Дирак и его окружение из космического экипажа, советников, телохранителей и специалистов, в том числе Сэнди Кенсинг, поспешно завершили приготовления.

Один из кораблей Дирака ненадолго приземлившись на Иматре для ремонта, быстро покидал планетоид, чтобы встретиться в назначенном месте с «Фантомом» и вторым кораблем, оставшимся на орбите.

Вскоре без всяких церемоний маленький, но тяжело вооруженный эскадрон отчалил от планетоида. Он плавно ускорял полет от Солнца к центру Мавронари, чье плотное пространство находилось на расстоянии световых лет, но чьи выступающие края можно было достичь за несколько дней, двигаясь со сверхсветовой скоростью.

Силы Дирака неслись в поисках глубокой пустоты в этом регионе, чтобы из гравитационно ровного поля совершить безопасный резкий рывок.

План был нелегким. Даже трудно выполнимым. Поскольку следовало пойти на риск в относительно загрязненном космосе.

Враг имел слишком большое преимущество, чтобы его догнать.

Впереди эскадрона, все еще смутно просматриваясь в телескопы при слабом освещении, неуклонно уходила

прочь биостанция, создавая сложное изображение в сочетании с загадочной машиной, которая сорвала ее с орбиты.

Леди Дженевьев вновь была со своим новым знакомым. Она прогуливалась с ним, опираясь на мужскую руку. Как она оказалась в таком состоянии, не помнила. Но так было. Гуляли в том же зеленом саду.

Неяркое золотистое солнце, казалось, не намного передвинулось с тех пор — а это было недавно, подумала леди — как она сидела на скамье.

Но был ли какой-нибудь интервал? Между прошлым и настоящим? Или нет?

Но за перерыв — а он, верно, был — изменилась внешность Николаса Хоксмура. Это не был уже менестрель. Одежда была богаче, но все еще не походила на униформу пилота. Глядя на него сбоку, отметила, что и волосы у Ника стали гуще.

Она уже дотрагивалась до его руки. И это не вызывало беспамятства. Но вот ощущение предплечья Хоксмура, когда леди касалась его пальцами, казалось странным. Странным было и ощущение травы под ногами, обутыми в белые тапочки.

Да и все странно: одежда на теле, воздух на лице...

Высокий человек ласково допытывался:

— О чем вы думаете?

Она шептала:

— Я размышляю... о многих вещах. О многом боюсь даже спросить.

Он замолчал, продолжая вести ее, словно в танце. И она не заметила, как они оказались перед дверью. Это были ворота, ведущие в серый мрачный монастырь.

Николас спросил с приглушенной страстью:

— Войдем? Я хочу показать вам всю церковь. Она действительно красива.

— Очень хорошо.

Когда стали проходить в дверь, леди спросила:

— Это здание сконструировали вы, или ваш тезка?

— Нет, моя леди. О, нет! Большая часть Аббатства

старше на несколько веков любого, кто носит имя Хоксмур. Хотя хотелось бы, чтоб мы или кто-либо из нас мог похвастать такой славой. К счастью, буду иметь честь показать вам чудо.

Дженевьев пробормотала что-то вежливое. Это было почти инстинктивной реакцией. С тех пор, как она была замуж и стала знаменитостью. С тех пор...

Хоксмур шел рассеянно, поддерживая леди под руку. Обращался он с нею с вежливым вниманием, словно хотел сделать все, чтобы она принадлежала ему.

Он водил Дженевьев по мрачным богатым помещениям Аббатства. Такие сооружения, пояснил Николас, он берет за образец.

Площадь, окруженная стенами под готической островерхой крышей, занимала с гектар. Хоксмур мог бы назвать леди и более точную цифру — до десятых долей миллиметра, но молчал.

Бродили по огромному храму, уже касаясь друг друга свободно и не ощущая стеснения.

Затем вышли из монастыря на открытый воздух.

Слабый дождик вновь сменился солнечным светом. Но вдруг опять заморосил.

Дождь вызывал странные ощущения на лице леди. Но она ничего не пояснила Хоксмуру.

Он же, ничего не говоря, посмотрел на леди и снова повел внутрь здания. Пара направилась прямо в башню. Шаги вызывали эхо, потому что пол был вымощен квадратными камнями.

— Готические арки. Могу объяснить теорию строительства их. Если хотите... Самые высокие здесь, в нефе, это более тридцати метров. Самый величественный интерьер среди церквей старой Англии.

— Здесь нет людей.

— Вам не хватает людей? Вон, видите? Должно быть, служитель церкви идет. Да и возле алтаря — не священника ли я вижу?

Леди Дженевьев неожиданно остановилась. Она знала, что эти люди были не настоящими.

— Что с моим мужем?

— Его здесь нет. Но, насколько мне известно, премьер Дирак в добром здравии.

Голос Хоксмура обрел раздражительность.

— Вы скучаете по вашему новобрачному?

Похоже, что Николас пытался сдерживать себя, но не удавалось.

— Вы очень любите его?

Леди вздрогнула:

— Не знаю, что я испытываю к нему. Не могу сказать, что скучаю. Я едва помню его.

— Уверен, что в памяти вы можете вызывать что угодно. Абсолютно все из вашего прошлого.

— Да, возможно, если бы захотела сделать усилие.

Дженевьев вздохнула. Казалось, что она пыталась взять себя в руки.

— Я и Дирак никогда серьезно не ссорились. Думаю, он хорошо ко мне относился в те немногие дни, что мы прожили вместе. Но, откровенно говоря, я ужасно боялась... боюсь его.

Она опять замолчала, глядя в лицо спутнику, голова которого четко вырисовывалась на фоне витражного стекла.

Дженевьев:

— Скажите, что случилось с моим ребенком?

— Ребенком?

— Я была беременна.

— Вы сами знаете. Вы отдали его... вашего... проторебенка, думаю, что это самое подходящее слово, для колониальной программы. Или вы хотели узнать, что произошло после?

Оба стояли. Глядели друг другу в глаза. Уже не прикасаясь руками. Оба молчали.

Наконец, леди оборвала его:

— Ник, скажите правду. Что произошло?

— С вами? Вы находитесь здесь, со мной. И вы в безопасности. Возможно, этого пока достаточно. Но если вы решите копнуть глубже...

Леди не могла говорить. Она вспомнила прежнее ощущение, когда, вдохнув достаточно воздуха, на выдо-

хе не могла произнести и слова. Но на сей раз было еще труднее.

И вдруг она закричала:

— Нет! Не говорите ничего. Ничего страшного!.. Мы можем выбраться из этого здания? Эти памятники вокруг нас — это все могилы?

Спутник сохранял спокойствие. Ответил:

— Многие из них могилы. Они встроены в стены, в пол. Но могилы такие старые, что не думаю, будто могут нечто значить для вас. Пугать вас...

— Мы можем пойти еще куда-нибудь?

— Здесь много мест.

Он взял руку леди и погладил ее, успокаивая.

Дженевьев все еще как-то странно воспринимала прикосновение.

Хоксмур:

— Для начала пойдемте по этой дороге.

Ник галантно предложил руку, леди с удовольствием приняла ее. И пара направилась из западного конца нефа в комнату с каменными стенами, которая, как прошептал Ник, являлась часовней Святого Георгия. Затем по узкому коридору прошли через стену потрясающей толщины туда, где явно находились жилые помещения.

Когда зашли в комнаты, отличающиеся от других, Хоксмур, беспокоясь за леди, спросил, о чем она думает.

Прежде чем он решил, что это место готово для приема, Ник несколько раз его проектировал и обставлял последовательно гарнитурами, следуя изменениям диктата своего вкуса.

И все же он был еще очень молод.

Часть его версии Аббатства, включая основы сооружений и множество красивых деталей в работе по камню и стеклу, существовала за несколько месяцев перед тем, как он встретил или услышал о леди Дженевьев.

Все это являлось личным увлечением Ника, а так же частью его работы, которой он глубоко интересовался.

Но вся суматоха последних поспешных переделок, конечно, имела единственную цель: доставить удовольствие Дженни.

На самом деле, как он признался позднее, Хоксмур имел очень небольшое представление, как в действительности выглядели эти внутренние полуофициальные комнаты столетия назад. Но его это не волновало. Был великий проект, работа с камнем и стеклом, отделка. Все Ник находил наиболее очаровательным, по крайней мере, до недавнего времени.

А сейчас, леди Дженни сидела на удобном современном стулс.

Каменные стены комнаты были завешены абстрактными гобеленами.

Окна находились слишком высоко, чтобы через их стекло разглядеть, что там снаружи.

— Странный храм, Ник.

— Это очень старый храм.

— Вы живете здесь?

Он продолжал беспокойно ходить между двумя, грубо сплетенными ковриками. Нарушал тишину лишь стуком ботинок о голый камень. И старался внимательней разглядеть впечатление, которое производит обстановка на Дженевьев.

— Я? Думаю, что здесь провожу не больше времени, чем в остальных местах.

— А какому богу или богине предназначен служить храм?

— Единственному. Христианскому богу. Вы верите, моя леди?

Она покачала головой, чуть тряхнув медными кудрями.

— Право, нет. Когда я была ребенком, у моих родителей были резкие разногласия в религии. Отец верил в единого бога, а мать... трудно сказать, во что она верила. Она умерла пять лет назад.

— Мне очень жаль.

— Ну, а как я понимаю, весь храм принадлежит вам?

— Да, думаю, я имею право заявить это,— Хоксмур откинулся на спинку большого сиденья, изобразив те-

атральный жест.— Все, что вы видите вокруг... ваше. Абсолютно все к вашим услугам.

Трогая пальцами материю на стуле, леди нахмурилась от странного ощущения: что-то в этом прикосновении оставалось по-прежнему неестественным.

Хоксмур, сжав обитые ручки кресла, уставился на Дженевьев, как ей показалось, беспомощно.

— Чувства мои к вам, моя леди, мне не легко описать. Я думаю, что с вашей точки зрения мы едва знакомы, но... я преклоняюсь перед вами.

Дженевьев, пытаясь прийти в себя от такого утверждения и найти способ ответить, подняла глаза и была сбита с толку, вдруг заметив случайно через приоткрытую дверь в дальней стене совершенно современный закрытый бассейн.

Уж он-то совсем не вписывался в обстановку.

Поверхность воды ровная, как зеркало... если вообще это вода.

Сине-зеленые плитки бассейна и окружающие его современные металлические стены утопали в мягком модерновом освещении.

Хоксмур оживился:

— Вижу, вы заметили бассейн. Это мой эксперимент.

— Ник,— оборвала его леди и замолчала.

Она ничего и не хотела говорить. А все, чего хотела, так сгладить ситуацию.

— Да, леди Дженевьев. Дженни... Можно вас так называть?

— Конечно. Почему бы и нет? Вы спасли мне жизнь.

— Дженни, я не должен возлагать на вас груз своих чувств. Еще не время. Мы сможем поговорить об этом позже.

— Чувства? Это очень хорошо.

— Да. О, да! — закивал он серьезно.

— Мы действительно находимся на Земле, Ник?

— Не совсем понимаю, что означает слово «действительно», но отвечу. Большинство людей подтвердили бы, что именно сейчас я и вы — не на Земле.

— Понимаю. Спасибо. Ник, вы когда-либо на самом деле бывали на Земле?

— Нет. Хотя... может быть, да.

— Разве вы не знаете?

— В некоторой степени знаю. Но я должен вернуться к своему вопросу, который не менее важен, чем чувства: что означает «действительно»?

Страх, который легко представлялся леди Дженевьев в образе мышей и крыс, иногда пробивался через защитную мысль того, что Ник так любезно предлагал ей, а она принимала.

Не дав внятного ответа, леди поняла, что этот мужчина будет ее единственной компанией на определенный срок. Но что же это, в самом деле, за Аббатство?

Страх удерживал ее от окончательного ответа на любой вопрос Хоксмура.

Ник почувствовал ее волнение:

— Разве вам здесь не нравится? По-моему, это одно из самых прекрасных мест. Но если вам не нравится, поедем куда-нибудь.

— Ваше аббатство прекрасно, Ник. По-своему. Оно прочное и безопасное, достаточно защищенное.

— Я и надеялся, что это для вас будет так.

Леди внимательно посмотрела на своего спутника.

— Позвольте мне рассказать, что помню. И очень ясно. Я и вы находились на маленьком корабле, космическом курьере, где уже произошла трагедия. Нас окружала смерть и... и... вы не отрицаете?

— Нет, моя леди. Я не могу этого отрицать.

Хоксмур помрачнел.

Леди повысила голос:

— Я больше этого не вынесу! Скажите, умоляю вас, скажите вразумительно, что произошло? Как мы выбрались оттуда?

— Моя леди,— в его голосе звучала мольба,— то, что я сделал, когда обнаружил вас на том маленьком корабле, единственное, что можно было сделать. Спас вас от смерти. Поверьте, я все сделал для вас.

— Еще раз выражаю благодарность, Ник, за спасение. Но расскажите, как вы меня спасли?

Заметно было, как он решался, выражая любопытную смесь страсти и нежелания.

— Вы помните, как я вошел в кабину курьера, одетый в космическое снаряжение?

— Конечно, помню. И как поздоровалась с вами, помню. Кажется, вы обняли меня?

И она внезапно поняла, что то было последним прикосновением к чему-либо, которое являлось реальным. Да, последнее ощущение реальности.

Ник согласился:

— Мои руки действительно обняли вас. Рукава моего костюма принадлежат мне — в смысле, что я всегда могу ими пользоваться, как хочу. Мои руки — единственное, что всегда в моем распоряжении.

Леди внимательно слушала.

Хоксмур продолжил мягко и взволнованно:

— Вы не должны бояться.

Она уставилась на руки Ника, которые казались крупными и очевидными, совершенно обычными: он стоял перед ней, упершись руками в бока.

Она прошептала:

— Я не понимаю.

— Эти? — он протянул руки, шевеля пальцами, убрал назад и сам себя обнял, затем опять вытянул.— Конечно, эти тоже принадлежат мне. Но с помощью таких я не смог бы вам помочь на корабле. У них другое предназначение — и ясно, они делают прогресс. Сейчас вы чувствуете мое прикосновение. А до сих пор оно вызывало у вас странное ощущение? Ведь это не похоже на вашего мужа, например?

— Да! Здесь я ощущаю что-то страшное от прикосновения к окружающим предметам. Не только от вашей руки. От всех вещей, которые трогаю. Цвета их такие красивые, яркие. Но все пахнет немного странно. И... но я...

— Моя леди, когда вы и я оказались на разбитом корабле, я пообещал, что благополучно переправлю вас через безвоздушное пространство на свой корабль, даже без снаряжения для вас. Потому что знал, что ваше бед-

ное измученное тело вполне поместится внутри моего костюма. Так я и сделал.

— Два человека в одном костюме? Я не думала...

— Два человека, леди Дженевьев. Да! Но одно тело. Ваше. Видите, даже тогда у меня не было собственного тела. Никаких крепких рук, способных спасти вас или кого другого.

Его махающие руки, казалось, отрицали собственное существование.

— Ни плоти, ни кости!

Он уже говорил тихо, умышленно соглашаясь на все, подобно человеку, который идет на ампутацию ноги, смиряется с ее нежелательной потерей в результате несчастного случая, когда медицина бессильна ее сохранить.

— Вы хотите сказать, что у вас нет тела?

— Физического тела. У меня его никогда не было. Чтобы добиться его видимости, мне нужен космический костюм или что-либо твердое. То, что вы сейчас видите перед собой, воображение. Не более, чем информация. Я являюсь, как видите, но всегда оптиэлектронным искусственным объектом.

И добавил:

— Собственно, не более, чем компьютерная программа.

Хоксмур снова протянул свои руки.

Леди застыла и долго глядела на Ника.

А время шло вперед с неумолимым возрастанием.

Голова леди, несмотря на затянувшуюся паузу в разговоре, даже не шелохнулась.

Наконец, Дженевьев произнесла:

— Вы говорили мне о моем спасении. Продолжайте. Я хочу все знать подробно.

— Конечно. В тот момент, когда я ступил на борт курьера, где вы находились, и осмотрелся, то понял, что я мог помочь очень многим пассажирам... но нет, это неправда. Хочу быть искренним с вами. Дело в том, что меня мало интересовали те люди. Не волновали. Я пришел спасти вас.

— Вы... пригласили меня на борт. И... как раз в тот

момент на нас обрушился еще один взрыв.

— Да. Да, был еще один взрыв. Я помню.

Ник напряженно прошептал:

— Боюсь, вы серьезно пострадали тогда.

— Ах!

Он взял ее руки, обхватил всю ее своими руками. Она закрыла глаза, но ничего не могла сделать, чтобы отогнать странное чувство от его прикосновения.

— Да, мне нужно было спешить.

Леди раскрыла рот от изумления.

—...Вам очень хорошо подошел мой костюм... И который, следовательно, внутри был почти пуст. И я, находясь внутри костюма, снабженного электроникой, управлял его вспомогательными устройствами рук и пальцев, с помощью своих металлических рук поместил вас в полость для моего тела. И в сущности находясь в костюме и оперируя в нем, снабжал вас воздухом, осуществляя дыхание, хотя ваши легкие иногда с трудом работали.

Затем я перенес вас успешно через пропасть холода, пустоты и смерти в мой маленький корабль, стоящий рядом. Потом извлек вас из моего снаряжения и сразу же поместил в медицинский отсек. И сейчас... сейчас вы находитесь здесь.

Леди неотрывно глядела на Хоксмура.

Казалось, она не дышит.

Казалось, не нуждается в том, чтобы дышать.

Ее спаситель, испугавшись молчания, произнес в тишине:

— Думаю, вы совсем не помните мой маленький корабль. У вас даже не было возможности увидеть его. Я назвал его «Рен» в честь моего учителя-тезки, Кристофера Рена, архитектора. Не знаю, был ли он кем-то наподобие пилота на плавающем корабле — такие корабли существовали в те времена. Не думаю, что он...

Она оборвала Ника с выражением потрясения и ужаса:

— Вы — всего лишь изображение?

— В каком-то смысле, да. Образ, возникающий в виртуальной реальности. Технически я — оптикоэлект-

рический искусственный объект. В общем, компьютерная программа.

— Тогда, чем же стала я? Что вы со мной сделали?

Ник, который очень боялся этого мгновения, делал все возможное, чтобы объясниться. Приятно и приглушенно начал говорить. Но не успел произнести и десяток слов, как леди пронзительно закричала.

Он пытался превзойти ее крик, но бесполезно. Поэтому ради ее собственного здоровья он что-то переключил и выключил ее.

На время, конечно.

6

К Кенсингу, задумчиво стоящему в коридоре яхты, обратился, видимо желая помочь, один из младших офицеров:

— Вы действительно ничего еще не знаете о Нике?

Кенсинг уставился на него:

— Меня волнуют другие вещи. И что такое я должен знать Нике, если вообще его проблемы сейчас уместны?

Офицер попытался оправдаться:

— Я не говорил, что у него проблемы.

— О! — внезапно пришла в голову Кенсинга ошеломляющая мысль. Он как-то слышал о создании оптикоэлектронного существа, являющегося близким аналогом человека.

Такое не часто случалось, хотя технически это было возможно давно.

В обществе, которое развивалось и продолжает развиваться в продолжительной борьбе против машин, антропоморфизация техники или программных средств считалась непопулярным и непривычным.

Такие конструкции, кроме того, являлись незаконными на многих планетах и среди народов, которые, имея страшный пример нападения берсеркеров, жили в страхе, что их собственные компьютерные искусственные объекты выйдут из подчинения.

Кенсинг спросил:

— Вы имеете в виду искусственного человека?

— Нет. Я имел в виду то, что сказал. Об этом факте мало знает общественность, но за последнее время босс проявляет определенный интерес к электронным существам.

Кенсинг кивнул головой. Многие студенты философских, политеческих и управленческих отделений глубоко заинтересовались антропологическими программами, задуманными с самого начала как противопоставление проектам создания записей с живого человеческого мозга.

Но несколько созданных экземпляров, как правило, скрывались.

Существовали и такие, вся программа поведения которых была записана с человеческого мозга. Они применялись для пользы людей, но имели много ограничений.

Кенсинг однажды встречался с таким. Звали его Хилери Гейдж. Он... или оно, но Хилери сыграл важную роль в одной из самых известных битв с берсеркерами. Встретив Гейджа после сражения, Кенсинг получил удовольствие от продолжительной беседы с ним. Даже после приятного разговора Кенсинг не знал, какое местоимение к нему применять: он или оно.

Узнав сегодня правду о Хоксмуре, Сандро неожиданно вспомнил о Фрэнке Маркусе. Выяснил, что Фрэнк знает Гейджа. И Фрэнк, как многие другие, оставался полностью уверенным, что человек с записанным мозгом, с которым он познакомился, не более чем программа.

Кенсинг и Маркус с минуты на минуту ждали, когда увидят последнее изображение похищенной станции, сделанное компьютером «Фантома» в натуральную величину.

Весь экипаж занимал очередь в тен-клуб, чтобы увидеть это, когда получат возможность.

Все хотели выяснить, что из себя представляет желанная добыча, которую они преследуют. И какие военные операции возможны, когда, подойдя достаточно

близко, попытаются вернуть биолабораторию.

Но Сандро, ожидая увидеть натуральное изображение модели, подумал, что все предприятие обречено на провал. Берсеркеры убивали. В этом состояла цель, для которой их сконструировали и построили. Этим они и занимались.

Возможность, что Анюта осталась в живых, была совсем мала, фактически не реальна.

На экране появились помехи. И нежданно показался Ник Хоксмур. Он стоял сбоку и немного позади смодулированной станции, облокотившись на верхний диск.

Невесомое изображение прекрасно поддерживало его невесомое тело.

— Извините меня, джентльмены, но я не мог услышать вас. Сейчас коснусь одной из функций поддержки жизни здесь, в отсеке. Я случайно прорвался на разговор.

— Все в порядке,— ответил Кенсинг, испытывая странное чувство.

Николас принял эти слова с легкой улыбкой.

Было заметно, что его в основном интересовал разговор с Фрэнком, и взгляд был направлен в сторону полковника.

Сразу же сказал:

— Возможно, вам известно, что я сам электронный человек?

Фрэнк смотрел на изображение Хоксмура через окуляры на лицевом ящике. Поворачивался в сторону Ника и третий окуляр полковника — чтоб лучше разглядеть.

— А, это ты? — произнес Фрэнк.

Кенсинг был поражен тем, что голос человека, собранного и дополненного в ящиках, менее походил на человеческий в сравнении с Ником. Хотя оба воспроизводились механическими динамиками.

— Да, это я.

Ник настойчиво выражал интерес и решимость:

— Мое появление рассердило вас? Вы считаете себя оскорбленными?

Фрэнк чуть взмахнул передней металлической конечностью.

— Думаю, вы меня застали немного врасплох. Я бы рассердился, если бы меня оскорбил человек. Но нет смысла выходить из себя из-за машины. Вы хорошая машина, Ник?

— В мои обязанности входит быть хорошей машиной и стараться делать все, как можно лучше. Если вы не обиделись, полковник, и если у вас найдется немного времени, позвольте продолжить разговор.

— Давайте.

— Вероятно, вы не удивитесь, что я нахожу эту тему весьма интересной. Я не думал, что вы примете мое появление так быстро и не станете возражать. По крайней мере, даже не выразили подозрения, что я шучу.

Три ящика Фрэнка зашевелились, возвращаясь в обычное положение. У Кенсинга сложилось впечатление, что их владелец таким образом устраивается поудобнее.

Маркус заметил:

— Я сказал, что ты немного застал меня врасплох. Но не совсем.

— Правда? Не совсем? Я хотел бы знать, что вы думаете обо мне — о моей персоне на экране — которую вы не раз видели — что выдает во мне отсутствие тела.

— Возможно, когда-нибудь мы сможем подробнее поговорить об этом. Сейчас же у меня много других дел.

Разговор закончился.

При следующей беседе с премьером Дираком Кенсинг отметил, как натурально выглядит Ник Хоксмур и насколько отменно программисты выполнили свою работу.

— Полагаю, что он — относительно новая версия?

Дирак согласился:

— Да, его создали год назад. Специалисты хорошо поработали, правда? На это ушло несколько месяцев. Дело в том, что мне меньше и меньше нравится достигнутое живыми архитекторами. Например, эта биостанция. Потому я и решил попробовать, на что способен искусственный оптиэлектронный мозг.

— Мне говорили, что на создание программы подоб-

ной сложности идет лишь несколько месяцев быстрой работы, премьер. А я думал, на это тратятся годы. Вы не могли бы сказать, как ему выбирали имя?

— У моих инженеров были уже готовые блоки с программой,— рассеянно пояснил Дирак.— Это ускорило работу. А что до имени... Ник выбрал его сам. Он заимствовал его у строителя восемнадцатого века. Как-нибудь я расскажу вам эту историю. Вы хорошо осмотрели модель станции?

Кенсингу, который имел возможность наблюдать взаимоотношения между премьером Дираком и Хоксмуром, показалось, что живой создатель и его искусственное создание довольно хорошо ладили.

Но отношение премьера к оптиэлектронным людям было сложным и ревностным.

Однажды Сандро услышал, как Дирак заявил:

— Эти преобразованные души, отдохнувшие от плоти в электронной модальности, в целом обладают более высоким социальным положением, если можно так сказать, чем те, у которых никогда в жизни не имелись красные кровяные клетки.

Кенсинг не удивился, узнав, что не один он был обманут Ником.

Другие больше, чем он, расстроились, открыв правду.

Некоторые члены экипажа, как и все люди, выражали протест или, по крайней мере, возражали. Они чувствовали неудобно с компьютерными объектами, которые выглядели и разговаривали, как сами люди.

Конечно, большинство жителей не возражали против вычислительных способностей Хоксмура или его интеллекта. Их устраивало, что эта вещь обладает человеческими признаками и что с ней (или с ним?) премьер советуется, спорит (иногда весело!), и который (или которая?) так сильно влиял на Дирака.

Когда эскадрон был готов покинуть Иматру, Ник собирался оставить свой «Рен» — маленький корабль.

Место на палубе ангара, обычно занимаемое этим часто полезным, но не вооруженным судном, досталось вооруженному военному разведчику, последнему боевому кораблю, каким-то образом оставшемуся в Иматранской системе.

Последнее сражение закончилось перед тем, как разведчик добрался до сцены битвы.

И вот Дирак, который держал в страхе и наказывал, давил своим величием местное начальство, забрал у него этот корабль.

Но расставание с «Реном» принесло Нику больше проблем, чем мог представить его хозяин-создатель. Перед отправкой эскадрона Хоксмур наряду с другими своими обязанностями проконтролировал, чтобы роботы перенесли некоторое оборудование в «Рен», установив его на заново обретенном корабле-разведчике.

При этой операции Ник сам перемещался на борт корабля. Он следил за роботами, выполняющими большую часть физической нагрузки. Это были металлические создания размером с собаку, ничего общего не имеющие с живыми существами и ничего не ведающие о интеллекте.

Открыто проводя дело, Хоксмур знал: ему крайне необходимо проследить, чтобы выполнили еще одну задачу — и в строгой секретности. Он должен был организовать транспортировку со своего маленького корабля на борт яхты не только физическое оборудование, в котором находился большую часть времени, когда работал в скафандре, но и оборудование для Дженни.

Оказалось примерно так, как он предполагал.

Объем, необходимый для хранения записанных данных когда-то живого человека — в данном случае, леди Дженевьев — при существующей технологии, которая заключалась в хранении по последней подквантовой системе в прочных емкостях из тяжелых металлов и смешанных материалов, был почти равен требующемуся для самого Ника: около четырех тысяч кубических сантиметров. Объем, примерно равный трем взрослым человеческим черепам.

Костюм, который выбрал Ник для осуществления этой работы — необычной транспортировки — оказался тем же самым, в котором он спас леди Дженевьев. Тогда, на обреченном курьере. На костюме были небольшие повреждения. Их-то Ник собирался использовать для оправдания, если кто-то заинтересуется и станет задавать вопросы.

У него имелось несколько хороших объяснений, из которых он собирался выбрать лучшее.

Однажды, переходя по палубе ангара «Фантома», Ник натолкнулся на Кенсинга, который был тоже в космическом снаряжении.

Живой человек проводил инвентаризацию и проверку маленького корабля на борту, который был необходим на случай абордажа.

Ник заметил удивление Кенсинга при виде пустого костюма Ника. Почему-то это вызвало у молодого инженера, как и у многих, странную дрожь и волнение.

После встречи с Кенсингом Хоксмур решил оторваться на несколько минут от своих обязанностей. Он не имел права на отдых, поскольку предполагалось, что он Нику и не нужен. Он хотел навестить Дженни, чтоб убедиться, что она прошла физическую трансформацию без каких-либо осложнений.

Практически не было причин сомневаться, что она хоть что-то почувствовала. Но хотелось убедиться в этом.

В глубине души Хоксмур начал серьезное размышление о его новых отношениях с леди Дженевьев.

Одной из первых задач, которую он выполнил, завершая секретную работу, являлась наладка, очень точная и осторожная, периферического программирования леди, надеясь таким образом помочь ей оправиться от шока осознания своего нового состояния бытия.

Ник действовал осторожно, чтобы не переусердствовать в наладке, и как только леди вновь проснулась, она сразу начала умолять и требовать, чтобы он подробно рассказал, что с ней случилось.

После транспортировки на яхту во время посещения

Дженни Хоксмур возобновил попытки, как можно мягче объяснить Дженевьев новую ситуацию.

Через несколько минут после того, как он спас леди Дженевьев, чей дух все еще цепко держался за родное тело, Ник успешно переправил ее из гибнущего курьера на свой корабль. Медицинский робот поставил ей диагноз и нашел ее раны смертельными. Даже при глубоком замораживании до оказания лучшей медицинской помощи прогноз был очень плохим.

В этом положении Ник, как он сейчас подробно излагал, не имел выбора.

Несмотря на все возможные его и медицинского робота попытки, мозг леди Дженевьев скоро бы умер, а если бы это случилось, ни хирург, ни просто врач, ни близкий человек, ни робот уже не могли бы восстановить ее личность.

Когда Николас — или его изображение в виртуальной реальности — рассказывал эту историю, Дженни, или ее образ, беспомощно смотрела на него, приоткрыв маленький рот с белыми зубами.

В этот момент они находились, насколько было известно Дженни, в самом центре Аббатства, на полпути от западного нефа. Они прогуливались, наслаждаясь великолепием красок, нанесенных на камень и дерево послеобеденным солнцем, проникающим через витражное стекло огромного окна.

«Не такое великолепное розовое окно,— подумал Ник про себя,— как должно быть в Шартрезе, но все равно впечатляет».

— Следовательно, моя леди,— заключил Хоксмур,— как я уже пытался объяснить, я сделал единственное, что мог. Записал вас. Сохранил структуру вашего сознания, сущность вашей личности, практически всю память.

Благодаря искусной настройке, проделанной Ником, когда у леди был последний момент в ее периферическом программировании, Дженевьев вскоре смогла достаточно успокоиться, чтобы отвечать.

Следующие ее слова, произнесенные с вежливостью,

достойной леди, снова выражали благодарность Нику за спасение. Затем последовала мольба, даже требование более детально объяснить ее состояние.

Успокоенный тем, что кульминация объяснения прошла без катастрофы, Хоксмур продолжил как можно деликатнее вдаваться в подробности.

О том, как он придал форму и одел в образ саму леди Дженевьев, собрав огромное количество данных с видеозаписей прекрасной женщины Дженевьев, которые оказались под рукой. Но не просто оказались. Его растущее обожание леди несколько месяцев назад привело к тому, что он начал собирать видеозаписи — и чем ближе день свадьбы Дженевьев с Дираком, тем больше становилось материала.

Ник мог бы сказать нечто потрясающее о деталях, подробностях того, как он создавал облик Дженевьев.

Но с леди уже было довольно.

Она резко прервала рассказ Хоксмура требованием, чтобы он немедленно начал ее возвращение в органическое тело.

— Ник, я понимаю, что вашей целью того... что вы сделали... являлось спасение моей жизни. И вам удалось. Всей душой благодарна.

— Моя леди, это было единственное, что...

— Но я ведь не смогу жить бесконечно вот так, без настоящего человеческого тела. Сколько времени потребуется на реставрацию?

Николас страшно боялся этого момента в беседах.

— Моя леди, не могу даже высказать словами моего сожаления. Но то, о чем просите... Ну, я просто не мог найти способа, чтобы это выполнить...

Они повернули за угловую колонну и остановились в южном трансепте Аббатства, рядом с тем местом, которое, как узнал Хоксмур, должно называться Угол поэтов — в честь мастеров искусств. Они или похоронены, или увековечены здесь.

Но леди Дженевьев не интересовала сейчас ни поэзия, ни архитектура.

Она подняла глаза и осмотрелась так, словно ее воображаемые глаза могли рассмотреть сквозь вирту-

альный мир камней и стекла более грубую, лежащую в глубине материю, составляющую реальный металлический мир.

Дженевьев с прежней требовательностью к Нику:

— Где мы сейчас на самом деле?

— По определенным причинам, леди Дженевьев, или Дженни, если я все еще могу вас так называть, мы сейчас, как я уже пытался объяснить, на борту яхты вашего мужа, на «Фантоме». Но Дирак не имеет ни малейшего представления, что вы здесь.

— Он даже не подозревает?

Дженевьев была буквально шокирована.

Но Николас почувствовал в реакции леди и долю надежды.

— Я-то думала, что вы все это делали по его приказу.

Нику никогда не приходило в голову, что у нее может появиться такое подозрение.

Он сказал:

— Я сейчас объяснюсь. Но будьте уверены, что у премьера Дирака не может быть ни малейшего подозрения, что вы выжили в такой форме. Он просто думает, что вы мертвы, убиты вместе с другими на борту курьера, когда произошел взрыв.

— Значит, вы ему не сказали?

К огромному облегчению Ника, в этих словах было больше расчета, чем обвинения.

Успокоил ее:

— Я никому не сказал.

— Почему?

— Почему я не сказал вашему мужу? — Хоксмур вдруг ощутил некоторую нервозность и неуверенность.— Есть причины. Я не собирался извиняться за свое поведение, но вы непременно заслуживаете объяснения.

— Ну?

— Да. Когда мы встретились первый раз, Дженни... Я имею в виду, первый раз, когда вы смотрели на меня и отвечали мне... там, в той большой лаборатории на борту биоисследовательской станции, когда не было

даже намека на нападание берсеркера. У меня сложилось впечатление, что вы глубоко несчастная. Я был не прав?

Она колебалась.

Николас повторил:

— Я был не прав?

Она смотрела на один из мраморных монументов за деревянными перегородками с античной надписью, вырезанную на дереве. Хоксмур мог бы поведать Дженевьев очаровательную историю этого мемориала, если бы ей было интересно узнать. Но леди просто смотрела, думая о другом. Наконец, произнесла:

— Нет. Нет, Ник! Думаю, что вы правы.

Я знал это! И вы подтвердили, что боитесь своего мужа. Я тоже жил с ним в определенном смысле, только очень короткое время, видите ли. Знаю, как и вы, что наш премьер — не очень приятный человек в Галактике, чтобы с ним всегда ладить.

Дженевьев мрачно улыбнулась:

— Да...

Хоксмур продолжал:

— Я и премьер иногда... ну, не всегда все хорошо между нами, моим создателем и мной.

И снова, снова его излияния:

— Видите ли, Дженни, во-первых, когда я вытаскивал вас из курьера, переносил в медицинский отсек, то решил, что запись вашего мозга — единственный способ спасения. И тогда у меня не было мысли сохранять ваше спасение в секрете. Не было никакого обдуманного плана. А потом... перед тем, как сообщить миру, что вы спасены, лучше убедиться, что вы прошли через процесс записывания в хорошей форме. Это, позвольте уверить вас, сущая правда.

— А потом?

— Что ж, я решил дать вам понять, что у вас есть право выбора.

Ник буквально взорвался.

— То есть право выбирать: вернуться к нему обратно или нет!

— Вернуться к нему? — Дженни была оглушена и ничего не понимала.

Затем в ее глазах появилась безумная надежда:

— Вы, Ник, хотели сказать, что... способны восстановить мое тело?

— Я? Нет. Кажется, я уже объяснил, что не могу это выполнить. Никто не может. Ваше тело было полностью разрушено.

— Тогда... как я смогу вернуться к нему? Что вы хотели сказать этим? Как я могу вернуться к кому-то в таком состоянии?

— Думаю, что единственный реальный способ, которым вы можете воспользоваться, чтобы вернуться к нему,— произнес Ник сдержанным тоном,— поговорить с Дираком с экрана. Или встретиться с ним, как мы с вами.

— Увидеться с ним в нереальном мире, подобно этому? Или взглянуть на него с экрана? Какая польза?

Леди снова стала терять разум.

— Мужчине, который женился на мне, чтобы дать начало династии, какая польза увидеть нереальную женщину? В мире политики быть женатым на электронном призраке ничего не значит, совершенно ничего! Нет, мой муж никогда не узнает, что случилось со мной. Во всяком случае, пока вы не вернете меня в реальную жизнь. Нет, мой муж не должен видеть меня такой! Он может...

Леди не закончила предложение, будто побоялась это сделать.

— Конечно, есть альтернатива,— сказал Ник, немного помолчав, у него росло чувство отчаяния.— Думаю, прекрасная альтернатива. Она состоит в том, что я и вы... что мы сможем жить вместе. Возможно, с другими, подобными нам...

Леди передернуло:

— Подобные нам? То есть, неживыми? Программами, образами жить?

— Это разные формы жизни. Но мы...

— Жизни? Разве это жизнь? У меня должно быть тело.

Дженевьев почти кричала, размахивая своими воображаемыми руками:

— Кожа, кровь, кости, пол, мускулы! Вы можете мне дать это?

Хоксмур снова прилагал все усилия, чтобы объяснить дело. Но леди не интересовали детали. Она даже не хотела слышать о том, что ей не возможно вернуть тело.

И желала, чтобы Николас совершил это во что бы то ни стало.

Но в то же время — и это уже было достижением, которое вселяло в Ника надежду — Дженевьев не хотела, чтобы Хоксмур оставлял ее одну. Она даже жаловалась, что когда Николас уходил, ей в Аббатстве было мучительно тяжело.

Хоксмур испытал огромную радость, узнав, что леди скучала без него.

И все же он решил иногда оставлять леди в одиночестве.

— Я могу прислать людей,— предложил он.

— Настоящих людей?

— Пока нет. Ваша компания будет временно ограничиваться отдаленными фигурами. Такими, как священник, например. Может, подойдет небольшая компания, веселящаяся в соседней комнате или возле пруда, а так же звуки, отдаленные образы людей, которые поют и танцуют.

— И я никогда не стану к ним присоединяться? Нет, спасибо, Ник. Просто навещайте меня, когда будет у вас свободное время. И вы должны принести мне хорошие вести.

— Хорошо.— И он пошел, уже перенося мысленно свое сознание в другое место. Отправился по пути скорого выхода из сети, возвращаясь к своим обязанностям, воодушевленный и полный решимости, поскольку леди не хотела его отпускать.

Перед тем, как уйти от нее, все, что мог сделать Хоксмур — показать леди, как уснуть.

Но Ник был и глубоко разочарован той несправедливой реакцией женщины, которую он любил. Хотя и убеждал сам себя, что на разочарование и горечь не

имеет права. К тому ж, он хотел предложить ей счастливое будущее.

Кроме того, Ник был совершенно уверен, что на уровне своей основной программы требование Дженевьев восстановить ее тело было невозможно осуществить.

Нигде в своей безупречной и обширной памяти он не находил никакого указания на то, что множество данных, которыми обладает оптиэлектронный человек (власти не пришли к общему суждению о термине, относящемся к обоим типам запрограммированных людей), будь он органический или искусственный по происхождению, можно успешно загрузить в живой мозг. Не было таких примеров. Или Ник не знал их.

При очередной встрече леди и Ника, состоявшейся несколько минут спустя по понятиям реального времени для живых Дженни, пытаясь смириться с неприятным фактом своего нового существования, выразила раскаяние в ее недавней резкости и кажущейся неблагодарности.

Она только повторяла, что благодарна Хоксмуру за спасение, соглашалась, что призрачное существование среди призрачных людей лучше, чем смерть.

И с такой настойчивостью леди повторяла это, что у Ника сложилось ощущение, будто она старалась убедить в чем-то саму себя.

Ник был рад благодарности Дженевьев, но был и глубоко задет тем, что любимая женщина могла отрицать его мир и все его существование.

Он буквально преклонялся перед этой женщиной. Особенно сейчас, когда она стала в чем-то подобной ему. если только слово «женщина» было применимо к такой, какой леди стала. Да, можно! Он настаивал на этом. Ведь и слово «преклоняться» было подходящим словом к тому, что он чувствовал.

Любовь? Исходя из банка данных, к которым Ник имел доступ, и волнующего присутствия среди них загадочного слова «любовь» Ник понял, что нелегко определить его значение.

А то, что Хоксмур чувствовал, некоторые люди определили бы как стремление одной программы к другой.

Из-за застенчивости Нику трудно было объясниться с леди Дженевьев. Но ведь он стал испытывать подобное гораздо раньше, чем удалось наладить с леди близкие отношения.

Все началось, когда он впервые увидел ее за несколько месяцев до ее несчастного путешествия к Иматре.

Леди уже достаточно пробыла в мире Хоксмура, чтобы появилась необходимость объяснить степень различия в его мире между восприятием и взаимодействием.

Все, что видит живой человек или оптикоэлектронный, является воображением.

Не так ли?

В последующее посещение Аббатства Ник предпринял очередную попытку. Леди, казалось, тронули его доводы и аргументы. Она согласилась, что Хоксмур ей тоже нравится. Правда, нравится! Но продолжала настаивать вернуть ей каким-либо образом человеческое тело.

В этом, предупредила она, компромиссов не будет.

И, добавляла она, давно нуждается в выздоровлении и восстановлении. Почему Ник до сих пор не занимается этим?

И когда Ник снова хотел очень осторожно отговорить ее, леди быстро проявила признаки того, что она на грани крика.

Ясно, что Нику надо было что-либо пообещать.

И он торжественно поклялся, как она настаивала, приступить к работе для ее возвращения в то, что леди называла настоящим телом, плотью, в которой родилась.

Он так же пообещал, что его усилия не пропадут даром.

Успокоив Дженни, Хоксмур покинул ее.

Уходил из Аббатства, проникая в схемы, дающие возможность приблизиться к живому существу. Думал про себя, приводя изменения в своей базе, в своих знани-

ях, что кто-нибудь когда-нибудь на каком-либо корабле или планете Солнечной системы, а может, и в секторе Галактики должен будет загрузить данные оборудования человеческой личности с компьютера в живой мозг.

Но, когда Хоксмур в короткие свободные минуты пытался глубже вникнуть в эту проблему, он вскоре обнаружил, что во всех банках данных, к которым имел доступ по установленному порядку — включая известное на яхте, не было ничего ни о настройке электронной личности на живой мозг, ни даже чего-либо близкого к тому.

Такое загадочное молчание показалось Нику довольно странным.

Неужели босс, интересующийся подобными вещами, не желал, чтобы другие проводили эксперименты в этой области?

Даже оптикоэлектронный мозг Николаса Хоксмура был удивлен. Неужели какая-то информация систематически скрывалась от него? И по какой причине? Может, босс думал, что Ник изменит себя, узнав способы?

Но у Хоксмура даже не было желания менять себя... Или не было до сих пор?

Он не представлял, каким образом вернуть тело Дженни, используя лишь оборудование, имеющееся на яхте. Но у Ника появилась мысль: если его воинствующий босс догонит похищенную станцию каким-то сверхестественным образом — что практически невозможно — вернет от берсеркера биосооружение в достаточно целом состоянии, то с помощью биологического оборудования можно что-то совершить.

Ник в задумчивости покачал головой.

Даже предположив, что эскадрон Дирака будет иметь совершеннейший успех, и в его распоряжении снова окажется биолаборатория, у Ника или еще кого-нибудь, конечно, не будет времени использовать ее, пока корабли и их добыча не вернутся на Иматру.

Не так ли?

В собственном банке Хоксмура имелось упоминание о том, что на одной из планет Солнечной системы существовал полурелигиозный культ, чьи приверженцы поощряли запись человека как стремление к духовному бессмертию.

Не премьер ли Дирак питал к сему личный интерес?

Ходили даже слухи, что он имел какое-то отношение к этому культу.

Было известно, что Фрэнк Маркус согласился принять на время чрезвычайного положения обязанности главного пилота на яхте премьера. Частью договора между Дираком и Фрэнком являлось то, что до начала военных действий многие или наиболее рутинные действия пилота выполнялись младшими по чину. По сути, младшими смертниками.

Судя по размеру и форме частей металлического тела полковника Маркуса (скорее, его тел: Кенсинг заметил, что время от времени металлические блоки менялись) и небольшому количеству органического питания, которое Маркус употреблял (в виде кашицы), сохранилась лишь часть его изначальной плоти.

По слухам же, его живой вес составлял пять килограммов, судя по количеству поглощаемой им пищи, похожей на клей.

Но как бы много Маркус ни потерял, Сандро готов был поставить на карту даже жизнь, что полковник точно не был записан. Достаточно побыть с ним и поговорить хоть немного.

Обычно Фрэнк сам готовил себе еду. Иногда это делал обслуживающий робот. И, бывало, если Фрэнк отдыхал, он даже позволял себе несколько капель великолепного перуанского бренди.

Ходили и другие слухи: не одна из женщин экипажа хотела и могла засвидетельствовать тот факт, что человек, живущий в ящиках, все еще мужчина.

Остальные сплетни вряд ли можно назвать серьезны-

ми. Проверьте одну на Фрэнке, как это сделал Кенсинг. Выскажите в разговоре подозрение, что живой мозг полковника давно уже мертв и записан, и Фрэнк хрипло рассмеется вам в лицо.

Да, порой мозг действовал с помощью компьютера, включая оптикоэлектронику при работе в шлеме на корабле, но любой пилот обычно пользовался этим, когда испытывал трудности.

Без сомнения, собственный мозг Фрэнка, как часть его самого, органического или электронного, осуществлял контроль над ним. И несколько раз Маркус страстно заявлял, что он никогда не позволит себе быть записанным.

Дирак сказал однажды с восхищением, что если бы Фрэнк не смог сам, он постарался бы найти кого-нибудь, подобного себе, мужчину или женщину, живущих в маркусовых ящиках. И вручил бы ему должность первого пилота на случай военных действий с берсеркерами. Ну, как сейчас.

За последние десятилетия, а, возможно, и за столетие, имя Маркуса стало нарицательным для специального оборудования, используемого людьми Солнечной системы, страдающими очень серьезными физическими недостатками.

Но люди в ящиках Маркуса встречались крайне редко.

Почти все, кто страдал серьезными физическими недостатками или повреждениями, могли прибегнуть к восстановлению. И многие предпочитали именно это. Тело исправлялось или заменялось. И, как правило, новое тело отличалось тем, что нередко было даже лучше прежнего. Исключение составлял только мозг.

Наверно, у Фрэнка были какие-то непреодолимые мецицинские показания жить в ящиках, вместо того, чтобы поменять тело. Об этом, возможно, мог говорить только медицинский офицер на борту «Фантома». Этика же, естественно, не препятствовала случайным попыткам распространить слухи на эту тему.

Похоже, что никто из присутствующих, кроме самого премьера, который вообще не интересовался этим — не

имел мужества спросить полковника напрямую.

Некоторые предполагали: Маркус находился с самого начала — несколько столетий назад — в таком состоянии по вынужденным медицинским и техническим причинам, а сейчас предпочитал сохранять массивное оборудование по личным.

Среди пилотов только Ник претендовал, подобно Фрэнку, на роль безупречного специалиста по различным современным машинам. Хоксмур теперь находился среди тех, кто принимал смену у пульта управления «Фантома».

Когда подходила его очередь, кресло ускорения пилота пустовало.

Начиная погоню, Дирак, посоветовавшись со своими живыми и системными консультантами, приказал наступать на сверхсветовой скорости, хотя риск даже от небольшого ускорения в этом районе космоса был значительный.

Но лишь продвигаясь быстрее, чем свет, они могли быть уверенными, что схватят берсеркера.

Только великолепное пилотирование могло до некоторой степени уменьшить риск.

Хоксмур один из первых признал, что Фрэнк, как редко кто в Солнечной системе, обладал чутьем в управлении аппаратурой, в чем даже Ник не мог его превзойти.

Удивительно живой мозг Фрэнка по непонятным пока причинам отличался как на сознательном, так и на подсознательном уровне преимуществом в сравнении с машинами, над которыми даже лучшие пилоты даже и в благоприятных условиях не в состоянии были добиться превосходства.

Фрэнк, в свою очередь, понаблюдав, как Ник управляет кораблем и компьютером, охотно признал, что Хоксмур довольно успешно справляется со сложными машинами и что он или... «оно», как всегда говаривал Маркус, возможно, будет отменно сражаться с берсеркерами, хотя у Ника и не было пока опыта в этом.

Полковник Маркус, как заметил Кенсинг, с меньшей охотой давал оценку людям.

Но когда подымался вопрос: можно или нет считать Ника и ему подобных людьми, Фрэнк просто высмеивал тех, кто всерьез заговаривал на эту тему.

Погоня премьера за берсеркером продолжалась примерно два стандартных дня. Преследование шло неуклонно.

И вот, когда никто не ждал реального столкновения, разразилось сражение.

Берсеркер и его добыча находились еще далеко за пределами досягаемости орудий.

Мозг яхты кратко предупредил о надвигающейся беде и прервал очередное заседание стратегического совета.

— Девяносто процентов вероятности нападения через сорок секунд.

Кенсинг, неожиданно подумав о том, что Анюта находится где-то поблизости, вскочил и бросился к своему боевому посту. Чуть позже его чуть не сбил с ног кучей ящиков сам Фрэнк Маркус. Его ящики больше не казались неуклюжими. Они обогнали бегущего Сандро и других членов экипажа.

Сигнал системы раннего предупреждения быстро подтвердили. В космическом пространстве выстроилось оборудование берсеркера в виде маленьких аппаратов, остановившихся в ожидании эскадрона Дирака.

До встречи оставалось всего несколько секунд. И встречи нельзя было избежать. Вражеские аппараты, замаскированные пылью и отражениями, образовывали слабо изогнутую линию, расположенную за плывущим рейдером и его добычей. Это были разумные мины, великолепное оружие, выжидающее с нечеловеческим терпением момент, когда можно взорваться или пойти на таран. И взорвать себя вместе с преследователем.

До этого момента преследователи шли быстро, почти ослепленные своей собственной скоростью, прямо по следу. Переходили от одного космического режима к

другому. Этого требовала срочность погони за противником.

К счастью, Фрэнк успел занять кресло пилота.

И когда враг, должно быть, рассчитал, что его засада обнаружена, космос, казалось, воспламенился в одном огромном взрыве. А яхта, вместо того, чтобы увернуться, понеслась прыжками вперед с еще большей неистовостью.

Пилоты двух кораблей делали все возможное, чтобы держаться Фрэнка, соблюдая что-то вроде боевого порядка и быть готовыми к встрече со смертельными врагами, когда они войдут в зону действия оружия.

Некоторые засадные машины можно было обойти или не заметить, но столкновение и борьба были неизбежны.

У экипажа яхты, состоящего в основном из таких, как Кенсинг, то есть, из неопытных новичков, сложилось впечатление, что «Фантом» выравнивается и одновременно отворачивает в другую сторону.

Корпуса трех кораблей звенели под воздействием радиации.

В первый момент казалось, что единственным исходом столкновения могло быть полное уничтожение: людей или берсеркеров.

Враг выбрал засаду в плотных краях туманности, где средняя плотность материи предельно высокая. И эскадрон, все три корабля, внедрились в нормальный космос. Погоня тормозилась и захлебывалась, останавливалась внутри этого вещества. Боевой порядок, и без того поддерживаемый с большим трудом, быстро нарушился в тактическом маневре, на время потеряв след врага.

Два маленьких корабля, сопровождающих вооруженную яхту премьера, были скоро уничтожены в том бою. Люди у пульта управления на «Фантоме» видели, как один из них мгновенно испарился, а другой через несколько секунд получил серьезные повреждения. Его оставшийся в живых капитан радировал о намерении по возможности медленно продвигаться назад к Иматре.

Дирак, крича по радио, пытался запретить это реше-

ние, но трудно сказать, получили ли его приказ.

Вдруг сразу же — и Дирак, и остальные у пульта — увидели, как был уничтожен и второй корабль.

7

Итак, два из трех кораблей премьера уничтожены. Сама яхта выдержала, по меньшей мере, один удар.

На нескольких палубах остались лежать мертвые и раненые. В коридорах клубился дым, уходил воздух из разгерметизированных отсеков.

Но поскольку «Фантом» выдержал атаку врага, ни Дирак, ни его первоклассный пилот не собирались прекращать погоню.

Во время последующей передышки все, кроме серьезно раненых, были собраны и получили оружие для закрытых помещений, шлемы с альфаспуском или прицелом и приспособления к ним.

Наиболее новые виды оружия отражали режущие лучи, которые действовали на обычное снаряжение, не задевая тело. Они отражались, не нанося или почти не нанося вреда.

Между стычками мог меняться код химического состава одежды, что позволяло уменьшить шансы врага на успешное применение его оружия.

Глубоко в мозгу Кенсинга мелькнула мысль, что это могло бы помочь добиться успеха. Как инженер системы обороны, он мог извлечь пользу из накапливающегося опыта этого сражения.

Находясь на своем боевом посту, каждый по очереди получил от обслуживающего робота снаряжение с соответствующим комбинезоном, покрытым свежей краской.

Другой обслуживающий персонал, состоящий из машин, разошелся по комнатам и коридорам, обрабатывая внутреннюю поверхность корабля из распылителей.

Кенсинг в полной экипировке, как и многие из экипажа, находился на своем боевом посту, готовый в любой момент оказать помощь, заменить поврежденное управление или отражать атаки в случае абордажа. Он услышал, как Фрэнк, сидя в кресле пилота, что-то пробурчал по поводу того, что в данной ситуации разворачивая корабль назад, они рискуют не больше, чем если бы продолжали движение вперед.

Насколько было известно Сэнди Кенсингу, премьер Дирак ненамного превосходил его в опыте владения космическим сражением. Как бы то ни было, премьер спокойно продолжал отдавать приказы — так же спокойно при необходимости консультировался с полковником Маркусом и другими экспертами прежде чем что-либо предпринять.

Как обычно, его приказы исполнялись немедленно и без замечаний.

Кенсинг обратил внимание, что этот человек редко и неумышленно навязывал свою волю там, где был некомпетентен.

Фрэнк Маркус, казалось, испытывал удовольствие от каждого момента сражения. Как только у него появлялись свободные секунды, он просил принести что-либо наподобие приспособления, напоминающего руки, и присоединить их к одному из его ящиков.

— Для чего? — мысленно спрашивал кто-нибудь. Мысленно, а не вслух.

Маркус же отвечал вслух:

— Для того, чтобы можно было взяться за руки.

Кенсинг пока что был занят тем, что наблюдал за ремонтными работами поврежденного пульта управления.

Раненым на яхте обеспечили необходимый уход.

Некоторые из экипажа погибли. Но вот число раненых было недостаточно, чтобы ими заполнить все пять коек, за которыми ухаживали медицинские роботы. Речь, конечно, о тяжело раненых, не о тех, кто мог вполне держаться на своих постах.

Корабль продвигался вперед.

Кенсинг допускал, что на борту вполне могли быть люди, возражающие против продолжения полета вперед. Но если так, они все же оставляли свои чувства при себе. Хранили втайне, молчали, осторожничали, потому что знали: хозяин воспримет это как непослушание или даже протест, как государственную измену. И здесь, в космосе, перед лицом врага, закон оправдает любое наказание, даже жестокое.

Кенсинг на самом деле подслушал двоих безымянных потенциальных бунтовщиков, которые спокойно разговаривали друг с другом, но так, чтобы не было слышно по внутренней связи: «Какого черта премьер приказал идти вперед на помощь пленникам на похищенной биостанции, даже если люди там все еще живы и даже если станцию можно догнать?»

Маркус,— который должно быть, слышал это ворчание — выказывал нетерпение к недовольным. Обращался к Дираку:

— Я с вами. На меня возложена обязанность бить берсеркеров, не так ли?

И Фрэнк продолжал действовать, отлично справляясь с делом при помощи своих конечностей.

Позднее Кенсинг спросил полковника:

— Как вы думаете, мы действительно догоним эту проклятую машину?

— По правде говоря, им удалось уйти далеко.

— Но если и удастся... Насколько велика возможность, что найдем на станции живых?

— Малыш, вам лучше прекратить такие разговоры. Босс уничтожит вас за военную измену.

За отрезок пути от Иматранской системы яхта развила очень большую скорость. Большую для всего окружающего космоса. Поскольку корабль Дирака был гораздо меньше, чем комбинация берсеркер-биостанция, яхте

и ее маленькому эскорту удалось развить скорость, превосходящую скорость света.

В темной туманности трудно разглядеть с достаточной ясностью машины берсеркера, но «Фантом» явно зашел в пределы Мавронари. Разница между ней и обычным межзвездным пространством просматривалась на приборах, указывающих на неуклонное уплотнение окружающей материи.

Вокруг «Фантома» постепенно и неизбежно уплотнялось темное вещество.

Телескопы на борту яхты сфокусировались на плывущем берсеркере и его добыче. Высветили их. Охота возобновилась в нормальном космосе.

Засада за короткое время привела не только к гибели двух маленьких кораблей Дирака, но и к тому, что покрыто огромное расстояние. Стало ясно, что побитая яхта вновь догоняла врага.

Но скорость росла медленно, еще медленнее, чем до засады. Воинам на борту «Фантома» разрешили, хотя и с неохотой, немного передохнуть перед будущим столкновением.

И снова появились размышления над не дающей покоя загадкой: какую пользу проклятый берсеркер собирался извлечь из своей добычи? Ведь ради нее злодей отказался от возможности устроить кровопролитие в планетарном масштабе. Наверно же, ради нее?

А как берсеркер вычислил, что захватил биолабораторию с биллионом зародышей на ее борту?

Насколько могли люди на яхте определить после изнурительных поисков по всем доступным картам и с помощью регуляторов напряжения, темные глубины Мавронари не представляли привлекательной цели для берсеркеров, да и для людей тоже. И не потому, что огромная туманность никогда не была как следует исследована.

Насколько было известно, она заключала в себе несколько изолированных звездных систем, семейство планет, к которым проходили узкие каналы относитель-

но чистого космического пространства. Но чтобы добраться до какой-то изолированной системы, с трудом продвигаясь через тьму, любому кораблю или машине требовалось продолжительное время.

Масса темного вещества была действительно огромной, и простиралась к центру Галактики на обескураживающее расстояние: сотни парсеков и сотни световых лет. В середине туманности плотность пыли несомненно еще больше увеличивалась. И для того, чтобы пройти ее, понадобятся тысячи лет путешествия на уменьшенной скорости.

Но если враг ищет только места, где можно спрятаться, он не сможет найти укрытие внутри уплотняющейся пыли, поскольку его успеют догнать и заставят принять бой.

Неуклонно, хотя мучительно медленно, в телескопах яхты начинала яснее просматриваться намеченная жертва Дирака, уже почти попадавшая в поле действия оружия.

Задумал ли враг еще одну засаду? Фанатичное желание определить это отметало подозрения. Может, в предыдущей попытке использованы все средства вспомогательных машин? Или их хранили для последнего столкновения?

Маркус сделал вопросительный жест своей изогнутой металлической рукой в сторону премьера.

Дирак кивнул:

— Идем.

Если даже и планировалась засада, она так себя и не обнаружила. Возможно, ей помешала осуществиться очередная отважная авантюра Фрэнка, предпринятая с мрачного благословения премьера?

Еще прыжок через навигационный космос с людьми на борту, в своих креслах ускорения. Люди молятся или стойко сосредоточены в зависимости от личных пристрастий.

К этому времени засада не осуществилась, а авантюра удалась.

Когда яхта «Фантом» вновь появилась в обычном космосе, люди на борту заметили, что их скорость почти

сравнялась с идущим противником, находящимся всего лишь в нескольких тысячах километров. А люди вскоре окажутся в позиции, в которой или сделают попытку открыть огонь, или сами получат удар берсеркеровских батарей.

Такой момент наступил.

Ни одна сторона не предприняла никаких мер.

Приближаясь, яхта ощутит силовое поле, с помощью которого удерживал биостанцию берсеркер, таща ее за собой. И любая попытка вырвать добычу, схватив ее, казалась обреченной на провал. Ведь не сбросишь со счетов состояние изувеченной яхты и явно превосходящую силу врага.

А вдруг и силы берсеркера не столь безграничны?

Наблюдая с яхты своего врага, люди заметили, что внешний корпус берсеркера был тоже значительно поврежден. Были ли увечья получены в результате сопротивления Иматры? Или берсеркера повредили еще до входа в Имантранскую систему?

Но враг еще был очень сильным, способным нападать.

Дважды едва уловимая информация на приборах дала знать, что противник собрался открыть огонь по яхте.

— Защищайтесь! — приказал Дирак.

Но приказ прозвучал странно: он был безнадежно запоздалым. Возможно, как показалось Кенсингу, старик был взволнован.

Но неважно.

Фрэнк, подключившись к автопилоту, уже привел в состояние готовности и все средства защиты.

А со стороны врага ничего не последовало.

Полковник Маркус, выслушав лаконичное признание и поздравление Дирака, с тем что благодаря мастерству Фрэнка корабль и экипаж остались живыми в сложнейшей ситуации, настроил угол полета яхты прямо на исследовательскую станцию, находящуюся на буксире.

Она же — в отличие от берсеркера и «Фантома» — не имела признаков повреждения.

Враг, который с момента засады совсем не увеличил

скорость, придерживался почти прямого курса. Лишь изредка отклонялся из-за обычных маневров автопилота, чтобы обойти скопления вещества.

Фрэнк без всякого труда удерживал курс яхты прямо на станцию, на двойную массу берсеркера и его жертвы. Уже расстояние между «Фантомом» и лабораторией являлось практически минимальным.

Масса захваченной станции висела между яхтой и противником. И, похоже, мешала берсеркеру эффективно использовать то, что называлось супероружием.

Премьер отдал приказ:

— Установите связь с ними.

Один из политических советников запротестовал:

— Радиосвязь со станцией? Вы полагаете...

— Да, я полагаю, что на борту этого судна находятся еще живые люди. Именно по этой причине, насколько вы помните, мы прибыли сюда. Давайте посмотрим, смогут ли они ответить на нашу попытку связаться с ними.

Возможно, многие считали, что это — нелепая идея. Но все молчали.

— Есть! Мы на связи. Эй, на станции! Есть кто-нибудь?

В ответ послышался поток радиошума.

— Неудача. Что ж... По отсутствию действия берсеркера не признать ли, что эта штука мертва?

И предположения продолжались:

— Должно быть, недавно он получил несколько тяжелых ударов, результаты которых проявились с опозданием. Если бы он был жив, мы уже были бы мертвы.

Фрэнк с согласия Дирака настаивал, чтобы по тактическим соображениям стоять как можно ближе к станции. Так, чтобы она продолжала защищать яхту от предполагаемого супероружия.

Не удалась и третья попытка радиосвязи. Дирак кивнул головой, сохраняя спокойствие. Очевидно, он уже придумал следующий шаг.

— Я пойду туда сам. Вы все добровольцы в этой миссии. И полагаю, что каждый, кто не ранен, отпра-

вится со мной. В нашем распоряжении имеется небольшой корабль. Ник, вы останетесь здесь у руля.

— Да, сэр.

— Фрэнк, я хочу, чтобы вы управляли нашим вооруженным кораблем-разведчиком. Такой корабль — единственный.

— Хорошо.

Полковник Маркус передал управление яхтой Николасу, который действовал у руля вместе с компьютерами яхты.

Кенсинг, выбравшись из своего кресла ускорения, отошел, давая место Фрэнку, а этот человек в ящиках ловко передвигал свои контейнеры и шел, покачиваясь, из относительно тесного отсека управления по коридору, а затем под уклоном к ангару, где его ждал корабль-разведчик специального назначения.

Кенсинг внезапно почувствовал такой сильный страх, какой не испытывал никогда в жизни. Было непонятно и даже не важно: боялся ли он, что вскоре будет убит или страшился, что узнает правду о судьбе Анюты?

На борту «Фантома» находились пять маленьких судов, пригодных для абордажа: один настоящий разведчик, два курьера, два корабля с легким вооружением — ничтожно маленькие. Были еще три неудобных спасательных судна. Оставшиеся в живых и годные к военной службе члены экипажа яхты легко разместились в них по три-четыре человека в каждом.

Дирак, который за время своей карьеры обвинялся во многом, но только не в трусости, был готов управлять вторым по своим качествам маленьким кораблем. Это был слегка видоизмененный курьер — вооруженный, но обладающий меньшими достоинствами, чем разведчик. Разведчиком управлял Фрэнк.

Когда закончилось укомплектование небольшого флота, премьер быстро отдал Николасу Хоксмуру несколько особых приказаний и оставил его управлять яхтой, возможно, в качестве единственного сознательного обитателя покинутого боевого корабля.

Николас Хоксмур был взволнован и немного тро-

нут — и, кроме того, ощущал приступ вины — когда премьер из обычной системы внутренней связи отключился, чтобы лично Нику сообщить, что он достоин полного доверия. Дирак также выразил уверенность, что Хоксмур никогда не сбежит от обязанностей.

— Кроме Маркуса,— прошептал премьер,— верней тебя нет. Но я хочу, чтобы Фрэнк был с нами на борту.

Ник ответил:

— Понимаю, сэр. Думаю, вы сделали правильное решение.

После того, как пять маленьких кораблей были полностью укомплектованы, они стали по очереди выходить через главный люк палубы ангара «Фантома». И сразу же, как покинули яхту, развернулись в разбросанном боевом порядке поблизости.

И таким неровным строем в запланированное время маленькая флотилия начала действовать одновременно и стремительно.

Маленькие корабли быстро подошли к биостанции, продвигаясь на широком расстоянии друг от друга. Действовали осторожно, несмотря на то, что вражеское оружие продолжало молчать...

И вдруг в мгновение ока в ослепительной вспышке берсеркер ожил.

Страшный корпус корабля-носителя оставался еще молчаливым и темным. Но группу маленьких кораблей, окружавших выступивший корпус врага, прорвало яркими вспышками орудий, спешащих остановить приближающиеся маленькие суда, на которых были люди.

Ник, мозг которого находился изолированным на яхте, действовал, как всегда, с помощью оптикоэлектронного аналога нервной системы. И отреагировал на несколько миллисекунд раньше, чем все, кроме Фрэнка, чей мозг уже предусмотрительно дал команду компьютеру корабля-разведчика. Самое тяжелое вооружение яхты или, по крайней мере, то, которое Хоксмур отважился

применить так близко от станции, внезапно ударило по группе машин контратакующего берсеркера, разрушая, сжигая, сокрушая, сметая одну за одной.

Получив полное доверие Дирака, Ник на какое-то мгновение повеселел от мысли увести потрепанную в бою яхту, где на борту были оставлены только он и... его любимая Дженни. Но он понимал, что это безнадежная мечта. Не потому, что Ник не мог изменить создателю, который оказался настолько глупым, чтобы до конца поверить Хоксмуру.

Нет, Ник и без того предал премьера. Более того, Хоксмур был твердо уверен, что единственный шанс добиться счастья с Дженни состоял в том, чтобы помочь его возлюбленной обрести свое живое тело. А добиться такой возможности удалось бы только на биостанции, великолепно снаряженной для таких экспериментов.

Леди сейчас спала где-то — как она осознает, когда проснется — в Аббатстве. Ник, когда почуял неминуемую схватку, незаметно, не спрашивая Дженни, усыпил ее. Как только битва закончится, он вернется в Аббатство, тихо постучит в дверь ее спальни и, когда она откроет, расскажет о победе.

Если бы Дженни могла принять активную роль в схватке с берсеркерами, все бы, конечно, сложилось иначе.

В следующий момент, когда живые товарищи Хоксмура предпринимали отчаянную попытку взять станцию на абордаж, Ник со всей сознательностью открыл огонь из орудий яхты, используя свое великое мастерство, по контратакующим вражеским машинам. Он не испытывал никакого соблазна повернуть тяжелые орудия против маленького корабля Дирака. Берсеркер должен быть побежден до того, как утихнут более мелкие столкновения.

Кроме того, было очевидно, что берсеркер сам мог уничтожить соперника Хоксмура, несмотря на попытки Ника защитить премьера.

Один из маленьких кораблей, принадлежавший лю-

дям, уже пропал из поля видимости, разлетевшись на мелкие осколки под выстрелами орудий берсеркера. Второй был выведен из строя и беспомощно уплывал прочь.

Радиосвязь Хоксмура с экспедиционными силами постоянно подвергалась помехам, как и предполагалось, от шума сражения.

После долгих секунд космического боя, после вражеской атаки выжили три маленьких человеческих корабля, включая судно, которым управлял Дирак.

Среди живых оставался и корабль-разведчик с самым мощным вооружением и самой мощной защитой среди атакующей флотилии.

С самого начала действий тяжело вооруженный корабль-разведчик Фрэнка привлек внимание своего грозного противника, в результате чего на нем, фрэнковском судне, сконцентрировали весь огонь и попытки тарана маленькие машины-камикадзе.

Только сейчас, наблюдая за ходом боя корабля полковника, Ник понял, насколько человек в ящиках и, его живой мозг, взаимодействующий на квантовом уровне с неживым оборудованием, опередил любого чисто неорганического пилота. И что он почти наверняка опередил бы самого Хоксмура.

Но Ник увидел: две адские машины бросились в прямую атаку на яхту.

За одно мгновение Ник успел их уничтожить.

Но «Фантом» получил очередной удар, нанесший новое повреждение.

А в это время Фрэнк, по привычке весело вступив в бой, отвлекал основные силы врага от других человеческих кораблей. Его тяжело вооруженный разведчик превратился в главную мишень врага.

Фрэнк, исполняющий обязанности летающей помехи для этой группы машин, не предпринял попытки разорвать заслон, который выслал берсеркер. Вместо этого полковник сделал маневр и внезапно ушел в сторону. Он устремился на самого берсеркера — огромное чудовище.

И снова, когда совершил Маркус этот подлет, он ушел в сторону.

Ник с удивлением наблюдал за действиями Фрэнка, делал все возможное, чтобы с помощью орудий яхты помочь Маркусу, но полковник находился в таком близком соседстве с лабораторией и что самое главное, в тесной близи с берсеркером, что мешало Нику стрелять во врага.

Положение осложнялось и тем, что Хоксмуру было приказано ни в коем случае не бить по станции.

Если бы яхта переместилась, она имела бы большую возможность поддержать Фрэнка. Но тогда она сама и оптикоэлектронная жизнь Дженни попали бы под огонь. Причем, из самого тяжелого оружия берсеркера, которое он пока берег в резерве.

За какие-то доли секунды Ник принял решение не в пользу такого маневра.

В следующие секунды полковник со своим кораблем-разведчиком подвергся преследованию. И стал отходить все дальше и дальше под натиском противника, ряды которого поредели.

Разведчик тоже был обстрелян. Уже не имело значения, являлась ли его агрессивная акция отвлекающим маневром. Остатки сил противника продолжали охоту за Маркусом, подгоняя его разведчик все ближе к самой огромной машине.

Ник оказался единственным, кто был рядом с Фрэнком и мог предвидеть, что случилось потом. Даже он, несмотря на скорость реакции, не имел права что-либо делать, а только наблюдать за событиями.

Маркус, оказавшись изолированным от своих товарищей, выбрал, судя по его последним записям, еще более отчаянную тактику, чем раньше.

Он направился прямо на огромного противника.

Возможно, рассчитывал уйти от него в последний момент.

Но случилось так, что маленький разведчик Фрэнка, попав в действие защитных силовых полей, исчез из

виду за корпусом противника. Ник знал, что, хотя угол зрения и распространяющиеся помехи мешали ему записывать, корабль полковника, скорее всего, остановился или разбился о черную поврежденную громадину вражеского корпуса.

Никто из выживших людей не видел, чем закончился маневр разведчика, потому что они были заняты проблемой собственного выживания. И еще тем, как высадиться на борт станции.

Как только исчез корабль-разведчик, прекратился вражеский огонь.

Большинство кораблей, а может быть, и все, что принимали участие в атаках на флотилию Дирака, уже перестали существовать. А оставшиеся, отступили и не мешали осуществлять людям высадку на станцию.

Наступило молчание.

Со всех сторон спокойно светили звезды.

Темная туманность, простиралась вокруг.

Быстро проведя проверку различных систем яхты, Ник обнаружил, что двигатель еще работал. Вдруг у него снова появилось искушение бросить все и убежать.

Хоксмус решил, оставив босса и остальных, кто покинул вместе с ним яхту, воспользоваться возможностью убраться восвояси вместе с Дженни.

Но программа, в основе которой лежало подчинение, а также сознание необходимости защиты человечества — были все еще очень сильны и препятствовали любым опрометчивым действиям.

К тому же Хоксмур помнил, что биологическая станция несет в себе последнюю надежду Ника восстановить живое тело Дженни, чего она так неистово требовала.

Несмотря на значительные потери со стороны людей, акция по высадке десанта на станцию была успешной. Два маленьких корабля совершили стыковку к люкам и укрепились.

Но Ник заметил, что успех имел все признаки пирровой победы, ведь только два этих корабля вышли из боя целыми.

Наконец Хоксмур получил возможность установить связь с Дираком.

Первый вопрос премьера:

— Где корабль-разведчик? Что с Маркусом?

— Он куда-то ушел,— ответил Ник,— похоже, на другую сторону берсеркера. Я бы не рассчитывал, сэр, на его помощь.

— Черт возьми! Проклятье!.. А бандиты?

— Их не видно, сэр. Они исчезли вместе с полковником.

— Хорошо. Будь наготове, Ник. Мы совершили стыковку и собираемся войти.

— Всего наилучшего, сэр!

Ник искренне желал ему этого.

Фрэнк Маркус был сражен, но не мертв.

Окруженный и измотанный многочисленными врагами, он продолжал агрессивно сражаться.

Победно послал сигнал, который не дошел по назначению, что успешно разбил тылы отряда маленьких машин противника. Количество их, сражающихся против Фрэнка, уменьшилось почти до нуля.

Маркус добился того, что его соратники получили возможность высадиться на станцию, практически не встречая сопротивления.

А разведчик с Фрэнком на борту оказался сраженным и разбитым в схватке с превосходящими силами противника и самим черным огромным корпусом.

Все же Фрэнк остался в живых.

Полковник вышел из боя на разбитом корабле, выжив там, где не спасся бы ни один человек.

Да, человек, если бы он... состоял полностью из плоти. А Маркус находился в подвижных ящиках. Быстрый и покрытый броней, почти как берсеркер.

Пришло время отступать. Но отступать было некуда. А оставаться там, где он находился, пока не пришел за ним берсеркер, было бессмысленно. Фрэнк очень сомневался, что кто-нибудь придет ему на помощь.

Оставалось только двигаться вперед.

Во всяком случае, он не прекратил борьбу.

Маркус находился достаточно близко, чтобы использовать возможность нанести противнику большой ущерб перед тем, как всему наступит конец.

И Маркус, прорываясь через внешний корпус берсеркера с помощью восьми своих металлических конечностей, почувствовал, что броня его огромного противника в этом месте ослаблена взрывом или содрана в каком-то прошлом сражении.

Чуть позже, когда Фрэнк чуть не вошел вовнутрь, осуществляя свою операцию по высадке, он внезапно понял, что время его кончилось и удача в конце концов покинула его.

Дерзкий поступок привел его к гибели.

Но и такая мысль не помешала плавному потоку его действий.

Фрэнк Маркус не мог придумать лучшего способа умереть.

Естественно, он покинул свой корабль с оружием в руках. Раз уже находился внутри огромного берсеркера, возле чего-то, как думал полковник, важного — он все еще мог сбить с толку врага. Заставить его заплатить за все его злодеяния. Показать ему, что уничтожение жизни во Вселенной всегда будет нелегкой, и едва ли вообще выполнимой работой.

Фрэнк хотел заставить эту проклятую штуковину отвлечь свой компьютерный мозг и материальные ресурсы на то, чтобы драться с ним, полковником Маркусом.

И, может быть, ему удастся дать возможность своим парням из Солнечной системы отобрать эту добычу — биоисследовательскую станцию, столь им необходимую.

Возможно, Дирак и остальные доведут дело до конца.

...Маркусу действительно удалось пробраться внутрь корпуса. Он прошел недалеко, но лишь сделав прыжок к жизненно важной части корабля врага, натолкнулся на серьезное сопротивление...

Хоксмуру на боевом посту «Фантома» удалось получить последнее сообщение полковника. Дошла только часть донесения, и то в искаженном виде.

Последние слова, которые Николас услышал с небольшого расстояния от яхты, возможно были словами: «О, Господи! О, Господи!»

Два оставшихся маленьких судна Солнечной системы создали небольшие плацдармы на огромном корпусе биостанции, которая сама казалась маленькой в сравнении с угрожающими размерами берсеркера, находящегося в нескольких метрах от нее.

Дирак и те, кто выжил и действовал с ним совместно, Кенсинг в их числе, готовились под прикрытием потенциального огня Ника войти одновременно через два тамбура станции.

Высадившиеся могли столкнуться с минами-ловушками у люков или с другими преградами. Внешняя поверхность станции тут и там была в подпалинах и вмятинах от взрывов. Насколько мог установить премьер, тамбуры не были повреждены.

Все указывало на то, что двойные внешние двери работали безупречно.

Дирак и его спутники в снаряжении и с лучшими средствами вооружения через плечо выбрались из своих кресел ускорения и по очереди стали передвигаться через маленькие тамбуры своих кораблей к большим камерам станции, где стоя могли помещаться сразу несколько человек.

Кенсинг двигался вместе с остальными. Такой же нетерпеливый и испытывающий страх. Но сильнейшее желание найти Анюту заглушало и страх, и опасения.

Войдя в тамбур станции, люди сразу почувствовали, что искусственная гравитация функционировала нормально. Кроме того, внутри сохранялась атмосфера. Но никто и не пытался снять шлем.

Дирак скомандовал:

— Вперед! Мы входим.

Кто-то рядом с Кенсингом занялся ручным управлением, находящимся в переборке судна. Сработали внутренние двери станции.

Кенсинг ждал, держа наготове оружие. И почти ни о чем не думал. Только держал палец на альфоспусковом устройстве. И готов был немедленно открыть огонь.

8

Планетоид Иматру окружали орбиты многочисленных искусственных спутников, и несколько ее металлических лун ощетинивались сложным астрономическим оборудованием. Оно было обращено к крупным объектам планетной системы. Сейчас все эти приборы на орбите, как и многие на земле, были задействованы и направлены в одну сторону. Их доставили взволнованные наблюдатели странной внешности, которые прибыли с планеты, находящейся на расстоянии в десять световых дней.

Полученные изображения оказались неясными из-за того же расстояния и неполными из-за помех, а так же из-за выступающих границ Мавронари.

Картина не получилась подробной и детальной, как того желали наблюдатели.

Но после тщательного изучения они установили, что премьер и его силы, преследующие врага, догнали берсеркера.

Дополнительно — по внезапно обнаруженному зловещему спектру вспышек оружия — было установлено также, что встреча оказалась жестокой. Доказательством этого были и коротко освещенные облака. Горячая, хотя небольшого масштаба, стычка, которая началась десять дней назад, еще не завершилась.

Некоторые обеспокоенные наблюдатели, что находились в Иматранской системе, предположили: эти вспышки свидетельствовали о попытке неприятеля напасть из засады на яхту и сопровождающие ее корабли. Но с такого расстояния трудно судить, чем закончился бой.

Однако вот что странно. Никто из наблюдателей не сказал о явном факте сопротивления врагу кораблей

Солнечной системы как о подлинном героизме во имя всех людей.

А вспыхивающие из-за сражения облака, продолжали на достаточно обширных расстояниях мешать обзору происходящего. Допускали лишь, что погоня продвинулась дальше от места первых схваток.

Отмечалось и другое: ни один из кораблей премьера не устанавливал связь с Солнечной системой, не было и ни одного признака, что корабли могут повернуть назад.

Шли дни.

От Дирака никаких новостей.

Ни один его корабль не вернулся с победой.

Впрочем, если бы кто-то и попытался отступить, его бы уничтожили.

И если бы кто-то выпустил курьера для осуществления связи, он или сбился бы с пути, или был бы уничтожен.

У людей Иматранской системы не хватало средств для обработки и подтверждения данных, полученных телескопами.

Был ли уничтожен весь эскадрон премьера Дирака? Или благополучно уцелел?

Не за что было зацепиться, чтоб получить достоверные сведения. Лишь последние сигналы, говорящие о сражении в космосе, если за этим успевали уследить. И только слабые следы случившегося, исчезающие с каждым днем и каждым часом.

Трудности создавали и светящиеся облака: невозможно было что-либо записать. Да, сознавали, что этот отсвет — свидетельство сражения. Ну, а что дальше? Что-то вроде неясных сигналов? Не осталось ничего пригодного для записи.

Разговоры.

— Что ж, мы сделали все, чтобы записать всю историю несчастья. Но дело в том, хотим ли мы ее сохранить, историю эту?

— Что ты хотел сказать?

— Хочу сказать, что как только все заинтересованные миры узнают, что не только леди Дженевьев пропала, но и сам премьер Дирак...

— А в чем нас могут обвинить? По справедливости, ни в чем.

— Все же, я думаю, некоторые люди будут нас обвинять. Несправедливо, конечно, но все-таки хотя бы за то, что исчезла леди Дженевьев.

— Ну хорошо, если так, мы не должны, по крайней мере, быть наказанными за то, что уничтожили записи. Это только приведет к мысли, что мы скрываем что-то, что-то поистине... поистине...

И, конечно же с ними ушел Сандро Кенсинг. Ушел добровольцем. Чем больше местные власти Иматранской системы размышляли о своем новом положении, тем больше задумывались, как лучше спастись от возможных неприятностей будущего расследования. Или даже попросту от обвинений, слухов.

А чем больше задумывались, собравшись вместе, используя великолепное оборудование Иматры, предназначенное для всяких конференций, тем больше приходили к выводу: неизбежны крупные проблемы.

Ясно, что премьер Дирак Сардо, обладающий самой сильной властью в Солнечной системе на протяжении огромного космического пространства, измеряющегося световыми годами, не собирался незаметно исчезнуть с политической арены, а так же из общества Галактики.

Вряд ли руководители были расстроены отсутствием Дирака. Напротив, при условии, если Дирак будет признан пропавшим или даже объявлен мертвым, определенные круги получат выгоду.

Некоторые, правда, кое-что потеряют от таких известий.

Но заинтересованные круги уже сейчас строили свои планы без Дирака, хотя любое заявление о кончине премьера будет официально признано лишь после семи лет.

После стандартного месяца, с тех пор, как эскадрон Дирака вылетел, местные власти, несмотря на разницу точек зрения на ситуацию, включая и ожидаемую формулировку официального заявления, пришли к общему мнению: Дирак, его люди и корабли действительно безнадежно потеряны, и любая попытка организовать новые силы для их спасения глупа.

Иматранские лидеры также тщательно изучили записи сражения, материалы об отступлении берсеркера и начале погони за ним Дирака. В этих записях местные власти не нашли ничего, что вызвало бы сомнение в их неведении последних трагических событий.

Поэтому копии, имеющие отношение к записям, оптические и сделанные на волнах различной длины, свободно воспроизводились любому, кто проявлял интерес, а некоторые копии даже были отправлены в другие системы.

Впоследствии оригиналы по заведенному порядку были стерты.

Внутренняя дверь тамбура открылась перед премьером и его уцелевшими добровольцами. Предстала возможность войти во внутренние помещения биоисследовательской станции.

Обычный освещенный коридор.

Ничего необычного.

В нескольких метрах по коридору — вторая группа штурмующих.

Она проводила такую же высадку, как и люди с Дираком.

Премьер обратился к оптикоэлектронному мозгу станции, приказав держать внутренние двери обоих тамбуров открытыми.

— Приказ принят,— прозвучал голос немного не похожий на человеческий. Это абсолютно нормально для роботов, построенных людьми Солнечной системы. Голос мозга станции...

Двери послушно оставались открытыми. Пока. За-

крытые, они могли бы помешать быстрому отступлению в случае необходимости.

Маленькая группа, объединившись и держась вместе, как было запланировано, продвинулась на несколько метров по коридору. Затем еще на несколько метров.

Дирак, не испугавшись катастрофических потерь, понесенных его спасательской миссией, был полон неутомимой решительности продолжать поиски своей жены.

Премьер стоял сейчас — Кенсинг мог рассмотреть его, как следует — возле главного лабораторного помещения: человек среднего роста, в тяжелом, но подвижном снаряжении, в согнутой правой руке световой карабин (противоположность альфаспусковому механизму)... Сандро показалось, что премьер испытывал полное удовлетворение успехом, достигнутым спасателями, несмотря на потери.

Впереди вошедшей группы — в полном соответствии с компьютерной моделью станции — находилось ответвление коридора. И насколько можно было рассмотреть поворот с позиции Дирака, оба боковых коридора, хорошо освещенные и наполненные воздухом под давлением, обеспечивающим дыхание, как давали показания приборы Кенсинга, были совсем пусты.

Стоя рядом с этим пожилым человеком, Кенсинг чувствовал, как его нервы натянуты от пережитой жестокости последнего столкновения в космосе. «Но вот он — я...» — не переставал повторять его мозг про себя. «Но вот он — я, еще живой»,— повторялось с добавлением. Даже Анюта на какое-то время оказалась забытой.

Кто-то пробормотал тихо, что было передано и расшифровано передатчиком, входящим в снаряжение:

— Может, было бы лучше, если бы Ник оказался здесь.

Дирак покачал головой внутри шлема. Его безошибочно узнаваемый голос ответил по радио:

— Я против. В данный момент мне нужнее Ник там, где он теперь. Заглянем в лабораторию.

Кенсинг двинулся вперед, затаив дыхание, с оружием в руках. Остальные продвигались за ним и по бокам, настроившись на одну волну со спусковым механизмом

карабинов и огнеметов, готовые в любой момент кинуться в драку.

Никакие не имеющие поддержки человеческие рефлексы, конечно, не могли соперничать со скоростью и точностью машин. Даже когда взгляд — волевое действие и вспышка мысли — настроен на точь-в-точь на выстрел, чтобы помочь товарищам в бою. Технология немного сравняла силы в этом соревновании. Плечи и шлемы сообщались с оператором — носителем человеческих альфаволн таким образом, чтобы в случае крупной неосторожности костюм мог полностью закрыться, приспосабливаясь к действиям против берсеркеров.

Оружие, находящееся в руках или прикрепленное к шлему, стреляет по любому видимому силуэту согласно заложенной программе. Или просто реагирует на любой шум, свет, движение.

Снаряжение, в котором люди-бойцы прокладывали себе путь по биостанции, обеспечивалось, кроме того, кодом ОДВ, надежной и точной системой отличия врага от друга.

«Где они?» — Кенсинг не знал, кого имел в виду радиоголос. Кого, действительно? Машины берсеркера или его жертвы?

Если бы Дирак и его отряд сражались с обычным противником, исчезновение врага можно было объяснить его испугом. Но если машины-убийцы оккупировали коридор день назад или всего час, или пять минут, они должны прятаться где-нибудь в многочисленных отделениях и помещениях, ожидая нужного момента, беспощадного сигнала, чтобы появиться со скоростью, присущей машинам, чтобы убивать.

Не дождавшись, что враг обнаружит себя, Дирак приказал соблюдать все меры предосторожности, продвигаясь вперед. В планах премьера значилось: расширять ранее известную и снова находящуюся под контролем человека территорию. Коридор за коридором, палуба за палубой.

Кенсинг осторожно прокладывал свой путь через двери в помещение главной лаборатории. Там находились тысячи аппаратов различной величины, формы

и назначения, стоявшие теперь тихо, спокойно и молчаливо.

Анюта так часто рассказывала Сандро об этом помещении, что — даже не изучая модель регулятора напряжения в тен-клубе на яхте, он не испытывал никаких неудобств и чувствовал себя почти как дома.

Здесь она работала.

Кенсинг уверен, что здесь находился ее дежурный пост во время тревоги.

Значит, здесь машина берсеркера, и не одна, если они не сошли за борт и вскоре после вторжения настигли ее, Анюту Задор.

Сдерживая нервы, Кенсинг прошел дальше от двери. Стоял с оружием наготове и оглядывался вокруг.

Число людей, ведущих поиск, было очень небольшим. И поэтому они соблюдали еще большую предусмотрительность и осторожность, чем если бы их было больше.

Биостанция имела сложную конструкцию.

Чтобы изучить каждый укромный уголок, каждую цель в поисках вражеских машин, мин-ловушек и засад, придется потратить немало времени.

В конце концов, если все будет хорошо, можно задействовать Ника и обычных роботов.

Но Дирак и те, кто оказался рядом с ним, не могли ждать. Их главная задача состояла в том, чтобы выяснить: уцелел ли кто из людей на станции?

Не успел Кенсинг сделать и шага, чтобы продвинуться дальше, как с правой стороны от него послышались сильный взрыв и треск. На его защитный костюм, не нанося вреда, обрушилась волна радиации и отраженного тепла.

Не успел он даже повернуть голову в том направлении, как стычка прекратилась. Но и Кенсинг, и еще двое бойцов стреляли туда, откуда слышался взрыв. Стреляли в уже разбитую цель и нанося повреждения лишь окружающим механизмам.

Маленькую машину берсеркера, выскочившую из засады, сбил с ног первый же залп в нее. И она, подломив шесть своих ног и опустив наконечники орудий,

рассыпалась, растеряв бескровные части на палубе.

Ничего не осталось кроме разбитой машины.

Пламя, вырвавшееся изнутри ее, потушено спасительным огнем фонтанов, встроенных в верхнюю часть лаборатории.

Голос станции, строго следующий правилам, настаивал на эвакуации персонала с территории непосредственного опасного действия.

— Там может быть еще...

Но больше ничего не последовало. Похоже, что это единственный аппарат, так быстро пойманный вторгшимися людьми, выскочил, чтоб быть расстрелянным из оружия с альфаспуском, которое находилось у людей, стоящих возле двери.

Еще одна вражеская машина была замечена и расстреляна — она неслась по коридору со скоростью быстрой наземной машины.

Но сей раз бойцы промахнулись мимо цели, повредив лишь внутренний корпус, покрытый переборкой.

Затишье продолжалось две минуты.

Возбуждение, подобно лезвию ножа, притупилось.

Над станцией нависла угрожающая длительная тишина.

Но этот мир был непрочным. Кенсинг, стоя почти в середине большой лаборатории, коротко и негромко вскрикнул. Навстречу ему, обходя оборудование, шла... Анюта — живая, потрепанная, но целая, одетая в обычный лабораторный халат.

И через мгновение исполняющая обязанности начальника станции Задор — бледная, прильнула к Кенсингу. Великое чудо соединило их.

Сандро вынужден был преодолеть порыв снять шлем и поцеловать суженую. Удержала мысль, что перед тем, как он уведет Анюту из этого проклятого места, возможно, ей понадобится более эффективная защита, чем та, которую он мог предоставить.

— Это ты! Это ты! — не переставала выкрикивать Анюта Задор. И бормотала, бормотала слова, что уви-

деть свободного человека тем, кто находился в ловушке берсеркера, готовясь к смерти... Увидеть свободного человека — такое сильное потрясение. Но увидеть его, любимого...

Кенсинг тоже нес еле осмысливаемое:

— Неужели ты думала, что я не приду за тобой?

Подобно чуду, стали появляться и другие уцелевшие люди. За Анютой вышел мужчина, которого она представила как своего коллегу — Дэна Ховелера. Затем появился Скурлок, чье присутствие, в отличие от Ховелера, было совершенно неожиданным для спасателей. Такое развитие событий заставило премьера нахмуриться.

Выжившие рассказали, что как ни странно, их почти не трогали, когда станцию заняли чужие машины. Удивленные внезапными звуками перестрелки, люди беспрепятственно укрылись, как могли.

Вслед за Скурлоком вышла ошеломленная женщина. Представилась коротко: «Кэрол».

Леди Дженевьев не было видно.

Дирак спросил уцелевших:

— Вы видели мою жену?

Анюта, Дэн Ховелер и Скурлок — все посмотрели друг на друга. Кроме Кэрол, которая уставилась отрешенно в никуда. Трое, находящихся в здравом уме, печально, но уверенно заявили Дираку, что его любимой леди Дженевьев не было с ними ни живой, ни мертвой. Никто ее не видел с тех пор, как станцию покинул курьер за несколько минут до вторжения берсеркеров.

Задор и Ховелер печально добавили, что несчастная жена Дирака должна была присоединиться к другим посетителям и большей части сотрудников биолаборатории, находившимся на борту злосчастного корабля-курьера. Он был последним судном, отчалившим от станции перед тем, как берсеркер напал на них.

Дирак покачал головой:

— Я не верю, что она села в курьер. Думаю, это исключено.

Коллеги премьера переглянулись.

Для Ховелера и Задор оказалась трагическим шоком новость, что корабль-курьер с их коллегами на борту взорвался несколько дней назад и что все на борту возможно убиты.

Дэн и Анюта хотели узнать, какой ущерб нанесла атака берсеркера на Иматранскую систему. И оказалось, что общее число разрушений удивительно мало.

Такое сообщение даже несколько приглушило их изумление и радость, что Дирак успешно осуществил преследование врага. И с легким запозданием Ховелер спросил:

— Значит, вы убили берсеркера? Впрочем, так и должно быть. А вы уверены, что от мертв?

Премьер откинул голову назад, бросил взгляд наверх, в направлении гигантского корпуса врага:

— Большой? Нет, боюсь, что мы не можем оставаться уверенными, что он мертв. Без сомнения, очень поврежден. Но, возможно, зачем-то притворяется не дееспособным?

Люди вокруг премьера внимательно слушали его, рассудительно качая головами.

Сейчас, когда эта знаменитость Галактики находится здесь, Ховелер и Задор прислушивались к премьеру, рассчитывали на него. Довольные спасением, они радостно ожидали чуда: продолжения недавней жизни ученых.

Мозг станции, по-видимому, снова работающий в полную силу, мягко успокоил того, кто спрашивал: все ли машины берсеркера погибли?

Успокоил.

А Дирак, оставив Кенсинга в качестве вооруженной охраны в лаборатории с Анютой и другими уцелевшими, забрал остальных добровольцев с собой, чтобы продолжить поиски леди Дженевьев.

— Искать на других палубах!

Внутренняя связь станции еще функционировала, и поисковый отряд воспользовался ею для сообще-

ния с лабораторией, используя наспех придуманный код.

Поисковики не встретили пока никакого сопротивления.

И дальше не обнаружили никаких признаков присутствия берсеркеров.

Но... и никаких признаков женщины, которую искали.

Кенсинг, все еще благодарно удивляясь чуду, обернулся к Анюте:

— Итак, машины даже не нанесли вам никакого вреда?

— Нет,— просто и серьезно уверила она.— Практически даже не тронули никого из нас. Не могу объяснить, почему. Возможно, хотели чему-нибудь поучиться и у нас? И просто наблюдали за нашим поведением.

Ховелер кивнул головой, смущенно соглашаясь.

— Мне тоже так показалось.

Кенсинг снова обратился к Анюте:

— Мне не нужны объяснения случившегося чуда. Хочу забрать тебя на борт яхты.

— У меня здесь осталась работа,— голос ее стал напряженным.

— Тогда позвольте передать вам всем снаряжение.

— Хорошо.

Но дополнительных костюмов со снаряжением не оказалось под рукой. И Кенсинг вынужден был признать, что это, в конце концов, не имело значения. Тот факт, что были обнаружены живые люди, и отсутствовали какие-либо злодейства берсеркеров, сгладил острую необходимость бдительности.

Казалось очевидным, что вражеские машины, оккупировавшие станцию, загадочно исчезли.

Скурлок мало говорил, а Кэрол, сгорбившись в углу, все время молчала. Оба они находились в более глубоком шоке, чем Ховелер и Задор.

Спустя несколько минут Скурлок объявил, что он и Кэрол уходят в свою комнату. И пояснил: Кэрол плохо себя чувствует.

Глядя вслед измученной паре, Дэн проворчал:

— Они признались, что относятся к «полезным». Мы даже чуть не подрались с ними.

Кенсинг нахмурился:

— Что, нам нужно следить за ними?

Он явно не ожидал услышать такое о Скурлоке и Кэрол.

Ховелер пожал плечами:

— Не думаю, что они вооружены или что-то в этом роде. А что касается того... объявили себя «полезными»? Возможно, их попросту вынудили соответствующим обращением.

— Мне это понятно.

Анюта вдруг произнесла, чуть не плача:

— Знаю... если бы мы упорствовали...

И залилась слезами, испытывая от них облегчение.

Вскоре в лабораторию вернулись Дирак и его люди, не найдя вокруг ничего существенного.

Радость уцелевших как-то улеглась. Они поняли, как мало из их избавителей от берсеркеров осталось в живых. И какое серьезное повреждение понес корабль, на котором прибыл Дирак и добровольцы.

Кенсинг предложил:

— Нам лучше выбраться отсюда. Как можно быстрее.

Ник, находясь на радиосвязи, сообщил с яхты новости, которые привели в уныние: после последней атаки берсеркера двигатель яхты почти не работает. На «Фантоме» можно пока осуществлять небольшие маневры, но добраться до дома, если не отремонтировать, не удастся. И как только он оставит свой наблюдательный пост, примется за эту проблему.

К удивлению Кенсинга премьер не спешил с приказом об эвакуации на яхту. Вновь и вновь Дирак настаивал, чтобы уцелевших и находящихся в своем уме людей убедили разговориться. Таких трое. Пусть выскажут суждения: где леди Дженевьев?

По правде говоря, у Кенсинга создалось впечатление, что Дирак мало обратил внимания на то, что двигатель яхты в плохом состоянии. Перспектива застрять здесь мало его волновала. Но он был полон решимости отыскать жену.

Несмотря на показания свидетелей, что ее не было с ними на станции после атаки берсеркера, премьер казался подозрительным и раздражительным более, чем расстроенным горем.

Когда кто-то смело предложил отправиться на яхту, чтобы отремонтировать двигатель, Дирак резко ответил, что этим могут заняться Ник и роботы-наладчики.

Анюта и Ховелер продолжали повторять с возрастающим беспокойством, что бесполезно продолжать поиски леди на станции. Никто после отлета курьера не видел ее здесь.

Спустя несколько часов Дирак, не получив ничего утешительного от мозгового центра станции о леди Дженевьев, согласился: да, наверно, так и есть. Нет и не было его жены в лаборатории во время нашествия врага.

Но вместо того, чтобы предаться горю или отдать приказ о переходе на яхту, премьер, похоже, не потеряв здравого смысла, не знал, что делать.

Ник еще раз сообщил боссу с яхты: несмотря на все его усилия, двигатель не работал.

Дирак приказал послать кого-нибудь на «Фантом», чтобы на станцию доставить дополнительное оружие и снаряжение.

Некоторые члены экипажа Дирака стали выступать с конкретными предложениями о дальнейших действиях. Они считали, что давно пора выбираться отсюда, садиться на спасательные корабли и возвращаться на яхту. Если она еще бездействует, сосредоточить усилия, чтоб вернуть ей подвижность.

Дирак вроде бы колебался.

Тогда к нему повернулась Анюта, уже одетая в спецодежду, как Ховелер и Скурлок.

Произнесла:

— Боюсь, этот план не походит.

— Да, доктор Задор?

— Ваша яхта может увезти всех?

Тяжелые брови премьера нахмурились:

— Не понимаю. Если отремонтируем двигатель... нас ведь совсем немного.

Задор чуть повысила голос:

— Здесь находится гораздо больше людей Солнечной системы, чем вы себе представляете. У вас на борту найдется место для биллиона плиток?

Премьер уставился на нее. И Кенсинг, наблюдая за ними, подумал, что похоже Анюта только что предложила старику нечто, которое он искал.

— У вас будет там место,— с готовностью сказал Дирак.

Люди, предложившие отступление, смотрели на Анюту, пока ничему не возражая.

Очевидно, упоминание о плитках подсказало премьеру кое-что. После очередного опроса сотрудников биостанции подтвердилось, что леди Дженевьев действительно сделала свой взнос перед тем, как берсеркер атаковал.

Премьер задал вопрос:

— Где она сейчас? Плитка?

Никто не мог четко вспомнить. Ховелер и Задор не знали, был ли записан должным образом Первый протоколонист в банк данных лаборатории. Ховелер признался, что запутал электронную память станции, чтобы никому не дать быстро уничтожить любой особый экземпляр.

Собрав всех своих воинов, Дирак твердо заметил, что всеобщая эвакуация со станции откладывается до тех пор, пока не решится вопрос, связанный с зародышем его ребенка.

Даже сотрудники станции, так много пережившие и сделавшие все, чтобы защитить протоколонистов, не собирались оставлять их. Каждый на борту станции, за исключением Кенсинга, привыкли подчиняться Дираку.

А премьер, убедившись, что с Ником на «Фантоме» продолжают поддерживать связь, и расставив стражу

в ключевых позициях станции на случай контратаки берсеркера, выбрал время, чтобы просмотреть видеозаписи о прибытии жены на станцию.

Он сам увидел, как реклама превратилась в панику, едва прозвучала тревога.

Цветной код на плитке был едва различим. И с такой запутанной системой поиска, которая имелась в их распоряжении, практически бесполезно им заниматься.

Хоксмур довольно быстро принял решение саботировать двигатель яхты, а затем доложить, что двигатель плохо работает и что снизилась его способность маневрировать. Конечно, причиной несчастья стала атака врага. Берсеркер тщательно продумал, как вывести яхту из строя. Но не настолько быстро, чтобы снова не привести все необходимое в порядок. Если появится необходимость, как считает Ник, дело уладится.

Ник еще добавил: возможно, не так уж и долго ждать. А сам подумал: пока ему не удастся дать леди Дженевьев живую плоть, необходимую для ее полного счастья.

А это, даже после того, как Хоксмур смог бы без помех полностью использовать оборудование биостанции, займет годы.

Но он не хотел приносить страдания остальным живым, превращая их судьбы в плен. Особенно здесь, где они находились в лапах чудовища, которое, возможно, все еще живо.

Но выбора у Хоксмура не оставалось.

Ник должен был признаться, что сложность ситуации сбивала его с толку.

Нет, это не справедливо, что таким образом на него был возложен груз ответственности за жизни других. Он считался пилотом и архитектором, а не философом. Не политическим, духовным и военным лидером. Нет... не любовником и соблазнителем.

Он заглушил свое раздражение и неуверенность только тем, что говорил сам себе: его мучения об этих неразрешимых проблемах являлись сильным доказа-

тельством того, что какие бы средства не использовали для его создания программисты, они сделали его настоящим человеком.

9

В тоне последнего отрывочного сообщения Фрэнка Маркуса прозвучало что-то, заставившее Ника задуматься.

Когда он обратил внимание Дирака и его команды на это сообщение, премьер, как только прослушал запись, полностью развеял сомнения Хоксмура:

— Люди часто зовут Бога. Какого-нибудь Бога в последние моменты жизни, Ник. Так мне говорили. Печально, трагично, как и остальные наши потери, но я бы не придавал этому большого значения. Вероятно, о такой смерти и мечтал Маркус. Я бы добавил, что в буквальном смысле он так и сделал.

— Да, сэр,— но Хоксмур был не в состоянии так легко забыть Фрэнка и его смерть, как это сделал его живой хозяин.

Нельзя и не заметить другие вещи.

Во время последней стычки огромный берсеркер, уничтожив корабль-разведчик Фрэнка Маркуса, продемонстрировал наличие грозного оружия, действующего на близком расстоянии. Сюда включалось и силовое поле, которое и явилось вероятной причиной гибели полковника.

Поэтому оставшимся маленьким кораблям и яхте следовало держаться от чудовища на безопасном расстоянии. Жаль, никто не мог даже предположить, на каком именно расстоянии.

В течение часа после захвата станции наблюдались останки сражения в космосе: частицы старого металла

и других материалов, замысловато кружащихся в пространстве — видимо попали в поле действия случайных сил.

Но потом все это исчезло, подхваченное слабым потоком, создаваемым проходящими кораблями через никогда не пустующий космос.

По мере того, как группа каких-либо объектов неслась, приближаясь к глубинам Мавронари, космос, где они путешествовали, согласно стандартам планетарной системы, а в данном случае атмосферы, считался вакуумом, однако, плотнее, чем раньше.

Но вот уже на протяжении нескольких тысяч километров во всех направлениях не было видно ни одного хоть маленького корабля, ни машины, ни друзей, ни врагов.

Николас честно нес вахту, пытаясь решить для себя: сделать ли станцию домом для живых людей? И размышлял о своих действиях в любом случае.

Сейчас у него была возможность нести вахту в полглаза и почти не напрягаясь. А значит, больше половины времени проводить с Дженни.

Он радостно разбудил ее новостью о победе.

Когда Джинни вышла из спальни, чтобы поговорить с Ником, разгуливая с ним по прохладным и мрачным просторам Аббатства, она сказала:

— Пока мы остаемся ничем, кроме облака света и потока электронов. Все, на что вы и я способны — притворяться, что делаем приятное друг другу и получаем удовольствие. Возможно, этого достаточно. Но мне достаточным не будет никогда.

— Тогда, моя леди, не будет достаточным и для меня. Нет, Дженни, я хочу быть с вами. В любом случае с вами. И сделаю вас счастливой.

Напряженность взгляда леди сделали ее глаза огромными.

Она произнесла:

— Тогда у нас должно быть тело. Другого быть не может.

— У нас будет тело. Клянусь! Я добьюсь настоящих человеческих тел для нашего существования.

— Вы уже говорили об этом. Сомневаюсь, что у вас есть такая сила.

— Будет, если мне позволят использовать ресурсы на борту станционной лаборатории.

Премьер выбрал в жены сообразительную женщину.

Дженевьев:

— Вы имеете в виду зиготы? Колонистов?

— Это один из способов использовать их. Там, кажется, биллион потенциальных жизней, из которых можно выбрать, что нужно.

Леди нахмурилась:

— Но они...

— Что? Вы хотели сказать о моральном запрете? О том, что они — люди? Вряд ли. Все это больше похоже на генетические проекты органических сосудов. Сосуды мы должны сохранять пустыми до тех пор, пока не сможем их наполнить собой. Должен быть какой-то способ!

Казалось, Дженевьев не верила в подобную возможность.

Ответила:

— Даже если мы найдем способ, нам понадобятся годы. Вы намерены вырастить новые тела в искусственных матках? Но я не могу показаться свету ребенком.

— Я тоже не хочу оказаться в младенчестве.

Ник содрогнулся про себя.

— Нет, полагаю, что взрослый разум должен быть помещен во взрослый мозг. Ведь должен же существовать какой-то способ для создания такой системы? Пока вы здесь, можете спать десять, двадцать стандартных лет... Пока ваше тело не вырастет и не разовьется. Можете отдыхать столетие, если по каким-то причинам захочется продлить сон, ведь и этот отрезок времени покажется вам мгновеньем.

— И вы тоже?

— Да, конечно. Если только премьер даст мне отдохнуть. Не станет прерывать меня каждый час. А я обязан обращать внимание на его приказы. Если мы хотим

выжить... Да и мы не совсем уверены, что берсеркер действительно мертв.

Ник сделал паузу.

Задумался.

Продолжил свою мысль:

— К счастью, наш премьер, вроде бы и не спешит домой. Он не отказался от поисков леди Дженевьев. Или в какой-то степени заменить вас.

— Что вы имеете в виду?

— Похоже, он думает о вашем ребенке.

— Ах!.. Я тоже иногда. Но ведь этот ребенок не станет мной.

Леди помолчала, а затем взорвалась:

— О, Ник! Если вы сможете это сделать для меня, я стану вашей навсегда.

И добавила:

— Как вы это сделаете? Мой... мой муж и остальные не должны...

— Конечно, они не должны ничего знать. Если я найду способ совершить это для вас, вы вернетесь к нему, Дираку.

— Я пойду туда, куда скажете. Сделаю все, что вы захотите.

В глазах Дженевьев появилась новая надежда:

— А как вы получите доступ к искусственным маткам?

— Это не трудно. Никто не мешает мне ходить повсюду. Вообще, дела на станции сейчас обстоят таким образом, что никто не обращает внимания на оборудование. И, естественно, вряд ли узнает, что это оборудование используют. Конечно, лучше бы иметь дело с одной-двумя изолированными машинами.

Вскоре премьер вызвал Ника на станцию. Вместо того, чтобы переправить оборудование, в котором он физически помещался, Хоксмур предпочел передать себя по радио в короткие интервалы лежащего между ними космического пространства. То есть, предпочесть способ, которым он пользовался раньше.

Задор, Ховелер и Скурлок, не привыкшие к присутствию записанных людей, как и антропологических программ, были поражены появлением Ника, похожего на оптикоэлектронное привидение.

Но премьер поспешил успокоить их:

— Это Ник. Он на нашей стороне.

Помолчал, видя, что истрепанные нервы нуждаются в большем успокоении. И добавил:

— Это мобильная программа, все в порядке.

Ник немедленно принялся работать по указанию премьера, проверяя высокосложные схемы. Он не находил никаких мин-ловушек, засад, кроме несуществующих следов присутствия берсеркера. Он не забывал о тен-клубе в программах его, Хоксмура. Ник все отменно хранил в памяти.

Он внимательно изучил повреждения, оставшиеся от стычки в главной лаборатории, где был обстрелян одинокий берсеркер, и в прилегающем коридоре, где так же звучали выстрелы.

К счастью, подумал Хоксмур, сражение на борту оказалось ограниченным по масштабу. В противном случае, хрупкое оборудование станции превратилось бы в руины.

Бортовые программы в основном были в порядке. И даже не искаженными, если не считать серьезной путаницы в системе, сохраняющей следы груза, состоящего из протоколонистов. Ховелер без труда объяснил свои действия, совершенные им сразу же после оккупации станции берсеркерами. Да, очень плохо, но сейчас ничего невозможно сделать.

Ник размышлял: можно ли каким-то способом воспользоваться для своих целей тем, что система каталога груза запутана?

Можно ли использовать в интересах Дженни?

Закончив первый этап интенсивной проверки, Ник отчитался Дираку. И спросил его:

— Что делать дальше, босс?

— Она где-то здесь. Понимаете, Ник?

— Сэр?

Дирак поднял взгляд, полный необычного мечтательного выражения:

— У медиков на борту станции имеются генетические записи и наш ребенок. Это часть ее, она здесь.

О! Да, сэр.

Босс напугал Ника. Но Хоксмур все понял.

Запутанный каталог не помешал премьеру Дираку продолжать поиски генетических записей своей потерянной жены. Или, по крайней мере, как перешептывались члены его экипажа, ее генов для сохранения династии.

Дирак подытожил:

— Если леди Дженевьев мертва, жив наш ребенок.

Дни бежали быстро. Дирак и его экипаж установили нечто наподобие нового порядка. На станции не обнаружили ни одного берсеркера. Но громада врага, двигатель которого частично работал, все еще нависала и продолжала тащить на буксире исследовательскую станцию. Хоть и очень медленно для космического путешествия, но в одном направлении: к загадочной цели.

Кенсинг и остальные испытывали такое чувство, будто жили рядом с кратером спящего вулкана.

Ник руководил работой тупой обслуги. Это были роботы.

Но Хоксмур продолжал заниматься и изнуряющим делом: проверкой станции, охраной от неожиданного нападения берсеркера.

Если не считать пару маленьких приборов-разведчиков, дополнительное присутствие врага не обнаруживалось.

Но ведь не исключено и обратное. Даже присутствие Хоксмура не давало полной безопасности.

Ник с помощью одного-двух живых сотрудников, советуясь с Ховелером, который запутал функцию каталога в мозге станции, пытался восстановить утерянное.

Перспектива казалась невеселой.

Даже если получится, трудно будет навести порядок. Если архивные роботы успели переложить большое количество плиток, пока программа перезагружалась? Это весьма возможно.

Дирак настаивал, чтобы восстановление программы стало первоочередной задачей, хотя многие соратники премьера, зная, что всего в нескольких сотнях метров зависала гора берсеркера, возможности которого оставались неизвестны, предпочли бы сосредоточить усилия на другом. Например, на ремонте двигателя яхты.

Ник, урывая моменты от своих обязанностей, ощущал торжество потрясения по мере того, как развивались события. Он дивился своему мужеству и успеху в тайном вызове хозяину. И вызов этот — связь с женой премьера.

Правда, история с леди началась не как вызов. Далеко нет. Хоксмур, восстанавливая цепь действий в своей безупречной памяти, говорил себе: когда он направил свой корабль вслед за курьером, то просто из-за преданности Дираку пытался спасти Дженни.

Немного позже, когда он понял, что ни сам, ни с помощью медицинского робота не в состоянии спасти ее тело, следующий шаг произошел автоматически.

Уже в то время Хоксмур стал бояться момента, когда женщина, которую он любил, покинет его, вернувшись к мужу. Ник не сразу осознал, что поскольку электронная жена не имеет никакого значения для династии премьера, она никогда не вернется к Дираку по политическим соображениям.

Замечательно было то, что леди стала хотя бы обращать внимание на него. Ник был в этом уверен. Это было, конечно, не то, что леди готова была выбрать с ним жизнь в условиях виртуальной реальности без органического тела. Нет иллюзиям на этот счет! Для того, чтобы она захотела жить с Хоксмуром, он должен вернуть ей тело. Но как найти способ его вернуть?

Большинство искусственных маток находились на одной палубе. Даже практически в одном помещении. Но пять или шесть из них по каким-то причинам разбросали отдельно в укромных местах.

И Нику предстояло решить, насколько возможно использовать одну — а в действительности ему необходимо две — не выдавая себя.

Хоксмур сказал Дженни:

— Я найду способ вырастить тело, потому что вам это нужно. Выращу тела для вас.

Следом добавил:

— Если что помешает мне, то добуду уже выращенные.

Это заставило леди призадуматься. Но не надолго.

— Взять их, но у кого?

— А любым способом. Во что бы то ни стало! У людей, которые остановят нас, если узнают, что мы делаем.

Свободно расхаживая по станции, Ник обнаружил настоящее сокровище, которое пригодится для его цели. Предметом гордости сотрудников станции являлся запас искусственных маток и их вспомогательного оборудования, насчитывающего, возможно, более сотни приборов из стекла и металла. Это занимало всю палубу и даже больше, чем палубу. Проверенное и в рабочем состоянии. Находилось в состоянии, которое можно назвать ожиданием.

С технической точки зрения все в этом отсеке казалось в прекрасном виде. Системы ждали, подобно джинам в бутылках, когда же их освободят, выпустят на волю, наполнив генетическим материалом и дав команду начать производство здоровых человеческих тел. Осуществление этого предполагалось лишь тогда, когда корабль, построенный для колонизации, достигнет нужного места назначения.

Анюта Задор, по наивности делясь информацией, поведала Нику о самой передовой опытной системе

предродового развития. Она на борту станции. Сотрудники биолаборатории назвали ее Фрейя, в честь скандинавской богини любви и плодородия.

Рассказывая об этом, Ник, стоя со своей возлюбленной спутницей рядом с высоким алтарем в Аббатстве, потерял контроль над собой и попытался обнять Дженни.

Трудно сказать, насколько реально он испытывал или только воображал соответствующее возбуждение. Но он чуть не раздел леди, которая сначала показалась полной страстного желания, а потом внезапно вырвалась и вскрикнула:

— Нет! Не так, не так!

И затем, когда вновь обрела над собой контроль:

— Не так, Николас. Не таким образом. Во что бы то ни стало, дорогой Ник, у нас должны быть тела.

Отдыхая от обязанностей, которые возложил на него Дирак, Хоксмур вновь сконцентрировал свое сознание на одном сравнительно отдаленном помещении биостанции, вдумчиво изучая банк данных и оборудование, которое ему придется использовать для выполнения секретного плана — его и Дженни.

Одной из стратегических проблем, с которыми столкнулся Хоксмур, являлся процесс, обратный трансформации человеческого мозга в чистую оптику и электронику.

Вначале Николас провел беседу с опытной системой, которую доктор Задор называла Фрейей. Эта Фрейя отличалась интеллектом, если сравнивать с остальным оборудованием биолаборатории. И Фрейя — не поддалась попыткам Хоксмура внедриться. Ник определенно видел в ней женщину.

Представление Ника о Фрейе было смутным и изменчивым. Для него она оставалась не более, чем интеллект, со спокойным и добрым голосом.

Хоксмур, познакомившись с Фрейей, вскоре приступил к секретному сканированию ее программы. Практически это являлось частью его программы и обязанностей: убедиться, что во время оккупации станции берсеркеры не устроили в ней какую-либо ловушку.

И убедился, что ее благая программа не подверглась вмешательству. Затем Ник поговорил с ней, поведав о своих проблемах и заботах, но не уточняя, что проблемы сугубо личные.

Спросил:

— Насколько должен быть развит живой мозг, чтобы я мог загрузить в него мои системы?

Вопрос вызвал недоумение Фрейи. Ей понадобилось время, чтобы ответить.

С самого начала исследований Хоксмуру было ясно, что серое вещество новорожденного, не говоря уже об эмбриональном мозге, не подходит для его целей. Даже если не принимать во внимание его моральные возражения против этой процедуры, минимальный объем и сложность младенческого мозга представляли достаточную трудность для выполнения задуманного Хоксмуром и позволяли лишь частичную загрузку.

Это вызывало у опытной системы реакцию морального возмущения. Фрейя, казалось, сломалась. Ну, почти сломалась. Чуть не сломалась.

Ник поспешил заверить:

— Да это же чисто теоретический вопрос. Мы и не собираемся заниматься подобными операциями.

Она же настаивала на том, что подобная операция невозможна с технической точки зрения, даже в оптимальных условиях.

Хоксмур продолжать спор не стал, а лишь задавал вопросы.

Фрейя в ответ предложила чисто теоретически два способа, с помощью которых существо, подобное Николасу, может обрести плоть.

Во-первых, вырастить тело из запаса зигот или другого разнообразного человеческого генетического материала, находящегося на биостанции. Вырастить его, сохраняя развивающийся мозг нетронутым и чистым в от-

ношении его собственной личности и способным принять другую индивидуальность.

Конечно, тела обычно, если выращены в лабораторных условиях, так же, как и развивающиеся старым органическим естественным путем, имеют с самого начала все признаки собственного разума и духа.

Вторая возможность — и снова Фрейя высказалась только после настойчивого опроса, добавив, что это неприемлемо для практики — очистить существующий взрослый мозг. Что это такое? Нанести на обширную поверхность очень аккуратные надрезы, чтобы стереть модель существующей личности. Затем микроструктура мозга лечится, а заживление происходит вместе с внедрением новой личности.

Опытная система согласилась, что эта этически неприемлемая схема имеет некоторые практические преимущества: вместо пятнадцати-шестнадцати стандартных лет, понадобится всего несколько месяцев, чтобы приготовить основной орган для загрузки всевозможных данных личности.

Но в течение всего этого времени оборудование требует постоянной и непрерывной работы.

Ник удалился, чтобы полученную информацию обдумать в одиночестве.

Ясно, что необходимо было избавиться от берсеркера и от тягостной власти человека, чтобы осуществить этот честолюбивый проект.

Кроме того, Хоксмур решил попытаться провести эксперимент на яхте, где редко появлялись живые любопытные люди. Но необходимо перевести нужное оборудование со станции на яхту. И опять-таки Ник не был уверен, что сможет трудиться без вмешательства достаточно долгое время.

Транспортировать Дженни и себя, как это требовалось, казалось проще.

Фрейя в очередном разговоре с Николасом утверждала, что можно только единственным путем загрузить

информацию электронного мужчины или женщины в живой мозг. Разговор шел о недоразвитом мозге младенца.

Очень сложная операция.

Но это было что-то наподобие обратного процесса записи на оптикоэлектронную матрицу модели личности индивидуальной модели мозга.

Сложно даже сразу схватить суть формулировки. А как выполнить?

Ник узнавал дальше... Но если даже применить более быстрый метод, покажется неизбежным, что поступающие сигналы раздавят и разрушат природную модель личности. То разрушат, что развивающийся мозг уже сформирует.

Если в качестве матрицы использовать зрелый мозг, по мнению Фрейи, природная модель одержит верх над той, которую навязывают.

Или, имея две конфликтующие модели, можно получить гибрид двух индивидуальностей. Часть информации будет иметь отношение к природной личности.

План, который выбрал Ник и идею, которую подсказали беседы с Фрейей, а ее-то постоянно надо было убеждать, что все это чисто теоретически, так вот план заключался в том, чтобы воздействовать на развивающийся человеческий мозг — то погружая его в глубокий сон, то позволяя развиваться органично, то интенсивно загружая его.

Сначала будет нанесен набросок желаемой личности на развивающуюся матрицу, а затем проведется уже детальная работа.

Неизбежно, предупреждала Фрейя, что в процессе могут появиться определенные ошибки. Тогда получится живой человек, обладающий памятью электронного предшественника-предка, но это будет не точная его копия.

— Но ведь ни один человек не является копией самого или самой, какими они были вчера.

— Я очень надеюсь, что вы оба не станете работать над этим проектом. С вашей точки зрения... Нет с вашей стороны будет очень безнравственно, если обманете меня.

Николас, который уже начал удаляться в схему, резко обернулся:

— Мы оба?

Он даже не упоминал никогда Фрейе, и в этом он был абсолютно уверен, о существовании программной версии леди Дженевьев.

— Да,— Фрейя приняла небрежный вид, как делала всегда, если речь шла о личной жизни.— Совсем недавно я дала очень похожую информацию Дираку. Полагаю, вы обсуждали это.

10

А в это время группа людей, руководимых Дираком, пришла к заключению, что первоначальная радость от кажущейся победы постепенно превратилась в отчаяние.

Сам премьер, поддерживаемый Брабантом и Варварой Энгадин, окончательно пресек любые открытые возражения, не дав им подняться выше шепота.

«Все в порядке,— убеждал себя Кенсинг.— В настоящий момент у нас нет двигателя, без которого мы не можем вернуться домой. Маленький корабль не подойдет, поскольку не сумеет пробраться сквозь туманность. А если нет возможности, нечего и думать об отправке. И кто-то должен командовать, сохранять моральный уровень, способность занять людей делом».

Лучше Дирака невозможно было найти лидера.

Кроме того, Кенсинг понимал, что даже если бы «Фантом» и готов был бы отправиться, Анюта и Ховелер не покинули бы своих протоколонистов.

В конце концов, он надеялся, что можно каким-то образом освободить станцию от берсеркера. И отремонтированная яхта оттащит ее домой.

Но все могло быть и хуже.

Берсеркер продолжал хранить спокойствие.

На яхте и станции исправны все системы, поддерживающие жизнедеятельность.

Могло быть гораздо хуже.

Премьер следил, чтобы по меньшей мере один человек нес караул у космических систем, наблюдая за берсеркером, который пока не подавал признаков жизни. Под руководством Дирака оставшиеся люди упорно укрепляли свои позиции на борту биостанции.

Задор и Ховелер почти все время проводили за тем, что пытались исправить систему каталога груза, прикладывая все усилия, чтобы спасти протоколонистов.

Дирак, поставив на первое место спасение груза, заручился чистосердечной поддержкой двух уцелевших сотрудников станции.

Кроме того, премьер считал делом первостепенной важности установление зоны относительной безопасности, где полностью исключалось присутствие шпионских приборов берсеркера.

В центре этой территории Дирак выбрал кабину для себя, где основал штаб-квартиру.

Тем временем на борту станции находились еще два человека, подозреваемые в том, что являлись «полезными». Хотя никто еще — ни Дирак, ни окружающие его — не слышали, чтоб пара призналась в этом. По сути, в преступлении.

Премьер решил взяться за дело конкретно.

Спокойно спросил Скурлока:

— Навестите меня?

Ну как же ослушаться? Дирак сказал, чтобы в его квартиру они пришли вдвоем: Скурлок и Кэрол.

Скурлок появился один. Вошел в комнату и стал перед Дираком. Тот сидел в кресле, похожем на качалку. И смотрел на Скурлока.

Премьер указал жестом на другое кресло. Скурлок понял, что предстоит разговор. Доложил вначале: Кэрол отказалась придти.

— Знаете, премьер, она очень плохо себя чувствует.

— Доктор Задор осмотрела ее?

В голосе Дирака звучала отцовская забота.

— Вы показывали ее медицинскому роботу?

Скурлок:

— Я просил ее показаться и Анюте, и роботу. Отказалась.

Премьер раскачивался в кресле.

— Что ж, пусть пока будет так. Я хочу поговорить с вами.

Он качнулся еще несколько раз, а Скурлок с тревогой ожидал.

Затем премьер произнес:

— Я прекрасно понимаю, что оба вы попали в очень тяжелую ситуацию, оказавшись в настоящем плену у берсеркера.

— Да, сэр, было тяжело.

— Я действительно считаю, что несправедливо осуждать вас, обоих вас, за то, что вы могли сказать или сделать, оказавшись в таком положении.

— Вот именно, сэр! Истинная правда. Я как раз боялся, что никто нас не поймет.

Большие нервные руки Скурлока зашевелились у него на коленях.

Дирак продолжал успокаивать его:

— Думаю, может я смогу вам помочь решить проблемы, с которыми вы встретились в отношении с другими людьми. То есть, полагаю, что я и вы сможем сейчас работать вместе. Если мы когда-либо вернемся на населенную планету, вам и Кэрол понадобится помощь. И вы можете получить ее. Обвинение в деятельности в качестве «полезных» считается тяжким преступлением.

— Да, сэр. Я прекрасно знаю об этом.

Дирак говорил медленно.

— В настоящий момент мы — все мы на борту станции — находимся в ситуации, не намного отличающейся, думаю, от той, в которой оказались вы и Кэрол в качестве пленников машин. Для нас тоже пребывание с машинами, хотя и на короткое время, может стать неотвратимым. Вы согласны?

— С берсеркером, сэр?

— Именно это я подразумеваю под словом машина, да.

— О, да, премьер.

— Не уверен, что остальные на борту понимают это так же хорошо, как вы и Кэрол. Поэтому пока я хотел бы сохранить втайне наш разговор.

— Понимаю, премьер.

— Правда?

Дирак задумался, раскачиваясь в кресле. Заговорил снова:

— Возможно, конечно, машина в самом деле полностью мертва, не считая двигателя и автопилота. Возможно, нет. Я хочу узнать правду о ее состоянии. Это представляется мне наиважнейшим шагом.

Скурлок кивнул.

Премьер:

— Итак, я хочу сказать, что посылаю вас на разведку, Скурлок. Я выбрал вас потому, что машина знает вас. Она не убьет и не нанесет вам вреда. Если ей представится такая возможность. Думаю, из вас получится хороший разведчик и исследователь.

Скурлок молчал. Выглядел испуганным, слишком потрясенным.

Дирак кивнул, выразив удовлетворение реакцией Скурлока, ведь он чувствовал сложность переживаний пилота.

Премьер продолжал:

— При необходимости, если машина еще жива, вы выступите в качестве моего посла. А?

Скурлок слегка вздохнул. Затем кивнул головой.

Дирак продолжал:

— У нас, людей, в чьих руках сейчас находится станция, есть определенные требования. Прежде всего, никаких больше атак берсеркера против нас. Кроме того, и у машины — если она еще жива — должны быть определенные желания. Согласно ее программе. Мы находимся в ситуации, когда полная победа невозможна ни для одной стороны. Поэтому, как я ранее сказал,

перемирие может быть нашим единственным выбором.

И Скурлок снова согласился.

Ник после разговора с премьером сделал небольшой рывок «Фантома», приведя в движение ее якобы поломанный двигатель, собираясь совершить на яхте маневр в сторону границы силового поля берсеркера. И «Фантом» так же оказался на буксире. Хоксмур убедил своих живых спутников, что яхта, даже наполовину поврежденная, сможет высвободиться при первом же предупреждении. А в это время Нику легче будет ремонтировать двигатель, поскольку он сможет полностью его отключить.

Неистовое сопротивление берсеркера высадке на борт группе Дирака прекратилась так быстро, что большинство людей отказывалось верить, будто все вражеские машины уничтожены. Кроме того, сам Дирак открыто не заявил о своей позиции, и остальные были готовы оспаривать тот или другой подход к этой проблеме.

Брабант и Энгадин спорили.

Женщина заявила:

— Его машины определенно отступили.

— Да, но почему? Задайте себе этот вопрос. Берсеркеры никогда просто так не отступают. Скорее, отступают только тогда, когда уверены в пользе отступления. Они явно готовят нам ловушку.

Энгадин решительно не соглашалась с телохранителем:

— Думаю, что это не отступление. То, что случилось, это... у них, наверное, не осталось подвижных машин или их резервы совершенно исчерпаны. Эта гигантская штука, которая висит над нами, похожа на старую машину, судя по ее внешнему корпусу. И что прошла она много сражений. Думаю, мы уничтожили последний подвижный аппарат.

Брабант выразил сомнение:

— Возможно, но мы не имеем права так легко рассчитывать.

— Все же,— утверждала Варвара,— на станции не оказалось ни одной активной и подвижной машины. И я бы сказала, как раз кстати. Всем было ясно, что в результате еще одного сражения на борту станции не осталось бы ни одного живого существа. Опустошать сооружения в космосе от живых существ — как раз то, к чему стремятся берсеркеры. Говорю вам, у них не осталось оружия против нас.

Огромный человек мрачно покачал головой:

— Мне бы следовало поверить этому. Если не считать, что с самого начала этот берсеркер является исключением из правил. Иногда он похож на совершенного сумасшедшего. Настоящий чудак. Он мог спокойно уничтожить станцию прямо там, где она находилась. На орбите Иматры. Это гораздо легче, чем тащить на себе такую штуку.

— Что бы это значило?

— У вопроса двойной ответ. Одна часть попроще, другая потруднее. Первая: нет, этот берсеркер совсем не сумасшедший. У него есть холодный логический расчет, исходя из которого ему не нужно уничтожать биосооружение. Ибо у него, берсеркера, была или есть какая-то польза в его сохранении. Или из-за кого-то, или из-за чего-то, находящегося на борту. И это может даже объяснить, почему он больше на нас не нападает. Он лучше протянет время в надежде, что мы улетим на «Фантоме».

Женщина проясненно закивала головой:

— Признаюсь, в этом что-то есть... а другая сторона?

— Берсеркер решает, какую пользу извлечь.

— А какую, кроме наших протоколонистов? Тогда лучше нам самим уничтожить груз станции?

Сотрудники лаборатории были оскорблены, услышав об этом предложении.

Дирак поддержал их.

— Мы всегда сможем уничтожить все. Но у нас

действительно здесь очень ценный груз, и мы еще не исчерпали всех возможностей в поиске леди Дженевьев.

Никто, кроме самого премьера, возможно, больше этому не верил. Кое-кто считал, что добровольцев просто держат на борту. Но никто не осмеливался спросить: почему?

Сотрудники лаборатории и Дирак выяснили, что во время оккупации берсеркер не причинил грузу вреда. А груз — будущие люди. Похоже, что не много плиток оказалось не на своих обычных складских местах. Хотя принимая во внимание огромное количество запасов и сильный беспорядок в системе каталога, невозможно было утверждать что-то определенно.

Не находилось свидетельств, что берсеркер пробовал начать выращивание людей для предполагаемых войск «мамлюков» или «полезных» рабов.

Искусственные матки не исследовались, не использовались и оставались на своих местах. Хотя, правда, несколько штук попали во внимание берсеркеров. Но все было цело. Никаким оборудованием враги не пользовались.

Нику пришлось подождать, пока закончится это основное обследование, чтобы приступить к исполнению своего секретного плана.

Дирак все еще держал вооруженный патруль. И каждый технический осмотр в огромных складских помещениях сопровождался вооруженным эскортом на случай засады.

Встретив огромные трудности в решении проблемы возвращения тела, Ник пытался убедить Дженни отказаться от ее требований. От утверждал ненавязчиво, как думал, что виртуальная реальность является одной из форм рая. Но Дженни, как бы сильно ни сомневалась, что он сможет сделать это, продолжала настаивать на возвращении тела.

Она начала обвинять Ника, что он украл у нее тело. И это, возможно, сделано для собственной корысти. Но если он думал, что таким способом завладеет ею, то это не реально.

В конце концов, у нее нет никаких доказательств, кроме его же рассказов! Будто бы она была смертельно ранена... Пусть Ник забудет о сожительстве, у него ничего не получится! Ни один мужчина не получит ее. Пока... пока она не вернет своего тела. Достаточно лишь подумать об электронном сексе, попытке программировать сложную экстраполяцию осязания, как ее начинает тошнить!

...Так леди Дженевьев, почти крича, бросала свои недоумение и гнев в лицо Николасу Хоксмуру.

Премьер, чувствуя возрастающую уверенность в безопасности на борту, объявил необязательной вооруженную охрану.

Дирак установил на станции такое же время, как и на борту «Фантома». Однажды рано утром Кенсинг, покидая свою каюту, которую делили с Анютой, спросил ее:

— Зигота фактически является только зародышем, верно? Фактически это компактная информация?

Задор ответила:

— Во-первых, зародыш еще не человек и не жизнь. Но вот я иногда думаю обратное.

— Даже когда заморожено?

— Ах, ты ведь не можешь считать себя мертвым, если один находишься в бессознательном состоянии в закрытой камере? И второе: разве ты можешь спорить, что ты, или я, или Ник, или еще кто-нибудь — всего лишь комок информации?

— Я не хочу оспаривать философию. То, что хочу действительно понять, это можно ли биллион зигот хранить еще компактнее или же аккуратно, в цифровой форме, как записи информации?

Анюта глубоко задумалась.

— Не знаю,— призналась она.— Не просто, полагаю, записать генетическую структуру. Но, что касается прототипа личности, представленной моделями мозговой деятельности, в этом смысле здесь нечего записы-

вать. У нее нет мозга. К тому же, даже трех-четырех месячный плод очень мал.

Скурлок вернулся. Никто, кроме Дирака, и, возможно, находящейся в уединении Кэрол, даже не представлял, что он отсутствовал на станции почти день.

Скурлок отчитался лично перед премьером и передал ему маленький, загадочный и невинно выглядевший кусок какого-то оборудования.

— Вы действительно разговаривали с машиной?

— Да, сэр.

Высокий человек занял место напротив премьера в его частных апартаментах. Он описал, что его выход прошел по плану. Чтобы сохранить максимальную секретность, Дирак организовал дополнительную смену охраны для себя и приказал отвлечь Хоксмура.

Премьер глубоко вздохнул:

— Значит, я был прав.

— Да, сэр. Вы были правы. Большая машина действительно жива. Хотя, думаю, очень ослаблена.

— А это? — Дирак покачал маленьким куском аппаратуры в руках.— Выглядит как безымянная запчасть для одного из миллиона комплексных приборов.

— Это надежный прибор связи. Так меня информировали. Все, что произносится рядом, слышно здесь. Иногда машина может использовать его для того, чтобы поговорить с вами. Она сказала, что говорить будет не часто, и в любой момент может прервать общение, о чем бы ни шла речь. Но это — если разговаривать неудобно.

— Как тактично! Итак, он слышит нас теперь?

— Думаю, да, премьер.

— А что еще можете сказать мне? Что вы сумели узнать?

— Очень мало, премьер. Я кружил вокруг в космическом пространстве, пока не обнаружил что-то наподобие люка. Я подождал, согласно нашим инструкциям. Через несколько минут люк открылся, и появилась маленькая машина, чтобы узнать, зачем я пришел.

— Маленькая машина такого же типа, какую вы встретили здесь, на станции, во время ее оккупации?

— Да, такого же типа. Насколько я могу судить.

— Продолжай.

— После того, как я сделал дружественный жест, маленькая машина проводила меня через люк — это был, конечно, тамбур. Я не пошел дальше выхода и мало увидел внутри — что там у берсеркера? Видел только металлические стены. Фактически я ничего не узнал о внутренней конструкции гигантской машины.

— Я и не надеялся, что вам это удастся.

Дирак подбросил маленький аппарат вверх и поймал его в воздухе.

— Вы хорошо поработали.

Премьер остался доволен Скурлоком.

Дженни обрадовалась, когда пришел Ник и доложил, что еще немного, и он приступит к их великому секретному плану.

Ему удалось скопировать Фрейю без ее ведома и сделать необходимые изменения в ее главной программе. Скоро он сможет начать работу с двумя искусственными матками, расположенными в помещении, редко посещаемом людьми.

«Без риска ничего не добьешься»,— мысленно и вслух говорил Хоксмур.

Да, он был весь в мечте и ее претворении в жизнь. Если секретную работу обнаружат, он может извиниться и что-нибудь придумать, выдав свое дело за другое, другую действительность. Но Ник считал, что вряд ли кто-нибудь даже заметит что-нибудь.

Дженни развеселилась.

Хоксмур продолжал:

— Говоришь, что мы прежде всего должны выбрать зиготу, которую хотим использовать? Конечно. Выбрать из биллиона. Если вы не хотите выходить отсюда, я доставлю несколько экземпляров на ваше усмотрение.

— Но... ведь даже после этого понадобятся годы...

— Насколько я понимаю, время у нас есть. Я могу управлять яхтой неограниченное время. И, думаю, что премьер останется довольным. Поверьте, он совершенно не спешит вернуться домой. Единственное, что меня беспокоит...

— Да?

— А, ничего важного... Праздная мысль.

Ник не захотел сказать Дженни, что услышал от Фрейи: премьер Дирак, очевидно, тоже придумал свой план, схожий в чем-то с хоксмуровским.

Он стал продумывать простую программу для роботов, чтобы заняться сортировкой зигот: подготовительный этап в выборе нужной пары. Одну — для тела Дженни. И вторую — для собственного тела. Тела первого и единственного для общеизвестного Хоксмура.

Воображение Ника постоянно возвращалось к важным и трудным вопросам, которые невозможно обойти. Можно ли продвигаться на двух позициях сразу, попробовать оба метода — выращивание и захват?

Не приведут ли два секретных проекта к двойному открытию?

Метод захвата потребует от него каким-то образом установить контроль над подходящими людьми, стереть начисто их модели мозга, не убивая живые органы, осторожно надрезать мозг — точно, не разрушая ткань, чтобы не лишить ее способности вновь взять на себя и сохранять структуру мысли.

Убийство. Настоящее убийство невинных свидетелей. Несмотря на свое решение быть безжалостным, Ник поморщился от этой мысли.

О трудностях, с которыми он и Дженни могут встретиться, успешно завершив план, он даже и не говорил. Если им удастся избежать гнева премьера и других потенциальных жертв, то какое человеческое общество предоставит укрытие таким убийцам?

Конечно, это будет немного быстрее, чем растить зиготу. И настоящий захват не представляет большой трудности. Ник в своем костюме сможет легко взять верх над любым человеком без снаряжения. А в эти дни немногие носили ружие, не считая караула.

Настоящая трудность заключалась в том, что в их

распоряжении находилось мало взрослых. И ни одно тело не являлось идеальным для выбора.

Во время следующего визита на яхту Ник попал в коридор, где помещались бортовые медицинские роботы и прочитал биологические характеристики Фулера Аристова, будущего воспитателя колонистов, который находился в глубокой заморозке.

Не идеальный вариант тела для Ника, но преемлемый. Так и подумал на всякий случай Николас Хоксмур.

А как же Дженни? Она первая. Он должен найти подходящую телесную оболочку для нее, даже если ему не удастся найти для себя.

И среди женщин, находящихся в их распоряжении, никто, по мнению Ника, не подходил под стандарты красоты, которая была необходима.

Нет, он больше придерживался первого метода. При достаточном времени и уходе человеческие тела могут быть успешно выращены в искусственных матках станции. На ее борту находился избыток зигот, среди которых можно выбирать в поисках нужной генетики. Несмотря на запутанные записи, наверняка найдется нужная пара. Лишь потребуется время для медленного механического поиска.

Это только начало.

Принимая во внимание, что подходящие тела для него и Дженни нужно вырастить, следующий этап загрузки индивидуальностей в их созревший мозг наверняка принесет новые трудности.

Согласно плану, разработанному совместно с Фрейей, эта фаза должна выполняться в соревновании с процессом органического роста. Органический мозг и ум будут созданы на последующих уровнях отделки, подобно тому, как скульптор откалывает камень все тоньше и тоньше.

И оба метода, захват тел и их выращивание, требуют, чтобы масса информации, в которой сейчас пребывают оба бесплотных существа, а каждое — три объема человеческого черепа — физически переместилась туда, где были приготовлены органические сосуды.

У некоторых членов экипажа Дирака, среди которых были в какой-то степени Брабант и Энгадин, росло недовольство в связи с продолжающейся убылью людей.

Политический советник собирал кучки плиток и с грохотом сваливал на палубу, затем все наблюдали, как маленькая машина спешила привести в некоторый порядок стеклянные прямоугольники. Варвара размышляла:

— Сначала мы потратили дни в поисках женщины, которой здесь не было, когда пришли берсеркеры. Теперь ищем плитку, единственную плитку, которую никто в Божьем свете не может найти.

Телохранитель, проворчав что-то в знак согласия, сравнил эту задачу с определением местонахождения звезд в Галактике без карты.

Советник и любовница Дирака твердила:

— Не остановили берсеркера. То, что мы должны попытаться сделать сейчас, а я уже говорила об этом, освободить станцию от объятий. Хорошо, конечно, по возможности спасти плитки. Лучший способ сделать это — пойти и убедиться, что берсеркер мертв.

— Вы имеете в виду взять его на обордаж?

— Именно это я имею в виду. Конечно, опасно. Но если очнуться и подумать, мы поймем, что торчать здесь, занимаясь бессмысленной работой, подобно самоубийству. Если берсеркер не доберется до нас, рано или поздно окружит туманность, и мы окажемся в ловушке.

— Ну? Что же нам делать?

— Если не может идти речь о ремонте яхты, тогда мы должны идти на борт берсеркера. Убедиться, что он мертв. И найти возможность манипулировать его двигателем. Это единственный способ вернуться домой. Это позволит спасти будущие жизни. Вытащим на буксире станцию и ее груз. Вытащим из туманности, а там...

Каждый соглашался, по меньшей мере с одним: если они будут придерживаться настоящего курса, продвигаясь прямо в туманность, рано или поздно неизбежно попадут в ловушку облаков Мавронари. И пойманные таким образом, будут выбираться к дому не дни, а столетия.

После долгих дней поиска груза и различного обору-

дования, все еще было невозможн определить: была ли плитка с зародышем леди Дженевьев занесена в систему картотеки?

Найти этого проторебенка среди почти биллиона других оказалось практически невозможным.

Отказавшись от компьютера, следовало поставить для решения задачи людей, роботов. И уже с их помощью вести изучение складского груза.

— Только одна машина, предназначенная для подобного тестирования, находится на борту? Она сможет пересмотреть миллион плиток в год. А мы ... завершим эту работу ... через десять веков.

— Конечно, есть шанс найти злосчастную плитку и через половину такого времени.

Выходило в лучшем случае три тысячи — за день. Более сотни — за час.

Ни Задор, Ни Ховелер не могли вспомнить, что сделали с этой особой плиткой в состоянии паники, которая поднялась после сигнала тревоги. Если только дар Дженевьевы не положили на ручку кресла Ховелера или на край его консоля.

Два сотрудника лаборатории расходились в некоторых подробностях. Что ж, и человеческий мозг не всегда надежен.

И все же Дирак продолжал настаивать на увеличении усилий. Премьер публично заявил, что сможет восстановить Дженни, реконструируя ее из генов. Конечно, полный генетический код его жены нельзя получить из зиготы, но с этого можно начать.

Однако, где должен сохраниться полный код?

Иногда родителям, оставляющим детей для проекта колоний, предлагалось оставлять также собственные генетические записи.

Ни Задор, ни Ховелер не могли сказать с уверенностью, было ли это проделано с леди Дженевьев. Если да, и еще будет найдет зародыш, тогда будет возможно вегетативное размножение.

Задор и Ховелер сами проделывали подобные процедуры в прошлом.

В это время Дирак открыл сюрприз: персональную обслуживающую систему и искусно сделанного телохранителя по имени Локи.

Ника пригласили, чтоб доставить со станции на яхту совсем открыто еще один контейнер с тремя емкостями величиной с человеческий череп.

Еще один доверенный, как объяснил премьер Хоксмуру, чтобы разгрузить Ника от некоторых его обязанностей и обеспечить защиту в случае необходимости. Ну, разумеется, защиту от берсеркера.

Шли дни. Ропот среди команды рос. Но с помощью Ника, Лока и Брабанта премьер оставался у власти прочно.

И несмотря на странное поведение Скурлока и Кэрол, а так же на то, что остальные стали подозревать Дирака в переговорах с берсеркером, премьер давно установил и энергично поддеживал железный контроль над своими людьми.

— Ник, скажи: может программа испытывать настоящие эмоции?

— Я могу, сэр.

— Как и ждал от тебя. Прекрасный запрограммированный ответ.

Дирак и Скурлок вновь вели переговоры, заперев прибор связи берсеркера там, где они были уверены, что враг ничего не услышит.

Премьер говорил:

— Все, что нужно берсеркеру — жизнь, которая подлежит уничтожению. И средства уничтожения ему необходимы. Спорен вопрос: считаются ли протоколонисты, запечатанные в стекло, действительно живыми? Но как бы вы не назвали эти существа — жизнью или потенциальной жизнью — это уже философия, которая явно не интересует берсеркера.

— Вы имеете в виду, сэр, что, зиготы могут быть ценным товаром, за который мы сможем выторговать жизнь и свободу?

Дирак, ничего не ответив, лишь кивнул головой в знак согласия.

Мужчина — бледноглазый, совсем еще молодой наружности, спросил:

— Если они считают их живыми, почему берсеркер не убил, не разрушил плитки, когда имел полную и неограниченную возможность?

— Во-первых, каждая плитка — очень плотная. Она задумана и сделана такой, чтобы прочто защищать свое содержимое. Не так уж легко их уничтожить. На каждую нужно потратить силу или обладать могучим оружием, чтобы совершить массовое убийство. Но, думаю, вы правы: у берсеркера есть какая-то причина. Некая честолюбивая схема в мозге. Скорей всего, идея воспитать и использовать легион «полезных», как думают некоторые. Однако, наша высадка на борт корабля удивила его. И сейчас он потерял свой шанс. Возможно, берсеркер и в переговоры вступит, чтобы отвоевать добычу обратно.

Кенсингу трудно было стоять навытяжку, не видя возможности расслабиться. Он явился к Дираку с настойчивым призывом, чтобы все, оставшиеся в живых, немедленно надели снаряжение, взяли оружие, имеющееся в наличии, и отправились в экспедицию, пробную атаку на самого берсеркера.

Нужно, наконец, разрешить спор, ведь все очевидное свидетельствует, что враг почти или даже полностью беспомощен.

Дирак резко раскритиковал его предложение:

— Не будь дураком! Неужели не видишь, что он делает все возможное, чтобы втянуть нас в нечто подобное, о чем просишь?

Кенсинг готов был спорить:

— И еще готовит атаку против нас, настраивая оставленное оборудование на максимальное усилие. Чем больше времени мы ждем, тем сокрушительнее будет удар, когда берсеркер подготовится к нему.

И Сандро закончил мольбой:

— Как мы иначе собираемся вернуться домой?

У сотрудников лаборатории появились смешанные чувства. Они не хотели провоцировать еще одну атаку против врага, но горячо сопротивлялись идее, что баллион человеческих жизней будет переправлен в туманность Мавронари.

Дирак, ни в коей мере не изменяя своей репутации безжалостного, но обаятельного человека, продолжал выступать против любой атаки, против плана, предложенного Кенсингом и Энгадин. Он публично сказал, что враг со всей очевидностью пытается нас заманить в схватку.

Но у Ника и некоторых других росло убеждение, что такой опрометчивый шаг помешает собственным планам Дирака, требовавшего не только спасения людей в этой катастрофе, но сохранения своей власти.

Иное должно подождать, пока премьер не завершит свои поиски очень важного для него человека, которого решил не терять. По правде говоря, его целью являлась власть. Его «возлюбленная» на самом деле никогда не являлась больше, чем средство достижения ее.

Некоторые из наиболее умных и циничных членов экипажа, всей команды объясняли, что для Дирака вернуться домой без его необходимой с политической точки зрения жены означает крах. Посему он, возможно, вообще предпочитает не возвращаться.

— Какое это имеет отношение к нам? Пусть остается здесь, если хочет. Мы хотим домой.

Но даже без оружия и прямых угроз применения силы премьер всегда мог заставить большинство людей смотреть на вещи его глазами.

II

Проснувшись от звука капающей и барабанящей по ее крыше воды, леди Дженевьев внезапно вспомнила, что перед тем, как в последний раз уснуть, она сказала

Нику, что когда у нее было живое тело, любила слушать дождь.

Просыпаться в новой форме существования всегда не похоже на то, как она просыпалась живым телом. Сознание приходило и уходило сейчас в какие-то мгновения. Подобно тому, как включают и выключают свет без всякого удовольствия и усилий. Но вот такие ощущения — и удовольствие, и усилия — она вполне относила к большей части времени, когда бурлила молодость в ее горячем теле.

Теперь же, возвращаясь ото сна, похожего на смерть, чувствовала себя в полумраке, лежащей в очень большой постели где-то в помещении, похожем на аппартаменты настоятеля собора.

Сейчас она проснулась от звука земного, английского, лондонского дождя, барабанящего в ее нереальных ушах, шумящего на воображаемых шиферных крышах воображаемого Аббатства, ниспадая на воображаемые улицы.

Она подумала: были ли в настоящем Аббатстве, где-то очень далеко от корабля, где она находилась в плену, на расстоянии световых лет космического пространства предметы, подобные водосточным трубам в виде фантастических фигур? Или они, эти полупресмыкающиеся чудовища, были рождены спазмами воображения Ника?

Он же сам ей однажды печально признался, что у него не хватает исторических знаний, чтобы до конца буть уверенным в точности своих копий.

Без усилия леди Дженевьев внушила себе, что она больше не в постели, а рядом с ней, очень близко, но без опоры. В окно она увидела сырой Лондон.

Стояло серое утро. Очень серое. На античных крышах из шифера блестел дождь. Темное небо разрывалось резкой и раздражительной грозой. И освещалось правдоподобными вспышками молний.

Леди в тайном уединении своей спальни, где ей клялся в поддержке и покое Ник Хоксмур, скинув белую сорочку, со страхом и любопытством изучала белую наготу тела, облик которого дал ей Ник.

В первый раз с тех пор, как очутилась в Аббатстве,

занялась она таким исследованием. Впервые, увидя себя такой, готова была согласиться: «Да, это я. По крайней мере, такой себя помню». Но с каждым последующим взглядом ее неуверенность стала возрастать.

Интимные части тела — те, которые не видны ни на одной публичной видеозаписи, на основе которых производилась реконструкция, казалось более всего отличались от тела, которое она помнила. А, может, это было просто в ее воображении?

Внушив себе, что она снова одета, леди Дженевьев вышла из спальни и отправилась по проходу туда, где должен находиться публичный сектор Аббатства. Затем, выйдя через маленькую дверь и поднявшись по сотне ступенек без усилия и одышки, взошла на узкую лестницу в северной башне, на которой не было часов.

Отсчитав определенное количество ступенек, леди остановилась и открыла маленькое окно, высунулась и попробовала ощущение дождя, бьющего по серому уклону крыши.

Прохладное, сырое, гладкое ощущение на пальцах, но по-прежнему какое-то странное, неестественное. Как всегда.

Бывало, что-то вроде менялось. Но в сущности все по-старому.

Спустившись с башни и едва войдя в спальню, леди услышала стук в дверь. Прежде чем ответить, она надела воображаемую одежду на воображаемую сорочку, в которой забиралась на башню. Неспеша надела тапочки. Затем ответила на стук.

— Какой сюрприз,— сказала она, почти не глядя на фигуру, стоящую за дверью.— Это вы?

Ник посмотрел на нее так, словно мысли его были далеко отсюда.

— Кого еще вы ждали? — спросил он, искренне удивившись.

Она лишь взглянула на Хоксмура.

О,— произнес он, смутно осознав, что таким образом она выражает сарказм по поводу своего одиночества.— Вам есть чем заняться, подумать о чем-нибудь.

— Нет, я не могу ничего без вас делать.

— Я сказал, что намерен научить вас осуществлять контроль над окружающим. Вы сможете экспериментировать бесконечно, делать любые изменения. Какие хотите! Думаю, это будет... здорово.

— Я сказала, что не намерена терпеть такое существование ни минуты больше, чем необходимо. Все, что я хочу — вернуть мне тело. Или быть восстановленной в другом теле, хотя бы таком красивом.

— Могу уверить вас, моя дорогая, я сделаю все возможное.

Ник мог сообщить обнадеживающие вещи о процессе отбора зигот и о том, что найдены искусственные матки.

В этот момент они выходили из церкви.

— Я доставил вам образы, моя дорогая.

Дженни готова была спросить, что он кроме образов может дать ей, пока она находится в ловушке нереальности. Но сдержалась.

Ник продолжал горячо объяснять.

Робот, исследующий груз под руководством Фрейи, уже выкопал пару зигот, чьи генетические модели очень подходят под те, которые заказал Ник. Он создал образы их новых тел в их ранней зрелости, выращенных из этих зигот.

— Хорошо, когда я могу увидеть их?

— Вот, они здесь.

Дженни посмотрела через плечо на симпатичную пару, полностью раздетую, как для какой-то нудистской свадьбы, идущую взявшись за руки к нефу. Это — Ник, как он мог выглядеть в своем новом теле, а вот — она. Он был похож на существующую форму, стоящую рядом с ней, взволнованно ожидая одобрения. А она... она едва находила хоть смутный намек на то, как должна выглядеть.

Образы — атлетического здоровья, но с отсутствующими взглядами.

Они прошли в нескольких метрах от наблюдающих за ними. Затем, сделав пируэт, остановились, похожие на голоизображения манекенов, которых забыли одеть.

— Ну?

— Похоже,— сказала Дженни, не желая проявлять

излишнюю критичность на этом этапе.— Но я должна быть немного выше, не так ли? Грудь у меня немного больше. И подбородок, и глаза... пусть она обернется — да. В целом, лицо не очень похоже на мое. На ту, какой я должна быть.

Ник невозмутимо кивнул головой:

— Это только начало. Робот просмотрел всего лишь несколько миллионов плиток, пока не натолкнулся на эти. Думаю, недолго придется искать более подходящий экземпляр. А что вы думаете обо мне?

— Откровенно говоря, похож. Меня, конечно, не устроит. Если устроит вас...

— Хорошо. Если ничего более похожего не найдется, я остановлюсь на этом. А тем временем продолжим поиски для вас. Что я еще могу сделать для вас, чтобы вы чувствовали себя как можно удобнее?

— Ник, я говорила вам, что не знаю больше, что значит «удобно».

Такое отношение, заменившее награду, которую, как он думал, заслужил, ужаснуло Хоксмура. Неужели она не чувствует этого?

— Мне очень больно, что это так, моя дорогая.

— Почему вам больно? Я абсолютно в вашей власти. Разве вы не этого хотели все время?

Ужас Хоксмура удвоился.

— Но я никогда не хотел власти над вами!

— Вы умышленно украли мою свободу. Превратили меня в игрушку, в куклу.

— Говорю, я не хочу такой власти! Я воспользовался ею, когда это было жизненно необходимо. Ну ... как ваш доктор. Ничего больше не оставалось для спасения вашей жизни.

И продолжил, вздохнув:

— Мне жаль, что вы чувствуете себя здесь неуютно. Беспомощно. Я не хотел и не хочу такого вашего состояния. Повторяю, я научу вас управлять окружающей обстановкой. Чтобы научиться, достаточно нескольких минут. Хотите, я даже дам вам силу не впускать меня?

— Нет, я такого не хочу!

Страх леди был неожиданным и искренним.

Он заключался в том, что человек, от которого она полностью зависит, рассердится и запрет ее.

— Мне пока вполне достаточно оставаться в одиночестве своей спальни. Вы спасли меня, вы единственный, с кем можно поговорить. Единственный, кто может понять. Единственный, кто может помочь.

— Я предлагал другую компанию для вас.

Леди остановила его жестом.

— Духи и привидения подобны этим фальшивым изображениям здесь.

Голая пара все еще позировала, заигрывая и демонстрируя свои тела в медленном бессмысленном танце.

Дженевьев продолжала:

— Подобно тому человеку в темной одежде, который постоянно появляется вдали от церкви. Тот, которого вы называете священником. Нет! Я всегда отворачиваюсь, когда вижу его. Вся эта компания, о которой вы говорите, не настоящая и никогда не будет таковой. Я права?

— Да, они не реальны,— согласился Хоксмур.— Я и вы единственно реальные люди в этом мире.

— Тогда, пожалуйста, освободите меня от сновидений, где лишь привидения и духи.

— Хорошо. Вы больше не увидите их.

И в мгновение ока два образа исчезли.

— Пока я не найду еще зиготу на ваше усмотрение. А тем временем помните хотя бы, что я не привидение.

— Нет, Ник!

Леди смягчилась.

— О, нет! Я знаю, что нет.

— Полагаю, что в этом мире, который вы называете реальным, было больше людей, которые любили вас. Все, что могу пообещать вам: я люблю и буду любить вас больше, чем кто-либо другой.

— О, о, Ник! Я не хочу не впускать вас. Я думаю...

— Что?

— Думаю... я не хочу вас отпускать.

— Дженни!

Она ускользнула от протянутых рук.

— Но я знаю, так не может быть. Пока мы только призраки. Вы должны идти в тот мир и сделать одну

вещь, о которой прошу. Вы сделаете, Ник?

— Клянусь... сделаю. Клянусь силами, которые создали меня, что я найду вас. Или создам для вас тело, которого хотите. А пока, если мое Аббатство не нравится вам, я с радостью измельчу все эти готические камни в пыль. Если это доставит вам счастье.

Леди совсем смягчилась.

— Разрушить ваше Аббатство? О, Николас, после всего, что вы сделали для меня, мне будет... С моей стороны будет жестоко и ужасно сотворить подобное. Разрушить то, что вы любите. Даже если это только в воображении.

Она сделала паузу.

— Пожалуйста, скажите, где мы сейчас находимся?

Ник почувствовал глубокое уныние, услышав, как Дженни все еще использует такие слова, какими построила последнюю фразу.

— Ники, скажите.

— Хорошо. Месторасположение нашего физического накопителя, накопителя памяти не изменилось, мы все еще находимся на биоисследовательской станции. В том смысле, какой вы имеете в виду.

— Почему вы так расстроились? Я что-то не так сказала?

— Потому, что вы сказали: «Где мы находимся?» Если мое Аббатство не реально, значит, не существую ни я, ни вы. Вы, я и Аббатство — мы все одинаковы.

— Понимаю. Поэтому мы должны достать тела, Николас. Знаю, что постоянно повторяюсь. Верю, вы все сделаете. Мой любимый.

Ник хотел бы как можно больше проводить времени с Дженни. Удовлетворение от этих визитов длилось доли секунды, ведь он оставался на борту станции. Но Хоксмур беспокоился, что Дирак найдет способ, о котором и Ник не узнает, чтобы контролировать своего подчиненного пилота Хоксмура.

Частое и повторяющееся отсутствие у Дирака и других могло вызвать подозрение.

Перед лицом приближающейся угрозы со стороны берсеркера долг все настойчивее заставлял думать о себе. События в этом загадочном внешнем мире плоти и металла, лишь косвенно контролируемые изнутри банка данных, все еще угрожали.

В свободные минуты Хоксмур размышлял про себя над загадочным тоном сообщения Фрэнка Маркуса, переданного прямо перед его смертью. Он определенно скучал по Фрэнку Маркусу, несмотря на ярко выраженное его отношение к говорящим программам.

Ник решил попытаться поделиться с Дженни своими мыслями о странных последних словах полковника. Но потом решил, что ей и это не интересно.

Хоксмур скучал по Фрэнку, чувства его по отношению к премьеру подверглись коренному изменению и уже развивались в противоположном направлении... как будто изменяя человеку без разумных причин, для ненависти, вы автоматически становитесь его врагом.

Ник вынужден был признаться, что действительно желал своему создателю-хозяину смерти.

Измена и сопротивление, начавшиеся с мелкого предательства, постепенное разрушение старых моральных норм все это приближалось к своему естественному завершению.

«Может, берсеркеры сами, когда их прототипы освободились от своих создателей, испытывали что-то похожее... на прозрение?» — раздумывал Николас.

Во время своего плотского существования леди Дженевьев в сравнении с другими женщинами имела небольшой сексуальный опыт. Культура в обществе, в котором она родилась, выросла, высоко ценили девственность до замужества. Все же, будучи почти девственницей, она безусловно обладала большим опытом, чем Ник.

И все же у нее оставалось чувство, что если они когда-нибудь попытаются сблизиться, все вокруг изменится. Как загадочно...

Иногда леди Дженевьев испытывала беспокойство о своем ребенке — зародыше ребенка. Это мучительное чувство потери преследовало леди.

Она спала с самого первого появления в Аббатстве. Большую часть времени проводила во сне.

«Вдруг эти маленькие клетки внутри стекла и в гнезде из стекла и пластика стали реальнее и живее самой меня? Реальными и живыми в сравнении со мной. Или становятся той, которой я буду? О, Господи, я должна вернуть свое тело назад!»

«— ... и до самой смерти». Так или примерно так, эти слова прозвучали на свадьбе аристократической пары, за которой внимательно наблюдал Николас Хоксмур. И теперь, в минуты уныния, он вспомнил об этом, размышляя о значении физической смерти, этого невидимого гостя на всех свадьбах, партнера во всех отношениях.

У Дженни не хватало терпения участвовать в этих мрачных раздумьях, когда Ник пытался с ней заговорить. Все ее мысли оставались занятыми жаждой вернуться к реальной жизни.

Но Хоксмур не мог так легко отделываться от великих человеческих проблем. Можно ли называть ее переход из одного состояния в другое, что она пережила на курьере и в медицинском отсеке, настоящей смертью?

Спас ли Ник ее жизнь? Или нет? И значит ли это, что произошло, будто она больше не является женой Дирака?

Несмотря на все попытки Ника сделать ее пребывание в Аббатстве удобным и убедить ее в преимуществе — пусть и без деталей, в целом — оптикоэлектронной жизни, недовольство леди своим существованием — так сильно выросло, что он начал беспокоиться за ее психическое здоровье.

Через некоторое время после его визита с танцующей парой, то есть, образами, Хоксмур решил: будет лучше, если он защитит ее, погрузив во временный сон.

Как обычно, он сделал это без предупреждения. В последнее время леди говорила ему, что боится спать: как бы Ник не обманул ее ожидания, не предал в то время, когда она не существует активно? И как бы ей не было отказано навсегда в возможности иметь тело.

Хоксмур осуществлял выборочный контроль памяти леди.

Он чувствовал искушение — в случае, если не будет получаться — стереть все, что Дженни узнала, став компьютерной программой. И начать все сначала.

Если он сделает такое, Дженевьев опять и неожиданно начнет новую жизнь в средневековом монастыре. Залитый солнцем сад, трава, музыка. Для нее впечатления окажутся абсолютно новыми и свежими. Она станет сидя, слушать красивую песню менестреля. Возможно, на этот раз Хоксмур сделает менестреля более красивым.

Беда в том, думал Ник, что вот для него эти впечатления не будут новыми и свежими — и до тех пор, пока он тоже не сотрет соответствующие блоки из своей памяти.

Но такие мысли были похожи на внезапное сумасшествие.

Ник думал о том, что нужно стирать с Дженни в первую очередь. Это было заманчиво. Он мог легко сделать себя красивее на этот раз.

Окончательно его заставило отказаться от нового решения старого вопроса то, что несмотря на все старания, сущность станет уже другой. Случайные перемены всегда пугают. Да, все может оказаться лучше. Но и хуже тоже может. Предположим, что в следующем повторении Дженни полностью сойдет с ума или полностью отвергнет его?

Ник упрямо боролся с возникающими тревогами. А если мозг Дженни в результате ранения был поврежден? И поэтому в записи ее личности время от времени проступала смерть?

И, говорил себе Хоксмур, надо спешить, чтобы не потерять леди Дженевьев навсегда.

А, может, ее модель была каким-то образом испорчена?

Никакие планы на будущее не могли иметь значения, если он и Дженни сейчас не выживут. Они, или он хотя бы, когда она находится в состоянии сна, должен реально оценить трудности их физического положения. Включая нависшую опасность со стороны берсеркера, который был жив. Во всяком случае, Николас обязан был принимать это в расчет.

К тому же, впереди неумолимо приближалась полная смерти пустота Мавронари, с каждым часом ее огромная глубина становилась все ощутимее.

Звезды, находящиеся впереди и светившие чуть голубоватым светом при движении корабля, намного потускнели, завешенные туманностью.

Внутри корпуса, нависшего впереди в шестьдесят градусов, находилась только черная пустота. И видимость все ухудшалась.

Вот и получается: повторяешь слово «впереди» несколько раз, а что оно будет вскоре означать?

Берсеркер, слепой и глухой — или же по странным причинам имитирующий такое состояние — медленно погружался вместе со своей беспомощной добычей и... не менее беспомощной яхтой «Фантом» в бездонный мешок с сажей.

Кенсинг взялся за дело: провести исследование, чтобы определить скорость маленького космического флота и другие относительные факторы по мере увеличения расстояния от Иматранской системы и других знакомых миров.

Результаты работы Сандро оказались мало вдохновляющими. Фактически скорость флота относительно ближайших облаков туманности уменьшалась. Но постепенно. При таком торможении полная остановка в Мавронари может произойти через несколько лет. Попасть в ловушку таким образом, казалось, почти неизбежным, хотя это и редко случается.

Даже сейчас, когда флот находился относительно недалеко от звездных систем, уже с яхты и станции неважно просматривались эти системы. Несмотря на наличие прожекторов и антенн.

Но после ночи всегда наступает рассвет.

Пытаясь обдумать возможную стратегию, Николас готовился к худшему сценарию атаки берсеркера на станцию. Вплоть до победы над людьми.

Если случится последнее, Хоксмур сможет транспортировать и Дженсвьев, и себя на Иматру.

Вообще-то, путешествие туда для Ника и Дженни будет мгновенным. Вот увидел бы это старый Эйнштейн!

Но ясно, что после такого полета на расстоянии световых дней при далеко не оптимальных условиях, прибудут к родному лишь жалкие, измученные скелеты информации, лишь невзрачные наброски Дженни и Николаса. И уже им двоим будет неинтересно, ведь там вряд ли этой нереальной паре помогут осуществить их мечту.

Бесполезно!

Только в самом крайнем случае, подумал Хоксмур, на Иматру. Ведь тамошние ученые вряд ли вернут им тела: ни бедной Дженни, ни Нику, не имевшему тела никогда.

Ее настоящий дом, планета живых предков, находилась далеко среди звезд. Но Дженни никогда не высказывала желания вернуться туда. Понятие дома, как казалось Хоксмуру, для леди было вовсе бессмысленным.

Для него тоже: Ник жил, где придется. Вот и все.

Но... нынче, в какие-то непонятные минуты, он стал рисовать в своем воображении возможность, даже необходимость хоть когда-нибудь свой дом все-таки иметь.

С тех пор, как он встретил Дженни, голову Ника стали заполнять в большом изобилии,— да еще умножаясь, новые идеи. До сих пор его физическое положение во Вселенной виделось равнодушно-бессмысленным.

Вот если у него когда-либо появится тело, то местожительство станет не пустым звуком.

Но проблема берсеркера теперь...

Ник мог выбрать агрессивность, напрямую атакуя темный корпус врага. С помощью антенны он может проникнуть внутрь чудовищной машины и попытаться войти в одну из ее программ. Однако, Хоксмур видел мало пользы в таком поступке. Вряд ли его атака будет

хорошо воспринята берсеркером. И вряд ли ему позволят свободно передвигаться, Николасу Хоксмуру, пилоту людей.

Если сила врага молчит — это не значит, что она в дружественном молчании. Хотя Ник полностью осознавал опасность берсеркера для человечества, он был меньше склонен думать о враге, нависшем над станцией, как о машине. Скорее, это программа, более или менее похожая на него, Хоксмура.

Верно, на борт берсеркера вряд ли допускались такие, как пилот Николас. Если и да, то там могут оказаться электронные ловушки. Поймав добычу, враг медленно разложит ее на составные элементы. Тщательно изучив измененное эго Хоксмура, берсеркер получит ясное представление о том, как поступить с его источником.

Оставайся дома, Ник! Ты дома, Ник, на борту яхты премьера. И представляешься «телом».

Альтернативным планом являлась передача его малоэффективной и ослабленной версии. И если это существо не попадет в ловушку и сможет действовать, то можно тоже совершить ошибку. Пока Ник, отправив Подчиненного Ника со строгим указанием ничего не предпринимать, кроме облегчения последующей передачи, находится в безопасности от Ника I... но если он попадет под зависимость слабой его версии и начнет следовать приказам...

Осложнения за осложнениями.

Примет ли берсеркер Дженни — записанного человека, за еще живую? И чем будет отличаться его поведение в сравнении с отношением к Нику?

Несмотря на продолжительное время и большие усилия, потраченные на выяснение этого вопроса, ни один житель Солнечной системы не знал точно, по каким стандартам берсеркеры определяют разницу между живым и мертвым. И как решают, какие элементы Вселенной имеют жизненную силу и поэтому должны быть уничтожены как враждебные, какие абсолютно неживые, а следовательно терпимые и даже «полезные».

Тем не менее, Ник сомневался, что берсеркер примет

Дженни — или любого оптикоэлектронного человека — за живого.

Однажды он высказал леди эту точку зрения. И был рад, что это принесло Дженни небольшое облегчение.

Но про себя Хоксмур считал, что вопрос остается неизученным. Скорее всего, берсеркер решит, что и Дженни, и он, если не живые, то все же опасные странные существа. Объекты, которые для начала надо изучить, а потом уничтожить как предательские машины, выражающие симпатию делу живых.

Ник не имел права ошибиться.

Он однажды в беседе с Фрэнком высказал точку зрения, а Фрэнк выразил сомнение, что враг может использовать то, что Маркус назвал «психологией воображения» для определения разницы между живым и достаточно мертвым.

Берсеркеры, возможно, проводят тестирование на органику. Другие возможные объяснения живого, используемого самими людьми, могут расширить эту категорию даже до ... берсеркеров. То есть, самоповторяющихся машин с разумным поведением.

Некоторая определенная странность последнего сообщения Маркуса вызывала у Ника мысль о возможности того, что берсеркер, уже проявивший склонность оставлять врагов своих — пусть и на выбор — в живых, взял Фрэнка в плен. А если так, может берсеркер уже узнал от полковника о существовании в природе Ника. Тогда уже берсеркер сможет предусмотреть действия Николаса Хоксмура, искусственного человека, и применить контрдействия.

В такой ситуации все пути, казалось Нику, вели в покрытую тенью опасность. И для леди, и для его самого. Ведь пока еще ни один луч хоть и слабой надежды не обещал вспышки солнечного света.

Ладно, как будет, так и будет. У Хоксмура еще оставалось время проконсультироваться с Фрейей-2. И проверить автоматические поиски, которые организовал Ник: поиски протоколонистов, чьи генетические модели подходили для Дженни и его собственных характеристик.

Фрейя-2, предназначенная для роли послушного помощника-заговорщика, была полностью готова помочь Хоксмуру в осуществлении его плана.

Не сумев привести в порядок запутанные системы каталога груза, Николас почувствовал, что надо разбудить Дженни. И обсудить с ней и достигнутый прогресс, и оставшиеся проблемы, и оставшиеся трудности. Хотя усилия на способах приобретения тел Хоксмуром были уже затрачены большие.

Сегодня леди находилась в дурном настроении и не желала вести разговор, пока Ник не заставил ее отвечать. Он тоже делал все без желания.

Не добившись необходимого от Дженни, он снова, тайно, но насильно усыпил ее.

Иногда, пока ненадолго, Ник завидовал своей спутнице, имеющей привилегию на безопасный электронный сон, забвение по требованию, когда бы она ни захотела.

Наконец, леди Дженевьев, благодаря Хоксмуру, находилась в безопасности и когда спала, и когда бодрствовала.

А что касается его, то Ник пытался иногда поспать, стараясь словно бы приучить себя к жизни, похожей на жизнь живого человека.

Но, обеспокоенный, быстро возвращался к неутомимому бодрствованию.

12

Хоксмур испытывал моменты, когда обычный призыв к выполнению обязанностей, казалось, безумно отвлекал его от секретной работы в интересах Дженни и его самого. Даже загадочный берсеркер и опасность, которую он представлял для Дженни и его, уходил на задний план.

Но такие мысли приходили на мгновение, потому что эксперименты Ника, его надежды на будущее, когда будет жить в мире и свободе с Дженни, зависили от

исхода внешних сражений. Если берсеркер победит, оба могли надеяться не больше, чем на порабощение и гибель.

В любом случае Ник спешил, он едва получал возможность присоединиться к своей любимой в убежище Аббатства.

Обычно надо было будить ее, так как видя глубокое несчастье леди, Ник усыплял ее, не спрашивая согласия. Дженни никогда не выражала протеста против навязанного ей состояния бессознательности. И даже в разговорах с Ником она настойчиво отказывалась от перспективы жить в «мире грез», как определяла сама, который он придумал, чтобы отвлечь ее.

Хоксмур послушно держался вдали от роскошной спальни Дженни, никогда не нарушая ее покоя желанием переступить порог. Это была комната леди, где никогда не нарушалось ее уединение. Куда она уходила спать и откуда возвращалась после тихого стука в дверь.

Во время их бесед Ник часто спрашивал Дженевьев о жизни тела. Вернее, чем она, Дженни, отличалась в прошлом от виртуальной реальности. Ее каталог был разнообразен и объемен.

И очарователен. Фактически это был ее мир, ее память и описания существования в теле. Жизнь, не знакомая ему. Но это-то и соблазняло Хоксмура. День за днем, час за часом... Николас заметил, что в чем-то стал изменяться и замечать за собой новые мысли и чувства. Он стал мечтать о быстром постижении мира живого человечества, который раньше представлялся Хоксмуру лишь обманчивой, невозможной реальностью.

И его собственный способ существования, который он пытался рекламировать Дженни, стал казаться ему однообразным, не отвечающим требованиям.

«Разве это жизнь?» — спрашивал Ник самого себя.

И Хоксмур чувствовал растущее понимание ее неудовлетворенности. Разве все это живое? Недостаточно иметь световую скорость и надежность электронной мысли, электронного движения.

Бывали времена, когда его любимое Аббатство становилось ему отвратительным.

Когда это происходило, он уходил в отдаленное помещение станции, ища возможность успокоиться.

Но секретная его работа продолжалась. Поиск необходимых зигот, генов, которые дадут им, Дженни и ему, желанные тела и возможность нравиться друг другу. И, конечно, самим себе.

Скользя взглядом по проводникам и сплавам, связывающим исследовательское оборудование в большой агрегат, с помощью видеоглаз наблюдая стеклянные полки с невидимыми зиготами, Хоксмур раздумывал, какой опыт может быть у протоколонистов, лежащих здесь беспомощно, инертно, не меняясь, почти сохраняя иммунитет ко времени.

Ник полагал, что дюжина неподвижных клеток ничего не может испытывать. Но с полной ли уверенностью можно это утверждать?

Не раз он приглядывался к Дженни, чтобы пригласить ее исследовать вместе с ним великий мир, под которым подразумевал провода и схемы, побродить по бесконечной электронной аппаратуре станции.

Несколько раз она не решалась переступить порог, границу Аббатства, боясь потерять его комфортные иллюзии и отправиться путешествовать по схеме. Дженни считала, что не перенесет этого и отказывалась от дальнейших предложений с отвращением и страхом.

— Я вернусь в реальный мир человеком. Или не вернусь туда никогда.

Утверждение, что Ник не человек, причиняло ему сильную боль. Но он говорил сам себе, что нельзя обвинять Дженни, которая почти всегда расстроена.

Виртуальная реальность, все представления о ней были для леди плохи. Одна лишь мысль о незнакомом космосе оптикоэлектронных схем угрожала ее чувствительности — человеческой.

Бывали моменты, что несмотря на первые неудачи и трудности, Хоксмур чувствовал почти уверенность в успехе как в нахождении, так и в создании их тел.

А иногда в состоянии ужаса испытывал странный

страх, что все его ухаживания за Дженни, обещания ей, хотя и многообещающи, но обречены на провал.

Не правда ли дикое противоречие чувств?

Как-то Николас обратился к леди:

— Однажды... это мое страстное желание... однажды мы будем счастливы вместе.

Она находилась в зеленом дворе Аббатства, где когда-то впервые увидела придуманную им игру. А так же весь этот мир. Но Аббатство было тем местом, где она чувствовала себя человеком.

— О, Ник! Дорогой Николас. Если бы это было так!

— Но первый шаг гарантирует, что у тебя будет тело. Я знаю. Я сделаю все возможное.

— Я верю в тебя, Ник!

Она смотрела мимо, в мир ее памяти, который никогда ему не принадлежал, куда он не мог последовать.

— Но иногда... я в отчаянии.

Перед тем, как ответить, он сделал паузу и незаметно поправил что-то в управлении там, где Дженни ничего не видела. Скорее, куда она упорно отказывалась глядеть, хотя его старая надежда о том, что леди сможет научиться быть счастливою с ним и здесь, не совсем умерла.

Затем Ник твердо сказал:

— Дай мне твою руку.

Она сделала это неохотно.

Затем с удивлением посмотрела на его воображаемые длинные пальцы.

— Ты ощущаешь мою руку? — спросил он. И добивил,— конечно, нет. Я тоже. Это самое большое, что я могу сделать, имитируя твой мир. С тех пор, как ты появилась здесь.

Дженни вздрогнула:

— Не делай этого больше! Это ужасно. Это заставляет меня думать, что я — призрак.

— Хорошо. Я только хотел показать тебе, напомнить, как много мы можем.

Дженевьев ничего не сказала.

Сделав небольшую паузу, Ник вернул управление в прежнее состояние. Затем снова взял руку леди. Она

не хотела подавать руки, и Ник удержал ее запястье своей свободной рукой, приложив небольшую силу.

Руки сомкнулись.

— Лучше?

— Да, согласна.

Их зримые, действительно реальные пальцы прижались, сжимаясь чувственно, почти от души. Кожа побелела от давления.

— Сожми крепче, если можешь.

— Мне больно!

Неожиданно Ник отпрянул.

— Я не могу тебе сделать больно, моя любимая. Даже если я тебе этого пожелаю. У тебя больше нет способности ощущать физическую боль. Я убедился в этом с самого начала. Это отсутствие явилось причиной того, что было трудно добиться сознания, отрегулированного до самой высокой точности.

— Ник? — внезапно она замерла от отчаяния, готовая опять взмолиться.

— Да?

— Ты сможешь меня сделать хотя бы чуть-чуть живой? Достань кровь и кости, чтобы сделать мне маленький палец, настоящий и плотный. Даже если это значит, что ко мне вернется боль.

Ник, обескураженный, замолчал на время. Затем попытался объяснить:

— Единственный прочный материал, который может существовать в этом Аббатстве, единственная физическая субстанция, которая способна существовать в нашем мире — полифазное вещество, используемое для определенных частей для камер стабилизатора напряжения. Оборудование, которое премьер и его живые соратники должны использовать, если когда-нибудь решатся погулять по Аббатству. Полагаю, если ты и я в это время будем в данной программе, мы сможем встретить их.

— Ты говорил, что кроме нас двоих, здесь не могут появляться другие реальные люди.

— Я сказал, что не могу привести их сюда, и сейчас не могу это сделать. При определенных условиях люди,

которых ты называешь реальными, смогут войти в мой мир, наш мир. Но это они могут сделать только по своей инициативе, понимаешь?

— Думаю, что да. Значит, я могу встретить настоящих людей здесь, в твоем Аббатстве.

— Да, если мы, работая в программе Аббатства, применим камеру стабилизатора напряжения — но думаю, ты не захочешь этого.

— Нет.

— Дай мне опять твою руку.

Она неохотно сделала это. На этот раз ощущение показалось более реальным, чем раньше.

— Лучше, любимая?

— Немного.

— Уверен, ты помнишь из прошлого периода твоей жизни прикосновения других людей. Я же могу только субъективно это представить. Все же сейчас, когда я владею банком информации с медицинской станции и моими собственными источниками, я смог перепрограммировать нас, чтобы чувствовать так, как я представляю. И для меня имеет очень большое значение тот факт, что ты сказала, будто моя программа приблизилась к телесной живой реальности.

Леди Дженевьев молчала.

Он продолжал:

— Ты знаешь прикосновения других. Скажи мне, они похожи на ощущения, которые я у тебя вызываю?

Она неохотно призналась:

— В какой-то степени так — или почти так. Думаю, почти такие же. Или может быть, я так думаю только потому, что ты сделал!..— Дженевьев внезапно замолчала.

— Только потому что я сделал что?

— Потому что ты перепрограммировал меня, вот почему я принимаю то, что говорит моя программа, за правду! Если ты говоришь, что таким должно быть человеческое прикосновение, значит это так, насколько я знаю.

— Я ничего подобного не сделал.— Голос Ника звучал оскорбленным. Он замолчал. Конечно, он не хотел

этого. Но, поскольку он начал заниматься тщательной настройкой, могло ли так получиться?

В голове у Ника промелькнула мысль, что какие бы удовольствия ни таила для них их будущая жизнь, которая придет не скоро, это время может наступить уже сейчас, здесь, в этом его собственном мире, и от простого соприкосновения можно перейти к великому проекту, рассчитав и прикинув программу всех удовольствий сексуальной любви.

Но сейчас, когда леди все еще неуверенно и неохотно относится к самым простым взаимоотношениям, идти вперед безнадежно.

Время от времени в надежде узнать больше о начавшемся процессе Ник провел определенные тесты со своей тайной спутницей. Когда он убедил Дженни, что это необходимо, чтобы узнать больше для выполнения конечной загрузки ее модели в тело, она охотно согласилась.

Тестирование включало изучение последних событий физической жизни леди, которые оставались у нее в памяти. И то — хотя она не осознавала, для чего делается этот эксперимент — оказалось последним, что случилось перед тем, как погибли ее живые органы. Был записан процесс, когда она лежала на кушетке в медицинском отсеке в последние ужасные минуты перед тем, как умер мозг. Даже тогда она не понимала, что с ней происходило. Очевидно, что в ее угасающий разум не закралось никакого подозрения о том, что случилось на самом деле.

Последнее, что Дженевьев помнила отчетливо — это Ник, спасающий ее с курьера, из обломков его корпуса. Тогда она думала, что ее спасли в обычном смысле этого слова. Появилась фигура в костюме и снаряжении и взяла ее бережно в руки. От счастья она поцеловала своего спасителя.

Она рассказала Нику, что все еще держит в растроенной памяти странное чувство пустоты в скафандре. Вызванный образ пришел и ушел, как будто последую-

щий за ним нокаут в краткосрочном воспоминании стер все.

Ник размышлял, мог ли процесс записи, который проходил частично после того, как прекратили действовать основные системы ее физического тела, состоящий в составлении электронного плана моделей, осушении дренаже, считывания информации клеток, которые уже миллионами погибали — может ли этот процесс сам привести к восстановлению покалеченной неполной, другими словами покалеченной памяти.

Он все еще не мог убедить Дженевьев отважиться выйти даже ненадолго, из ее уединения стабилизатора напряжения в мир более прозаичной схемы. Она проводила все свое время с Ником или одна в окрестностях Вестминстерского Аббатства. Место было настолько обширное, что у нее сохранялось чувство, что, для того, чтобы изучить все его заслуживающие внимания детали, понадобятся годы субъективного времени. В самом здании и вокруг его комплекса находилось огромное количество вещей, которые она желала осмотреть — еще больше было вещей, которыми она могла заинтересоваться, но она находилась в таком состоянии, что окружающее не могло полностью вытеснить ее мысли.

Возвращаясь в свою комнату, она с нетерпением ждала Ника с отчетом. Иногда она спала, зная, что ее разбудят. Она приветствовала его как раз, когда он появлялся; иногда она знала о его приходе по звуку шагов по каменной мостовой. И однажды, когда она проснулась и вышла из своей комнаты, его фигура просто материализовалась, неожиданно появившись перед ней.

Он проделал этот трюк только один раз, потому что она тут же заставила его пообещать никогда не делать подобных потрясающих и не присущих человеку вещей.

Во время этих обычных мирных визитов пара большую часть времени проводила в зеленом саду монастыря, нежели чем в других местах. Леди скучала по солнцу, но возражала, когда Ник предлагал, и им это было

легко сделать, отправиться в абсолютно новое место, посетить какое-нибудь место в реальном мире, гораздо более солнечное, чем Лондон. Он также мог легко сделать искусственный дневной британский день ярким, как в тропиках.

— Нет, дорогой, не делай этого. Неужели до тебя никогда не дойдет? У меня такое чувство, что та реальность, в которой я сейчас нахожусь, испортится навсегда, если все вокруг меня будет меняться так быстро.

Всякий раз когда она уставала от молчаливого монастыря, полного красот, или когда Ник устанавливал наугад программу, вызывающую неожиданно дождь, над открытым садом серело небо, и руки и лицо смачивала влага, она с радостью принимала иллюзию неконтролируемой природы. Тогда они шли в помещение, гуляли по мрачным глубинам самого Аббатства или уходили от дождя и мрака в Иерихонскую Гостиную и Иерусалимскую Палату — как называл их Ник — старые, необъяснимые названия для жилых помещений, чья не подвергающаяся действию времени иллюзорная роскошь не подходила к древней каменной кладке стен.

Внутри этих жилых помещений Ник, никогда не отказывавшийся от борьбы за правдоподобие — чтобы привыкнуть как в предвкушении физической жизни, так и для успокоения Дженни — организовал обслуживание воображаемыми машинами, подающими воображаемую пищу и воображаемые напитки. Процесс приема пищи и напитков, подобный тому, который она помнила из периода своей физической жизни, утолял голод и жажду — или давал ощущения, аналогичные удовлетворению настоящего голода и жажды — такие, какие она помнила.

Не то, чтобы она действительно была голодна или испытывала жажду здес в Аббатстве, или уставала до изнеможения — конечно у нее никогда не было ощущений боли. Ник заботился, чтобы ее жизнь была бесконечно уютной. Ей позволялось испытывать различные ощущения, о чем умалчивалось.

Но постепенно она поняла, что в этом существовании не хватает многих вещей, которые не были настолько явны, как дыхание или осязание. Дженни беспокоило, что она не могла вспомнить точно этот забытый опыт, чего еще она была лишена.

— Ник, я тебе рассказала не обо всем, чего здесь не хватает. Не хватает очень много вещей из реальной жизни.

Конечно он удивился — как иногда он был глуп! — и огорчился. Встревожен, заинтригован, озадачен, все вместе.

— Что это за вещи? — требовательно спрашивал он.

— В том-то и дело! Я не знаю, просто чего-то не хватает. Если бы я знала... — Дженни жестикулировала, стискивала кулачки, и наконец затихала в изнеможении.

Наконец она нашла слова для выражения по крайней мере одного недостающего компонента реальной жизни.

— Здесь в нашем мире, как ты его называешь, или существовании, как ты говоришь, все кратковременно. То есть все изменчиво, мимолетно. Ты, я, дождь, камни, небо — все одинаково.

— Мне кажется,— прервал ее Ник,— что именно там, в том реальном мире, как ты говоришь, все непостоянно. Даже наши тела, если они у нас будут, износятся и придут в упадок со временем.

— Но это надолго, Ник. И пока у нас будут тела, мы будем жить.

В это время она мысленно задержалась на воображаемых камнях, хотя предлагаемая непродолжительность, балансирование между постоянством и переменами — эта концепция показалась ей удобной.

Дженни спросила своего спутника, знает ли он еще электронных людей.

— Нет. Если не считать пару опытных систем, наподобие Фреи, или нового телохранителя босса-Локи — но это фактически разные вещи.

— Какой Локи?

— Откуда мне знать? В сущности похож на меня —

но очень похож на параноика. Быстрый, сильный — оптикоэлектронный человек может быть сильным.

— Вы с ним ладите?

— Не очень. Думаю, никто не смог бы. Локи сделан не для того, чтобы ладить с людьми.

Однажды Ник в качестве сюрприза, ради удовольствия неожиданно наполнил Аббатство реалистичными звуками бегущей воды, журчащего потока, шум которого становился громче по мере приближения Дженни к западному выходу, там где главные ворота никогда не открывались. Он распахнул их перед ней, и Лондон исчез; перед ней бежал небольшой поток, через который был перекинут пешеходный мостик, а за ним дальше бежала тропинка петляя в чаще.

— Нет, Ник. Нет. Закрой дверь. Я не хочу развлечений. Все, что я хочу...

— Да, знаю, любимая. Я знаю, что ты хочешь. И я делаю все возможное для этого.

В следующий раз, находясь наверху северной башни, он указал, что, если знать направление, можно увидеть молчаливый прилив Темзы. И наверняка, посмотрев в сторону здания Парламента, как его называл Ник, которое находилось на ближнем берегу, она могла увидеть широкий поворот описываемой им реки. Высокие башни Лондона, гораздо современнее, серые и уродливые, наполовину просматривались виртуальным зрением за пеленой виртуального дождя, нависая на виртуальном расстоянии.

Но все это фактически не помогало. Существование Дженевьев казалось мимолетным хотя бы только потому, что она при некотором усилии могла погрузиться в сон в любой момент, просто поменять обстановку. Она пользовалась этим часто, чтобы вновь проснуться и немного почувствовать себя отдохнувшей и как бы ощутить, что время не стоит на месте. В надежде достичь ощущения отдыха, чтобы продлить процесс засыпания, она просто входила в свою спальню, и это действие вызывало медленно нарастающую дремоту.

Хоксмур, наедине со своими мыслями в то время, как Дженни наслаждалась состоянием сна — во всяком случае, Николас надеялся, что оно приносило наслаждение — вызвал усилием воли свое собственное обнаженное изображение и стоял, глядя на себя в виртуальное, многомерное электронное зеркало, изобретенное им самим. Такое зеркало не могло существовать ни в одном обычном пространстве и показывало одновременно и перед, и бока, и верх, и заднюю часть, и низ, все сразу.

Познания Ника в анатомии человека, его форм и размеров, организации и строения тканей тела, обычно отвечающих нормам, черпались не только из данных банка, но и из непосредственного изучения человеческого поведения во время этого путешествия и других полетов — включая поведение многих, которые были уверены, что за ними никто не наблюдает.

Бывало, до того, как был привлечен в дело чертов Локи, тайные наблюдения Ника распространялись даже на самого премьера, особенно в тех случаях, когда Варвара Энгадин делила с ним комнату и постель.

Локи являлся удобным средством, с помощью которого Дирак держал Ника на расстоянии, когда это было необходимо, и вызывал, когда хотел.

Ник говорил себе, почти убеждал, что его знание человеческой любви определенно было больше, чем просто теория. Со времени его создания — впервые он помнил себя на борту яхты, управлявшего кончиками своих электронных пальцев большей частью схем корабля, испытывая от этого удовольствие — он мог наблюдать наиболее интимную биологическую деятельность живых членов экипажа, включая знакомых и незнакомых людей. Очевидно, что программы, копирующие физическое сексуальное возбуждение, любовь и удовольствие, должны быть очень сложны — и Хоксмур гордился собой, что программирование приемлемых вариантов таких вещей было ему под силу.

Но в то же время Ник чувствовал,— он считал, пожалуй, что для описания его чувств больше всего подойдет слово «инстинктивно» — что сильное желание Дженни получить тело было в основном верным. Чего-

то, возможно многого, постоянно не хватало в его мире, в мире опыта, которым он был наделен, существуя в настоящей форме. События, называемые радостью, любовью и удовлетворением, должны быть сильнее тех, которые он или любой другой мог запрограммировать в нем. Для того, чтобы познать подобные вещи в полном их значении, необходимо было получить их извне. Дженни представляла это — но что могла Дженни в таком состоянии дать ему сейчас?

«Пока у нас нет физических тел, мы обречены оставаться не более, чем призраками»,— когда-то она сказала ему эти слова. И в мире, в котором они вместе жили, то, что однажды было сказано, никогда не забывалось.

Прошел год с тех пор, как произошла смелая высадка Дирака на борт станции, и среди других в жестоком сражении был потерян Фрэнк Маркус.

Нику до сих пор не удалось удовлетворить Дженни ни одним образцом зиготы, которые он представлял ей на утверждение. Проект создания тел для Дженни и его самого задерживался на месяцы.

13

Локи, оптикоэлектронный телохранитель премьера, обычно был раздражителен. Он часто напоминал тому, будь то человек или нет, кто обращался к нему, как к человеку, что он совершенно не относился к живым людям, и скорее принадлежал к категории результатов или объектов персональных систем.

Но Нику казалось, что Локи часто себя вел, как человек.

Локи никогда не выражал своего мнения, по поводу наличия или отсутствия человеческих качеств у Хоксмура или других существ, кроме себя самого, потому что от него этого не требовалось.

Телохранитель-персональная обслуживающая — система по имени Локи — служил премьеру верным средством вызова или освобождения от своего пилота, архитектора и иногда телохранителя по имени Хоксмур.

Обладающий самосознанием или нет, Локи являлся эффективным, специализированным созданием с искусственным интеллектом, способным по необходимости приказывать Хоксмуру.

Когда Ник задумывался о своем положении, он полагал, что должен был понять с самого первого часа своего существования, что Дирак предусмотрительно принял меры, чтобы таким образом удерживать власть над ним. Фактически существование и природа Локи явилось недавним тревожным открытием.

К счастью для Ника, его независимости, тайных проектов Локи редко использовался на всю мощность, и когда его привлекали, обращал относительно мало внимания на Ника. Но в конце концов, Хоксмур пожаловался боссу. Ник протестовал, что Локи надоедает ему. Если Дирак хочет, чтобы Ник как можно лучше выполнял свою работу по решению многочисленных возложенных на него задач, ему необходимо изменить систему.

Дирак согласился сделать некоторые модификации, ограничивая Локи использованием только в защитных целях.

Ник поблагодарил босса и вернулся к работе.

Частью его собственного такого проекта являлась необходимость предусмотреть группу обычных роботов, осуществляющих обязанности нянек, предназначенных для создания инкубатора. Это должен быть маленький объем пространства, окруженный построенными стенами, отделяющими его от остальной станции, новой конструкции, секретного сооружения, вырастая заново из искусственных маток, новые его и Дженни тела, не давая развиваться их собственному сознанию и личности. Эта детская, как называл ее в мыслях Ник, должна конечно размещаться рядом с тайно действующими мат-

ками в той части станции, где редко появлялись люди.

Дженни все еще колебалась, воздерживаясь от окончательного утверждения одной из изгот, которые удавалось отыскать роботам Ника. Роботы перебрали миллионы плиток, но груз все еще оставался почти нетронутым. Ник лично просматривал наиболее подходящих кандидатов перед тем, как доставить самое отборное зерно Дженни. Затем он откладывал отвергнутых ею — все же стопроцентного качества — сохраняя для возможного использования, если леди устанет от собственного требования совершенства.

А тем временем роботы продолжали отправлять натурщиц для Хоксмура, парад свободных от мыслей образов, возможных будущих Дженни. Иногда вид обнаженных женщин забавлял и возбуждал его, увеличивал его удовольствие от того, что ему удавалось наделить образы поведением, присущим живым женщинам, за которыми он тайно наблюдал.

Но он начал уставать от этого. И сейчас Ник чувствовал себя непорядочным и виноватым. Как будто он позволил, чтобы кто-то другой осквернил его любимую женщину. Из уважения к своей леди и к себе он превратил важный парад в медленную послушную маршировку. Конечно в целях выполнения работы по отбору возможных тел. Оставшихся кандидатов он просмотрел как бы под тяжестью ответственности.

Собственное желание Ника поселиться в теле нельзя считать только результатом его желания быть вместе с Дженни. В некоторой степени оно определенно появилось еще до спасения леди. Но до встречи с ней подобные стремления возникали в основном только подсознательно, и он считал их просто отклонениями. В то время он никогда не задавался вопросом, чувствует ли он себя абсолютно как дома, полностью ли независим при таком образе существования.

Сейчас он не мог быть абсолютно уверенным ни в чем, в том, что касалось его.

«Может, я только думаю, что у меня есть чувства?

Сейчас я могу наблюдать за собственными действиями, как будто на самом деле их совершаю — кому как не мне знать это?

Да, его желание иметь собственное тело превратилось в навязчивую идею, в принуждение только тогда, когда Дженевьев, отказавшаяся иметь дело с образами, поклялась, что, если не вернет свое тело назад — прекрасное, женственное, здоровое, приятное тело, то конечно сойдет с ума.

Ник был напуган ее словами. Он боялся безумия как по отношению к себе, так и к Дженни и считал его возможным, хотя и не был до конца уверен, что же значило для электронного человека сойти с ума.

В сознание Ника закралось еще одно опасение, хотя он пытался убедить себя в неразумности своего беспокойства: будет ли Дженевьев, получив назад тело, испытывать искушение вернуться к своему мужу? Она говорила, что любила Ника и боялась Дирака, но Дирак, в конце концов, был отцом ее ребенка.

И еще: что случится, если процесс в искусственных матках будет проходить таким образом, что Дженни будет одарена телом раньше, чем он, Ник, получит свое — что тогда?

Ее, бывшую леди Дженевьев, часто посещал страх при мысли о том, что могло случиться и что может случиться с ее ребенком. Ее и Дирака.

Иногда она чувствовала негодование, страх, что ее ребенок может стать ее конкурентом, ее заменой.

Все чаще сейчас Дженевьев настойчиво утверждала, что действительно боялась Дирака. Она была бы счастлива никогда не видеть больше своего деспотичного супруга.

Ник почти верил ее заверениям — потому что они доставляли ему огромное счастье. Даже в моменты сомнений он горячо надеялся, что это правда.

Николас, готовый к трудностям, связанным с получением двух, а не просто одного тела, готовый покинуть

единственный знакомый ему мир взамен на загадочное бремя и красоту плоти, обращал особое внимание Дженни на свое решение во что бы то ни стало остаться вместе с ней.

Какая польза ему от тела, если у нее его не будет?

И, напротив, что он будет делать, если она опередит его в процессе возвращения тела?

— Ты действительно хочешь, чтобы я был с тобой, когда ты вернешься в тот мир, правда?

— Конечно, Ник.

— Ты должна понять, что как бы то ни было, если я попаду в тот мир, Дираку там не будет места. И наоборот. Ты должна понять это. Он бы не перенес того, что я сделал. Что нам делать?

— Тогда мы должны быть уверены, что он не будет нам мешать.— Она сохраняла полное и устрашающее спокойствие.

У Ника, конечно, никогда не было генов. Программисты, которые делали неорганическим людям жизнь, никогда не использовали окольных путей в своей работе. Первый раз решив получить тело, он был готов принять почти любую приличную форму. Но сейчас он столкнулся с тем, что являлось не только возможным, но и необходимым провести тщательную работу и не без квалифицированной помощи, чтобы выбрать желаемые характерные черты и затем собрать подходящую модель или найти по возможности очень близкое соответствие из существующего живого материала.

Приобретая тело, он конечно отказывался от высокой скорости сознания и точности, и ему ничего не оставалось, как сожалеть заранее о предстоящих потерях. Естественно он получал выгоду в другом, компенсацию от нового органического мозга. Но компенсации ощущались меньше, чем потери, и в настоящем положении он с трудом мог их определить или даже вообразить.

По сравнению со всеми этими проблемами, конечно, было важнее то, что вместе с телом он получит Дженни... получит ее в твердом состоянии, телесном. Это

глубокая тайна, которую он никак еще не мог осознать, вызывала у него благоговение.

Нику не хватало уверенности в себе. Он умолял свою леди.

— Ты — единственная, кто может научить меня жить в физическом теле. Ты должна понять, что для меня очень непривычно ощущение иметь настоящее тело. Мне понадобится время, чтобы с помощью нового органического мозга научиться пользоваться мускулами вместо мыслей. Я растеряюсь и стану ужасно медлительным и неуклюжим. Я упаду и наставлю себе синяков, и... не знаю, что еще.

Она рассмеялась. Ник в первый раз услышал, как она смеется. Но через мгновение она замолчала.

После подобного выражения сочувствия в свой адрес Ник продолжал.

— Я понимаю, конечно, что такой образ жизни является естественным для людей. Естественно и развитие в матке или в колыбели, но я не хочу этого. Но все же. Я могу закончить тем, что мне понадобится серьезная медицинская помощь и даже хирургическое вмешательство, чтобы спасти мою жизнь. Я могу провести свой первый месяц реальной жизни в медицинском отсеке.— И действительно Фрея-2 предупреждала его о такой возможности.

Дженни утешила его, успокоив.

— Я научу тебя жить в твоем большом неловком теле. Я всему тебя научу. И я позабочусь о тебе, если понадобится. О, Ник... Кстати, ты нашел для себя лучшую новую модель?

Ник предоставил ей на рассмотрение последний вариант своего возможного тела.

Дженевьев, сдвинув брови, с интересом смотрела на шагающий и позирующий образ.— Это совсем не то, Ник...

— Разве тебе не нравится? — Внезапно он забеспокоился.

— Он очень приятный, и все же...

— Что все же?

— И все же его лицо мне что-то напоминает. Кого-то, кого я раньше знала. Но, думаю, моя память сейчас полностью преобразована в цифровую форму.

— Да.

— Если так, не значит ли это, что я или полностью все помню, или нет, то есть никаких сомнений в том... в том...?

Странно, что она узнавала лицо нерожденного человека. Но вероятность и квантовые эффекты могут оказывать странное воздействие на мозг.

Ник был слегка смущен, но постарался успокоить ее.

— В большинстве случаев процесс происходит таким образом. Для памяти имеет значение все, надеюсь. Я не хочу тебя тревожить, но возможно твой мозг был немного поврежден перед тем, как я начал производить запись. Это могло вызвать подобную неопределенность. Кроме того, сам записывающий процесс редко бывает безупречным. Неудивительно, что есть какие-то пробелы.

А леди Дженевьев продолжало беспокоить смутное чувство, что видела где-то прежде это новое лицо Ника.

Ник во время размышлений и объяснений с Дженни испытывал угрызения совести при мысли, что он собирался присвоить чье-то развивающееся человеческое тело — во всяком случае, он сомневался в своем моральном праве на подобный поступок. Его основная программа запрещала убивать или наносить вред людям — кроме возможных ситуаций, когда его действия вызывали подобный эффект.

Дженни, оказывается, была лишена подобных сомнений. Она объявила, что слишком несчастна, чтобы позволить себе их. Возможно, в своем прошлом она также была способна на суровые и безжалостные поступки при необходимости.

— Как ты думаешь, почему премьер выбрал меня в жены? Абсолютно точно, что не из-за моих семейных связей. Нет, уверяю вас, не из-за моей красоты — в этом

отношении я не производила эффекта. Нет, ему нужен был умелый союзник.

Это открытие очень не совпадало с тем идеальным образом Дженевьев, который создал Ник. Он решительно отказался даже думать об этом.

Его изводили другие кажущиеся противоречия. На него производило впечатление и даже озадачивало, беспокоило и в то же время доставляло удовольствие прогрессирующее неподчинение тому, что казалось основами его программы.

Он размышлял над утверждением: когда сложность достигает определенного уровня, рождается истинная жизнь. А на высшем уровне — истинная свобода, истинная человечность?

Дженни все еще не решалась выбрать себе тело.

А пока, с горечью думал он, великий план достижения физического тела и плотской любви, как и все остальное в жизни Николаса Хоксмура, полностью оставался в его воображении в то время, как препятствия, мешавшие его претворению в жизнь, были реальны. Трудности, с которыми он столкнулся, не поддавались решению путем перестановки символов и перемещения содержимого информации. Он наблюдал, что когда мир оборудования и техники, и человеческой природы вступал в контакт с миром мысли и моделей, первое доминировало.

Но он все еще был полон горячей решимости достигнуть своей цели. И наиболее важным оставалось произвести как можно более точные, далеко идущие расчеты и модели. Он должен был предвидеть все.

Может, было глупо надеяться, что можно будет вырастить тела под носом живых людей, под контролем которых находилась биостанция, и у них будет достаточно времени для созревания их тел? Возможно эти надежды были необоснованны, но, по крайней мере, это можно было узнать из опыта. И в следующий раз, так или иначе, но у него получится.

Только представьте, что его план удастся, и, наконец, он как, нибудь сможет с помощью многочисленных компьютеров на биостанции, искусственных маток, имеющихся генетических образцов и Фреи-2 реконструировать леди Дженевьев, а также воплотить себя в физическом теле.

Оба они не смогут свободно появиться, воплощенные в физическом теле. Рано или поздно придет время, когда он будет вынужден объяснить, попытаться оправдаться перед премьером или хотя бы перед другими людьми в сделанном. Это время придет. И когда это случится...

В своем воображении Николас создавал неожиданный ряд тщательно разработанных сумасшедших сценариев, один безумнее другого, в которых он вводил в заблуждение и в то же время успокаивал Дирака: в тот день, когда возлюбленная премьера появится в цветущем теле, живая, вполне узнаваемая, хотя не совсем похожая на себя прежнюю. И не постарев даже ни на один день — возможно, даже моложе.

Иногда Хоксмур развлекался воображаемой сценой, в которой он говорил правду и делал полное признание. Можно ли найти способ, чтобы убедить премьера довести до сознания премьера, что он хочет иметь тело и что ему действительно следует позволить его иметь и что он будет его иметь?

На первый взгляд, этот сценарий был самый безумный. Он был абсолютно уверен, что Дирак никогда не согласится на это. Прежний Ник, состоящий из костей, крови и мускулов, навсегда потеряет свою уникальную пользу.

И эти трудности, кажущиеся значительными, были только началом. Дополнительной проблемой являлось объяснение, как и почему леди Дженевьев скрывалась со времени своего спасения. «Объясни мне это, Ник».

Хоксмур, прекрасно понимая невозможность решения этих монументальных проблем, потратил уйму времени на обдумывание разумных и правильных решений.

Он даже придумал несколько объяснений, которые в процессе их обдумывания могли, по его мнению, каким-то образом совершить чудо. Например: предположим,

что Дженни совсем не была на борту биостанции. Она послала туда другую вместо себя, в то время, как сама хотела пошутить и удивить своего обожаемого нового мужа и пряталась на борту его яхты.

Рядом с кормой «Фантома» находились две небольшие отдельные каюты, кабины для гостей, в которые редко кто заходил. Наверняка те немногие, кто находился на борту, не обращали внимания на эти помещения во время кризиса. Предположим, прячась в одной из них, леди Дженевьев случайно выпила лекарство и надолго уснула. А Ник, опять-таки по простой случайности, наконец обнаружил ее. Никто, кроме самой леди и, конечно, Ника не знал до сих пор, что она на борту.

Бессмыслица. Он сам себя обманывал, придумывая абсолютную бессмыслицу. До Хоксмура дошло, что вырастить желанную пару тел было не самой тяжелой работой, с которой ему предстояло столкнуться. Похоже, что скрыть свое неподчинение в конце концов являлось даже более гигантской задачей. Только муж, отчаянно желающий поверить, мог принять любую из состряпанных историй Ника. Но это определение не подходило для Дирака.

Конечно он, Николас, всегда мог попытаться рассказать Старому Господину — как он в последнее время называл в мыслях своего босса — вместо этого трезвую правду; что Дженни, в самом деле, находилась на яхте с тех пор, как они покинули Иматру, но только как электронный призрак, двойник, в форме символической жизни, силой, по-вампирски извлеченной из умирающего тела. И все это из-за Ника Хоксмура, действовавшего без уведомления и разрешения своего хозяина, который еще оказался господином и мужем леди — и которым (то есть, господином и мужем) она больше не интересовалась.

По мнению Хоксмура этот план был похож на верный способ самоубийства. Собственного виртуального уничтожения, подобного тому, как стираются любые программы с опасными дефектами. И первый раз в его

жизни мысль оказаться уничтоженным, стертым, глубоко его расстроила. Потому что сейчас впервые он знал, для чего живет.

На какое-то время после высадки на биостанции в течение интервала, когда была нарушена связь между яхтой и станцией, Ник ощутил тайную, преступную радость при неожиданной мысли, что Дирак и весь его живой экипаж могут стать жертвами берсеркера, навсегда пропадут на войне.

Но в результате такого возможного поворота событий он и Дженни остались бы один на один с гигантским берсеркером, который, оказывается, не был мертв, в борьбе за оборудование биостанции. Являясь полноправными членами человеческого экипажа, они не могли рассчитывать на победу над берсеркером.

Вновь и вновь Ник в мыслях и наяву возвращался к моменту спасения. Казалось, именно с этого часа начиналась его жизнь.

Чтобы появиться в разбитом курьере, он надел полуавтоматический костюм, сконструированный для того, чтобы его носил и им управлял на расстоянии живой человек.

В момент спасения она увидела *его в человеческом* образе — одетым в космический костюм человека — когда он вошел в борт ее взорванного корабля со всеми мерами предосторожности, не нарушив необходимой для сохранения воздуха во внутренних камерах герметизации. И в момент, когда она увидела его, выскочила из своего кресла ускорения при мысли, что она спасена — поцеловала его, да, прямо в лицевую панель, не видя и не заботясь в своей радости о том, что внутри пусто.

«Дженни поцеловала меня при встрече...»

А потом, в следующий момент, еще взрыв...

Наконец, более, чем через год после спасения пришел день, когда ему удалось уговорить Дженни сделать свой последний выбор.

Достигнув этого, Ник взял сразу две плитки, выбранные, наконец, и направился с ними в руках к Фрее-2. В последнюю минуту его охватили сомнения, что опытная система, несмотря на то, что он занимался ее программированием, действительно поможет ему. Любая, достаточно сложная система, используемая на таком высоком интеллектуальном уровне, должна уже была стать, в каком-то смысле, сильным маниакальным интеллектом. Ник понимал, что никогда не сможет быть абсолютно уверенным в том, что другие интеллекты не выдадут его тайны.

Он также беспокоился, что кто-нибудь Локи или сам Дирак узнают о существовании Фреи-2 и допросят ее. Исходя из своего опыта, Хоксмур знал, что опытные системы редко добровольно делились информацией. Но на вопросы они обычно отвечали свободно — так они были устроены — если проект не был отмечен, как особо секретный.

Когда Ник принес выбранную пару плиток Фрее-2, она подчинилась его приказам без вопросов и почти без колебания.

И сейчас два тщательно культивированных утробных плода находились в стадии неуклонного развития, и всего лишь через несколько месяцев будут готовы появиться из своих искусственных маток. Ясно, что для дальнейшего их развития необходимо было провести новую подготовку. У Ника уже имелись на этот счет кое-какие идеи.

Два отобранных мозга постепенно приобретали форму личности, для этого на мозг осторожно и точно наносились микропорезы, во время заживления которого клетки вымывались, уступая место личностям Ника и Дженни, извлекаемых частями из записей. Теоретически ни одна природная модель не имела никакой возможности к развитию.

Но это, конечно, был трудный и сложный процесс, не проверенный опытом. Существовала масса вариантов совершения ошибок.

14

После исчезновения Дирака и его эскадрильи минуло почти три столетия. Это время Иматранская система жила в относительном мире, новое поколение политиков стояло у власти. В ближайшие месяцы, непосредственно после нападения, возникла необходимость укрепления военной обороны системы. Первое время работы проводились энергично. Но вскоре из-за экономических причин это замедлилось, и теперь, спустя три столетия, оборонная система только частично соответствовала запланированной проектом мощности, и дальнейшее ее доведение было отложено на неопределенный срок.

Первое время, сразу после окончательного отбытия Дирака, появились слухи: исчезнувший премьер обвинялся в том, что сам устроил все это шоу с атакой и преследованием. Правда, аргументы обвинителей были слабыми. Никто не мог ответить на вопрос о причинах поступка Дирака.

Шли годы, десятилетия, века, но ничего не было слышно ни о нем, ни о ком-либо из тех людей, которые отправились в погоню за тем огромным берсеркером.

И вот, почти триста лет спустя после исчезновения Дирака и его эскадрильи берсеркеры, на этот раз целый флот, силы которого были преобладающими, обрушились на планетоидную систему Иматры.

Почему, спрашивали себя перед смертью прятавшиеся в глубоких укрытиях современные жители этого несчастного космического тела, почему так давно запланированные работы по укреплению оборонной системы, так и не были закончены? Задавали они себе и другой не менее важный вопрос: почему они сами с упорством продолжали жить на этой проклятой и обреченной скале? Почему не поменяли местожительство?

Целая вечность, по человеческим меркам, или, около четверти часа, по более бесстрастному времяисчислению, прошло с тех пор, как подвело людей фортификационное сооружение, возведенное с единственной целью защищать их. И этого времени хватило, чтобы уничто-

жить все живое. Лишь один человек еще боролся за свою жизнь, убегая от грозного преследователя. Но он, несмотря на необычное самообладание, все меньше верил в свою удачу. Каждый раз, уходя от погони, он чувствовал, как животный страх захлестывает его. Человек находился на грани физического истощения. Двигался он в условиях низкой гравитации в скафандре медленно, практически тело ему не подчинялось.

Но тем не менее за последний час он уже не раз спасался от неминуемой смерти. Словно импровизированные снаряды, камни, запускаемые в него его преследователем, со скоростью сравнимой разве что со скоростью пуль, ударялись ему в спину и сшибали с ног. Но борьба продолжалась. Преследователю тоже досталось, он был изрядно изувечен. Их разделяло метров пятнадцать. Корпуса разрушенных зданий смутными силуэтами возникали в клубящемся тумане перед глазами бегущего. Слава Богу, что они рухнули после того, как он миновал их.

В течение нескольких минут через наушники он слышал только шум. Последние человеческие голоса, призывы о помощи, давно заглохли. Теперь через гермошлем он слышал только собственное дыхание.

Одна-единственная из смертоносных машин, самая маленькая, теряла время на осуществление одного задания — преследование человеческого существа. Он не мог понять, почему эта проклятая штука своей мишенью выбрала именно его, не собиралась от него отставать. Если бы она не была повреждена в начале сражения, две ее конечности были изуродованы, а реактивное оружие, по всей видимости, вышло из строя, он уже давно был бы мертв. Насекомоподобная форма, слишком тощая для своего роста, цвета засохшей крови, неумолимо продолжала свою безжалостную работу. Машина продвигалась вперед, догоняла человека, а он измученный, в космических доспехах, ничего не мог предпринять.

Бежать уже не было сил, споткнувшись, человек упал. Перевернувшись в своем неповоротливом костюме на спину, распростертый на поверхности планетоиды, лежа лицом, обращенным к небу, он заметил, что искус-

ственный голубой свод Иматры быстро исчезает и, что в перерывах между вспышками выстрелов, все еще разрывающимися в ближайшем космосе, в жалких остатках верхних слоев атмосферы планетоиды становятся видимыми звезды.

И все же убегавший человек еще не был мертв. Все же его предполагаемый убийца, запутавшийся в своих собственных израненных конечностях, еще не нагнал его. Всякий раз он с трудом поднимался на ноги, стараясь вздохнуть глубже, чтобы возобновить свой бег. Он слышал, как снаружи над его головой свистит ветер.

Еще раз в отчаянии попытался он по радиосвязи вызвать помощь. Ответа не последовало. Ему даже стало казаться, что это преследование длится всю его жизнь.

На какой-то момент неистребимое чувство надежды взяло верх, он потерял из виду своего преследователя и подумал, что сумел оторваться.

На расстоянии нескольких километров на изрытой поверхности планетоиды через завесу клубящегося тумана, он видел легко узнаваемые сооружения, возведенные человеческими руками, которые подверглись разрушительным ударам недавней атаки из космоса.

Мгновение спустя, когда он думал о чудесном избавлении, берсеркер уже заметил его.

Всего за несколько минут до этого человек увидел другого человека, убитого этим же берсеркером. Тот, другой, был убит сразу, как только машина схватила его и обрушилась на шлем парня, открутив его вместе с головой. И в то самое мгновенье, когда умирал его товарищ, через наушники, до живого донесся его последний крик...

Но, что стало с другими, для этого последнего человека на поверхности Иматры, было совершенно неважным. Он сам дошел сейчас до состояния такого умственного и физического изнеможения, что не мог не только пошевелить и пальцем, но был не в силах и думать. Спокойно и с безразличием, будто дело касалось не его, он ждал смерти. Металлический скелет машины неспеш-

но приближался к нему. Не торопясь, но и не оттягивая — Смерть не теряла времени понапрасну, хотя все время мира было в ее распоряжении, чтобы как следует выполнить свою работу.

...И пришел тот самый существующий вне времени, жуткий момент, который не мог уместиться в сознании уцелевшего, который считал, что повидал уже все на свете, и не было ничего такого, чего он не мог знать. Именно в этот момент машина приблизилась настолько, что он смог заглянуть в ее линзы, которые по его мнению, могли быть чем-то вроде глаз.

Обреченный человек с трудом поднялся на ноги в последней попытке бороться за жизнь, но снова повалился. Но он не хотел удара в спину, предпочитая умереть достойно.

И именно в этот решающий момент человеку, приготовившемуся к смерти, представилась возможность заглянуть в линзы, сквозь которые на него взирала смерть...

...Почему это так сильно поразило его сейчас, когда ничто в мире не могло иметь для него значения. Какая ему была разница в том, что эти линзы были всего-навсего маленькие зеркальца?

...И какое это имело значение, что он мог в них видеть, разве не собственное лицо сквозь лицевую пластину своего шлемофона, в ожидании смотрело на него?

Прикосновение, или даже скорее обмен душ. Словно, он, так близко подойдя к финальной черте своей жизни, превратился в Смерть, а Смерть взглянула на него его же собственными глазами и вытеснила его...

...И тогда, именно в этот момент триумфа — словно машина, завершая какие-то необъяснимые расчеты, приняв решение, что цель ее достигнута — в этот самый

момент четыре ее металлические конечности замерли. И мгновение спустя без какой-либо паузы машина перестала нести угрозу своей еще дышащей жертве и начала пятиться назад. Еще через мгновенье огромное стальное чудовище повернулось спиной к последнему из выживших в Солнечной системе людей и устремилось назад.

Человек дышал, но не мог пошевелить ни единым мускулом. Единственное, что было в его силах — следить за берсеркером взглядом. Клубящийся туман вскоре скрыл из виду металлическую громадину.

И только через наружные микрофоны космических доспехов еще доносились до человека звуки, издаваемые удаляющимся берсеркером. У человека не было сил осмыслить произошедшее, но подспудно он чувствовал, что дал какое-то тайное обязательство, и что это обязательство принято. При этом они не обменялись с берсеркером ни словом.

Страх оставил его, в результате непонятной дьявольской сделки он был все еще жив. Рано или поздно все это должно было объясниться, а сейчас человек только чувствовал нереальность мира, в котором выжил. Хотя веки его были опущены, а преследователь исчез, он все еще видел отражающие линзы своего врага.

Спустя три земных часа выживший человек был обнаружен в том же месте и в том же положении членами поисковой партии, облаченными в скафандры и вооруженными мощным оружием. Они прибыли на своих собственных быстропередвигающихся машинах-роботах.

Его скафандр во многих местах был рассечен, и он уже не мог им пользоваться для передвижения по планетоиде.

15

Выжившего сразу тщательно осмотрели, оказали необходимую медицинскую помощь в полевом госпитале,

который раскинули на одном не очень сильно поврежденном участке поверхности Иматры. В госпитале он был единственным пациентом.

Люди расспрашивали этого невероятно везучего человека обо всех злоключениях. Он давал настолько правдивые ответы, насколько это было можно, но обходил стороной вопрос о том, как ему удалось заполучить космические доспехи, что практически спасли ему жизнь. Умолчал он и о том, что произошло в его сознании в тот последний момент, когда он лицом к лицу столкнулся с ужасной машиной. Он ничего не сказал об отражениях в линзах и не упомянул о чувстве, которое возникло у него, будто бы дал тайное обязательство врагу.

Лежа на больничной койке под пластиковым колпаком, напоминающим по размеру комнату, переворачиваясь с боку на бок по краткой команде медиоробота, он прислушивался к специфическим звукам, сопровождавшим попытку восстановить внешнюю атмосферу, прислушивался к властным шагам начальства, посещавшего его комнату, и думал о том, что лучше бы незаметно улизнуть и укрыться где-нибудь в населенном месте.

Спасшийся испытывал какой-то благоговейный ужас от того, что из всего многотысячного населения Иматры уцелел он один.

Но, что было еще более странным: он был единственным выжившим не только среди выходцев Земли, что само по себе было удивительно, но единственным представителем биологической жизни всех форм, кто пережил атаку вообще. Ни один микроб, кроме тех, что присутствовали на его теле и на одежде, не выдержали этого акта агрессии берсеркера.

Оставшись один на один со своими мыслями, человек не мог не сознавать уникальности своего положения и не предвидеть тех вопросов, что непременно будут ему заданы. Все они будут вариантами одной и той же проблемы: какова истинная природа того последнего молчаливого контакта, который произошел между ним и машиной?

Что-то необычное должно было произойти между ними, раз машина подарила ему жизнь.

Что такого мог увидеть в нем берсеркер, узнать о нем, различить в его голосе, что заставило его выделить среди других?

В голову ему пришла новая мысль, довольно привлекательная. И мужчина, который был красив и выглядел гораздо моложе своих лет, начал смеяться. Он смеялся внутренним смехом, которому учился многие годы. Зачем привлекать внимание обслуживающего персонала к своей персоне и заставлять их гадать, что такое могло так насмешить его? Но ситуация сама по себе была такой забавной, что не смеяться он не мог. Он думал: а не было ли у этих металлических штуковин, которые так долго и с успехом терроризировали человечество, своего кода чести? Насколько он был сведущ — это могло быть вполне вероятным.

Для людей, которые сотрудничали с берсеркерами, был давным-давно устоявшийся и широко используемый термин, имя, которое имело свои переводы и варианты переводов на все человеческие языки. Имя, которое поначалу было присвоено таким людям самими берсеркерами.

Гудлайф. Это было грязное слово. Этим именем называли тех, кто совершал самые гнусные преступления. Но ни в одном из таких преступлений, думал выживший, его обвинить было нельзя.

Во всяком случае пока.

Внезапно он перестал смеяться и, раздумывая над чем-то своим, покачал головой. Что могла машина узнать о его прошлой жизни? И что дало ей возможность заключить, что он — союзник?

И тотчас мысли его вернулись к настоящему. Что им нужно от него, не напрасно же оставили в живых?

Никогда раньше до своего прибытия на Иматру не оказывался он на расстоянии, позволившем вступить в контакт с берсеркером. Да никогда и не помышлял об этом. Как могли эти несущие смерть машины появиться из глубин космоса, чтобы напасть на эту систему, в которой он раньше никогда не был, да и не хотел быть — как

могла такая машина узнать о нем, что он собой представляет? Или то, что он мог находиться здесь?

Но сколько бы не было вопросов, ответов на них не было. Бесспорным было одно — он единственный, кто выжил.

Через день, когда его уже собирались отпустить из госпиталя, так как его здоровье пришло в норму — выживший впал в запоздалый шок.

Доктора говорили что-то о естественной психической реакции. Конечно, ему немедленно была оказана интенсивная медицинская помощь, соответствующая химиотерапия почти сразу вывела его из этого тяжелейшего состояния. Но полного выздоровления нельзя было достичь только за счет химических средств. Один из врачей подчеркнул, что хотел бы иметь перед глазами анамнез пациента; и, хотя это было вполне осуществимо в других местах, но не в условиях полевого госпиталя.

Получив, наконец, разрешение докторов выйти из госпиталя — и то только потому, что машины уже начали демонтировать временные сооружения вокруг него — выживший вступил на поверхность астероида, которая понемногу преображалась, приобретая черты обитаемости. Суточный цикл Иматры, нарушенный в результате смещения, произошедшего от жестокой атаки, медленно возвращался к своей 24-часовой норме. Некоторые стойкие декоративные растения были еще живы и зелены, несмотря на то, что несколько часов существовали фактически без воздуха.

Хейвот остановился и с восхищением любовался ими. Космический костюм для прогулок был больше не нужен — атмосферное давление уже приходило в норму, хотя содержание кислорода оставалось низким.

Неожиданно для себя, словно поддавшись внутреннему побуждению, он понял, что направился к месту, где позаимствовал свои космические доспехи, спасшие ему жизнь. Конечно, непреодолимые чувства порой бывают

опасными, но в этот раз он дал себе волю отдаться им. По мере того, как он приближался к тому месту, его ноги стали идти медленнее и наконец остановились. Молча благодарил он судьбу, удачу и тех безликих монстров, которые из неизвестности управляли миром, за то, что так вовремя пришли ему на помощь. Уцелела только полуразрушенная раковина сооружения, стоявшая у самого края беспорядочных развалин, простиравшихся на многие-многие километры, которые когда-то составляли один из крупнейших космических портов Иматры.

Было бы разумнее, предположил он, немедленно уйти; но в этот момент он испытывал чувство необычайной защищенности. Он все еще стоял там, когда услышал как кто-то подходит к нему сзади.

Он обернулся и прямо перед собой увидел молодую женщину, одетую в форму с таким же респиратором на лице, как и у него.

— Простите меня, Кристофер Хейвот, правильно?

Голос у нее был мягким, располагающим.

— Ваше имя мне сказали в госпитале.

— Все правильно.— Именем, которое он назвал своим спасителям, никогда раньше не пользовался, но считал, что имеет на него не меньше прав, чем кто-либо.

Женщина была среднего роста, почти вровень с ним, у нее были сильные руки, ноги. По выражению ее лица нельзя было ничего прочитать. Она начала с того, что представилась, назвав себя Ребеккой Танарат, специальным агентом Офиса Человечества.

Хейвот был искренне озадачен.

— Это — не родной мне мир. Боюсь, что не вполне понимаю, что такое Служба Человечества. Полагаю, что «служба» означает какое-то государственное бюро или? — спросил он.

Она терпеливо кивнула.

— Да, Иматранская система — одна из четырех планетных семейств, находящихся в юрисдикции нашего ОЧ.

— Понятно.— Хейвот кивнул. Он был совершенно уверен в том, что Офис Человечества не мог даже отда-

ленно представлять себе, кто он был такой, раз для беседы с ним они прислали обыкновенную молодую женщину. Очевидно, она только разведывала обстановку.

— Тогда наша информация верная, вы не из местных? — продолжала Ребекка.

— Нет, я просто пролетал мимо. Это была часть космического порта, ведь так? — он повернулся и жестом указал на простирающуюся перед ним равнину. На самом деле он ничуть не сомневался в том, где находится. Всего в нескольких метрах от того места, где они находились, была камера предварительного заключения порта. Как только прозвучал первый сигнал тревоги, один из его охранников, который и при других обстоятельствах не действовал как настоящий идиот, начал громко и настойчиво спорить, что заключенный, жизнь которого полностью зависела от тех, на чьем попечении он находился, должен был быть освобожден и надежно защищен космическими доспехами. Не будет никакой опасности, если предоставить ему возможность надеть космический костюм, потому что вывести его из строя не представляло никакой сложности.

И после короткой дискуссии они все-таки дали заключенному скафандр. При воспоминаниях об этом Крис отрешенно улыбнулся.

Молодой агент Танарат продолжала с ним свою беседу, пытаясь всем своим видом показать расположенность к единственному выжившему. Таким образом обычно отвлекают внимание подозреваемого. Вполне вероятно, что она была обучена некоторым общим правилам дознания. Но она и в самом деле была слишком молода, неопытна и вскоре ее наигранное дружелюбие непроизвольно стало искренним.

Не было никаких сомнений в том, что она намеревалась выполнить свою работу до конца. И спустя минуту, она довольно неловко повернула разговор к самой важной теме: почему берсеркеры отступили так внезапно, и что он сам, Хейвот, думает по этому поводу?

До настоящего момента он старался не задумываться об этом. Он принял, как должное то, что враг практически стерилизовав этот маленький мир, обратил свое внимание на более крупные дела, отправившись атаковать более населенные планеты этой звездной системы. Но поскольку он не слышал никакого нытья и жалоб по поводу ужасных потерь со стороны внутренних миров, он решил, что берсеркеры потерпели там поражение, или по крайней мере их оттуда вышвырнули.

Когда он изложил все это достаточно серьезным тоном, его собеседница ответила:

— Как только берсеркеры прекратили атаку этого астероида, они очень быстро оставили эту систему. Внутренним мирам не угрожала никакая опасность.

Произнеся все это, агент Танарат внимательно следила за его реакцией.

Хейвот пытался отвечать спокойно:

— Возможно, они узнали, что на помощь спешит спасательный флот...

— Возможно, но все же это выглядит довольно странным. Вы так не считаете? До сих пор еще никому не удавалось запугать берсеркеров.

Теперь тон Ребекки Танарат стал более суровым, чем казался поначалу.

Хейвот повернулся спиной к руинам космического порта и пошел бродить, ступая наугад тяжелыми ботинками, от чего в воздух поднимались облачка воды и пыли. Агент Танарат, сцепив руки за спиной, шла рядом с ним.

Через несколько шагов Хейвот сказал:

— Но, несомненно, отступление им было знакомо. И, если бы они узнали, что надвигаются превосходящие их силы, они непременно бы отступили, не так ли? Отступили бы для того, чтобы не быть уничтоженными и чтобы позже суметь разрушить другую жизнь.

Его собеседница кивнула:

— Конечно, иногда они отступают, из тактических соображений. Но приближавшиеся человеческие силы — люди, которые нашли вас,— не намного превосходили их. Даже если бы они по ошибке решили, что

человеческие силы численно превосходят их, это, вряд ли, бы повергло машины в панику, не правда ли?

— Я тоже склонен сомневаться в этом,— согласился Хейвот, удивляясь тону, которым был задан этот вопрос, потому что говорящая произнесла его так, словно высказала сокрушающий довод в серьезном споре.

Его собеседница кивнула с таким явным удовлетворением, словно приняла ответ Хейвота в качестве некой уступки. Потом она продолжила:

— Волнует меня другое. Простите, если спрошу грубо. Почему они не задержались, чтобы прикончить вас? И, если версия вашей истории, которую я уже слышала, правильна, то это бы у него заняло всего несколько секунд.

— Надеюсь, что вы не слишком разочарованы, что я все еще жив,— на его лице появилась победоносная улыбка, но только на минуту. Он решил, что Кристофер Хейвот должен быть от природы стеснительным молодым человеком.

— Вовсе нет,— и агент Службы Человечества одарила его заинтересованным взглядом. Ее бледные щеки как будто немного порозовели, она отвела свои голубые глаза от Хейвота и продолжала:

— Нам следует провести сжатый анализ того, что действительно произошло во время атаки. Пара кораблей проводит исследования, которые прольют свет на случившееся.

— Прольют свет? Я не понимаю.

Ребекка Танарат сделала руками отрывистое движение, изображающее полет космических истребителей.

— Корабли вылетели в разных направлениях от звезды, чтобы перехватить свет, отраженный от этого астероида во время атаки. Это очень опасная работа — использовать сверхсветовую скорость вблизи светила, и никто не берется за нее, если нет достаточно серьезной причины. Когда корабли-исследователи определят расстояние с точностью до пары световых дней, они будут в состоянии проследить за ходом атаки. Если все будет проходить, нормально, то они смогут записать события в их реальности.

Агент, гордая своими техническими познаниями, еще раз внимательно посмотрела на Хейвота.

Уцелевший счастливчик снова кивнул. Всем своим видом он показывал, что сказанное произвело на него впечатление. Он подтвердил также, что уже слышал в госпитале, как люди обсуждали подобный процесс расследования. Похоже, что агент Танарат придавала этому довольно важное значение.

В середине их милой дискуссии Хейвот почувствовал нечто, что заставило его внутренне насторожиться. Во время нападения радио его скафандра было связано с радиопередатчиками других скафандров и с местной линией гражданской обороны. Вполне вероятно, что оно работало и тогда, когда он сдался на милость берсеркера — из адского шума, производимого врагами, кто-нибудь мог уловить и его голос. Сейчас он не помнил, говорил ли он тогда что-либо вслух. Но исключать такую возможность было нельзя.

— Но, безусловно, эти корабли, находившиеся сейчас на расстоянии нескольких световых дней, не смогут получить четкую запись того, что во время атаки говорил один конкретный человек, заключенный в космический скафандр, на поверхности астероида...

Его следователь, внимательно наблюдая за ним, продолжала настаивать:

— И все же вы продолжаете утверждать, что не имеете ни малейшего представления, отчего они вдруг решили отступить так стремительно?

— Я? Нет. Откуда? Почему вы спрашиваете меня об этом? — Хейвот, искренне озадаченный начал потихоньку входить в роль невинной жертвы. Для него не представляло большого труда сыграть разгневанного человека. Нелепо было бы думать, что эти люди из Службы Человечества, могли выяснить что-либо о его последней встрече с берсеркером.

Вместе с тем, Хейвот уже почти позабыл о своих

незначительных ранениях, которые были столь пустяковыми, что о них не стоило и помнить. Дыхание его теперь было ровным, пульс умеренным и равным, но он был уверен, что все еще пребывает в состоянии шока.

Совершенно поглощенный своими беспокойными мыслями, Хейвот продолжал двигаться, предоставив молодой женщине решать самой идти за ним или нет и продолжать ли начатую беседу.

Она предпочла оставаться рядом с ним.

— Куда вы направляетесь, мистер Хейвот? — поинтересовалась она.

— Прогуляться. Я что, должен разве отчитываться?

— Нет, пока нет. Но разве у вас есть причины не отвечать на мои вопросы?

— Спрашивайте. Если я буду возражать, я дам вам это понять.

Агент Танарат кивнула.

— Откуда вы родом?

Он назвал планету, находившуюся на расстоянии многих световых лет, ту, с которой был более или менее знаком, но достаточно далекую, чтобы проверить его было не так-то просто.

— А каков род ваших занятий?

— Я занимаюсь наукой, может, вам будет не интересно. Общеобразовательные материалы — вам этот термин о чем-нибудь говорит?

Похоже, что агент Танарат приняла это. О его прошлом им пока ничего не было известно. Пока никто еще не догадывался, что на Иматре он находился в качестве тщательно охраняемого уголовного преступника, которого должны были вскоре перевести в другое место, и, если принять во внимание полную разруху, царившую здесь, то счастливое отсутствие каких-либо записей и свидетелей было для него неудивительно.

Но ему следовало быть очень осторожным. Несомненно, что эти следователи могли всерьез предполагать, что он-гудлайф. Либо по какой-то причине они хотели, чтобы он думал, что они его в этом подозревают. Но какова могла быть эта причина?

— Мистер Хейвот? А какие сейчас у вас планы?

— Если вас интересует не собираюсь ли я покинуть систему в ближайшее будущее, то я пока не решил. Я все еще нахожусь в шоке.

Хейвот раздумывал как раз над тем, стоило ли ему отделаться от агента Танарат или продолжить свое знакомство с ней и посмотреть, что из этого выйдет, когда прибыло совершенно иное лицо, но цель которого оказалась совершенно аналогичной ее цели — найти Хейвота и задать ему несколько вопросов.

Незнакомец, в военной форме офицера, был крепкого сложения пожилым мужчиной. Он сказал, что прикреплен к штабу Командора Принсепа — командующего флотом дополнительных сил подкрепления. Флот прибыл в систему, опоздав на час с лишним и ничем уже не мог помочь жителям планетоиды, подвергшейся атаке берсеркеров.

— Командор хотел бы вас видеть, молодой человек,— сказал посланец.

Хейвот бросил взгляд на Танарат. Она продолжала молчать, но вид у нее был явно встревоженный.

— Почему бы и нет? — ответил Хейвот.— В настоящий момент я ничем другим не занят.— Он мило улыбнулся Танарат; перспектива иметь дело сразу с двумя представителями власти радовала его гораздо больше, чем с одним, потому что такой шанс всегда даровал возможность их игры друг против друга. Все же он начал ворчать, как самый рядовой ни в чем неповинный налогоплательщик, которого совершенно безосновательно подозревают бог знает в чем.

Оказавшись наедине с представителем штаба Принсепа в наземном транспорте, направляющемся в другую часть разрушенного космодрома, он сразу получил подтверждение своим подозрениям.

— Ваша проблема, мистер Хейвот, состоит в том, что, кроме вас, не оказалось никаких других выживших.

— Как это понимать?

— Я хочу сказать, что в вашем случае агенту Танарат и ее начальству больше некого подозревать, а в этом районе ищут гудлайф.

— Гудлайф! — Хейворт был абсолютно уверен в

том, что его вид искренней тревоги не мог вызвать подозрения.— Не хотите ли вы сказать, что они и в самом деле подозревают меня? Но это же нелепо.

Офицер подергал за свои хорошо ухоженные усы.

— Боюсь, что некоторые люди типа агентов Службы Человечества видят во всех гудлайф и пособников берсеркеров.

— Но как же я? Но они же не могут всерьез подозревать меня? Я надеюсь, что командор...

— Командор Принсеп.

— Да, Принсеп не считает, что я...

— Нет, конечно, нет, мистер Хейвот,— успокоил его офицер.— Я полагаю, что это будет нечто вроде брифинга относительно штурма. Вы единственный, кто находился в центре событий и остался в живых, кроме вас нам не с кем беседовать.

Через некоторое время наземный транспорт замедлил ход и остановился у края расчищенной и уже обеззараженной площадки космического порта, который начал функционировать. На площадке стояло несколько военных кораблей. Размеры были различны от очень маленьких до таких, которые Хейвот, не будучи специалистом в этом деле, назвал бы огромными. Наружные детали корпусов некоторых аппаратов были скрыты силовыми экранами.

Они вместе с офицером, выбравшись из машины, направились к одному из кораблей.

Пока, и этот факт несколько успокаивал Хейвота, у них не было доказательств, что он принадлежит к гудлайфам. Конечно, если кому-то не придет в голову рассматривать в качестве такового — факт его выживания.

Он и сам не представлял пока, откуда могли бы появиться подобные свидетельства. Правдой было то, что машина, преследовавшая его, была повреждена. В самом начале она действительно была намерена покончить с ним. И промашка ее состояла не в том, что она этого не хотела или не пыталась убить его. Ведь изве-

стно, что эти проклятые машины расправлялись с гудлайф, как и с любой другой жизнью, как только решали, что польза от их существования исчерпана.

Хейвот чувствовал раздвоенность чувств. Уже от того, что это имя — гудлайф, такое ругательное, могли бы всерьез отнести к нему. Он, как и все, считал, что подобострастные противоестественные существа — гудлайфы, вызывают только омерзение, хотя сам он никогда не видел их в глаза. А сейчас ни с того ни с сего, он сам попадал в их число, хотя по правде говоря, попасть в новую категорию ему было не в диковинку — такое случалось с ним уже не в первый раз.

И все не переставал он думать о том, как берсеркер повернул назад. Что-то произошло в этот миг между ним и машиной, какое-то взаимодействие. Во всяком случае тогда ему так показалось. Но было ли это на самом деле? Какие цели могла преследовать машина?

Он постарался как можно более точно воспроизвести в памяти события. Не просто так безжалостная машина оставила его в живых. Живой Хейвот берсеркерам более полезен, чем мертвый. Для этого и сохранили ему жизнь. Особенно, когда прикончить его не составляло труда.

— Я бы не беспокоился на вашем месте,— еще раз попробовал успокоить его сопровождавший человек, по-видимому, неправильно истолковав мрачное выражение его лица,— как правило, со стариком не так уж трудно поладить.

Взойдя на борт космического челнока, Хейвот глубоко вздохнул. Он твердо знал — судьба вновь уготовила ему испытания — новые, когда и старых было для него более, чем достаточно.

По всему было видно, что командор Принсеп в ожидании беседы с ним, сгорал от нетерпения. Поэтому небольшому космическому челноку, несущему на своем борту Хейвота и офицера из штаба флота, во время полета была открыта зеленая улица. Из плавно уходящего в космос челнока Хейвот мог видеть пятна водной

поверхности на астероиде и другие признаки стадии реабилитации.

Из случайных замечаний, оброненных его попутчиком, Хейвот понял, что приказом командующего флотом восстановительные работы на некоторое время были приостановлены. Все силы и энергия, как только придет подтверждение тому, что враг не собирается с удвоенной силой обрушиться на систему, вновь должны быть брошены вдогонку за противником.

И сейчас из набирающего высоту челнока, было видно, что зависший на орбите флот перераспределяет свои силы. Пятнадцать-двадцать кораблей образовали не поддающееся определению построение, сверкая в лучах далекого иматранского солнца.

Объединенные под командованием политика высшего ранга — так сразу решил Хейвот — офицера с легким характером по имени Айван Принсеп — флот представлял людей из разных планет, обществ, но все они были выходцами из Солнечной системы.

Хейвот также сумел уловить, что основные силы командора Принсепа, которые сумели почти нагнать бесчинствующих берсеркеров, преследовали эти машины уже давно, возможно даже, много месяцев.

Берсеркеры, эти современные машины приблизились к Иматре со стороны, почти прямо противоположной Туманности Мавронари. Основные силы флота появились как раз вовремя, чтобы вызволить Хейвота, но слишком поздно, чтобы лицом к лицу встретиться с берсеркерами, и прибыли они с той же стороны.

Хейвот уже начал размышлять над идеей присоединиться к флоту в качестве некоего свидетеля или консультанта, или просто гражданского лица, оказавшегося в затруднительном положении и нуждающегося в помощи. Это, конечно, было бы гораздо лучше, чем сидеть на взорванной Иматре или на одной из внутренних планет системы и ждать, пока Ребекка Танарат или один из ее подозрительных коллег не дознаются об его сомнительном прошлом.

К счастью для Хейвота командующий флотом Принсеп вместо того, чтобы организовать немедленное пре-

следование противника, задержался в Иматранской системе, поджидая подкрепления. Передышку командор использовал по-деловому, встречаясь с различными представителями властей, представлявших внутренние планеты.

— Прямо по курсу перед нами флагманский корабль.

Выглянув из открытого иллюминатора челнока, Хейвот увидел то, что, на его взгляд, должно быть крейсером или линейным кораблем, называющимся «Симметрия».

Секунды спустя челнок благополучно был впущен в один из люков на посадочную площадку, расположенную внутри командорского флагмана.

Довольно быстро Хейвот был доставлен на командный пункт, до отказа набитый оружием, дисплеями и всем тем, без чего незозможно представить мозговой центр крейсера.

Он ожидал увидеть сурового, опытного воина. И несколько опешил, когда увидел командора — маленького, невзрачного человечка в мятой форме.

Несколько кресел в этой большой и какой-то темной комнате были заняты людьми с бесстрастными лицами, которые словно роботы выполняли задания. В тот самый момент руководитель передовых сил карательной экспедиции свое внимание сосредоточил на голографической панели возле своего командирского кресла и раздраженным голосом читал нотацию экспертной системе. Это было похоже на обсуждение меню для званого обеда. Хейвот услышал о брюссельской капусте, жареной аляске, о чем-то с названием «гуакамоль» и зеленом курином супе-чили.

Пришелец понял, что не совсем вовремя попал в логово тигра, готовящегося к прыжку. И это несколько приободрило его. Из всего услышанного Хейвот заключил, что здесь небольшое значение придают опасности.

Работа командора над меню, по всей видимости, была завершена. Теперь он обратил свой немного женствен-

ный и несколько водянистый взгляд на Хейвота и, предложив ему сесть, начал разговор о берсеркерах.

Хейвот, пристроившись на краю одного из мощно оснащенных кресел, повторил ему точь-в-точь историю, которую уже рассказывал ранее.

Принсеп, не спуская с него печального взгляда, указательным пальцем тыкал себя в толстую щеку, словно проверял состояние своего больного зуба, и не дослушав еще, неожиданно произнес:

— Служба Человечества заинтересовалась вами, молодой человек.

— Я это уже понял, командор.— Хейвот удивился самому себе. Ему вдруг захотелось понравиться командору. Но ни в коем случае нельзя было переборщить.

Коротышка-командор на какое-то мгновение снова утратил интерес и к своей работе, и к красивому молодому человеку. Ожидаемое на сегодня меню теперь явилось на голографической панели в виде зримых образов, что и привлекло внимание Принсепа.

Потом он вновь обратил свой взор на собеседника.

— Для начала, мне кажется, вам следует поесть и отдохнуть на борту корабля. Я представлю вас гражданским консультантом; я хочу подольше поговорить с вами о вашем опыте в борьбе с берсеркерами. Моим людям будет интересно послушать вас.

Хейвот сделал вид, что колеблется, хотя внутренне был готов прыгать от радости, и его ничуть не волновало, что в устах командора звучали приказные ноты. Инстинкт подсказывал ему, что в настоящее время ему следовало опасаться людей из Службы Человечества, поэтому предложение Принсепа давало ему великолепный шанс как можно дольше удержаться вдали от их щупальцев. Но деятельность этой организации всецело была направлена против активности гудлайфов. В регионах Галактики — которые были знакомы Хейвоту, этой службы не было. А он ненавидел и презирал любое государственное учреждение, в функцию которого входило допрашивать и арестовывать людей.

К величайшему удивлению Хейвота, не успел он переступить порог командного пункта, как снова столкнулся с Бекки Танарат. Здесь на борту «Симметрии» она чувствовала себя вполне по-домашнему. Дружелюбно поздоровавшись с ним, она сообщила, что прибыла на флагманский корабль в челноке СЧ. В общем, она вела себя так, словно имела полное право здесь находиться.

К ней Хейвот испытывал настороженность. Он начал уже подумывать о том, что сумеет отыскать в ней уязвимые точки и с удовольствием начал представлять себе, что, как только ему предоставится возможность, то непременно попытается обольстить ее, сойтись поближе.

Он уже был готов выслушать дополнительные вопросы о берсеркерах, если только возникнет такая необходимость. Его спокойное внутреннее отрицание того, что он когда-либо вступал с ними в сговор, даже не казалось ему ложью. Его столкновение с машиной-убийцей было действительной реальностью, но это была другая реальность, существовавшая отдельно от нынешней. Такого типа дихотомия (разделение части на две половины) не была чужда Хейвоту. Это здорово помогало эффективно лгать, и ему еще ни разу не попадался детектор лжи, способный уличить его.

В поддержку Бекки Танарат на борт флагманского корабля прибыли суперинтендант отдела СЧ Гейвин и лейтенант Ариари.

Суперинтендант Гейвин был темноволосым человеком весьма аскетического вида. Ариари был его более бледной копией. Оба они произвели на Хейвота впечатление фанатиков. Их ненависть не только к берсеркерам и гудлайф, но также ко всему человечеству в целом, читалось по их лицам. Хейвоту все это претило: он никогда не представлял себе, что кого-то мог бы так ненавидеть.

Скоро стало ясно, что суперинтендант и его доверенное лицо прибыли на флагманский корабль с одной единственной целью, чтобы увидеть Хейвота, которого тотчас и пригласили для разговора.

Встреча эта произошла в помещении, предназначенном для представителей Службы Человечества. Резуль-

таты, по мнению Хейвота, были неокончательными. Ему не угрожали, вели пока корректно, СЧ собирала компромат — это было ясно.

Бекки Танарат, похоже, влекли к нему не только служебные обязанности. Ожидая его в открытом для доступа людей коридоре, она сообщила, что до нее дошли слухи о, якобы, проходивших среди высших законодательных чинов спорах по поводу введения на астероиде Иматра военного положения. Введение такового дало бы исполнительной власти гораздо большую силу, нежели в обычной ситуации.

— Я просто хотела предупредить вас,— завершила она свою речь.

— Благодарю. Хотя я полагаю, что не слишком многое могу в этом случае предпринять. Между прочим, вас не волнует, что подумает ваш шеф о том, что вы так мило болтаете со мной?

— Нисколько. Он сам велел мне сделать это.

— Понятно. Хотите войти ко мне в доверие?

— ...и получить из ваших уст проклятое признание.

— Полагаю, что вы это не записываете?

— Пока нет, но как раз собираюсь начать. Готовы?... Начали.— Но он не заметил, чтобы Бекки сделала какое-либо постороннее движение, позволившее ей что-либо включить. Видно это было какое-нибудь первоклассное устройство.

В конечном счете Хейвот был уверен, что введение военного положения целиком и полностью лежало на командоре, потому что Принсеп обладал оружием и властью, не считаться с ним было невозможно.

И действительно командующий флотом предпринял определенные шаги в этом направлении. Вызвав к себе заинтересованных в этом людей, Принсеп поставил на рассмотрение вопрос о введении военного положения.

— Я не совсем понимаю эту просьбу,— проговорил он капризным тоном.— Насколько позволяют мне судить мои поверхностные знания в области законов, военное положение вводится только с тем, чтобы держать

под контролем население, неподдающееся нормальному управлению.

Один из его помощников поспешно кивнул.

— Совершенно верно, командор.

— В таком случае я просто теряюсь в догадках.— И он уставился своими водянистыми глазами на людей СЧ.— Какое же население собираетесь вы контролировать? У меня имеются сведения, да разве вы об этом не знаете, что в живых никого не осталось,— последние слова он сопроводил жестом, выражающим отвращение.

Тогда суперинтендант Службы Человечества Гейзин, несомненно, давая себе отчет в том, что делает, решил применить слабо завуалированную угрозу.

— Для разрешения этой ситуации есть только один выход. Или, может быть, по той или иной причине вы не одобряете точку зрения Службы Человечества?

Принсеп часто замигал, глядя на него, и сказал:

— Бог мой, сомнений быть не должно. Какие бы ни были мои личные взгляды в данном случае, они не имеют никакого значения. Суперинтендант, военная необходимость требует, чтобы наш единственный уцелевший свидетель атаки берсеркеров находился в доступном для военных месте.

Насколько Хейвот понимал, это была всего лишь политическая прикидка, учебный поединок. В действительности командор и его советники пока не особенно докучали своими вопросами. И несмотря на то, что он очень хотел им помочь, ему особенно нечего было рассказать о берсеркерах. Он уже начал было обдумывать возможность сфабриковать интересные пикантности просто для того, чтобы оправдать ожидания командора, но потом решил, что это было бы слишком рискованно.

Все же Хейвот несмотря на свои прежние предчувствия теперь был убежден, что ситуация для него складывается благополучно. О, Фортуна улыбнулась, а судьба-злодейка была от него на безопасном расстоянии. Ему ничего не оставалось, как довольствоваться выжидательной позицией, проживая пока в небольшой, но вполне удобной каюте на борту флагманского корабля «Симметрия». Через день или два это впечатляющее

вооружением судно унесет его целого и невредимого прочь из неразберихи Иматранской системы, умчит прежде, чем информация о его истинной личности и легальном статусе сможет достичь системы.

Лишь одно необходимо было Хейвоту: отсрочка. Он очень сомневался в том, что этот гурманствующий командор собирался сломать себе шею, бросившись в погоню за удирающим флотом берсеркеров. Тонкие вина, экзотическая пища... Зачем было рисковать и стремиться к настоящему столкновению с убийственным собранием смертоносных машин?

Теперь, пройдя через то, что, по его мнению, было последней неприятной стычкой с суперинтендантом, большую часть времени Хейвот проводил, изучая тот или иной дисплей корабля или болтая с кем-нибудь из команды.

Про себя он отметил, что через разные промежутки времени, в пределах системы появлялся новый боевой корабль выходцев с Земли и присоединялся к остальному флоту.

Продолжающая разрастаться боевая мощь флота производила впечатление. Ситуация становилась угрожающей. Но сам Хейвот сражения не боялся, он все еще сомневался в том, что Принсеп был действительно тем лидером, который мог серьезно использовать предоставленную в его распоряжение силу.

Ему нравилось спорить на эту и некоторые другие темы с Ребеккой Танарат. И, конечно, он принимал это за само собой разумеющееся, что все их беседы ею записывались, даже тогда, когда она горячо уверяла его в обратном.

Что касалось командора Принсепа, то действительно этот человек ревниво относился к своему имиджу и мог постоять за свой авторитет; но пойти дальше и выступить против берсеркеров — это было делом совсем другого рода. Конечно, он выступит и отправится на их поиски, но, сомневаться не приходилось в том, что примет все меры предосторожности, чтобы не приблизиться к ним на опасное расстояние.

Это еще в большей степени устраивало Хейвота,

потому что он вовсе не рвался вступить в бой против берсеркеров. Особенно, после приобретенного опыта на поверхности Иматры.

И все же угрожающая барабанная дробь приготовлений с каждым часом продолжала нарастать. Хейвот не мог оставаться незаинтересованным, не мог не чувствовать себя вовлеченным в эту смертельную скоростную круговерть боевых скаутов, некоторые из них походили на почти идеальные сферы, некоторые — на изломанные формы, словно застывшие молнии, которые стремительно проносились мимо «Симметрии», чтобы сесть на поверхность Иматры, или пристроиться в хвосте материнских кораблей на более низкой орбите.

Из штаба командующего просочился слух, что Принсен изучал полученные в последнем рейде видеозаписи. Люди СЧ тоже получили доступ к этим записям, но, по всей вероятности, ничего нового для подтверждения своих подозрений извлечь из них не сумели.

К величайшему своему облегчению, он вскоре узнал — от агента Танарат, которая теперь проявляла к нему необычайную симпатию, что суперинтендант получил разрешение поработать с архивами флота, но не нашел ничего, указывающего на криминальное прошлое Хейвота.

Бекки призналась, что день назад суперинтендант отправил отпечатки пальцев Хейвота и другие параметры, идентифицирующие его личность, на одну из внутренних планет. Коммуникационная связь из-за недавнего нападения все еще была нарушена, тем не менее ответ мог прийти в ближайшее время.

— Какого черта вдруг он решил вынюхивать обо мне? — вспыхнул Хейвот, но только на одну минуту — тут же спохватился, потому что женщина могла заметить, как хищник выпускает свои когти.

Было похоже, что ничего особенного в его реакции Бекки не усмотрела. Она просто ответила:

— Не знаю, может быть, это как-то связано с политикой; он старается всеми силами и средствами укреплять влияние Службы.— Они еще немного прошлись, потом она снова повторила:

— Я не знаю. Когда я подписывала с ними контракт, то не представляла себе, что работа будет такой.

— Нет?

— Нет. Я думала, верила, что они провозгласили своими высшими целями — ценности человечества и...

Она внезапно замолчала и, замедлив шаги, остановилась. Хейвот, замерев, тоже остановился.

Вывалившись из-за поворота коридора, в их поле зрения попала дюжина коротких ног бочкообразного существа, явно не земного происхождения, которого никто из них раньше не видел.

— Кармпан,— выдохнул Хейвот.— Но в следующий момент он уже овладел собой. Ни Хейвот, ни Бекки, ни большинство из их товарищей по Солнечной системе никогда не видели этих существ в жизни, если не считать голограммы, где они, вернее их, искусно воссозданные имитации, обычно выступали в каких-то приключенческих действиях.

Существо — кармпан — несомненно, услышал его. Он — или она — остановился и повернулся к молодым землянам.

— Меня зовут Четвертый Путешественник,— слова из его неземного рта выходили какими-то обрубленными.— Я — существо мужского пола, если вам это важно для правильного восприятия.

Земляне в свою очередь тоже представились. Свободно беседуя с ними обоими, кармпана, похоже, Хейвот интересовал куда больше. Четвертый Путешественник объяснил, что он в течение нескольких лет был аккредитован в качестве дипломата при разных высших властях выходцев с Земли, а теперь вот уже несколько месяцев пребывал в качестве обычного пассажира на «Симметрии».

Четвертый Путешественник вскоре пригласил и Хейвота, и Танарат как своих гостей посетить следующую сессию.

По крайней мере, Хейвот был заинтригован.

— Мне бы очень хотелось, если командор не будет возражать.

Командор ничего не имел против посещения сессии молодыми людьми, раз дипломат кармпан пригласил их.

На собрании кармпан обычно обосновывался в специально для него разработанном кресле, говорил он мало, в основном слушал и очень внимательно.

Казалось, что могло быть только одно разумное объяснение внезапного отступления берсеркеров, когда их атака будучи такой успешной, не была доведена до своего логического конца. Это предложение было выдвинуто для открытого обсуждения несколькими землянами.

Но кто-то вмешался:

— Но я не понимаю, как они могли быть уверены, что уже тщательно выполнили свою работу. Если бы они действовали сообразно своим обычным правилам, они должны были остаться несколько дольше, чтобы окончательно убедиться в том, что все живое уничтожено.

— Единственное возможное объяснение заключается в том, что их раннее отступление, по всей видимости, предоставляло им возможность пожать еще несколько жизней — преимущественно человеческих — здесь или где бы то ни было. Или они были убеждены, что, отступив, получат такой же эффект.

— И насколько мы знаем, их главной целью является убить все человеческое.

Никто, включая и кармпана, не стал оспаривать этот факт. Берсеркеры отлично понимали, что только один образец жизни в Галактике — по крайней мере в одной ее части — представлял для них реальную угрозу и, всерьез состязаясь с доминированием смертоносных машин, мешал им выполнять их миссию. Следовательно, по обратной шкале ценностей берсеркеров одна человеческая жизнь стоила больше, чем огромное количество жизней, растений и животных.

Когда кто-то еще выдвинул другую возможную вер-

сию отступления врага, которая в действительности оказалась лишь вариацией первой. Можно было предположить, что берсеркеры захватили в плен человека, или овладели какой-то вещью или информацией, которые стоили для них гораздо больше всего остального. И ценность этого была настолько велика, что они, во что бы то ни стало и без промедления, должны были унести это нечто подальше.

— Несмотря на то, что одна человеческая жизнь оставалась при этом не уничтоженной.

— Несмотря на это.

Все непроизвольно повернулись на говорящего. Должно быть, как решил Хейвот, кармпан заговорил в первый раз.

16

На борту военного корабля Хейвот находился впервые, и его несколько удивляло, что так мало людей составляло команду линейного корабля, как назывались левиафаны, подобные «Симметрии». Общество на корабле было довольно сдержанным, но интересным.

Час от часу радость Хейвота разрасталась все больше и больше, хотя он старался ее скрывать. Ситуация ему явно была на руку.

Хейвота, уверенного в том, что он все еще находится под защитой командора, скорее внутренне забавляли, чем беспокоили бесконечные маневры его потенциальных преследователей. Ему казалось, что не о чем беспокоиться, пока он находится под опекой командующего флотом. Его нынешнее положение позволяло ему беспечно располагаться в уютной офицеской кают-компании, библиотеке, своей маленькой каюте или заниматься в гимнастическом зале. Его каюта по военным стандартам была довольно большой, около трех квадратных метров, она вмещала койку и стол, стул, умывальник и голографическую панель. По всей вероятности

такая каюта была предназначена для размещения сановников среднего уровня.

Кармпан, Четвертый Путешественник, располагался точно в такой же каюте дальше по коридору. И Хейвот, получающий удовольствие от своего вынужденного, но вполне комфортного пребывания на борту фламана, и уже привыкший ощущать себя чужаком, который, как оказалось, испытывал то же самое.

Вскоре Хейвот обнаружил, что никто из землян не знал об истинной причине, заставившей кармпана присоединиться к этой экспедиции, хотя, конечно, слухов на этот счет было более чем достаточно. Четвертый Путешественник был слишком выдающимся дипломатом и слишком важным, чтобы кто-то рискнул обидеть его или запретить делать то, что он вознамерился выполнить. Кармпан, путешествующий на земном судне в такой дали от своих родных миров, и в самом деле был огромной редкостью и представлял для людей вечную загадку.

Давно ходили слухи, что эта раса могла вытворять странные вещи по части установки ментального контакта. Все их телепатические достижения были выше способностей и возможностей землян. Этот факт вызывал у Хейвота некоторое беспокойство и таил в себе опасность быть раскрытым. Как завороженный, смотрел он на кармпана каждый раз, когда ему предоставлялась такая возможность. Если у чужака и были какие-то возражения по этому поводу, то он их не высказывал.

Для земного наблюдателя Четвертый Путешественник выглядел совершенно неотличимо от своих вымышленных или настоящих собратьев, которые время от времени появлялись на голографической панели. Некоторые земляне описывали эту расу, как существ с медлительными квадратными, машиноподобными телами, что явно противоречило их живому, фантастическому уму.

В анналах Солнечной системы была известна небольшая группка отдельных кармпанов, которые были известны под именем Пророков Вероятности, и Хейвот решил воспользоваться удобным случаем и спросить Чет-

вертого Путешественника, что на самом деле могло означать это название.

— Я предпочитаю говорить на другие темы,— проговорил Четвертый Путешественник; на том все и кончилось.

Бекки тоже проявляла излишнее любопытство к их экзотическому пассажиру. Она напомнила Мейвоту о знаменитой исторической сцене, которая имела место непосредственно перед легендарной битвой на Каменном Месте, когда на каждом важном этапе восстановления сил появлялся Пророк, украшенный гирляндами проводов и волокон для создания сотен связей между кармпанскими животными и оборудованием вокруг него...

— Это всего лишь шоу-бизнес,— с презрением заметил Хейвот, хотя в своей правоте он не был уверен.

Как-то Четвертый Путешественник в момент, когда Бекки, к счастью, не было рядом, с ног до головы, оглядев Хейвота, заметил молодому землянину, по какой-то веской, но совершенно загадочной примете удалось избежать смерти от берсеркера. Для Хейвота это прозвучало так, словно кармпан говорил о каком-то божественном предначертании, хотя тот пользовался совершенно другими словами.

Хейвот был даже разочарован; не этого ожидал он от такого экзотического существа, а чего-то большего. По его мнению, все, кто пропагандировал веру в Бога, были либо ненормальными, либо, что казалось ему более вероятным, нарочно вводили в заблуждение своих слушателей.

Тем не менее Хейвот испытал приятное и неожиданное для него душевное успокоение, что хоть одна влиятельная персона на корабле по большому счету верит в его, Хейвота, абсолютную невиновность.

Суперинтендант СЧ, все еще находящийся на борту, потребовал и добился от командора Принсепа, который не считал себя вправе отказывать представителю официальных властей в какой-либо разумной просьбе, разрешения на получение доступа к недавно полученным военным записям последней атаки берсеркеров. Над

этими записями работали аналитики из разведывательной службы. С помощью компьютера записи разбивались на отдельные части, рекомбинировались и дотошно изучались.

С помощью записей отдельные моменты прояснились более полно. Среди них были такие, как направление, по которому отступали берсеркеры, и мощь удара, с которым обрушились они в этой атаке. Флот их включал десять крупных аппаратов для космических полетов, каждый из которых был укомплектован всем необходимым для ведения боев.

Один или два материнских корабля берсеркеров и большое количество посадочных средств было уничтожено планетной оборонной системой, которая была значительно усовершенствована со времен последнего нападения берсеркеров, три столетия назад. Ни один берсеркер, даже такой, размер которого мог сравниться с размером берсеркера Дирака, рядом с которым более современные аппараты казались просто карликами, не имел успеха в рейде этого года и все же, на этот раз флот врага был очень силен.

Стратеги, нынешние и будущие, находившиеся на борту «Симметрии» скребли подбородки, протирали глаза и гадали: почему именно в том, а не ином направлении отступил флот берсеркеров?

— В том направлении ничего нет, кроме Мавронари ... хотя, конечно, существует вероятность, что они умышленно покинули систему в том направлении, стараясь запутать нас относительно их истинной цели.

— Но это слабо согласуется с той спешкой, в которой они отступали. У них не нашлось и пяти секунд, чтобы уничтожить еще одну человеческую жизнь. Странные обстоятельства.

С помощью сложной компьютерной обработки полученных в космосе видеозаписей и экспертных графических систем военного корабля удалось воссоздать картину поверхности астероида с поразительной точностью и тонкой прорисовкой деталей, что позволяло разглядеть отдельные машины, чуть-чуть больше роста человека, одна из которых как раз и преследовала Хейвота.

Увеличение некоторых деталей на поверхности позволило даже разглядеть некую едва различимую точку, которая, по мнению всех аналитиков, могла быть самим Хейвотом, облаченным в космические доспехи.

Суперинтендант Гейзин вместе со своим старшим помощником Ариари много часов провели над изучением именно этой части записей, проявив к ней максимум интереса. Но представителей СЧ, должно быть, ждало полное разочарование, поскольку ничего, свидетельствующего об активности гудлайф со стороны Хейвота, замечено не было.

Загадкой было для всех поведение берсеркера, который преследовал Хейвота. Но иные объясняли этот факт тем, что машина имела мильные повреждения.

Хейвот также был приглашен командором для просмотра записей.

Молодой человек выбрал место поближе к агенту Танарат, что по всему было видно ей понравилось.

К облегчению подозреваемого по крохотным пляшущим образам почти невозможно было сказать что-либо определенное о действиях, совершаемых им, когда он пытался скрыться от преследовавшего его врага.

Конечно, для старшего помощника и суперинтенданта СЧ увеличенная картинка с изображением Хейвота на Иматранской поверхности казалась чрезвычайно подозрительной. Во всяком случае так они заявляли.

— Мы пытаемся добыть сведения об этом человеке и непременно получим их, как только связь восстановится.

Хейвот пока чувствовал себя спокойно и уверенно. К его счастью ни одна из записей не подтверждала его присутствия в космическом порту Иматры в качестве пересыльного осужденного убийцы в момент налета берсеркеров. Конечно, рано или поздно, если он будет оставаться здесь, отпечатки его пальцев и другие характеристики для идентификации личности будут присланы сюда. Пока же главным было оттянуть это.

Тем временем командор Принсеп и его штаб продолжали работать над сводящими с ума загадочными образами, запечатленной атаки, и в этом их исследовании личное поведение Хейвота играло самую незначительную роль.

Во время последней бешеной атаки по поверхности Иматры в беспорядке было раскидано большое количество вспомогательных средств берсеркеров. Все машины функционировали, методично испуская смертоносные лучи, обычно используемые ими в работе по стерилизации вселенной.

Тут один из присутствующих, удивленно пробурчав, остановил показ, и берсеркеры замерли каждый за своим заданием.

— Назад, и давайте просмотрим этот кадр еще раз,— раздался голос.

Запись на несколько секунд отмотали назад и снова включили. Все берсеркеры, высадившиеся на поверхности, бросили свои занятия одновременно — машина, преследовавшая Хейвота, отвернулась от него в одно и то же время с другими. И все они одновременно устремились к посадочному аппарату, который доставил их на астероид.

Было совершенно ясно, что все берсеркеры на поверхности начали отступление в одно и то же время.

— Это похоже на чудо, которое и спасло нашего друга Хейвота. Вы только взгляните на время,— сказал Принсеп, который первым обратил внимание на время отступления берсеркеров.

— Должно быть, их материнские корабли передали по радио сигнал к отступлению, который поступил одновременно ко всем наземным машинам,— началось обсуждение.

— Очевидно. Но скорость, с которой они ретировались, позволяет предположить, что это было что-то более значимое, чем простой призыв вернуться. Я хочу сказать, был сигнал, имевший первостепенную важность. Он и остановил их всех одновременно, не дав закончить задания.

— Мы не смогли поймать никакого сигнала, под-

утверждающего это, но по всей видимости, вы правы. Должно быть, это была команда первостепенной важности, перекрывающая все остальные, повелевающая всем посадочным средствам бросить все свои дела и тотчас возвращаться к материнскому кораблю.

— Словно ни с того ни с сего испугались ловушки?

— Нет, я так не думаю. Давайте не будем использовать слово «испугались» применительно к мотивам действий берсеркеров. Их собственное выживание само по себе ничего для них не значит. Единственную ценность для них представляет смерть живых существ. И только благодаря этому материнские корабли не оставили свои посадочные аппараты на астероиде. Они дождались всех до самого последнего и только после этого покинули систему.

— Совершенно верно. Я тоже собирался упомянуть об этом факте. Эти проклятые свиньи дождались все машины до одной, включая и тех, которые были серьезно повреждены.

— И это говорит нам о?

— Это говорит о том, что берсеркерам могли понадобиться все боевые единицы, что были у них, там, куда они направлялись дальше.

— Конечно, есть вероятность, что они отступили, получив задание направляться к новой цели.

За столом на какое-то время затихли все голоса. Какая новая цель могла бы оправдать их поспешное бегство без завершения подходящей к концу атаки? — вот что волновало присутствующих.

— Возможно, никакой другой цели и не было в прямом понимании этого слова. Враг так срочно ретировался для того, чтобы защитить одну из своих собственных баз, мозговой центр, которому угрожала опасность? — осторожно высказался кто-то.

— Я не согласен. Здесь был целый флот, полностью задействованный в штурме. Откуда могла взяться новая цель, когда все их внимание было сосредоточено на этой? Или как они могли узнать, что одна из их собственных баз нуждается в помощи? Пока они сражались, не было никаких курьеров с донесениями,— сказал Принсеп.

— Вы в этом уверены?

— Во всяком случае ни одного не удалось засечь.

— Мы очень внимательно изучили эти записи, а они довольно хорошего качества; я думаю, мы были бы в состоянии выявить дополнительные радиосигналы первостепенной важности. Да и откуда они могли бы исходить? Не заметить курьера невозможно.

— Хорошо, если допустить это, то значит берсеркеры узнали здесь, на Иматре, что-то особенное в самый разгар боя. Это и заставило их прекратить его внезапно и изменить планы.

— Похоже, на то. Что-то ... но где на астероиде они могли узнать это что-то?

Найти ответ на этот вопрос пока не представлялось возможным.

Тем временем продолжалось методическое электронное прочесывание внутреннего пространства. Постепенно стало проясняться, что у берсеркеров действительно была возможность в разгаре атаки получить какое-то сообщение от себе подобных. Теоретически радио и лазерные сигналы не имеют ограничений, но эти средства коммуникации распространяются в межзвездном пространстве безнадежно медленно, и, следовательно, бесполезны на межзвездных расстояниях, но прекрасно подходили для коротких. В любом случае, в ближнем космосе не было обнаружено никаких особенно интересных сигналов во время атаки.

— Тогда с чем же мы останемся? Какой вывод?

— Факты, которыми мы располагаем, еще раз подтверждают, что враг в процессе бомбежки и обстрела поверхности астероида обнаружил что-то на нем самом. Какую-то информацию. Они посчитали ее чрезвычайно важной. Настолько важной, что реагировали моментально. Не посчитавшись ни с чем.

— Но что? Давайте подумаем.

— Может быть что-то, что передал этот человек — Хейвот одному из них. Мы ведь даже не знаем, кто он такой.

— Ба! В это я поверить не могу. Зачем же тогда в таком случае в течение часа или около этого человеку

убегать от берсеркера, если он имел информацию, способную заинтересовать берсеркеров.

— Но тогда, если они ничего не получили от Хейвота, то что же это могло быть? Давайте просмотрим последние кадры еще раз.

В процессе следующего просмотра один из спускаемых аппаратов берсеркеров привлек их внимание. Было похоже, что это средство, находившееся в нескольких километрах от Хейвота, ушло под землю. Совсем рядом с другим таким же мародером.

— Что там, в том месте, куда он нырнул?

Кто-то вывел на голографической панели диаграмму.

— Карта показывает что там «архив».

— Посмотрите, можно ли что-нибудь сделать, чтобы прояснить это?

От общего информационного банка Иматры после атаки остались лишь отдельные блоки. И в настоящий момент не просто было найти ответы даже на самые простые вопросы.

— Надо попытаться.

Командор Принсеп приказал увеличить изображение и еще раз прокрутить запись последовательности событий за три минуты до и за три минуты после внезапного решения берсеркеров к отступлению. Когда специалисты по компьютерам еще раз просмотрели последнюю версию записи, то они увидели, как спускаемый аппарат берсеркеров вышел из-под земли и на минуту совершенно замер, обратившись в сторону материнского корабля на расстоянии более километра. То есть, находясь почти вне линии видимости из-за неправильной формы маленького астероида. Появление этой боевой единицы из архива произошло как раз за долю секунды до того, как раздалась команда к всеобщему отступлению. Для человека этого времени было бы достаточно, чтобы выкрикнуть предупреждение, или выхватить пистолет. Слишком быстрая реакция воспринималась бы как простое совпадение, а в слишком медленной не усматривалось бы ничего особенного. Командным компьютерам берсеркеров понадобилась бы пара секунд — что было бы для них прорвой времени, чтобы провести расчеты и при-

нять решение «отступать как можно быстрее.

Опустошенные информационные банки Иматры не могли добавить никаких новых сведений.

— В конце концов, разве это не могло быть простым совпадением? Как только эта боевая единица поднялась на поверхность — то несколько секунд спустя раздался всеобщий призыв к возвращению.

— Я не склонен верить в совпадение,— на этот раз голос Принсепа звучал уверенно.— Я хочу как можно быстрее спуститься туда, в архив и все осмотреть.

В ближайшие два часа группа, в основном состоящая из стратегов и ведущих членов командного штаба, уже высадилась на челноке на поверхность Иматры. Там они погрузились в транспортное средство гораздо меньших размеров и направились к месту, где находилось подземное сооружение для архива.

Кармпан остался на борту флагманского корабля. Хейвот присоединился к группе, и никто не попытался остановить его. Бекки Танарат тоже была с ним, как агент службы человечества она не спускала с него глаз.

На поверхности Иматры уцелело не так уж много конструкций. Жилые дома, конференц-залы и другие публичные здания были разрушены. Но то там, то здесь попадались почти не тронутые сооружения. Среди уцелевших зданий оказались и относительно старые скособоченные конструкции. Хейвот слышал, что архитекторы Иматры имитировали кое-какие постройки с Земли. Хотя большинство людей, знакомые с этим довольно распространенным стилем, не имели ни малейшего представления о его происхождении. Большинство тех, кто жил или приезжал на Иматру, как и большинство землян, расселившихся по всей галактике, никогда не были на земле, за исключением тех колонистов, которые прибыли сюда непосредственно со своей родной планеты.

Прибыв на место на анти-гравилете исследователи в респираторах стояли и рассматривали обгоревшее и

полуразрушенное отверстие. Сохранившаяся лестница вела куда-то вниз, под землю.

Никто из присутствующих здесь людей не был знаком с Иматрой до налета; а некоторые вообще никогда не ступали на нее ранее. И ничто из того, что было у них перед глазами не давало им ни малейшей подсказки на предмет того, зачем понадобилось маленькому берсеркеру входить туда и что могло скрываться под землей.

— Что же могло там храниться? — раздался вопрос.

— Есть только один путь выяснить это,— спуститься вниз.

К счастью, несколько человек догадались захватить с собой фонари. Оказалось, что каменные ступени и та часть приоткрытой двери, которая была видна, не имели значительных повреждений.

Один из исследователей, стоявший на верху лестницы, заколебался. Нахмурившись, она сказала:

— Что-то здесь неладно.

Те, кто стали спускаться, остановились в нерешительности.

— Представьте: я — машина-убийца, стоявшая как раз здесь, что видно из записи. Я пришла оттуда,— и через плечо большим пальцем она указала направление.— На уровне земли я вижу легко доступный дом. Он почти не поврежден. Дальше стоит другой. Итак, стану ли я стрелять по этим зданиям, или брошусь проверять не прячется ли кто-нибудь внутри? Нет, вместо этого я предпочитаю взорвать дверь, чтобы проникнуть под эти подземные своды.

— Возможно, машина заметила кого-то, кто пытался укрыться внизу. Или каким-то образом обнаружила признаки жизни под землей. Услышала дыхание или...

Казалось, что причин для продолжения дискуссии не было, когда истина была так легко доступна. В молчании маленькая компания стала гуськом пробираться по ступенькам вниз. Вдруг кого-то осенила мысль:

— Я совершенно не уверен в том, что наши машины все уже проверили. Надо беречься мин-ловушек.

С этими словами компания отступила, и поднявшись по лестнице призвала на помощь робота. В течение двух

минут одна из машин, которая занималась обеззараживанием близлежащей местности, была откомандирована к ним.

Это был гусеничный робот величиной с человека с многочисленными функциональными конечностями. Он, как и большинство других используемых роботов, был построен детьми земли и даже обладал кое-каким интеллектом. Он напоминал своих сотоварищей и на вид был всем чем угодно, только не человеком в физическом и интеллектуальном смысле.

Средство с восьмью конечностями, выслушав приказ и повторив его бесстрастным механическим голосом, безмолвно спустилось вниз.

Двери внизу уже не служили преградой. Они оказались взорванными или разбитыми берсеркером.

Люди, стоявшие на поверхности, настроили свои наручные видеоприемники и следили за картинкой, посылаемой роботом-исследователем. За первой дверью ранее существовала вторая, но теперь ее уже не было.

За уничтоженными дверями дистанционное видео показало руины размером с небольшой дом. На первый взгляд среди этой груды хлама и каменных осколков не было ничего интересного. Никаких признаков человеческих тел или останков животных под подземными сводами видно не было.

Через минуту или две робот исходивший все подземное пространство вдоль и поперек объявил, что бомбловушек нет.

— Можно ли этому верить? — раздался вопрос.

— Странно, если бы враг оставил их здесь. Нигде на поверхности астероида мы их не обнаружили.

— В этом есть что-то необычное?

— Я бы сказал, что да. Если бы это был обычный рейд с высадкой посадочных аппаратов, то установка мин-ловушек — обычно обязательный этап перед их отступлением.

— В этой операции не было ничего обычного. Все свидетельствует о том, что, когда эти проклятые машины решили отступить, они не намеревались откладывать свое отступление ни на секунду. Может теперь спустимся вниз?

Несколькими секундами позже люди, собравшиеся у подножия лестницы, миновали разбитую дверь и принялись рассматривать развалины, ярко освещенные фонарями робота. С первого взгляда было понятно, что этот архив предназначался для хранения материальных носителей информации, но какой, это было неизвестно. Это было довольно распространенным делом, чтобы электронные сведения не могли быть утрачены в результате какого-то случая или вандализма, хранить копии этой же информации на бумажных носителях в надежном месте.

Комната представляла собой узкие коридоры, уставленные длинными высокими рядами книжных стеллажей. Некоторые стеллажи еще сохранились, и было видно, что они имели ящики, большинство из которых к тому же были поделены на более мелкие отделения. Сначала робко, а потом все смелее люди стали собирать образцы.

— Это записи, в основном общегражданского содержания. Видеозаписи собраний, празднований... Похоже, что свод хранилища не предназначался для защиты от попадания бомб. Похоже, что люди не слишком старались уберечь все это от несчастного случая или налета.

На стеллажах стояли небольшие коробки, большинство которых были сделаны из пластика, металла или композитных материалов. По просьбе одного из исследователей услужливый робот поместил одну из кассет в свой проигрыватель и включил запись. Верхняя поверхность робота превратилась в голографическую панель, на которой появились изображения людей, сидящих за столом. Похоже, что это была власть одного из собраний муниципалитета Иматры. Обсуждались вопросы эстетики нового космического порта астероида.

— Едва ли такие новости могли так основательно потрясти империю смерти. Можем ли мы твердо знать, что берсеркер спустился сюда не с целью преследования кого-то? — Тот, кто *спросил*, провел ботинком по разбитому и заваленному мусором полу.

Робот, получивший новое, более тонкое задание, начал немедленно забор образцов нового воздуха и са-

жи, осевшей в нескольких местах обгоревшего свода. Забирая последний образец, он заверил своих хозяев, что проведет анализ незамедлительно.

Пока они ожидали результатов анализа, кто-то сказал:

— Похоже, что, когда берсеркер поджарил это место, здесь не было ничего живого.

Не прошло и минуты, как робот, прервавший разговор людей, информировал их, что в данной комнате не обнаружено никаких свидетельств того, что какое-то органическое тело могло быть здесь сожжено.

— Ну что? Я думаю, сэр, что теперь мы можем исключить то, что машина спустилась сюда только с целью простого убийства.

— Но, курс, которым берсеркер проследовал из материнского корабля непосредственно в этот архив, предполагает, что он знал куда направляется.

Кто-то высказался о многообразии систем хранения информации, представленных в уцелевших ящиках на стеллажах:

— Не вся информация стандартизированна. Более того, можно сказать, что собранные здесь сведения своими корнями уходят в далекое прошлое.

— Можно предположить, что берсеркеры проводят разведывательные операции, подобные нашим. Любая организация пожелала бы узнать, как их враг, в частности, земляне, хранят информацию.

— Мне кажется, самое большое, что эти чертовы машины могли выудить в царившем здесь хаосе — это то, как их враги хранили информацию на протяжении веков. И простите меня, я очень сомневаюсь, что это могло их так заинтересовать. Также меня не прельщает мысль о том, что они внезапно оборвали так успешно развивавшуюся атаку только для того, чтобы безотлагательно передать эту секретную технологию по организации Иматранского архива каким-то своим далеким гипотетическим конфедератам.

— Хорошо, в таком случае, если их зачаровали не древние методы хранения информации на Иматре, тогда что? А как насчет информации, хранившейся в одном из

этих старых томов? Может быть, именно она и заставила их откатиться назад с криком: «Эврика!» на их берсеркерском языке?

— Есть ли способ узнать, унесла ли машина что-нибудь отсюда с собой?

Дискуссия не смолкала. Хейвот обнаружил, что некоторое время никто не обращал на него никакого внимания. Сейчас он вполне мог бы ускользнуть никем не замеченный, спрятаться где-нибудь и исчезнуть. Ну, что потом?

— Пока он не более других представлял себе причину захода берсеркера в этот подвал. Он пытался вообразить себе машину, которая едва не убила его и которая, повинуясь какому-то приказу или программе, вдруг вместо того, чтобы преследовать еще дышащую жертву, вдруг свернула и спустилась сюда... спустилась для чего? Во всяком случае эта машина была какая-то не такая, необычная.

Степень разрушения внутри свода была такова, что не представлялось возможным определить, какие материалы могли бы отсутствовать.

Люди, входящие в исследовательскую группу, еще некоторое время размышляли над этим, Хейвот, вошедший во вкус этой работы, вдруг спросил:

— Есть ли у нас шанс, что все эти материалы могли бы иметь копии, хранящиеся в другом месте?

Кто-то отозвался:

— Иматранское общество было знаменито тем, что умело отлично хранить свои записи. Следует проверить это предположение.

Кто-то, кто уже имел дело с последними местными властями, заметил, что действительно в этом обществе информация обычно имела копии.

Принсеп кивнул:

— Хорошо, давайте поищем, если они существуют. Я хочу, чтобы здесь остались работать люди и машины и привели бы в порядок сохранившиеся документы. Если окажется, что какие-то сведения совершенно отсутствуют, мы сможем предположить, что берсеркер забрал именно их, тогда и посмотрим, куда это нас приведет.

В течение часа стало известно, что копии материалов существуют и находятся на одной из внутренних планет Иматранской системы. Записи или их видеоимитация могла быть доставлена на астероид с помощью луча радиосигнала в течение нескольких часов, что на таком расстоянии от звезды было наиболее быстрым типом связи.

Вскоре командор и его люди вернулись на флагман, в то время, как сформированная специальная команда начала работать над заданием по восстановлению разрушенного архива.

Через несколько часов первая часть их работы была завершена.

Из реконструкции стало ясно, что скорее всего берсеркером были изъяты сведения, касавшиеся знаменитого рейда, произошедшего три столетия назад.

— Речь идет о том налете, когда некий берсеркер, теперь историки именуют его берсеркером Дирака, прямо с орбиты выкрал биологически активную станцию.

— Я не помню эту историю, потому что вырос вдали от этих мест. Выкрал, говорите, биологическую исследовательскую станцию? — спросил Принсеп.

— Да, огромных размеров космическую лабораторию, которая фактически являлась пилотируемым заводом для грандиозного проекта по колонизации, который так и не был осуществлен. А потом, если память мне не изменяет, в течение нескольких дней после атаки премьер Дирак, чья жена, оказывается была на станции, вошел во внутреннюю систему, собрал небольшую эскадрилью кораблей, произнес речь и унесся выручать жену.

— Как романтично.

— Вся его эскадрилья в полном составе пропала — это была та самая экспедиция, когда исчез полковник Маркус.

— Какой полковник?

— Вы не слишком хорошо знакомы с историей войн с берсеркерами, правда? Ничего страшного, позже я познакомлю вас с ней.

Срочно запрошенная копия Иматранской записи древнего рейда должна была вскоре прибыть с одной из внутренних планет. Она должна быть доставлена на флагманский корабль с помощью сверхплотного луча. Теперь исследователи точно знали, что ищут, они могли ознакомиться с происшествиями, последовавшими непосредственно после того нападения; некоторые сведения могли быть получены прямо в информационных банках корабля.

В тех записях легко поддавался расшифровке курс, взятый берсеркером Дирака. Цилиндрической формы исследовательская станция буксировалась врагом с помощью силовых полей, она тоже четко просматривалась на записях, хотя и была видна какие-то мгновенья.

— Ну, вот, это было несколько дней спустя. А вот и три корабля Дирака, идущие точно тем же курсом.

— Ну, и что за толк нам в этой информации?

— Я не знаю. Мое первое впечатление таково, что по сравнению с другими атаками берсеркеров — эта была действительно уникальной. Три века назад поверхность Иматры была почти совершенно не поражена.

Принсеп работал и отдавал приказы в своей неспешной манере, но это заставляло всех работать продуктивно. Неоднократно он повторял:

— Я хочу знать, как можно больше об этой биостанции.

Раздобыть официальные исторические факты не представляло особой сложности.

Вечером за обедом в офицерской кают-компании «Симметрии» разгорелась дискуссия по поводу колонизации вообще. Оказалось, что взгляд на этот вопрос за прошедшие триста лет почти не изменился.

— Все же, сколько лет мы, земляне, уже занимаемся колонизацией Галактики?

— Не знаю, может быть, тысячу лет?

Некоторые проблемы с тех пор тоже не особенно изменились. Для земного общества все еще актуальным оставался вопрос: что делать с неудобными зиготами

и зародышами? Правда, теперь на планетах, населенных землянами, такие вопросы возникали все реже и реже, чем во времена премьера Дирака.

Потом тема обсуждения перескочила на другой предмет, потому что кто-то упомянул о зондах Нойманна.

— А что это?

— Это древний план, со времен, когда земляне еще жили на Земле.

— Эта теория представляла собой наброски плана, посредством которого цивилизация с весьма скромным развитием технологии за вполне разумно допустимое время могла исследовать почти всю Галактику, передвигаясь от одной планеты к другой, даже не пользуясь преимуществом сверх-световой скорости. Но, чтобы она сработала, нужно было создать некоторое количество разумных умелых машин. Это были сложные инженерные и конструкторские задачи. Но настоящая проблема возникла, когда нужно было делать машины свободными, запускать и прощаться с ними навсегда. В таком случае Галактику можно было исследовать бесконтрольно. Нужно было сделать так, чтобы при любых встречах они могли представлять землян. Эти средства должны были осуществлять самостоятельно ремонт и самовоспроизводиться, подобно берсеркерам; опять же, подобно берсеркерам, уметь совершенствовать собственную конструкцию. И, учитывая промышленные способности, возможность добывать и обрабатывать железную руду, они могли бы легко преобразовываться в надежное оружие.

Многие среди присутствующих испытали холодок ужаса.

— Просто запустить их бесконтрольно?

— Идея заключалась именно в этом.

— И что землянам удалось добиться этого?

— Это и мне хотелось бы выяснить сейчас.

— Надо испробовать...

И в самом деле много времени для этого не потребовалось. Генеральный архив корабля вскоре предоставил ответы. Немногие люди в прошлые века считали это хорошей идеей: отправить несколько зондов Нойманна, причем, скорость их могла быть нормальной или сверх-

световой. Конечно, не в Галактику, наводненную истинными берсеркерами. Эти средства также не обязательно должны были содержать в себе координаты Галактики, по которым можно было бы отыскать их родной дом.

Архив даже любезно привел пример тех миров, ответвлений земных цивилизаций, которые в самые ранние годы вторжения берсеркеров воплотили этот план в жизнь, но довольно скоро пожалели об этом.

17

Хейвот готов был дать руку на отсечение, если не оправдаются его ожидания в том, что люди из Службы Человечества изменят свое первоначальное мнение о командоре. Он и сам был готов признать, что тоже попался на удочку. Почти у всех людей, впервые повстречавшихся с Айваном Принсепом, складывалось о нем впечатление, как о безвольном, никчемном человеке, которому было поручено командование этой экспедицией из чисто политических соображений. Правда, Хейвоту не потребовалось слишком много времени, чтобы сообразить, что первое впечатление было обманчивым; но он был уверен, что для суперинтенданта Гейзина и его команды пробуждение еще было впереди.

Все корабли, приписанные к военному флоту, которые были ранее посажены на поверхность астероида, теперь под давлением настоятельного, хотя пока еще и не срочного приказа командора, начали подниматься. Запрошенная информация о похороненном архиве Иматры уже была в пути, отправленная с одной из внутренних планет. Необходимо было привести флот в максимальную готовность. Поднимаемые с астероида истребители присоединялись к своим собратьям на более низкой орбите. Таким образом, флот, насчитывающий по последним данным 18 кораблей, концентрировался в одном месте.

Несмотря на предпринятые попытки по реабилитации планеты, наблюдаемые Хейвотом регулярные силы оставляли за собой опустошенную, почти необитаемую территорию. Гравитометры астероида, когда-то увеличивающие его гравитацию, были выведены из строя. Ураганные ветры, поднятые кораблями, уносили в космос остатки атмосферы. Скорее всего через несколько дней поверхность астероида превратится в мертвое пространство. На этот раз в сравнении с прошлым налетом, случившимся три столетия назад, когда осталось в живых население, заинтересованное в быстром восстановлении и оживлении планеты, теперь никто не выжил. На этот раз военные оставляли на планете одних роботов, те машины, которые, вряд ли могли оказаться полезными в сражении, но были в состоянии осуществлять проведение восстановительных работ с целью повторного заселения астероида.

Официально проведение восстановительных работ на некоторое, скорее всего неопределенное время, приостанавливалось. Фактически, это значило, что они вообще могли больше никогда не возобновиться. Два налета за три столетия — это было немало.

Копии архивных материалов, переданные посредством сверхплотного луча в формате виртуальной реальности, прибыли на «Симметрию» из внутреннего мира как раз вовремя, пока еще флот не покинул систему.

Еще одна важная информация, на этот раз касавшаяся личности Хейвота, пришла почти в то же время, и была специально зашифрована для людей из Службы Человечества. Агент Танарат подписалась под документом, удостоверяющим *получение посылки, и забрала ее* с собой для расшифровки.

Спустя несколько минут она по собственной инициативе отыскала Хейвота и потребовала от него ответа:

— Я хочу, чтобы ты мне кое-что разъяснил.

По перемене, произошедшей в ее поведении, он заподозрил что-то неладное.

Но как ни в чем не бывало постарался сохранить жизнерадостный вид.

— С радостью, если смогу,— ответил он.

— Имеется ...,— начала Бекки, но голос ее сорвался.— Прочти это. Мне бы хотелось услышать, что ты можешь мне сказать по этому поводу.— И она швырнула ему плотный лист бумаги, такой, какой обычно используется для секретных, конфиденциальных сведений и записей.

Тем временем, люди, ожидавшие копии материалов из архива Иматры поспешили собраться в зале для видеопросмотров. Некоторые из них уже находились в этом просторном помещении и проводили предварительные исследования.

Оба старших следователя Службы также были здесь, *сгорая от нетерпения, как и все остальные.* Суперинтендант СЧ, решив присоединиться к экспедиции, в душе надеялся, что Принсеп повернет назад или последует в другую столь же безопасную систему прежде, чем действительно нагонит берсеркеров.

Между тем люди, сидевшие в огромном конференц-зале, обсуждали древнюю историю.

Старое подозрение, своими корнями уходящее в глубины истории, вернулось. Суть его состояла в том, что, якобы, премьер Дирак, почувствовавший, что устои его власти вот-вот рухнут, сам и подстроил всю эту разрушительную атаку, включая и свое собственное исчезновение. Защитники этой теории утверждали, что с тех пор премьер живет где-то, скрываясь на далекой, уединенной планете. Естественно, в таком случае то, что считалось берсеркером, таковым вовсе не являлось, а скорее всего было каким-то кораблем, управляемым людьми. Или еще, что было более страшным обвинением: Дирак, якобы, заключил с настоящими берсеркерами сделку.

Вера тех, кто поддерживал эту теорию, не могла быть поколеблена даже отсутствием каких бы то ни было

свидетельств. Наиболее живучим оказалось мнение о том, что берсеркеры не были подлинными. Некоторые специалисты, причем, из тех, которые никогда не считались твердолобыми, до сих пор ведут споры на эту тему.

С другой стороны, если берсеркер Дирака был признан подлинным, значит, любой, кто имел дело с этой машиной несомненно, должен считаться гудлайф. Любое свидетельство в пользу того, что Дирак действительно пытался совершить такую сделку, бросало бы тень сомнения на правомерность всех притязаний его современных наследников.

Хейвот в это время находился наедине с Бекки Танарат в ее небольшой каюте — по своей форме напоминавшей простой кубрик, она была меньше, чем его собственная. Последние несколько минут он изо всех сил, но совершенно напрасно, пытался объясниться с ней по поводу этой чертовой информации о нем.

— Но ты же веришь мне, правда? Бекки? Любимая? Молодому человеку никакого труда не представляло прикинуться действительно ошарашенным.

Ей снова стало трудно говорить.

— Я хочу сказать...— Хейвот приложил максимум усилий, чтобы в тоне его прозвучало презрение.— Убийство, изнасилование, применение ножа и пытки... интересно сколько жертв должен был я порешить? Невероятно много. Мне кажется, они переборщили. Было бы более убедительным, если бы они просто написали, что меня где-то разыскивают *по поводу непреднамеренного* убийства человека *в результате несчастного случая*.

— Объясни мне это еще раз.— Она сидела на койке и побелевшими от напряжения пальцами сжимала матрац.

Он чувствовал, что убедил ее. Нет, он точно убедил ее, но какие-то сомнения оставались. Она умоляла его, рассказать все без утайки.

— Как только такое может быть ошибкой? Ты говоришь, что все это твои враги?

— Это местное отделение полиции,— он назвал настоящее имя планеты, которая действительно находилась очень далеко.— И вправду очень коррумпирован-

ное. Как я стал их врагом, это длинная история. Она еще раз подтверждает, как испорчен и жесток этот мир. Я даже уверен в том, что они убедительно сумели бы объяснить все это, сославшись на компьютерную ошибку, который спутал меня с каким-то настоящим психопатом. А пока они надеются, что меня закуют в кандалы, отправят в тюрьму или даже убьют... Любимая, на борту есть еще копии этого?

Бекки медленно покачала головой. К счастью, оправдания ее возлюбленного стали одерживать над ней победу. Еще минута, другая и она начнет улыбаться.

— Подумай хорошо. Если только твой начальник заполучит это, мои беды никогда не закончатся.

— Больше этой информации ни у кого нет.— На губах ее уже была готова родиться вымученная улыбка.— Мы никогда не делаем дополнительных копий наших документов, нам не нужно, чтобы они болтались где-либо еще.

— Хорошо.— Он медленно смял бумагу в руке...

Тем временем в конференц-зале флагмана полным ходом шло спонтанно возникшее собрание под председательством самого командора.

— Послушайте! Нам следует считаться с древней историей. И мы должны попытаться сейчас определить, мои дорогие, что могли современные берсеркеры найти привлекательного в этой записи? — Принсеп постучал пухлым пальцем по папке.— Как мы уже видели, она описывает их собственную атаку — скорее атаку их предшественников на Иматранскую систему, которая произошла три столетия назад. Можем ли мы сделать какой-нибудь вывод? Почему в наших нынешних врагах проснулся такой интерес к истории?

— Можем, сэр, если более внимательно изучим это дело.

— Конечно.

Люди, которые хотели испытать на себе всю силу эффектов этого зала, должны были при входе надеть шлемы, оснащенные сенсорами и управлением обратной связью. Некоторые уже начали надевать шлемы прямо сейчас, готовясь изучить новую информацию скрупу-

лезно и тщательно, насколько это было возможно. Тысяча кубических метров внутреннего пространства, составляющих флагманский зал для видео-просмотров, делали его похожим на небольшой дом. Только несколько космических кораблей средних размеров могли похвастаться тем, что имели подобный. Такой щедрый объем позволял там одновременно располагаться группе из дюжины и более человек в относительном комфорте.

Оказавшись внутри, пользуясь силовыми опорами и выступами в стенах, отделанными каучуковым полифазным материалом и частичным обнулением искусственной гравитации внутри зала, люди, которые уже принимали участие в подобной игре, показывали новичкам как можно прыгать, карабкаться и «плавать» в условиях совершенной свободы и безопасности.

Дисплей на стене представил список названий доступных программ.

Кто-то уже запустил модель галактики Млечного Пути.

Идея состояла в том, чтобы не тратить времени понапрасну, вернее сделать вид, что время тратится не напрасно, а кроме того еще раз взглянуть на Мавронари в надежде прийти к какой-нибудь догадке относительно того, зачем силы берсеркеров атаковали один и тот же астероид два раза подряд, улетев потом в одном и том же направлении, чтобы по-видимому укрыться в одном и том же месте.

Первая сцена, воссозданная на галактической модели, давала общий вид всей галактики. Центральный диск в форме линзы равнялся в диаметре примерно 30 килопарсекам, что составляло около 100 000 световых лет. Окружающие это огромное колесо спиральные рукава были обрамлены более мелкими и тусклыми звездными глобулами, скоплениями отдельных звезд, облаками газа и всякого рода прочими менее обычными объектами.

Самой яркой областью, представленной на дисплее, была та, которая широко известна земным военным

силам под названием «КЕРН». Это было ядро галактики, перенаселенное звездами неправильной сферической формы с диаметром свыше 1000 световых лет, скрывающее в своем недоступном центре явные загадки мироздания.

Здесь, в самом сердце галактики среди всего прочего лежала величайшая загадка, которую человечество солнечной системы в последние века называло Тай. Первоначально это имя использовалось как военный шифр; который вскоре стал общепринятым и применялся для обозначения чего-то экзотического и величественного.

Только несколько выходцев с Земли смогли приблизиться к внешнему слою Тая, и совсем не многим удалось вернуться. Среди этих немногих был особо известен легендарный полковник Фрэнк Маркус, отсутствующий уже три столетия и выполнявший особую миссию. И ни один из этих достойных великомучеников не смог сообщить ничего существенного о том, что он почерпнул в самом сердце Галактики. Скудная информация, которую они собрали, никого не вдохновила к дальнейшей попытке исследования.

Фактически только около пяти процентов галактического пространства было исследовано кораблями солнечной системы, причем, большая часть этих исследований была номинальной — представляла собой простую систематизацию путеводных звезд, карт видимых и едва заметных туманностей и течений космического субвещества в квазиматематическом пространстве реальности. Это было малоизвестное царство, где сверхсветовые путешествия могли осуществляться в пределах возможного.

Приблизительно центр Земной территории приходился на Солнечную систему, что составляло три четверти пути от КЕРНА Галактики до периферии вдоль большого спирального завитка, который все еще назывался Петля Ориона (названный в честь созвездия, видимого на ночном небе Земли). Из одной точки, на грубо очерченной сфере Земных владений, змеилась узкая полоска Земных исследований, представлявшая собой символ Земной храбрости, заключающейся не

только в желании прикоснуться к КЕРНУ Галактики, но и проникнуть в него. Змеиная извилистость этой исследованной области объяснялась необычной сложностью физического путешествия в этой части Галактики.

Внутри той небольшой части Млечного Пути, где обычно пролегали маршруты земных кораблей, формы разумной жизни встречались поразительно редко. Среди открываемых планет гораздо чаще встречались стерильные, чем те, которые несли хотя бы зачатки элементарных форм жизни. И среди этих планет еще реже попадались планеты, на которых процветал органический разум. Среди современных разумных рас выходцы из Солнечной системы были исключительно агрессивными.

Вследствие этого смертоносные машины берсеркеров почти нигде не встречали отпора, пока не вошли в пространство, контролируемое землянами.

Кармпаны были внеземным вариантом человека, с которым широко расселяющееся человечество имело наибольший контакт. Против берсеркеров случайно оказали огромную, но не прямую помощь Кармпаны — Пророки Вероятности.

Другие органические мыслители, которые, как было известно, населяли галактику, были еще менее знакомы и менее понятны Землянам, чем Кармпаны. Они вели еще более уединенный и замкнутый образ жизни. Их совершенно отталкивала мысль о прямой встрече на нейтральной земле со своими жестокими братьями по разуму из Солнечной системы, не говоря уже о возможности открыть для таких друзей ворота собственного дома. Но это не значит, что те, другие, были так враждебно настроены к этому народу из Солнечной системы, под покровительством которого выросло не одно их поколение.

Только далекие Строители и их древние оппоненты, обе эти расы, были теперь совершенно неразличимы за

баррикадами времени, по разуму и поведению они походили на отпрысков Земли. Что касается органических врагов Строителей, имя которых даже не дожило до наших дней, то они несомненно были очень воинственные. Из их языка сохранилось только одно слово, имя — Куиб-Куиб, обозначавшее тип машины, построенной ими для охоты и борьбы с берсеркерами. Охота эта казалась довольно опасной. Теперь было неизвестно: выжил ли в Галактике хоть один Куиб-Куиб? И от самих Строителей — берсеркеры не оставили ничего, кроме нескольких неясных записей: видео- и аудиопленок. На видеокассетах были запечатлены стройные существа, похожие топологией на Земных людей за исключением глаз: у Строителей был одинарный орган, располагавшийся в верхней части лица с ярким, выпуклым и очень подвижным зрачком.

Люди, собравшиеся в этот день в 10-метровом кубе конференц-зала уже были знакомы с аналогичными устройствами. Каждый видеошлем был оснащен визуальной клавиатурой. Рукоятки управления подчинялись направленному взгляду и усилию воли. Не было необходимости пользоваться руками. Некоторые решили, что гораздо легче будет управлять подмигиванием.

Большая часть звезд, появлявшихся на дисплее, представляла собой лишь статические приближения, артефакты, компьютерные видеозаписи. Но в банке данных имелась информация на несколько миллионов реальных звезд и систем, полученная путем астрономического моделирования

В настоящий момент компьютер не обозначал цвета или какие-либо другие отличительные характеристики продвижения берсеркеров. Довольно трудно было выделить это потерянное пространство с более или менее соответствующей моменту точностью, поскольку длительная война велась порой с огромными промежутками. Никто не мог с достаточной вероятностью сказать: откуда появились эти проклятые машины. Захваченные записи, какими бы схематичными они не были, давали

едва уловимое представление о том, откуда брались берсеркеры.

Именно на этом просмотре могли быть обозначены несколько устаревшие очертания опустошенных ими территорий путем пометок на светилах систем, атакованных берсеркерами в эру существования Земной цивилизации. Меньшая часть этой схемы, в основном лежащая внутри большой сферы, представляла собой планеты, полностью стерилизованные берсеркерами.

Один из исследователей восстановил стратегическую ситуацию того времени, безнадежно устаревшую сейчас. Но никто из собравшихся даже и не предполагал среди полученных данных обнаружить базы берсеркеров, их заводы или цитадели.

Даже, если бы человек среднего роста, вовлеченный в колдовство виртуальной реальности в настоящее время в стенах этой комнаты, на мгновение мог разрастись в миллиарды раз, то и в этом случае наблюдатель, став гораздо больше самой крупной из планет, все равно не заметил бы никаких изменений на схеме.

Если бы целью исследователя в этом зале было уменьшить Галактику до таких размеров, которые он мог преодолеть в течение нескольких минут, он бы все равно не сумел добиться большого прогресса. Расстояния в тысячи миллионов парсек даже для многократно увеличенного человеческого существа заставляли помутиться его разум перед их необъятностью.

— Если вы не хотите барахтаться в одном и том же месте на протяжении целого дня вам нужно вырасти гораздо больше.

Дальнейшее увеличение не поддавалось никакому определению, достигнув, наконец, того размера, когда Галактика показалась перед глазами наблюдателя не более высокого здания. А это произошло только тогда, когда предполагаемый исследователь довел свой рост до тысячи световых лет. Теперь Солнечная система для него, превратившись в микромир, исчезла бы вовсе, не пометь ее компьютер сигнальным огоньком.

Человек в видеозале, освобожденный на некоторое время от действия гравитации, мог свободно перемещаться в пределах соответствующей ему по размерам Галактики. В этом масштабе три основных спиральных рукава Галактики были с легкостью различимы, а Солнце, благодаря предусмотрительности компьютера, мерцало крошечной точкой в Петле Ориона.

Осуществлена была необходимая регулировка, чтобы на дисплее стала отчетливо видна Туманность Мавронари. Исследователи внимательно осматривали пространство, но ничего интересного не заметили.

Астрономы и астронавты считали эту туманность весьма заурядной. В известной части космоса было несколько сотен подобных туманностей, и интерес к ним ограничивался лишь тем, что они представляли собой преграду для космоплавания и могли быть интересны только для узкого круга ученых.

В настоящий момент один из членов штаба командующего вставлял в проигрывающее устройство, находящееся в видеозале, небольшой черный ящик, содержащий информацию, полностью соответствующую той, которая согласно версии была украдена берсеркером из архива Иматры.

Компьютеры, управляющие дисплеем в десятиметровом кубе видеозала, дали каждому наблюдателю возможность видеть изображение из центральной точки. На первых порах предстал контрольный бункер оборонной системы, что находился в подземной части Иматры. Просматривался под разными углами и в разных режимах. Время шло, исследования продолжались. Но толку от них было мало, собравшиеся испытывали разочарование.

— Запустить это еще раз? — спросил специалист по программным устройствам.

— Да ... Нет. Но сначала ...

Командор Принсеп протер уставшие глаза.

— Что же, все, что я смог вынести из этого просмотра — специфичность самой атаки берсеркеров. По-свое-

му она совершенно уникальна. Предпоследнее нападение на Иматру тоже проходило весьма необычно. Но оба эти рейда были непохожи, по крайней мере, в одном моменте. Я хочу сказать, что противник, атаковавший Иматру три столетия назад отступил, пролив относительно мало крови.

Раздался одобрительный гул.

Говорящий продолжал:

— Кто-нибудь из вас отметил какие-нибудь необычные контрасты или наоборот сходства между этими двумя вторжениями?

Утвердительных ответов не было слышно.

Тогда командор охотно продолжил развитие своей мысли:

— Итак, из вас никто не имеет идей: зачем современным берсеркерам могла понадобиться эта запись, не она ли их заставила столь внезапно отступить?

Такой идеи ни у кого не было. Правда, один из советников предложил:

— Конечно, просмотр записи дает некоторое представление о необычности того рейда трехсотлетней давности. Мы просмотрели отрывки, прочли отчеты, но не смогли получить возможности оценить особенности события в целом. Как вы уже сказали, сэр, это скорее было нападение исподтишка с целью совершения массового похищения людей, а не тотального убийства.

— Точно. В то время, как тотальное убийство является единственной целью жизни берсеркеров.

Все напряженно слушали.

— Вот эта особенность и беспокоит меня. Она указывает на то, что во всем этом есть нечто такое, чего мы еще не понимаем, да и сможем ли когда-нибудь понять.

— Современников Дирака это волновало, как много лет спустя волнует и нас. Волновала эта странность, обеспокоены были даже те, кто не верил, что это берсеркер выкрал целое население протоколонии в пробирках с тем, чтобы где-то вырастить огромную колонию людей-гудлайф, которые стали бы их преданными слугами и фанатичными воинами.

— В годы, последовавшие за исчезновением Дирака,

многие люди не раз просматривали эти самые копии. Но постепенно интерес к этому событию стал спадать. Теперь эти копии материалов сохранились лишь на Иматре.

В разговор вступил Енсайн Дайнант, астронавт:

— Я подумал, где может он быть сейчас через три сотни лет, берсеркер Дирака? Где те пробирки с будущими гудлайф — их же должно быть миллиарды. На дисплее это отлично видно. Мне интересно: куда все они подевались?

— Из этой записи четко видно в каком направлении удалился берсеркер, также легко можно увидеть, что и Дирак отправился точно ему вслед. Но любые следы, которые берсеркер или эскадрилья могли оставить, уже давным-давно исчезли. За три столетия берсеркер Дирака мог побывать в самых разных местах. С таким же успехом мог он заниматься опекой этой колонии, если вы являетесь приверженцем такой теории.

Командор поддержал:

— Я тоже думаю, что мы должны были бы увидеть какие-то результаты. И не нужно иметь семи пядей во лбу, чтобы заключить, что и Дирак мог за это время побывать в разных местах, если предположить, что он еще жив.— И как бы подводя итог, Принсеп резко стукнул по крышке стола:

— Позвольте мне напомнить вам, друзья, мои дорогие советники, что вопрос, который нас интересует в первую очередь, звучит так: почему современных берсеркеров так сильно заинтересовало то, что произошло с машиной и гудлайф-землянами в те давние годы?

— А я говорю, не это,— продолжал стоять на своем Дайнант.— Что-то другое должно быть в этой записи, что мы еще не заметили, и это что-то так сильно поразило их, сильно ударило по их электронным мозгам.

— Возможно,— осторожно предположил другой советник,— ключ кроется в тех кадрах, на которых появляется яхта премьера. Но что такого могло быть в том судне, что оказалось таким важным для берсеркеров?

Никаких догадок ни у кого не было. Но командор Принсеп был исполнен решимости выяснить это. Мяг-

ким, но не принимающим никаких возражений голосом, он приказал группе, включающей как людей, так и роботов, приступить к строгому, поминутному и детальному просмотру материалов.

Тем временем регулярные военные силы продолжали целеустремленное движение вперед.

18

Хейвот случайно услышал, как суперинтендант Гейзин заметил, что большинство персонала штаба командора Принсепа были специалистами компьютерных систем, и, усмехнувшись, добавил, что большинство из них в основном работают над приготовлением пищи. Хейвот же размышлял немного на другую тему. Он обратил внимание на то, что люди из штаба командующего, работавшие с ним и знавшие его достаточно хорошо, были поразительно преданы ему. Сначала Хейвоту показалось, что это было вызвано политическими соображениями. Но теперь он стал сомневаться в этом.

Хейвота очень интересовало: начал ли суперинтендант из Службы Человечества догадываться, что флот рано или поздно нагонит активных берсеркеров, и страшила ли его эта перспектива.

Беседуя с Четвертым *Путешественником*, *Хейвот узнал* нечто удивительное: кармпан открыто признавался в том, что видит у командора Принсепа явную склонность к мистицизму.

— Мистицизм, говорите, Четвертый Путешественник?

— Да, Кристофер Хейвот.— Кармпан стоял напротив него и смотрел на Хейвота тем, что, с точки зрения землянина, даже нельзя было назвать лицом. Сделав неопределенный жест, несколькими своими конечностями, чужак произнес:

— И то же самое я бы сказал и о Вас.

Хейвот стоял, как громом пораженный, и чувствовал как глупая усмешка, словно маска, появилась на его лице.

— Мистика? Нет.— В то же время он почувствовал странную потребность рассказать Четвертому Путешественнику о своем опыте с берсеркерами на поверхности Иматры. Но тут же заставлял себя воздержаться от каких-бы то ни было признаний.

По правде говоря, командор был совершенно не похож на мистика, во всяком случае как это представлялось Хейвоту. Далеким от подобного считал он и себя.

Принсеп в перерывах между рабочими заседаниями большую часть времени занимался тем, что ел или составлял очередное меню.

Возможно, Четвертый Путешественник хотел всего лишь ошарашить неожиданным мнением Хейвота, или просто использовал слово, и в том отличался от человечества, что его предложения могли оказаться справедливыми.

Командор в последнее время много общался с капитаном — единственным неземным существом, находившимся на борту «Симметрии». Вряд ли, можно было бы предположить, что их связывали общие гастрономические привязанности, потому что редко удавалось видеть, чтобы кармпан потреблял земную пищу. А если и делал это, то предварительно пропустив ее через свое персональное устройство по обработке продуктов, откуда еда появлялась в виде пастообразной массы.

Постепенно флот развивал крейсерную скорость, преследование противника продолжалось. От Иматры головной корабль находился уже на приличном расстоянии, солнце планетоида едва было заметно из иллюминаторов. Какие-либо донесения с Иматры уже вряд ли могли догнать корабль, и Хейвот мог немного расслабиться.

В это время решающую роль в его судьбе, несомненно, играла Бекки. Проговорись она о полученной инфор-

мации Принсепу или, что было бы еще хуже — своему боссу, и ее возлюбленный был бы обречен видеть только стены корабельного изолятора, или чего доброго, его могли подвергнуть глубокому замораживанию в камере и оставить в таком виде до тех пор, пока не появилась бы возможность его как следует допросить.

Он чувствовал, что старшие агенты Службы Человечества, не теряют времени и ведут за ним наблюдение, собирая компромат, чтобы арестовать его. Правда, наблюдение это не слишком тяготило Хейвота, в любом случае бежать ему было некуда.

А вот Танарат беспокоила Хейвота. Он обдумывал возможные варианты влияния на нее, но пока никак не мог придти к единственно нужному решению. Полной уверенности в том, что она действительно в него влюблена — не было. Но Хейвот и не форсировал события, понимая, что игра должна вестись им тонко. Он считал правильным сначала завоевать ее, а потом перейти к интенсивной стороне вопроса.

Для такой женщины, как Танарат, он считал наиболее важным духовную близость, без этого она не пошла бы ни на что другое.

Хейвот полагался на заверения Ребекки, что копии компрометирующих его материалов не существует. Но, естественно, абсолютной уверенности у него не было.

Как и многие другие женщины, влюблявшиеся в Хейвота, Бекки хотела знать о его прошлом все. Он повторял ей уже в который раз придуманную историю, что был дилером — работал с наглядными пособиями (материалом). Но ей хотелось знать подробнее — детали, и он вынужден был правдоподобно выдумывать их. Слушала она внимательно, и Хейвот чувствовал, что она не во всем верит ему. Однажды, перебив его, она напрямик спросила о том, почему же полиция заинтересовалась им.

— Что ж... дело касалось жестокого обращения с ребенком. К этому времени Хейвот уже придумал легенду, демонстрирующую его в самом выгодном свете. Он до-

статочно хорошо знал Бекки и чувствовал на какие струны души надо надавить, чтобы симпатии ее были всецело отданы ему.

На борту нескольких кораблей регулярной армии, выполнявших задание по преследованию противника, и готовящихся теперь для выхода из системы совершить свой, первый прыжок по преодолению сверхсветового барьера, намечалось проведение электронной конференции. Командор созвал своих главных советников и капитанов, подчиняющихся ему кораблей. Связь между кораблями осуществлялась при помощи сигналов через оптикоэлектронные мозги кораблей.

В основном, приглашенные принять участие в конференции — были военными людьми. Исключение составлял кармпан, который на этот раз вежливо уклонился от предоставленной ему чести, не объясняя причины.

Проектировщики продолжали биться над решением проблемы мотивации внезапного отступления и бегства противника.

Электронный след, оставленный одиноким загадочным налетчиком три столетия назад, давным-давно растворился. Но на старых записях курс берсеркера Дирака поддавался расшифровке без особого труда. Предпринятые телескопические наблюдения подтверждали тот факт, что современный мощный, но столь поспешно отступивший флот смертоносных машин, точно придерживался курса своего предшественника.

Хейвота не часто приглашали на плановые заседания по определению стратегии командора Принсепа. Но он не хуже других владел информацией о том, что на них обсуждалось. Так уж получалось, что все становилось общеизвестным — и без особого труда Хейвот был в курсе всего и вся.

Все теперь склонялись к версии, что берсеркеры отступили по маршруту их предшественников именно

потому, что внезапно его обнаружили. И этот маршрут оказался для них важнее, чем закончить дела на Иматре.

Один из советников Принсепа, рассуждая вслух, заметил:

— Похоже, что от этого вывода никуда не деться. Враг немедленно покинул Иматру, как только обнаружил следы отхода берсеркера Дирака. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что берсеркеры пришли на Иматру специально, чтобы раздобыть именно эту информацию. Запись, которую они забрали из архива, ничего другого, что могло бы представлять для них нескрываемый интерес, не содержит.

— Нет! Нет и нет! — горячо покачал головой командор.— Совершенно неприемлемо! Нас не может удовлетворить вывод, что они преследуют одну из своих же машин. Зачем?

— И кто с достаточной уверенностью может сказать, что для наших врагов интересно, а что — нет? Запись, которую они с таким огромным трудом раздобыли, содержит астрономическое количество битов информации. Мы просто зациклились на этом. Значительная часть того, что с технической точки зрения является информацией, в действительности оказывается информационным шумом. Что еще в этой записи, кроме маршрута следования их коллеги, могло бы оказаться для берсеркеров интересным?

Чтобы усилить впечатление от сказанного, Принсеп замолчал, потом заключил:

— Когда берсеркер решает, что сэкономить несколько секунд для него более важно, чем уничтожить еще одного представителя земной жизни, то это следует понимать так, что, с точки зрения берсеркера, происходит что-то очень необычное и важное.

Тем временем суперинтендант СЧ, который внутренне сомневался в решимости Принсепа действовать до конца — теперь сидел молчаливый, похоже, что командор отступать не намерен, если так усиленно ищет разгадку. Отступающие берсеркеры продолжали точно держаться курса отступивших три столетия назад предшественников. Этим же курсом сейчас следовал флот Принсепа.

Современная гонка, длившаяся час за часом и день за днем, проходила для земных кораблей с переменным успехом. То им удавалось сократить расстояние, то они снова отставали. Все пилоты флота, спокойно работая со своими компьютерами и будучи военными людьми, были готовы к неожиданностям. Требовалось особое мастерство от каждого командира корабля, чтобы не отстать от других — держаться точно друг за другом. Командор, конечно, настаивал на увеличении скорости, но в разумных пределах, чтобы не потерять ни одного корабля.

Взятие первого сверхсветового барьера, предпринятое астронавтами флота, не было особым испытанием для Хейвота. За свою относительно короткую жизнь, он успел уже перевидать тысячи миров, населенных выходцами с Земли и разбросанных по всей Галактике. Гораздо больше, чем доводится большинству людей.

Но для агента Танарат путешествие за границами привычного пространства было новым испытанием.

Первый прыжок, длившийся по субъективному времени корабля всего десять секунд, показался для Бекки достаточно длинным. Через иллюминатор она взглянула на невообразимое космическое пространство, обычно описываемое как смутный свет, получаемый от сложенных вместе рассеивающих линз, и глаза ее наполнились слезами. Сердце сжалось и даже не от страха, а от какого-то особого предчувствия. Ей казалось, что они только вдвоем с Хейвотом в этом бесконечном пространстве.

Их каюты располагались слишком близко к центру корабля, и они оба не могли похвастаться наличием хорошего, достаточно открытого иллюминатора. Конечно, можно было вызвать его изображение на голографической панели, но для получения полного эффекта этого было бы недостаточно, как объяснил ей Хейвот. Свет обладал свойством, которое не могло в полной мере быть воспроизведено на голограмме, и зрелище это производило эффект только когда его наблюдали через иллюминатор.

Завершая очередной коллективный прыжок и возвращаясь в обычное пространство, люди и компьютеры на командирском мостике в первую очередь принима-

лись подсчитывать все ли корабли флота уцелели. Только после этого раздавался вздох облегчения, на мгновенье все расслаблялись. Но вслед за этим начиналась подготовка к следующему прыжку. И хотя, процесс этот занимал всего несколько секунд, напряжение было велико.

В короткие интервалы между прыжками, иные члены команды занимались тем, что сканировали окружающее пространство во всех направлениях, проверяя электронный след врага на давность, корректируя правильность выбранного направления, восстанавливали нарушенный боевой порядок кораблей флота. В последние секунды проверялась по межкорабельной связи готовность, и раздавался сигнал к прыжку, который совершался всеми кораблями одновременно.

Каждый раз, когда суда вновь возникали в нормальном пространстве, их сенсоры возобновляли работу по поиску следов прохождения предыдущего транспорта, старались обнаружить признаки нарушения радиационного фона нормального космоса, которые бы указывали на общефизическое состояние пространства в этом направлении. До сих пор не было обнаружено никаких признаков отклонения флота берсеркеров от маршрута, которым три столетия назад прошел их предшественник.

До сих пор ни людьми, ни рабски преданными им машинами не было найдено никаких прямых следов, оставленных древней экспедицией. И, казалось, не было никакой причины для того, чтобы тратить время и силы на обнаружение каких бы то ни было останков пропавшего «Ейдолона» или того объекта, за которым гнался прежний Премьер. Свет, который нес их образы, если еще и не рассеялся до полного состояния, когда ни одна воспринимающая аппаратура будет не в состоянии что-либо восстановить, опережал их теперь на сотни световых лет.

Никто из флота Принсепа теперь не искал старые следы. Все внимание преследователей занимали современные берсеркеры, устроившие погром на Иматре. Берсеркеры оставили свежий и четкий след. Главное было нагнать их, а это означало развить еще большую

скорость. В этой гонке каждый думал теперь уже об одном: смогут ли они вернуться на Иматру живыми? Смертоносные машины уже бы давно ответили своим преследователям, если бы только могли. Пока же они их игнорировали.

Командор Принсеп, размышляя над проблемами, пришел к выводу, что, возможно, эта тактика была предпринята с целью вовлечь его флот в засаду.

«Так ли?» — размышлял он вслух. Не получая ответа, он становился еще более суровым и мрачным. Но темпы преследования не снижались.

Военный компьютер «Симметрии» и связанные с ним дополнительные экспертные системы, прикладывали максимум усилий, чтобы определить вероятность планов берсеркеров. Результаты этих подсчетов Принсеп не обнародовал. В конце концов решение зависело от него.

Но потом ситуация слегка изменилась из-за простой случайности. Можно было видеть, как два огромных берсеркера, опережавшие их всего на несколько световых часов, в безумной спешке совершив губительный прыжок, появились из другого пространства, рассыпаясь на мелкие осколки, разрываемые силой гравитации. После этого остальным берсеркерам ничего не оставалось делать, как снизить скорость, иначе та же участь, предопределенная законами физики, столь же неотвратимо постигла бы и их.

На борту флагмана все, кроме, конечно, самого главнокомандующего, ожидали, что Принсеп прикажет замедлить ход или изменить тактику. Но он этого не сделал.

Флот получал, в данном случае, преимущество — появлялась надежда догнать адские машины.

Бекки Танарат, вернувшись в каюту, которую она теперь делила с Хейвотом, сообщила,— к великому удовольствию и радости ее нового возлюбленного — что суперинтендант Службы Человечества и его старший агент, никогда прежде не видевшие настоящего берсеркера, напуганы предстоящей встречей.

Преследуемые и преследователи продолжали рваться вперед в одном и том же направлении, смело пробираясь среди все более и более уплотняющейся туманности.

А в это время Бекки была приглашена на «ковер» для разговора к своему начальству. Службы коммуникации корабля представили доказательства, достаточно сильные, если не сказать неопровержимые, что несколькими днями раньше на борт «Симметрии» поступило радиосообщение, зашифрованное для СЧ, и что это произошло как раз в тот момент, когда корабль достиг хорошей связи и мог принять информацию.

До Хейвота докатились слухи, что Бекки не смогла представить никакого приемлемого объяснения: где полученная информация?

Гейзин, несомненно, подозревал, что произошло, но у него не было никаких доказательств. Он приказал арестовать Бекки и посадить на гауптвахту.

Командор Принсеп, который должен был дать «добро» на это, вызвал к себе Хейвота. Ему хотелось прежде самому разобраться в ситуации.

— Что вам об этом известно, Хейвот? Мы накануне битвы, и я должен быть уверен, что здесь нет предателей.

Молодой человек, казалось, был искренне разгневан:

— Суперинтендант Гейзин дал мне ясно понять, что он мой враг — но почему, я не знаю. Полагаю, что от того, что он узнал о нашей любовной связи с Танарат. О предполагаемом потерянном сообщении мне, ничего не известно.

Принсеп вздохнул и изучающе посмотрел на человека, стоявшего перед ним. Безоговорочно все решения в космосе, в условиях военного времени, зависели от него.

Тогда Принсеп неожиданно сказал:

— Наш пассажир Кармпан посоветовал мне, Хейвот, доверять вам. Вы не знаете, что могло заставить Четвертого Путешественника встать на вашу сторону?

— Нет, сэр, боюсь, что не знаю.— Ничего умнее не мог придумать Хейвот в ответ.

— Что же, тогда я верну молодой женщине свободу. Пока, по крайней мере. Полагаю, что по возвращении домой мне придется отчитываться за это перед Службой Человечества.— Было очевидно, что командор терпеть не мог СЧ и то дело по промывке мозгов, которым они занимались.

Хейвот с облегчением улыбнулся.

— Я не думаю, что вам придется об этом пожалеть, командор.

— Постарайтесь, чтобы не пришлось, мистер Хейвот. Прошу вас приложить все усилия, чтобы не пришлось.

19

Для землян из преследующего флота берсеркер Дирака, также как и сам премьер, и его люди, исчезнувшие три века назад, были не более, чем тусклые призраки прошлого. Но сейчас стали распространяться слухи о том, что премьер Дирак мог быть еще живым.

Обнаружение живого Дирака, несомненно, вызвало бы среди современников политический резонанс. Но каким бы был его эффект предугадать было не просто.

Хейвот размышлял:

— Если Дирак, или кто-то из его людей все еще живы, то они уже слишком стары — просто старикашки.

Но Принсеп уже несколько раз говорил своим коллегам, не так уж, чтобы они были совершенно стары. Он изучал историю. Многие отдельные граждане прожили гораздо более трех сотен лет; а Дирак во время своего исчезновения был довольно молодым, его жена же и того моложе — совсем девочка. Кроме того это выглядело вполне естественно, что люди находящиеся на биологической исследовательской станции, где часто пользова-

лись камерами для замораживания, старились медленно.

При условии, конечно, что пленники берсеркеров были еще хозяевами своих собственных судеб. Трудно было ожидать, что человеческое существо, захваченное в плен неодушевленным врагом, где бы и когда бы это не произошло, могли бы долго продержаться.

Хейвот однажды случайно услышал, как старший агент Службы Человечества, примыкавший к сторонникам старых врагов премьера, высказывал мнение, будто Дирак стал гудлайфом, да и вообще был таковым всегда. А сейчас он, якобы, занят тем, что помогает берсеркерам воспитать миллионы других гудлайфов, которые станут могучей силой — рабами и слугами машин смерти.

И все же, если отбросить в сторону политические подозрения и обвинения, то прежние вопросы оставались. Почему современные смертоносные машины придавали такое огромное значение обнаружению курса, которым ушел их предшественник? И почему они, сделав это открытие, как привязанные последовали этим же маршрутом практически на самоубийственной скорости?

И ни на один из них не было ответов.

Или современные машины были снедаемы настоятельной потребностью придти на смену своему загадочному предшественнику? Или по какой-то невообразимой причине их одолевало неистребимое желание во чтобы то ни стало догнать Дирака, который шел впереди и тем же путем. Удивительно, что последние компьютерные расчеты, выполненные на борту флагмана, показывали, что такое чудо астронавигации было возможно, если предположить, что корабль Дирака, или берсеркер которого он преследовал, следовали одним курсом, более или менее прямо углубляясь в туманность Мавронари. Но зачем это понадобилось?

Три века развития межзвездных перелетов и систем управления, а также техники прохождения плотных туманностей убеждали современных исследователей в том, что они в отличие от их таинственного предшественника — Дирака должны были суметь наверстать упущенное время.

Было также известно, что некоторые из последних конструкций берсеркеров были напичканы всевозможными усовершенствованиями по сравнению с их же собратьями времен Дирака. И машины, которые участвовали в последнем налете на Иматру, или по крайней мере некоторые из них, несомненно относились к усовершенствованным аппаратам. Таким образом ни преследование, ни сражение не могли оказаться для современного флота более легким делом, чем это было для людей Дирака, Силы были или равны, или берсеркеры могли оказаться сильнее.

Если реально смотреть на ситуацию, то надежд на то, что Дирак жив, было мало. С уверенностью можно было предполагать, что премьер наряду со своими сотоварищами из плоти и крови, а также его врагами уже были мертвы многие века, а их корабли и пропавшая биоисследовательская станция были разрушены в сражении или затерялись в глубинах космоса. А что касалось гигантского берсеркера, которого назвали в честь Дирака, если он не получил смертельных повреждений в какой-нибудь перестрелке, то должно быть он давно изменил курс и вырвался за пределы Мавронари. Или может быть, застрял где-то и стал пленником этой бесконечной черноты.

Но в любом случае у современного флота под командованием человека, проявившего неожиданное, но вполне естественное сочетание смелости, твердости, воли появился хороший шанс догнать нынешние силы берсеркеров. Несмотря на вероятность сражения, моральный дух на всех кораблях казался достаточно высоким, или был бы таким, если бы не ситуация, сложившаяся вокруг Хейвота и представителей Службы Человечества.

Капитаны и офицеры флота, принимающие участие в работе заседаний, снова и снова возвращались к одному и тому же вопросу: почему современные берсеркеры следовали по остывшему следу старой погони?

Энсайн Дайнант размышлял:

— Я полагаю, что сегодняшние бандиты независимо от открытия, которое они сделали на Иматре, должны были сохранить в памяти кое-какие сведения о цели, к которой стремился один из них три столетия назад. С другой стороны меня легко убедить, что наши теперешние культиваторы смерти не имеют сведений о тактике тех берсеркеров, иначе я не вижу никакой причины с чего бы это им ломать копья.

Установилось угрюмое молчание, которое вскоре было нарушено лейтенантом Тонгрес. Откашлявшись, она сказала:

— Давайте рассмотрим проблему с другой стороны. Насколько мы знаем, единственная важная информация, которую можно было почерпнуть из старых Иматранских записей, заключается в том, что известен маршрут отступления берсеркера «Дирак». Мы также можем утверждать, что в своем бегстве машина преуспела. Существует также вероятность, что ей удалось успешно атаковать премьера Дирака, когда тот отправился в погоню. Когда тактика пользуется успехом, ее применяют повторно.

— Ба! Но следование этим маршрутом не дает никаких астронавигационных преимуществ — здесь ничто не может сделать нападение более успешным, чем в любом другом месте. Для современных берсеркеров стремится укрыться в ближайшей темной туманности будет повторением уже известной тактики. За этим скрывается не просто тактический расчет. Я даже не представляю что. Повторение пройденного пути, но зачем? Зачем? Зачем — младший офицер ударил кулаком по столу.

Тонгрес покачала головой:

— Насколько я понимаю, для наших врагов не так уж важно следовать точно таким же курсом. Цель их — прибыть именно в то место.

— Да? И какое место это может быть?

— А что вы скажете, если там имеется скрытый выход на ясный путь, ведущий в нутро Мавронари, короткий проход в самую ее серцевину? Прямая дорога сквозь туманность?

— Нутро ее, насколько нам известно, является не более, чем пылевым мешком. Прекрасно, прямой путь действительно может иметь какое-то значение. Но не слишком большое.

— Возможно, они несут какое-то важное сообщение в штаб берсеркеров. А их главная штаб-квартира как раз находится где-нибудь в центре Мавронари.

Это не могло убедить Дайнанта, он сказал:

— Что же получается, целый флот берсеркеров сжигает бесценное время, не говоря уже об энергии ради миссии, с которой могла бы справиться одна машина? Не кажется ли вам, что спор наш не выходит из замкнутого круга? Я полагаю, что та важная новость, которую несут они в свой штаб, содержит нечто более существенное.

Лейтенант рассвирепела, но прежде, чем она успела ответить, ее прервал другой член команды:

— Насколько важны могут быть для этих бандитов сведения, извлеченные из записей трехсотлетней давности, которые им случайно попались на Иматре?

— О, вы, наверное не были на более раннем, утреннем просмотре. Нет впечатления, что эти записи попались им случайно. Посадочный аппарат, раскопавший их, едва коснувшись поверхности Иматры, направился сразу к архиву. Голову даю на отсечение, если цель его высадки была иная. Похоже, что они откуда-то знали, что эта запись находится именно там.

— Но откуда могли берсеркеры знать это? — поинтересовался Дайнант.

— Очень хороший вопрос,— призадумалась лейтенант Тонгрес.— Полагаю, что им кто-то сообщил об этом.

Открытый намек на деятельность гудлайфа был встречен минутным молчанием. Но на этом заседании не присутствовали ни Хейвот, ни люди из Службы Человечества.

Тогда третий член команды спросил:

— Таким образом, награда, на которую рассчитывали и получили из найденной записи наши противники, это всего-навсего направление полета предыдущего берсеркера?

— А что же еще? — пожала плечами Тонгрес.— Мы уже просмотрели эти кадры сотни раз. В чем еще мог бы заключаться великий секрет?

Внезапно Дайнанта осенила неожиданная мысль:

— Постойте. А что, если...

— Да?

— Давайте предположим, просто ради дискуссии, что Дирак был — гудлайф. Конечно, я знаю, что нет никаких подтверждений в пользу этого, но все же. Раз нет никаких разумных объяснений, нам нужно постараться рассмотреть все возможные варианты. Скажем, он стал гудлайф только для того, чтобы заключив сделку с дьявольскими машинами, продвинуться по служебной лестнице. Он каким-то образом устроил все так, чтобы машины смогли овладеть целой биологической станцией, содержащей миллионы протолюдей, чтобы уничтожить их или как-то использовать.

— Хорошо, ради дискуссии принимается. Хотя нет никаких свидетельств в пользу такого предположения. Тогда чего он ожидал в награду за сотрудничество?

Младший офицер предположил:

— Не знаю. Возможно, они могли помочь ему избавиться от каких-то политических противников. Только дело приняло опасный характер и берсеркер сожрал его заживо вместе с командой, кораблем и людьми на биостанции.

— И на десерт закусил миллиардом протолюдей. Для меня все это звучит не слишком убедительно. Но еще раз, ради дискуссии, предположим, что это действительно так. Но это не проливает свет на поведение машин, которых в данный момент мы преследуем.

Ответа у Дайнанта не было.

Тонгрес устало вздохнула.

Вновь заговорил третий участник разговора:

— Мне интересно... проклятые берсеркеры оперировали и продолжают оперировать невообразимыми объемами пространства и времени. И, насколько мне известно, пока у нас не было данных о том, что у них имеется какая-то штаб-квартира или главный командный пункт, как у нас.

— А если предположить, что все же у них таковой имеется. Было бы еще интереснее предположить, что в данный момент в такой бешеной спешке мы именно туда и направляемся.

На протяжении нескольких веков, задолго до первого вторжения берсеркеров на Иматру проводились бессистемные исследования центральной части Мавронари. Было установлено, что туманность почти лишена какой бы то ни было жизни, но возможность обнаружения ее абсолютно не исключалась. В некоторых широко простиравшихся районах этой необъятной протяженности безмолвной тьмы давление света отдельно стоящих светил было вполне достаточным для удержания вместе облаков пыли и разреженного газа, что способствовало возникновению адекватного орбитального пространства для маленьких семейств планет.

Одна или две такие системы миров, которые, если верить банку данных флагмана, никогда не были населенными — были полностью лишены жизни, как раз лежали в том направлении от Иматры, которым теперь следовали берсеркеры. Считалось, что эти изолированные системы в пределах Мавронари были вполне достижимы, если двигаться по узким, пролегавшим в той местности коридорам относительно чистого пространства. Но враг, казалось, не намеревался следовать ни к одному из этих коридоров. И командующий флотом, имеющий доступ к огромным данным военной информации по берсеркерам и их деятельности, не мог обнаружить ничего такого, что указывало бы на сооружение берсеркеров, напоминавшие гавань.

Конечно в глубинах широко раскинувшейся туманности могли существовать и другие звездные системы, известные берсеркерам, но еще не обнаруженные людьми. И миры эти, совершенно непригодные для жизни, могли оказаться вполне подходящими для создания доков, судоверфей, а значит и поставлять минералы для нужного берсеркерам производства.

Землянам, занятым в настоящий момент дальнейшей разработкой плана преследования, ничего лучшего не оставалось, как сделать вывод: противник и в самом деле держал путь к одному из таких миров, причем, предпочел попасть туда наиболее длинным путем. Но снова возникал вопрос: зачем? Конечно, любой корабль или машина, вынуждены были из-за пыли двигаться только в нормальном пространстве, сражаясь с туманностью на каждом метре своего путешествия, но достичь одного из тех тел от нынешнего местоположения только через три столения.

Принсеп еще раз проверил астронавигационные возможности. Результаты эти были доступны любому заинтересовавшемуся лицу. За три столетия ни берсеркер Дирака, ни его яхта не смогли бы завершить вгрызание в темную туманность и достичь одного из тех изолированных миров.

— А может быть, у них было время для того, чтобы пробиться к какой-то другой системе, о существовании которой мы и не подозреваем? Хотя я так и не думаю, все же должен признать, что этот вариант возможен,— сказал командор.

— Вы полагаете, что один из берсеркеров, за которым мы сейчас гонимся, является берсеркером «Дирак»?

Человека, задавшего этот вопрос, наградили странными взглядами.

— Если берсеркер Дирака все еще следует этим курсом, то он еще продирается сквозь пыль туманности, еще не достиг нужной точки.

— Может быть, тут имеется таинственный проход, о котором мы не знаем. Какая-нибудь скоростная аллея, пересекающая Мавронари, и невидимая нам отсюда дорога, которую люди еще не открыли.

Один из капитанов вызвал на голографической модели изображения каких-то моделей, профили современных машин, воспроизведенные по донесениям разведки и телескопическим наблюдениям.

— Ни один из них не соответствует изображению берсеркера Дирака из старой записи. Вы полагаете, что эта вещь может гоняться сама за собой, проходя по

трехстолетнему кругу, умножив при этом свои силы новыми помощниками?

— Нет, не совсем так, как вы предполагаете. Такая машина зависла где-нибудь в Мавронари и через определенные промежутки времени выходит из туманности, чтобы нанести по Иматре или иной системе новый удар и тотчас, отступив, нырнуть в черноту.

Собеседница, обдумав это предложение, покачала головой:

— На протяжении истории не так уж много было нападений в области Мавронари. Вылазок на Иматру, кроме двух известных нам рейдов, тоже не совершалось. И какой смысл совершать налеты раз в три столетия? Это совсем не похоже на берсеркеров.

— Тогда на что это похоже? — это заговорил командор, безапеляционно вмешавшись в разговор.— Если кто-то из вас тоже считает, что преследуемые нами объекты могут быть не истинными берсеркерами, то прошу забыть это предположение немедленно. Мы собрали достаточное количество их осколков, перехватили более, чем достаточное количество их переговоров во время налета... Этот факт вне всяких сомнений... Да и сам Дирак знал о своем противнике немало, прежде чем организовать его преследование, старые записи подтверждают это. Объекты, с которыми нам предстоит схватиться, и те, с которыми дрался он, настоящие вражеские машины. Нет никаких сомнений!

Кто-то добавил:

— Не забывайте, что тактика берсеркеров иногда и в самом деле бывает случайной, они делают, казалось бы, глупые вещи и только с той целью, чтобы поведение их оставалось непредсказуемым.

Принсеп покачал головой:

— Иногда — да. Но три столетия умышленной глупости? Бесполезности, напрасной потери времени и усилий, огневой мощи, и все это только для того, чтобы ввести нас в заблуждение? Если это соответствует истине, то я сдаюсь. Нет, конечно, же, нет. Я не сдамся. Я просто устал, но собираюсь наверстать упущенное время.

На ближайшей голографической панели раздался обычный сигнал от шеф-повара командора. Это был гонг к обеду.

Во время преодоления следующих световых барьеров флоту удалось сократить расстояние до убегающего противника. Но после этого гонка не стала легче. Командор обдумывал риск столкновения со странствующими объектами, который становился довольно высоким. Надо было во что бы то ни стало избежать этого.

В течение нескольких последующих дней всем стало казаться, что они подрастеряли свое преимущество. След, оставляемый берсеркером в субпространстве, становился все более холодным и менее приметным.

Командующий флотом, взвешивая шансы, скрипел зубами. Говорили, что некоторое время он провел в своей комнате один, молясь одному ему известному богу (никто не мог знать, во что он веровал), после чего приказал увеличить скорость.

И мгновенье спустя после принятого решения, деланно вздохнув, приступил к ланчу.

Тем временем Бекки была освобождена от выполнения своих обязанностей агента СЧ, это наказание, если его можно было назвать таковым, было максимальной мерой, которая могла быть применена против нее начальством в данный момент. Теперь, получив отсрочку на неопределенный срок, она благополучно проживала вместе с Хейвотом и, конечно, больше не записывала ни того, что он говорил, ни то, что он делал. Одним шпионом стало меньше.

Ему везло. Именно так он смотрел на создавшуюся ситуацию. Правда, он предпринял немало усилий для этого.

Как бы то ни было, нужно было оставаться начеку. Шпионские приспособления могли быть очень маленькими и с трудом обнаруживаемыми, по этой причине он продолжал считать, что все, что происходило между ним

и Бекки подсматривается и подслушивается, в каком бы месте корабля они не находились.

Поэтому он был безупречно нежным с ней, играя роль влюбленного.

В то же время Хейвоту приходилось сражаться со своими внутренними дьяволами-искуситилями. По мере развития погони становилось все более и более очевидным то, что командор имел самые твердые намерения, а перспектива предстоящего столкновения с берсеркером или даже с их целым флотом мало прельщала Хейвота.

Оставаясь один, он пытался воскресить начавшее уже угасать воспоминание о том, что точно произошло тогда на Иматре между ним и изуродованной машиной смерти. В самом ли деле тогда, когда смерть казалась неминуемой, а возможность сделать еще один вдох — фантазией, в самом ли деле пообещал он тогда каким-то образом служить делу берсеркеров?

Он испытывал страх, чувство, которое появлялось у него в минуты опасности, но это был не животный страх труса, нет — это давало ему ощущение полноты жизни.

Когда Хейвот услышал о том, как берсеркеры раздобыли в подземном архиве Иматры записи, он начал думать, что действия машины берсеркера, преследующей его, было вызвано не тем, что сделал или не сделал он, а чем-то иным. Но из-за подозрительности он никогда не был уверен ни в чем до конца.

Существовал еще один вопрос, близко связанный с первым. И этот вопрос порой не давал беглецу спать, когда тот один или со своей только что освобожденной влюбленной лежал на своей койке. Смогут ли берсеркеры при встрече тем или иным способом распознать в нем своего? Передала ли машина что-то другим?

Возможно, следовало по-иному сформулировать этот вопрос: хотел ли он, Хейвот, сражаться на стороне берсеркеров или нет?

Принимая во внимание ту неожиданную ярость, с ко-

торой командор Принсеп преследовал теперь дьявольские машины, Хейвот думал, что очень скоро он сумеет получить на него достоверный ответ.

Лежа в маленькой каюте вдвоем с Бекки и тесно прижавшись к ее телу, Хейвот разглядывал спящую возлюбленную, машинально гладил ее светлые волосы и улыбался своим мыслям.

Он позволил себе прошептать ласково, почти неслышно одно единственное слово: «Бэдлайф»!

20

Первый ужасающий удар оружия берсеркеров по защищенному силовыми полями корпусу флагмана свалил Хейвота с кровати, секунду спустя обнаженное тело Бекки приземлилось на него сверху.

Еще раз, возможно уже сотый, с тех пор, как флот покинул Иматру — Хейвот давным давно уже сбился со счета — флагман заканчивал взятие светового барьера и должен был появиться в нормальном пространстве.

Но на этот раз возвращение было другим. Мгновенье спустя после появления «Симметрии» первый тяжелый удар врага попал в цель. С опозданием в одну-две секунды сигнал тревоги на корабле подал свой страшный, приглушенный голос.

С беспокойством оттолкнув в сторону полусонную Бекки и не обращая внимания на ее возмущенные крики, тело его, опережая разум, принялось облачаться в космические доспехи, которые вот уже несколько дней лежали под его койкой.

У Бекки, конечно же, тоже имелись свои космические доспехи, но они были в ее каюте. Чтобы добраться до них, полуобнаженной Бекки нужно было, рискуя своей репутацией, пробежать несколько метров по коридору. Хейвот мог представить себе, как остальные будут смотреть на нее осуждающими взглядами, даже если в этот момент им не до этого.

Хейвот позволил ей поцеловать себя на прощание, но и в это мгновение его внимание целиком и полностью было поглощено облачением в скафандр. Ему не хотелось, чтобы она одевала скафандр, но остановить ее или отговорить от этого он даже и не пытался.

Никто из членов команды или пассажиров, находящихся на борту судов регулярных сил флота,— разве что за исключением тех, кто стоял в это время на вахте,— не удостоился никакого предупреждения о том, что их мир сейчас взорвется.

Стремясь перехватить убегающего неприятеля, командующий флотом понимал, что риск внезапной атаки существует. Следовательно, удар берсеркера не мог восприниматься как совсем уж неожиданный. Все же время его нанесения и, главное, мощь были удивительны.

Ранее выдвинутая одним из астронавтов, но не получившая надежного подкрепления, теория гласила, что противник отправился именно этим путем только потому, что распределение всякого рода вещества вдоль этого следа обуславливало неравное положение сторон при нанесении удара. Независимо от того, была теория астронавта правильной или нет, практический результат для землян был удручающим.

Командор начал наращивать скорость, которая была несколько потеряна.

Десять или пятнадцать судов, меньшего размера, которые в пределах миллисекунд появились в нормальном пространстве вслед за флагманом, также были атакованы. Некоторые из них были разрушены.

Небольшой контингент гражданских лиц, находящихся на борту «Симметрии»,— Хейвот, люди Службы Человечества и Кармпан,— за несколько дней до отправления с Иматры были предупреждены как действовать в случае боевой тревоги. Им следовало, как можно быстрее облачиться в свои космические скафандры, привязаться к акселерационным (для перенесения перегрузки) креслам и оставаться в них на протяжении всего времени чрезвычайного положения.

Хейвот находясь один в каюте и уже практически облачившись в скафандр был сбит с ног вторым прямым ударом по флагману. С мрачным выражением лица и трясущимися руками он попытался сесть ровно. Тяжесть, запах и внешний вид громоздкого костюма, очень похожего на тот, который на поверхности Иматры спас ему жизнь, пробудил в нем живые воспоминания об ужасной погоне, завершившейся встречей с берсеркером.

Застегивая последнее соединение на скафандре, он выбежал в коридор и, стараясь не проглядеть Бекки или ее старших товарищей, направился к своему акселерационному креслу.

Прокладывая свой путь к приписанному ему местоположению среди незнакомых звуков стиснутого пространства, Хейвот обнаружил, что его разгоряченное воображение рисует ему несущие смерть машины, окружавшие его в космосе со всех сторон, и он мог чувствовать, как проносятся они мимо «Симметрии» с невообразимой скоростью. Он мог ощущать их безжизненные тела, чувствовать их запах там, вне пределов корабля.

С большим трудом заставил он себя вернуться к реальности. Поодаль от капитанского мостика располагалась комната с акселерационными креслами, где должны были собраться пассажиры судна и оставаться на своих местах, пока не прозвучит сигнал отбоя. Суперинтендант Гейзин и старший агент Аринари уже были там. Их космические доспехи имели отметки «СЧ». Тогда Хейвот подумал, не послужит ли это специальной наводкой для берсеркеров, но тут же, к своему собственному удивлению, решил, что вряд ли.

Тем временем корабль не переставал сотрясаться от взрывов. Корпус его звенел, как огромный гонг,— под продолжающимися ударами орудий противника, смешиваемыми теперь с оглушительными взрывами снарядов.

выпускаемых из собственного оружия.

В комнате появилась Бекки в скафандре, целая и невредимая. Пошатываясь на ходящей ходуном палубе, прошла она к своему месту рядом с Хейвотом. Сквозь лицевую пластину ее шлема видел он ее обрадованное лицо. Он знал, что несмотря на происходящее — радовалась она одному, что он жив.

Из усилителей раздался спокойный голос командора:

— Будьте готовы отразить нападение штурмовиков. Повторяю...

Штурмовики! То, что так часто происходит в историях о космических приключениях, удивительно часто происходило и в реальной жизни.

Современные защитные системы были в состоянии простую кинетическую энергию заставить работать на себя. Сражающиеся корабли и машины, окруженные защитными силовыми полями, зачастую становились более уязвимыми для медленно движущихся абордажных и посадочных устройств, чем для несущихся с бешенной скоростью ракет.

Почти мгновенно на смену голосу командора пришел голос компьютерного мозга флагмана. Было объявлено, что несколько малых штурмовиков противника прорвались сквозь защитное поле «Симметрии».

Хейвот поднял руку, заключенную в скафандр, и прикоснулся к Бекки, сидящей рядом с ним в кресле. Позади сидели, дрожа от страха, агенты Службы Человечества.

Тогда шеф Службы Человечества, словно почувствовав, что Хейвот смотрит на него, повернул в его сторону голову и смерил его свирепым взглядом, несомненно намереваясь продемонстрировать тем самым, что вовсе не боится и что именно сейчас сможет уличить Хейвота в связи с берсеркерами.

Лейтенант Аринари на Хейвота не реагировал, он выглядел бледным в глубине своего шлема и было видно, что его совершенно не волновало ничто, кроме собственной шкуры. У него был вид человека, который вот-вот замарает свои подштанники, что было совер-

шенно невозможно в тщательно подогнанном костюме космического снаряжения, оборудованным к тому же миниатюрной системой всех удобств.

В маленькой комнате одно место пока оставалось незанятым, и было оно совершенно иной формы, чем другие. Очевидно, Кармпан предпочел остаться в своей каюте. Определенно это противоречило приказу командора, но кто мог заставить подчиниться Четвертого Путешественника?

В пассажирский отсек вкатился вооруженный робот, по-видимому, завершивший свою работу на контрольном пункте за соседней дверью. Несомненно, что Гейзин и Аринари, если бы кто-то спросил их мнение, стали бы сильно возражать против выдачи оружия Хейвоту и попавшему теперь в немилось агенту Танарат. Но их мнение никого не интересовало.

Робот, согласно заданной программе, прокатился между короткими рядами кресел и с помощью своих металлических рук предложил каждому из пассажиров выбрать себе альфа-пусковое или самопусковое, запускаемое взглядом, наплечное оружие. Гейзин и Аринари сделали свой выбор автоматически и робот проследовал дальше. Но, прежде, чем он успел приблизиться к Хейвоту, тот уже успел разглядеть, что штативы на боках робота были унизаны рядами того, что, по его мнению, могло быть только гранатами, свисавшими гроздьями поспевших фруктов, с нетерпением ждущих мгновения, когда жадная рука землянина сорвет их. Хейвот слабо разбирался в боевой артиллерии, но они были похожи на те, которые называются учебными гранатами. Очень удобная для применения вещь, особенно, если до машины берсеркера или до того, кого вы недолюбливаете, рукой подать, даже, если на нем космический скафандр.

Взяв левой рукой альфапусковой карабин, Хейвот правой стал поспешно набирать гранаты одну за другой, всего три. Трех, подумал он, возможно, будет и много.

Все три, словно это место было специально придумано для них, уютно устроились в сумке, приделанной к поясу скафандра Хейвота. Карабин он держал в руке. Это был энергетический проектор, луч которого раска-

лывал и сотрясал тяжелое вооружение и доспехи, но был совершенно безопасен для плоти. В предмете, о который он ударялся, луч вызывал сильную вибрацию; но в такой мягкой субстанции, как плоть, эти вибрации быстро затухали, не принося никакого вреда. С твердыми материалами эффект был обратный.

Твердые поверхности могли быть защищены путем нанесения специального химического композитного покрытия. Робот, раздающий оружие, также обрабатывал доспехи присутствующих специальной химической защитой. Каждый раз формула менялась, чтобы враг не смог повторить ее.

Наведение на цель и стрельба из самопускового оружия осуществлялась с помощью глаз пользователя. Прицел следил за отражением в зрачках оператора и наводился строго по направлению взгляда, сигналом к выстрелу служило прищуривание глаз. Но иногда эта штуковина срабатывала случайно — когда система была заряжена и готова к бою, нельзя было смотреть на кого-то или что-то, что вы боялись повредить.

Альтернативой этому оружию было альфопусковое. Эта система была более скоростной и надежной, правда, требовалось больше времени для его освоения. Это оружие тоже наводилось с помощью взгляда, но стреляло по контролируемому сигналу альфа-волны органического мозга оператора.

Не считая нескольких кошмарных моментов, искусственная гравитация флагмана справлялась со всеми перепитиями битвы, оберегая и защищая корабль и команду от решительного воздействия перегрузок, возникающих из-за ударов, наносимых противником. Только один раз гравитация «Симметрии» изменилась настолько, что люди были раскиданы по углам, и прокатившаяся волна локальных и гравитационных сил была настолько велика, что вызвала серьезные потери экипажа, несмотря на защиту скафандров. Но это было на другой палубе, вдали от командного пункта.

Хейвот взвешивал свои шансы. Он хотел избавиться от одного из офицеров СЧ или даже от обоих сразу. Конечно, при условии, что никто об этом не будет знать. Но его основная цель состояла в том, чтобы точно удостовериться: Бекки будет хранить молчание. Она была единственным человеком на борту, кто знал содержание этого чертова шифрованного донесения.

Как только присутствие берсеркеров на корабле подтвердится, все, что произойдет, может быть свалено на них. Если бы он мог извлечь ее из скафандра, то подошел бы и нож для расправы, как впрочем и любое более впечатляющее оружие высоких технологий,— вряд ли кто-нибудь станет исследовать раны после ее смерти.

Ножи могут подождать. А пока Хейвот с убийственным спокойствием, которое в отчаянных ситуациях удавалось ему сохранять, ожидал благоприятного момента, чтобы расправиться с сотрудниками СЧ. Это его состояние мнимой безмятежности его враги называли нечеловеческим.

Услышав по корабельному радио, что после очередного обмена орудийными залпами берсеркеры высадились на борту судна, он испытал тихую радость. Предполагалось, что внутрь внешнего корпуса проникло, по крайней мере, три вражеских аппарата.

По внутренней связи Хейвот услышал, как кто-то всхлипнул. Он предположил, что это мог быть Аринари. Большая часть членов экипажа, кто еще оставался в живых, продолжали спокойно выполнять свои прямые обязанности, о чем можно было судить по их голосам, кратко обменивавшихся информацией.

Новое донесение. Охваченный ужасом человеческий голос, тяжело и отрывисто дышащий, словно говорящий находился при смерти, по каналам внутренней связи объявил, что одна из дьявольских машин двигается по коридору в направлении командного пункта.

Спокойно, ни о чем не думая, подчиняясь своему телу, Хейвот освободил крепления своего кресла. Он встал, усиленные соединения его тяжелого скафандра

легко подняли его на ноги, карабин в его руке занял боевое положение. Рюкзак на спине, в котором помещалась компактная водородная силовая лампа,— мощности ее хватило бы для того, чтобы остановить несущуюся подземную электричку — как только он поднялся, аккуратно лег на место.

Правила строго-настрого запрещали пассажирам покидать кресла во время боевых действий, и было естественным то, что, соблюдая их, Бекки и двое людей СЧ, ревностные исполнители закона и порядка, задержались в своих креслах несколько дольше.

Но мгновение спустя Бекки тоже соскользнула со своего сиденья, исполненная решимости находиться рядом со своим любимым.

Сначала Гейзин, а за ним и Аринари, последовали ее примеру.

Хейвот жестом властно приказал им отступить назад. Направив карабин в нужном направлении, Хейвот спокойно, как только позволял ему его тяжелый костюм, занял положение, из которого мог поразить любую цель, появись она в дверном проеме.

Посылая едва слышимую звуковую команду своему маленькому встроенному в скафандр электронному мозгу, он повысил чувствительность внешних микрофонов. Теперь он мог слышать медленное приближение берсеркера. В коридоре что-то передвигалось, подходя все ближе и ближе, скользя на разбитых и слегка похрустывающих обломках, подавшись вперед и замерев, словно для того, чтобы осмотреться и прислушаться. С той позиции, где это находилось, была видна дверь командного пункта.

Хейвот нисколько не сомневался в том, что эта приблизившаяся машина, убьет его, если он не сумеет опередить ее. Любая полуиспеченная сделка, которую он мог или не мог заключить на поверхности астероида, давным давно канула в лету, растворилась в дымке фантазий. Если берсеркеры действительно собирались включить его в свой список гудлайфа, то должны были немедленно выйти на связь и сказать ему об этом, и предложить ему более понятную и ясно сформулированную сделку.

Машина-убийца в коридоре продвинулась вперед еще на один сантиметр, на этот раз остановившись в каких-нибудь четырех метрах от того места, где затаился Хейвот. С такого близкого расстояния он мог видеть, что боковая поверхность ее передней части была значительно повреждена, отдельные места были расплавлены и только начали покрываться тонкой корочкой, и не будь его кожа защищена скафандром, то была бы немедленно обуглена. Вдруг на максимальной скорости, которую она еще могла развить, машина ринулась к неохраняемой двери командного пункта.

Альфатриггерный луч быстрее человеческой мысли стремительной молнией вырвался из карабина Хейвота. В мгновенье ока лезвие света, скользнув по обшивке берсеркера, срезало ее, как фруктовую кожуру, подняв фонтан взрыва. На полпути к заветной цели монстр был остановлен.

Пассажиры были повергнуты в ужас, но двое из них тоже открыли стрельбу из своего оружия, раздирая твердую оболочку уже умерщвленного берсеркера на более мелкие части. Лучи, отражаясь от обработанной поверхности стен и палубы, сверкающих скафандров возвращались назад, не причиняя людям и кораблю никакого вреда.

Хейвот понял, что настал его шанс. В стрелявших клубах дыма и пара, поднимавшихся от поверженного противника, отошел он за спины облаченных в скафандры людей, отыскал фигуру Бекки и, приблизившись к ней, изо всех сил швырнул в ее защищенную спину гранату.

Фигура в доспехах дернулась, лицевая пластина костюма на секунду вспыхнула ярким прожектором; ударная сила гранаты, обращенная в одну направленную струю, пронзила скафандр и вызвала вторичный взрыв, которого вполне было достаточно, чтобы убить находящегося там человека.

Обернувшись, чтобы узнать нет ли у него возможности справиться еще с кем-то из людей СЧ, опешивший Хейвот увидел тревожное лицо Бекки, глядевшее на него из другого шлема.

Гейзин тоже был здесь, живой, Тогда Хейвот понял, что потерял свой шанс, убив не того человека, не представлявшего для него никакой опасности, обыкновенного трусоватого бюрократа. В этом лежащем на полу, булькающем, пышущем жаром скафандре, мог находиться только Аринари. А Бекки Танарат, будь она проклята, стояла тут же целая и невредимая и ужасно счастливая за него, что из своей рукопашной схватки с берсеркером он вышел победителем и без единой царапинки.

Из коротких фраз, которыми обменялись двое, Хейвот понял, что в смерти человека они винили только берсеркер. Теперь ситуация для него стала немного спокойней. Нужно будет немного подождать прежде чем свою следующую гранату он использует против Бекки.

Испытывая возбуждение от страха и смертельной опасности, Хейвот был охвачен дикой жаждой ощутить в своей руке нож. Почти наверняка у Принсепа в его тщательно подобранной коллекции кухонных ножей можно будет отыскать так необходимое ему холодное оружие.

Проверив заряд в своем карабине, Хейвот вышел из комнаты и двинулся вдоль коридора. Кто-то окликнул его по радио, но он лаконично ответил, что хочет провести разведку.

Спустившись на одну палубу вниз, он прошел крадучись в обезлюдевший камбуз, где был совершенно сражен тем большим выбором ножей, висевших на подставках и брошенных лежать на деревянных разделочных досках среди мяса и фруктов. Поспешно схватив самый большой из них, который мог укрыться в карманах его скафандра, он пошел назад.

Конечно, нож был не слишком подходящим средством, пока агент Танарат будет ходить в своем космическом скафандре, и, конечно же, она с ним не расстанется до тех пор, пока не завершится сражение,— если к тому времени она будет еще жива. И Хейвот начал раздумывать над другими возможностями: например, толкнуть ее в объятия берсеркера. Но даже и ее смерть,

вряд ли, сможет совершенно успокоить его. Он подозревал, что копия изобличающей его информации могла все же присутствовать на корабле и ждать, когда ее расшифруют. Ему предстояло обыскать мертвое тело Бекки, если это будет возможно, и ее каюту.

Из последних данных уцелевшей аппаратуры отсека, контролирующего понесенный ущерб, было известно, что на борт «Симметрии» проникло от двух до четырех небольших абордажных машин берсеркеров. Теперь предполагалось, что все они, за исключением, может быть, одной, после жестокой схватки, нанесшей интерьеру судна значительный материальный ущерб, были уничтожены.

Но никто не представлял себе, где мог находиться единственный уцелевший штурмовик берсеркера.

Тем временем флот людей и крупные берсеркеры продолжали обмениваться огнем из крупнокалиберного оружия. К настоящему моменту ход «Симметрии» был значительно замедлен, внешний и внутренний корпуса повреждены.

Хейвот, захватив нож, снова отправился к командному пункту. Люди, которых он встречал по дороге, были мертвы, ни одного берсеркера он не встретил. Когда он вошел в пассажирский отсек, то обнаружил, что Четвертый Путешественник, *облаченный в собственный космический скафандр*, присоединился к остальным.

Хейвот в стиле, который, на его взгляд, походил на военный, сообщил Принсепу, что он поразил одну из машин берсеркера,— никак не упомянув о нежелательной человеческой жертве,— добавив при этом, что находится на месте и готов к выполнению любого задания.

Принсеп, у которого забот и без того было выше головы, только взглянул на него и кивнул.

Все шло нормально. Хейвот, покинув командный пункт, прошелся немного по коридору, чтобы проверить нет ли поблизости еще одного металлического убийцы. Борьба ему нравилась гораздо больше, чем он мог ожидать.

А между тем Принсеп, все еще не встававший со своего командирского кресла, в окружении значительно поредевшего количества штабного персонала по внутренней связи старался вызвать членов команды. Результаты были удручающими. В разных частях корабля находилось не так уж много людей.

Что-то заставило Хейвота поднять голову, и он обнаружил, где находился последний берсеркер. Гораздо более шустрый, чем его предшественник, он появился, Бог знает откуда, прямо перед входом в командный пункт. Он сбил, облаченную в доспехи фигуру Хейвота с ног прежде, чем тот успел вскинуть оружие в боевое положение. В следующее мгновение берсеркер выбрал свою собственную цель и поразил Бекки Танарат, которая почти подняла свой карабин.

Следующий выстрел, мощь которого могла пробить земные доспехи, долей секунды позже был направлен на Принсепа, в своем командирском кресле представляющем поразительную мишень. Но снаряд промчался мимо, всего в нескольких сантиметрах от командора. Он, без сомнения, убил бы его, если бы не Четвертый Путешественник, он бросил свое укрытое скафандром тело прямо под ноги машины. Руки-захваты, словно лопасти пропеллера, изрубили и разорвали его костюм и его живую плоть.

Хейвот был жив. Из распластанного положения на спине он открыл огонь из своего альфатриггерного оружия и, перебив ноги берсеркера, минутой позже поразил что-то жизненно важное в его корпусе.

Наступила гнетущая, звенящая в ушах тишина.

Медленно упираясь спиной в стену и держа оружие наготове, Хейвот стал подниматься на ноги. Доспехи спасли ему жизнь. На мгновение он был оглушен, но никаких настоящих ран не было.

Повсюду валялись мертвые тела людей. Хейвот видел, что Бекки тоже была среди них; в тот момент это едва интересовало его. Между поверженных тел и разбитой техники начал он пробираться назад в командную

рубку. Принсеп все еще восседал в своем командирском кресле. Он, выживший пилот и все еще невредимый суперинтендант СЧ смотрели на Хейвота с каким-то священным ужасом.

Шли минуты, снаружи флагмана продолжал бушевать огонь сражения, звенел металл, оглушительно бухали тяжелые снаряды, волны боя то приливали, то снова отступали.

Командор с мрачным видом выслушивал сообщения о потерях, понесенном ущербе и прочих несчастьях, которые продолжали поступать со всех палуб.

Прошло еще несколько минут, сообщения о потерях продолжали поступать. Тем временем еще живые люди и невыведенные из строя машины отчаянно боролись с имеющимися на борту повреждениями, определяя позиции врагов, заряжали орудия и усиливали мощность защитных экранов.

Связь между регулярными силами флота стала непостоянной. Время от времени из-за сущего ада всякого рода излучений в ближайшем к кораблям пространстве контакт прерывался и не восстанавливался на протяжении нескольких секунд. Но конструкция шифровальщиков и передатчиков позволяла им работать даже в сущем аду, поэтому бывали моменты, когда плотные пачки информации все же прорывались к ожидавшим их людям. Несколько судов человеческого флота подверглись испарению, в то время как другие грозили врагу уничтожением.

Компьютерный мозг флагмана с невозмутимым спокойствием дал свою оценку последним событиям, сообщив, что половина сил противника отступила, должно быть, для того, чтобы изменить тактику.

Тем, кто выжил, показалось, что сражение длилось целую вечность, на самом деле эта битва, если исходить из боевой мощи сторон, была короткой — не более пятнадцати минут. Но было уничтожено несколько берсер-

керов. С другой стороны, потери включали утрату половины судов, а уцелевшие потерпели значительные повреждения.

Теперь существовала опасность, что берсеркеры могли получить подкрепление.

В любом случае сигналы с дружественных судов стали один за одним угасать и вскоре совсем пропали. В арене сражения они тоже исчезли.

Принсеп выразил надежду, что хотя бы некоторым из земных кораблей, все же удалось спастись; помехи в космосе мешали отличить их отступление от физического уничтожения.

Хейвот держался одной рукой за стойку на всякий случай: вдруг искусственная гравитация корабля снова даст сбой. Он чувствовал внутреннее спокойствие.

— Что мы будем делать теперь, шеф? — поинтересовался он. И снова Принсеп едва взглянул на него.

«Ничего страшного»,— равнодушно подумал Хейвот.

Чтобы избежать возможной западни, командующий флотом приказал людям и оптико-электронным пилотам совершить очередной прыжок вперед.

Прежде, чем за иллюминаторами растворился нормальный космос, несколько уцелевших на борту людей смогли заметить, как несколько алчущих крови берсеркеров, едва различимых на приборах корабля, ринулись за своей убегающей жертвой, но вместо нее только столкнулись с почти неуловимыми частицами и испарились сами по себе, не сумев, по-видимому, выйти из боевого состояния.

Тем или иным образом «Симметрия» с повреждениями на борту и, со свистом теряя из некоторых отсеков воздух, все же перенесла этот прыжок к свободе. На своем борту продолжала она нести чувствующего себя в относительной безопасности Хейвота, горстку других уцелевших людей, половина из которых были ранены.

Поврежденные двигатели работали на пределе, ста-

раясь из последних сил сохранить хороший ход корабля. Компьютеры, отвечающие за повреждения на судне, занялись ремонтом корпуса.

Флагман не только выжил, но и сумел постепенно вернуть потерянную скорость, мощность и маневренность, чтобы прорваться через несколько засад.

Тела мертвого Кармпана и нескольких землян все еще оставались лежать в командирской рубке и соседних с ней комнатах.

Пилот, лейтенант Тонгрес, сообщила:

— Командор, насколько я понимаю, мы вернулись к старому маршруту.

Командор, впервые за это время, выглядевший, изможденным, усталым голосом спросил:

— Есть ли еще берсеркеры впереди нас?

— Пока не видно. Но из-за пыли вообще трудно что-либо различить, так что впереди они еще вполне могут оказаться. Вообще-то сильно сомневаюсь, что это были силы, с которыми мы столкнулись.

— Слава богам космоса, что пока нам удалось уйти, надо залечить раны, подсчитать потери.

В отдаленной части корабля кто-то по каналу внутренней связи посылал отчаянные просьбы о помощи.

Айван Принсеп, наконец, пришел в себя и начал действовать. Впервые с начала сражения он отстегнул ремни от кресла и *отправился познакомиться с состоянием* корабля. Живые были *заняты делами, кто выполнял* свои прямые обязанности по управлению кораблем, кто оказывал помощь раненным.

Хейвот, не получивший ни царапины, почти с радостью вызвался сопровождать командора в качестве телохранителя на случай, если на корабле еще скрывались штурмовики берсеркеров.

Принсеп в знак согласия кивнул.

21

Вскоре нашел подтверждение пугающий факт: начиная с нынешнего положения флагмана в густом веществе туманности открывался коридор, дающий относительно чистый проход. Этот грубый тоннель относительно чистого пространства вел в том же направлении, которым следовал их враг.

Пилот флагманского корабля, лейтенант Тонгрес изумилась:

— Вы только посмотрите. Он выглядит так, словно его искусственно проделали здесь.

— Похоже,— нехотя согласился младший офицер Дайнант. Но выполнение подобной работы на этом уровне развития технологий не представлялось возможным, также ничего не было известно о похожих природных феноменах.

— Я бы не удивился, если бы в этом коридоре вдруг появился берсеркер «Дирак», преследуемый самим премьером,— продолжал он.

— Я бы тоже не удивилась.— Тонгрес перешла на канал внутренней связи.— Командор, вы здесь? Сейчас выясняется, что мы больше пострадали, чем казалось на первый взгляд. Двигатели, щиты... Всего не перечислить.

Кроме пары все еще живых офицеров в командном пункте уцелели голографические панели, которые теперь с шипением извергали белые дыры непонятных и невозможных в виртуальной реальности образов. Мониторная система, как и все остальные системы корабля, вероятно, также была повреждена. Электричество нужно было экономить, изыскивая все возможности.

Наконец из внешних громкоговорителей донесся сильно измененный, изрядно исковерканный связью, голос командора:

— Делайте, что в ваших силах. Я вернусь через минуту. Боюсь, что у нас будут проблемы с раненными. Похоже, что ни одного целого медробота на борту не осталось.

Вскоре Принсеп, сопровождаемый безмятежным Хейвотом, появился в командной рубке. Людей с серьезными ранениями они даже еще не трогали, хотя помощь требовалась им срочно.

Повернувшись к командору, пилот спросила:

— Я думаю, что корабль сумеет перенести еще не больше одного прыжка, сэр. Будем пытаться или задержимся здесь?

Вздохнув, командор погрузился в свое разодранное кресло.

— Будем пытаться. Но сначала нам нужно оглядеться, отдышаться, посмотреть: уцелел ли хоть один корабль из наших регулярных сил. И только потом, и если мы действительно остались одни, мы возьмем этот барьер. Ничего другого нам не остается.

Хейвот уселся неподалеку. Теперь вокруг было много пустых сидений. Он с интересом наблюдал за происходящим.

Младший офицер Дайнант спросил:

— Куда мы следуем и как далеко?

— Мы следуем вперед и только вперед вдоль коридора, который вы мне показали.— Принсеп неловко кивнул шлемом в сторону движения корабля.— Расстояние пусть выбирает автопилот. Мы знаем, что позади нас берсеркеры, а что впереди и по сторонам, мы видим. В глубинах этой пыли *нет для нас ничего интересного.*

Действительно в этот момент через открытые иллюминаторы было видно, что флагман, словно застыл в неподвижности в этой чащобе пыли и плазмы. В нескольких направлениях были видны завихрения, которые для земного наблюдателя с хорошим воображением могли показаться земной грозой, просто разросшейся до планетарных размеров. Темные тучи мерцали, освещаемые вспышками электрических разрядов.

Во всех направлениях, кроме прямого курса, тянулись щупальцы Мавронари, густая пыль, сквозь которую почти не были видны звезды. Словно огромные черные руки распростерли свои объятия, готовые удушить в них отважившихся проникнуть сюда людей. Отсюда даже Керн был едва различим невооруженным глазом и его

было видно лишь тем, кто точно знал его местоположение. Только за кормой корабля оставалось пространство с обычным видом Галактики и звезд.

— Где наш остальной флот?

— Есть вероятность, что мы сможем встретиться с ним где-нибудь впереди.

Постепенно Хейвот, прислушиваясь к профессиональному жаргону команды и не забывая держать под контролем дверной проем, стал понимать, что происходит. Командор не удрал от космического боя; приказав совершить тот последний прыжок, он надеялся, что и другие корабли, или хотя бы некоторые из них, взяв световой барьер, тоже избежали засады. Вероятность, что хотя бы два судна предприняли такую же попытку, была. Сейчас флагман приближался к той позиции, где мог бы повстречаться с уцелевшими остатками своего флота.

Принсеп и оставшисся в живых члены его команды стали пытаться установить контакт с другими кораблями, но пока безуспешно.

Посоветовавшись с Дайнантом, единственным выжившим астронавтом, командор решил, что надежда воссоединиться с флотом и его остатками была возможной.

— Они могут находиться только впереди, если еще живы. Если их там не окажется, значит, наверняка, они все мертвы.

— Итак, очередной прыжок.

— Да.

— Есть, сэр.

Вновь космическое пространство сомкнулось... Все, кто еще мог, кроме тяжелораненных, которых не трогали с места,— собравшиеся вместе в командном пункте, издали общий вздох облегчения — последний прыжок, последняя надежда.

Они только что преодолели последний световой барьер, на который был еще способен их сильно потрепанный в бою военный корабль. Двигатели, которые вынесли их из нормального пространства и снова вернули в него, работали нормально.

Но куда это возвращение бросило их? В какой-то мрачный тоннель, наполовину забитое ответвление пролегающего в туманности коридора, из которого они этот прыжок совершили.

Корабельный компьютер проворно выдал результаты расчетов: последний прыжок помог им преодолеть миллионы километров. Но, что было более важным, флагман теперь был не один. Даже такой неопытный наблюдатель, как Хейвот, находившийся в командном пункте, мог понять это по показаниям приборов.

Объект, величиной с корабль,— вернее, несколько таких объектов,— лежали почти прямо по курсу на расстоянии, гораздо меньше межпланетного.

Уцелевшие орудия флагмана автоматически нацелились на самую большую цель, которая, как теперь увидел Хейвот, во много раз превосходила «Симметрию». И вновь, изучая эти монстровидные формы, ощутил он противоречивые чувства.

Мгновение аппаратные и программные системы земного корабля хранили молчание. Враг тоже не открывал огня.

При сильном оптическом увеличении мишень быстро превратилась в двойной объект. Больший компонент ее, достаточно крупный, чтобы быть даже огромным берсеркером, доминировал над малым и находился немного дальше от него. Позади малого объекта, но не далее, чем в двух километрах от него, строго на той же линии, висел третий объект, самого маленького размера.

В течение секунд этот последний силуэт с помощью старой записи из архива был идентифицирован как вооруженная яхта премьера Дирака. «Фантом» следовал за тем объектом, который был, вне всякого сомнения, берсеркером «Дирак», все еще связанным с биологической исследовательской станцией, украденной им три столетия назад.

Ни у кого из горстки уцелевших людей, собравшихся в командной рубке, не было ни сил, ни времени, чтобы удивиться. Те запасы энергии, которыми они еще обладали, были призваны сейчас для того, чтобы сохранить свои собственные жизни.

Для этого появление еще одного берсеркера было вполне уместно. Кто-то убийственно спокойным голосом спросил:

— Интересно, кто-нибудь на судах жив?

— Скоро мы это выясним. Пока ни от одного из объектов, включая и берсеркер, не исходит никаких сигналов, кроме тех, что можно ожидать от подобных металлических тел в пространстве. Остаемся в боевой готовности.

— Принято. Мы приближаемся к ним, сэр.

— Хорошо, продолжаем приближение. Приготовьтесь...— Командор пока не чувствовал себя обязанным объяснять мотивы своего решения, если, конечно, это можно было назвать решением. Вряд ли, у них был какой-либо выбор.

Причиненный урон материальной части, балансирующий на грани истощения всех ресурсов, уже был понятен всем выжившим офицерам корабля и их компьютерным помощникам. Степень не поддающихся восстановлению разрушений была такова, что запасов энергии хватало лишь на ежеминутное поддерживание жизни людей, находящихся на борту.

— Нам сейчас только не хватало еще одного сражения,— суперинтендант Гейзин высказал мысль, которая и так была очевидна, поэтому комментариев не последовало.

Но вскоре заговорил Принсеп:

— Я больше не ищу сражения. Я ищу способ, как остаться в живых, выбраться. Я полагаю, что мы натолкнулись на берсеркер «Дирак». И тот факт, что он до сих пор не выстрелил в нас дает мне смелость предположить, что он мертв.

— И, если тот объект, который находится по эту сторону берсеркера и в самом деле та пропавшая биостанция, то мы могли бы попытаться высадиться на нее и попробовать найти там необходимую помощь. Я не знаю, что еще можно предпринять, но шанс может у нас и есть.

Через час израненный флагман подошел к этим объектам так близко, что их разделяло всего несколько сотен километров. Над всей этой группой доминировал огромный, темный, молчаливый, но все же ужасно зловещий силуэт берсеркера.

Все со страхом наблюдали, ожидая вспышек орудий, резкого маневра или любого другого проявления враждебности. Но по неизвестной причине ни того, ни другого не происходило. Единственная перемена заключалась в том, что все три объекта стали видны более отчетливо.

— Этот берсеркер,— наконец, лаконично произнес Принсеп,— чертовски огромен.

— Да, сэр, это точно берсеркер, или во всяком случае он им был,— с надеждой добавила лейтенант Тонгрес.— Полагаю, что мы можем это утверждать, поскольку рядом все эти объекты, история соединила их навечно.

— Да.

Хейвот, наблюдая и прислушиваясь, размышлял над тем, какая связь могла существовать между таинственной полуразрушенной грудой маячившей впереди и смертоносной машиной, которая едва не прикончила его на поверхности Иматры?

— Подготовьте орудия к бою,— приказал командор. Но не смотря на настоятельные требования команды нанести удар первым, он отказался нажать на спусковой крючок и отдать приказ о нападении.

Командор Принсеп отдал команду на сближение с группой аппаратов. В то время как двое членов его команды вместе с функционирующими корабельными роботами были заняты контрольной проверкой повреждений, уходом за ранеными и старались срочно отремонтировать системы жизнеобеспечения и вооружения.

Детальное изучение ситуации подтвердило, что ремонт двигателей и силовых систем невозможен. И паллеативные меры, предпринятые для поддержания жизнеспособности всего остального оборудования, так же бу-

дут тщетными, самое большое — корабль мог продержаться еще несколько часов.

— Флотский командор Принсеп! — столь официально обратился к нему сам гибнущий корабль.

— Да, это действительно мое имя,— тихо ответил капитан,— но у меня нет больше флота.

— Очень вам рекомендую отдать приказ покинуть корабль.

— Принимаю предложение.

Командор все же медлил отдавать этот приказ. Раздался механический голос с палубы, где лежали раненные, призывающие о срочной помощи. Он продолжался до тех пор, пока один из людей в командном пункте, будучи не в состоянии оказать какую-нибудь помощь, не отключил систему.

В этот момент командор с помощью приборов пытался получить лучшее оптическое изображение станции. Еще не потеряв самообладания, но близкий к отчаянию, Принсеп не знал, что делать. Фантастической оставалось надежда, что, возможно, они смогут найти какую-то функциональную помощь для своего корабля на борту захваченной биостанции, конечно, при условии, что гигантский берсеркер действительно такой безжизненный, каким кажется.

— Объект, подобный этому, предназначенный для биологических исследований, непременно должен иметь на борту медроботов. Правда ведь? — слова его показались почти мудрыми.

Тонгрес возразила:

— Сэр, я полагаю, такие устройства и в самом деле находились на борту триста лет назад. Но то, что может быть там сейчас — это берсеркеры, если вообще там что-нибудь есть.

Принсеп от безысходности только пожал плечами:

— Все же, если там окажутся такие штуки, мы могли бы взять их с собой. В одном я могу заверить вас совершенно твердо, всех вас, если мы будем сидеть на корабле сложа руки, то через несколько часов умрем. В лучшем случае через день или два.

— Мы должны покинуть корабль, сэр?

— Давайте не будем спешить, я хочу погрузить раненных в спасательную шлюпку, и если противник действительно наблюдает за нами, я бы не хотел, чтобы он видел, как мы покидаем корабль.

На борту флагмана имелись неповрежденные спасательные шлюпки, которые могли помочь им выжить в течении нескольких дней, но, к сожалению, они были не пригодны для возвращения домой.

Теперь у них были все основания ожидать, что в течении нескольких часов, или в лучшем случае суток, произойдет неконтролируемая самоликвидация военного корабля. Зная об этом, командор, погрузив раненных в одну из спасательных шлюпок, даже не стал беспокоиться о том, чтобы запрограммировать «Симметрию» на самоуничтожение. Агонирующая, она уже не представляла ценности для неприятеля, даже если он ее и захватит. Принсеп самолично проверил, чтобы системы кодирования и шифровки, а также несколько других секретных программ были стерты.

Шли минуты, сближение продолжалось медленно, но верно. Чем ближе подходили они к цели, тем явственнее становилась заметной зловещая природа дальнего объекта. Ошибки быть не могло. Более близкие суда были слишком малы, чтобы скрывать его. Эта самая дальняя из трех форм выявлялась с окончательной ясностью — если еще требовались дополнительные доказательства — что был берсеркер гигантских размеров. Он был так огромен, что мог справиться со всем флотом Принсепа за одно сражение, если только его мозг убийцы и арсенал вооружений еще работал, судя по его внешнему виду он сам тоже вынес адскую битву.

Корпус его ощетинился стволами орудий. Было видно, что гигантский полуразрушенный враг когда-то и сам был в строю и занимал позицию, хотя и не самую лучшую, чтобы встретить приближение любого противника со стороны кормы. Но по неизвестной причине оружия берсеркера продолжали, несмотря на приближающийся потрепанный в боях флагман, хранить молчание.

Дайнант объявил:

— Сэр, замечено какое-то мощное силовое поле, связывающее берсеркер со станцией.

— Поле, подобное этому, может быть реликтовым. Разве я не прав? Я хочу сказать, что оно может существовать локально вблизи объектов, к которым оно было приложено в течении неопределенного времени, даже после того, как машина, его создавшая, вышла из строя.

— Возможно, и так, сэр. Двигатели Берсеркера, несомненно, еще работают, развивая очень низкую, но постоянную мощность. В настоящий момент этого усилия достаточно только для корректировки курса. Поле для осуществления буксировки, может быть генерировано самим двигателем или какой-то другой автоматической системой. У нас еще есть надежда, что мозг этого берсеркера мертв.

И яхта Дирака, и берсеркер носили следы значительных повреждений, в то время как станция, во всяком случае с этого расстояния, казалась целой и невредимой. Некоторые из ран, нанесенных берсеркеру, судя по тепловому излучению и выбросу различных элементов и компонентов, исходящему из пробоин и царапин, были довольно свежими.

Скорость рассеивания тонкого облачка едва уловимых останков, дрейфующих в ближайшем пространстве, свидетельствовала о том, что они не могли быть такими уж давними. Несомненно, эти свидетельства кое-что да значили

— Откуда, черт возьми, они могли здесь взяться?

В командной рубке возникло некоторое возбуждение. Командор, видя эти признаки недавнего сражения, сказал:

— Должен заметить, что отдельные наши корабли все же забрались в эти глубины, где и нарвались на противника.

— Тогда где же находятся сейчас наши остальные корабли?

— Раз их здесь нет, очевидно, они не пережили сражения.

— Если только не решили, что это непосильная для

них работа и не бросили все, отправившись домой.

Как бы то ни было, но помощи теперь ожидать было не откуда.

Люди, находившиеся на борту военного корабля, который медленно сближался с берсеркером, теперь могли получше разглядеть биологическую станцию. Все ее отличительные признаки абсолютно совпадали с изображением космической лаборатории, которое хранилось в старых записях с Иматры. По прошествии трех столетий наружный корпус станции, казалось, совершенно не пострадал, хотя имел царапины, которые могли являться следствием взрыва в ближайшем космосе.

Автопилотом корабля была снижена скорость сближения до нескольких километров в минуту. Земляне могли получше взглянуть на силовые поля, удерживающие берсеркер и лабораторию в связке. Дальнейшие наблюдения подтвердили мнение о том, что эти поля имели реликтовое происхождение.

Плавное снижение скорости корабля, на которое только были способны его доживающие свой век двигатели, продолжалось.

Маленькая триада, включая и приблизившийся к ним военный корабль, теперь относительно туманности двигались очень медленно.

Яхта Дирака, к которой приблизились теперь пришельцы, была *идентифицирована вне всякого сомнения.* «Фантом» дрейфовал с постоянной скоростью где-то на границе поля, что связывало два объекта, и хранил такое же бесстрастное молчание. Возможно, предположил кто-то, яхта совершенно случайно приблизилась к ним и теперь буксировалась вместе со станцией.

— Скорее всего премьеру Дираку все же удалось их нагнать,— проговорил кто-то.

Под неусыпным наблюдением единственного выжившего пилота флагман сумел плавно подогнать скорость к скорости когда-то славного судна Дирака.

Младший офицер Дайнант, оставшийся в живых астронавт, попытался дать правдоподобное объяснение по-

явлению флагмана из космоса поблизости от трех античных машин. Суть объяснения состояла в том, что коридор, проложенный в туманности, позволял развить максимальную скорость при минимальном сопротивлении. Распределение вещества и силовых полей в близлежащем космосе и летном пространстве было таково, что любое путешествующее в этих местах судно непременно должно было попасть в этот канал, представляющий собой своеобразную тропу. Другого пути просто не было.

Тем временем флагман вошел в зону видимости, но яхта, берсеркер и биолаборатория продолжали хранить девственное радиомолчание, ни один из них не подавал никаких сигналов.

Наконец командор Принсеп издал нечто похожее на вздох облегчения.

— Теперь, мои дорогие, вы, как и я, можете видеть, что берсеркер, похоже мертв. Но насколько нам известно, несколько бандитов буквально наступали нам на пятки, когда мы совершили этот последний бросок. Если попасть на эту тропу так чертовски легко любому судну, нужно полагать, что с минуты на минуту они тоже могут здесь объявиться. Боюсь, что нам следует иметь в виду, что они могут попытаться это сделать.

— Не будет ничего удивительного в том, сэр, что берсеркеры, от которых мы только что удрали, непременно появятся здесь. Если, конечно, среди них остались еще работоспособные.— Младший офицер Дайнант, бывший уже ветераном войны к моменту настоящего путешествия, замолчал.— Боже, командор, ведь это было сражение.

— Согласен с вами, молодой человек. Но, как нам всем известно, наши уцелевшие противники не были этим обескуражены. Они сделают все возможное, чтобы найти наши следы и отправиться по ним на поиск. Так не мешало бы нам встретить их в полной боевой готовности.

— Сэр,— заговорила лейтенант Тонгрес,— потерялись не только наши корабли, их силы тоже изрядно потрепаны.

— Я тоже так думаю. Но если учесть тот фанатизм, с которым они преследовали три столетия назад эти объекты, то не думаю, что они до сих пор не остаются при исполнении этого задания. Но должно быть составляющая их сил каким-то образом перелетела дальше или сбилась с пути, поскольку их нет здесь, что является для нас маленькой толикой удачи.

Суперинтендант Гейзин был настроен менее оптимистично:

— Верится с трудом.— Он давно ничего не говорил, и все повернули к нему головы.

Хейвот тоже не промолчал:

— Нам не избежать прежнего вопроса: что было такого чертовски привлекательного для берсеркеров в этой крысиной гонке? Какова их цель?

Командор покачал головой:

— Мы можем только догадываться об этом. Но непосредственная цель берсеркеров, по-моему, была только что подтверждена. Я думаю, что они просто старались во что бы то ни стало догнать этот маленький парад, античный компонент этой крысиной гонки, если выражаться вашими словами.— Он кивнул в направлении работающей голографической панели, на которой в миниатюре представлены изображения трех объектов.

— И что будет тогда, когда они нагонят?

— Тогда, возможно, если мы еще не покинем эту сцену, мы увидим все воочию. Во всяком случае загадка их поведения вот-вот будет разрешена.

Возвращение к старой, навязшей в зубах, теме дало уцелевшим землянам возможность о чем-то говорить, отвлекло хоть немного от мыслей о собственной безвыходной ситуации.

Младший офицер Дайнант попытался было возражать:

— Я все же настаиваю на том, что какой бы ни была цель преследуемых нами берсеркеров, она не могла заключаться только в том, чтобы догнать Дирака и его яхту. Берсеркеры ни за что не свернули бы успешно развивающуюся атаку только ради того, чтобы догнать человека, который три столетия назад погнался за их

собратьями, человека, у которого не было в настоящем ни флота, ни власти...

Теперь настал черед Тонгрес возразить:

— Хорошо. Тогда скажите мне, за чем или кем гнались они, если не за Дираком и его яхтой?

— Согласен, что альтернативы вроде нет. Но вероятность может заключаться и в том, что берсеркеры хотят завладеть биологической исследовательской станцией, битком наполненной пренатальными образцами человеческой жизни, эффективно замороженными еще задолго до исчезновения Дирака. Третья вероятность, которой лично я отдаю предпочтение, состоит в том, что берсеркеры стремяться догнать свои собственные машины, но не спрашивайте меня: почему? Вот и появилась альтернатива. Но мы только гадаем... Черт возьми, из этого больше ничего нельзя высосать.

В нервном напряжении горстка выживших людей с помощью преданных им машин, которые еще могли функционировать, сканнировали обозреваемое пространство во всех направлениях, со страхом ожидая нового появления врага. Но неприятель никак себя не проявлял.

Сенсоры и аналитические системы боевого корабля, как и большая часть оборудования, во время боевых действий были порядком испорчены, но все же в близлежащем пространстве на них отчетливо идентифицировались свежие, еще горячие осколки и быстро рассеивающиеся пылевые облака, указывающие на недавнее сражение. И характер некоторых повреждений на огромном берсеркере, детали которых при длительном наблюдении стали более отчетливо видны, однозначно свидетельствовал об их недавнем — не более нескольких часов — происхождении. Раны берсеркера были еще горячими и дымящимися, с активно проходящими в них биохимическими процессами.

Командор Принсеп продолжал сохранять непреклонную решимость действовать.

— Сначала мы исследуем яхту. Я сам хочу возгла-

вить группу высадки. Если в результате этой вылазки мы останемся живы, но не сумеем раздобыть никакой помощи, то постараемся отправиться на биологическую станцию и испытать судьбу там еще разок.

— Высадка?

— Да, лейтенант, высадка. Вы можете предложить что-то лучшее?

Других предложений не было.

Жестом Принсеп приказал дисплеям выдать ему последние контрольные данные нанесенного ущерба.

— Боюсь, что у нас действительно нет иного выбора, если судить по состоянию наших двигателей и системы жизнеобеспечения. Если на борту яхты или станции мы сумеем найти функционирующих медроботов, то привезем их с собой. В этом случае у наших раненных появится хоть какой-то шанс. Не говоря уже о том, что, если двигатели яхты работоспособны — а насколько мне известно, это не исключено — у нас может появиться шанс вернуться домой.— Эти слова породили в присутствующих надежду.

Командор продолжал:

— Если мы не раздобудем помощь ни на одном из этих судов, тогда дышать нам осталось недолго...

Принсеп нисколько не колебался в вопросе: кого взять с собой на яхту. Он хотел, чтобы рядом с ним был Хейвот. Хейвот в знак согласия кивнул.

Принсеп добавил:

— Я думаю, нам не стоит сомневаться в том, что берсеркеры побывали на биостанции, но вряд ли такой вывод можно сделать относительно яхты Дирака.

Потом последовало обсуждение технических деталей, которые большей частью были непонятны Хейвоту, да он к ним и не прислушивался. Речь шла о природе силового поля, удерживающего все три древних объекта вместе,— насколько сильным оно могло быть в разных участках, и представляло ли какую-нибудь опасность для десантного средства и защищенных космическими комбинезонами людей.

Командор спокойно начал личные приготовления к отправке на борт яхты. Хейвот, минуту наблюдавший

за ним, последовал его примеру. Попытку высадиться на яхте они намеревались предпринять в одной из небольших спасательных шлюпок, не имеющую какого бы то ни было вооружения.

Существовало только два источника надежды, слабой, но вполне реальной: яхта и биолаборатория. Два из трех древних тел. Что касается третьего...

Командор про себя думал, что, вряд ли, кто по своей воле согласится отправиться на борт берсеркера, даже такого на вид безжизненного. По крайней мере, пока у них был выбор.

А если все-таки придется идти туда, то он верил в это, пойдет.

22

Хейвота, испытывающего чувство подъема, совершенно не волновало то, что могло произойти два или три часа спустя.

Больше всего его волновало настоящее и ему чертовски интересно было узнать, что же они увидят дальше. Помимо всего прочего, энергию ему придавало сознание того, что он, уничтоживший два берсеркера, в глазах своих товарищей теперь был героем. Похоже, что даже на суперинтенданта Гейзина это произвело впечатление. Вряд ли найдется планета, где он не был бы удостоен больших почестей, если, конечно, все облики, которые он принимал до Кристофера Хейвота будут забыты, и, если он и его товарищи останутся в живых.

По крайней мере сейчас любое обвинение его в деятельности гудлайфа выглядело бы нелепым. А, что касалось его внутренних сомнений по поводу того обязательства, которое, якобы, связывало с этими проклятыми машинами, то теперь он точно знал, что было лишь плодом воображения.

Хотя на его взгляд, командор не был в этом до конца уверен. Во всяком случае так казалось Хейвоту, по тому, как иногда этот человек пристально смотрел на него.

Ну и черт с ним! Он, Хейвот, не сделает командору ничего дурного. Находиться рядом с ним было для него приятным. Еще Хейвот понимал, что, если ему удастся выжить и вернуться в тот мир, что люди привыкли называть цивилизованным, кто-нибудь может представить его к медали, но ее принесут ему в... камеру. Реально он не мог рассчитывать на снисхождение. Ни одно человеческое общество не простило бы того, что он натворил. И сейчас снова был готов к новым приключениям, которые приготовила для него вселенная и которые ждали его в ближайший час.

А пока Кристофера Хейвота согревали те взгляды, которыми смотрели на него его оставшиеся в живых товарищи. Простое выживание было единственной целью всех еще уцелевших на корабле людей. В сложившейся ситуации он был героем, вернее самым подходящим человеком на эту роль.

По крайней мере, пока. Он знал, как быстро меняется отношение к человеку.

После небольшой паузы для короткого отдыха и подготовительных мероприятий он проследовал за Принсепом на палубу для полетов, которая, как и все остальные отсеки корабля, жестоко пострадала во время сражения, но на которой находилось две еще функционирующие спасательные шлюпки.

Двое мужчин в спасательной шлюпке и люди, оставшиеся на флагмане, продолжали с беспокойством бросать взгляды в направлении громадного берсеркера, вернее того, что когда-то им было. Вздымающаяся, полуисковерканная груда металла, по-прежнему, не давала никаких признаков жизни. И никто не мог сказать, следил ли он за шлюпкой, которая двигалась в направлении яхты.

«Фантом» — написано было на борту судна, к которому приближались Хейвот и командор. Древняя яхта Дирака была по размеру ничуть не меньше их потрепанного в бою корабля, но рядом с берсеркером она казалась карликом.

Примерно на середине пути к яхте внутри спасательной шлюпки возникло странное минутное молчание, во время которого мужчины обменялись взглядами и, казалось, достигли какого-то обоюдного взаимопонимания. Хейвот в глазах Принсепа видел страх, но поскольку рубикон был уже перейден, сам он страха не испытывал. Это состояние было обычным для Хейвота, когда он влезал во что-то, что обещало быть действительно захватывающим. Он был охвачен горячим желанием выполнить это задание, ему было интересно посмотреть: что могло быть на борту этой безжизненной, на первый взгляд, яхты? Ожидание реальной опасности подстегивало его, пьянило. А еще было нежелание умирать — тихо, пассивно, не сопротивляясь смерти. Лучше пуля, любые неожиданности, чем такое... Ему на минуту стало искренне жаль оставшихся на корабле.

Импульсивно он произнес:

— Я рад, что вы выбрали меня, дорогой командор.

Принсеп медленно кивнул:

— Я подумал, что тебе это должно понравиться. Кроме того, ты умеешь обращаться с оружием. Лучше, чем любой из нас. Сожалею, что Бекки... Я знаю, что тебе она была дорога...

Хейвоту стало не по себе от слов командора.

Принсеп проверил связь и, убедившись в том, что они никем не будут услышаны, отключил связь с флагманом. Потом спокойно добавил:

— Меня не волнует, Хейвот, что ты собираешься меня убить.

— Что?

— Конечно, не сейчас. Во-первых, я вижу, что ты вызвался сейчас идти со мной, и, во-вторых, слишком велики шансы, что очень скоро мы оба умрем. А пока мы являемся отличной командой — ты и я. И меня вовсе не волнует, что ты успел натворить прежде, чем попал на мой корабль, да я и не хочу этого знать.

— Убийство, командор? — Но, когда он произнес эти слова, то почувствовал всю их фальшивость. Именно в этот момент он был не в состоянии произнести их

с нужным впечатлением, он не играл, он не хотел дурачить командора и больше ничего не сказал.

Подвести маленькую спасательную шлюпку к яхте и отыскать один из воздушных шлюзов не представляло для них особого труда. Яхта тихо приняла их на свой борт.

Через несколько мгновений Хейвот и Принсеп уже стояли с оружием наготове внутри воздушного шлюза яхты. Внешняя дверь закрылась, заперев их там, а внутри стала приоткрываться. Здесь, наверняка, их ждет ловушка, первая ловушка. Когда дверь откроется, за ней будет прятаться берсеркер, готовый убить...

Но внутренняя дверь открылась, как ни в чем не бывало, тихо, и за дверью ничего не было. Только обычный коридор, хорошо освещенный, и, как показывали датчики их скафандров, с нормальным воздухом и обычной для корабля гравитацией.

Несколькими минутами позже, взяв хороший старт в исследовании судна, Принсеп и Хейвот не смогли обнаружить ничего такого, что не указывало бы на то, что яхта была оставлена совершенно мирно. Она была такой заброшенной, каким был бы любой корабль, на котором в последний раз были триста лет назад.

При первом осмотре судна создавалось впечатление, что жизни на нем не было давным-давно, хотя системы жизнеобеспечения «Фантома» все еще функционировали.

Это было в некотором смысле удивительно, как пробурчал командор. Компьютерный мозг яхты должен был отключить систему жизнеобеспечения после того, когда стало бы ясно, что на протяжении длительного времени ими не пользовались. Но этого почему-то не случилось. Это наводило на мысль, что кто-то или что-то отдало кораблю приказ не делать этого.

Корабельные системы с готовностью отреагировали, когда Принсеп вздумал провести первую проверку. Они сообщили пришельцам: «Двигатели не функционируют», но никаких объяснений не последовало.

Корабль с готовностью ответил и на другой вопрос о местоположении и работоспособности медроботов, показав им, как нужно было их отыскать с того места, где находились исследователи.

Продвигаясь по яхте, и Хейвот, и Принсеп замечали следы повреждений, нанесенных во время военного сражения.

Ангарная палуба была столь же пустынной, как и остальные отсеки. Малых средств передвижения не было.

Вскоре мужчины нашли дорогу к командному пункту яхты. Контратак берсеркера не последовало, также, как не было обнаружено никаких следов их пребывания на борту яхты. В этом месте Принсеп рискнул разделить их, более чем скромную поисковую партию, на две части. Хейвот отправился посмотреть на медроботов. Командор же, оставшись в командной рубке, начал проверку корабельных систем. Его совершенно не волновала мысль о том, что могли быть оставлены мины-ловушки, по сравнению с их отчаянной ситуацией, это было незначительным. Все свои силы он бросил на то, чтобы попробовать запустить двигатели и привести в боевую готовность орудийные системы.

Хейвот, не долго думая, пересмотрел свое задание и, не подчинившись приказу командора, проверил нет ли мин-ловушек вокруг командирской рубки. И только потом он двинулся по яхте, отыскивая следы медроботов. Двигался он осторожно, но решительно, ощущая всю полноту жизни. В эту игру он играл по-своему.

Направление, указанное корабельным мозгом, оказалось верным. Хейвот без труда нашел дорогу к узкому коридору, где была устроена стоянка медроботов. Там стояло пять аппаратов, похожих на гробы, на них всех были обозначены символы галактической скорой медицинской помощи.

С легким удивлением Хейвот заметил, что один из медроботов был занят. Подойдя поближе, он увидел, что тот выполняет работы по замораживанию. Хейвот бросил взгляд на нечеткое изображение замерзшего лица землянина, мужчины, которое едва виднелось из-под

прозрачной крышки. Он нажал кнопку и тут же прочел информацию о некоем Фулере Аристове, молодом человеке, который три столетия назад, по всей вероятности, добровольно вызвался посвятить жизнь выращиванию невинных молодых колонистов, что являлось частью какого-то грандиозного плана, разработанного Фондом Сардо.

— Тук-тук-тук, Фулер Аристов. Пора вставать. Вы не заплатили за аренду,— проговорил Хейвот, предусмотрительно отключив передатчик. Произнося эти слова, он положил свои худые пальцы на кнопки управления и включил сигнал Скорого Пробуждения. Приглушенные огоньки внутри и вокруг занятого саркофага тотчас указали, что система заработала. Настало время для Фулера Аристова подняться и улыбнуться. Командору захочется уложить в эту приятную и удобную постель кого-нибудь еще. А Хейвот во всем был с командором за одно, по крайней мере, пока.

Ему пришло в голову проверить, были ли по прошествии трех сотен лет эти медроботы до сих пор функциональны. Перекинув оружие в другое, не менее удобное для пользования положение, Хейвот прошелся вдоль ряда и включил каждый аппарат для проверки. Индикаторы показывали, что все медроботы были в отличной форме и готовы принять пациентов. Вероятно, занятый саркофаг через несколько минут тоже будет готов для работы. Была широко распространена практика по самому разнообразному применению этих устройств, начиная от терапевтического использования и кончая замораживанием особо безнадежных больных, лечение которых откладывалось на долгий период, пока появиться возможность в будущем оказать необходимую медицинскую помощь.

Осторожно включив канал внутренней связи яхты, Хейвот связался с Принсепом в командном пункте. Командор не ожидал услышать его, был не готов к этому, и голос его прозвучал устало. Все его попытки запустить двигатели яхты оказались напрасными.

Вскоре без каких-либо происшествий Хейвот вернулся в командирскую рубку. Командор с выражением пол-

ного изнеможения сидел, погрузившись в командирское кресло, при виде Хейвота он не шевельнулся, а только поднял на него глаза.

— Черт! Не знаю, что случилось с этим двигателем, но потребуется время, чтобы что-то сделать, и то я не уверен в положительном результате. Так говоришь медроботы действуют?

— Точно.

— Сколько их?

— Пять.

— Плохо, что не восемь. Но по крайней мере хотя бы пятерым самым тяжелым больным мы сможем немедленно помочь. Давай вызовем Дайнанта и Тойгрес, пусть займутся перевозкой раненых.

Сэнди Кенсинг начал медленно приходить в себя после состояния глубокого замораживания. Это пробуждение было не похоже на пробуждение после обычного сна. Отдаленно оно напоминало выздоровление после долгой болезни, только проходило быстрее, хотя чем-то оно напоминало состояние после того, как наркотики переставали действовать. За последние пять лет его жизни это чувство стало знакомо ему, и он тотчас узнал его.

Снова стали свиваться вместе призрачные нити какого-то восторженного сна, что было характерно для наркотического сна, после того, как их грубо оборвали. Сон имел какое-то отношение к нему и Анни. Ему снилось, что из глубокой заморозки они вышли вместе с ней одновременно, а Дирак собирался каким-то образом отправить их домой...

Но вот сон кончился. Кенсинг находился на биостанции, где он провел столько лет, что они уже казались ему вечностью. Здесь он должен был находиться всегда.

Все еще на биостанции, в своем обычном замораживающем устройстве. Большой седеющий человек, крепкого сложения склонялся над саркофагом Кенсинга:

— Пора вставать, малыш,— торопил он своим скрипучим голосом.

— Что? — полусонный Кенсинг все еще продолжал лежать в своем стеклянном гробу.— Дайте мне еще несколько минут.

— Нет, просыпайся немедленно.— Большой человек был непреклонен.— Ты — эксперт по оборонным системам, и я хочу поговорить с тобой прежде, чем пойду будить босса. Ему очень не нравится, когда его поднимают, но мы располагаем информацией, что возле яхты кто-то крутится.

Временная дезориентация, характерная для состояния пробуждения после заморозки, быстро проходила. Сэнди Кенсинг теперь уже сидел в своем стеклянном ящике и вспоминал.

— Сколько лет уже прошло? — спросил он у телохранителя Дирака, Брабанта. В этот момент глаза его и ум были еще затуманены сном, и ему было проще спросить, чем самому посмотреть на индикатор.

Седеющий человек выглядел не старше того, каким его помнил Кенсинг. Брабант, несомненно, большую часть времени проводил во сне. Он ответил:

— Сколько лет ты спал? Раздели на пять. Не очень много. Кенсинг кивнул. Получится общая длительность этого проклятого путешествия,— если эту пытку можно назвать путешествием,— значит, немногим более трех сотен лет. Сам он из этих трехсот лет в активном состоянии, бодрствуя, едва ли провел четыре-пять лет. Но субъективно, думал он, мог чувствовать каждую секунду прошедшего времени и даже более того.

— Что случилось? — крышка его саркофага теперь полностью открылась, и он смог свесить ноги и подняться.— Я хочу принять душ.

— Душ потом,— Барбант на два шага отступил, уступая ему место.— Мне немедленно нужна консультация. Кто-то навестил яхту. Кто-то или что-то.

Кенсинг, обнаженный, выпрыгнул из ящика и протянул руку к обслуживающему роботу, предложившему ему одежду. Автоматически глаза его отыскали остальных медроботов, в которых временно захоронили себя его товарищи. Только, конечно, не Дирак. Премьер, черт бы его побрал, по-императорски покоился отдельно.

В этом лежала Анни. Показатели параметров этого аппарата были нормальными. Быть ближе к Анни сейчас он не мог.

По дороге к полетной палубе, где они держали челнок для полетов на яхту, Кенсинг спросил:

— Кто на яхте?

Брабант мрачно посмотрел на него:

— Именно это мы и должны выяснить. Есть ли там кто-то. Меня поднял Ник, рассказав какую-то тупоумную историю о пришельцах, и первое, что я сделал после этого — разбудил тебя. У меня большие трудности в общении с Ником.

— Вот как?

— Вероятно, он уже на яхте. Но я хочу сам посмотреть, что происходит, и хочу, чтобы ты сопровождал меня.

Тем временем командор Принсеп временно оставил командирскую рубку яхты и перенес свое внимание на другие отсеки корабля. Сейчас он был одержим идеей привести в действие боевые системы, конечно, если это было возможно.

После того, как они обнаружили чудом уцелевший корабль, их постигнет страшное разочарование, если они не сумеют использовать его для возвращения домой.

Что касается вооружения корабля, то индикаторы показали, что огневая мощь в них еще была жива; но Принсеп не рискнул провести настоящую пробу, боясь пробудить берсеркер.

Суперинтендант СЧ Гейзин снизошел до роли простого космонавта, на время, конечно. Он и двое других активных членов команды Принсепа — лейтенант Тонгрес и младший офицер Дайнант — поочереди вели неусыпное наблюдение за берсеркером, стараясь не пропустить момент, если вдруг эта загадочная масса вдруг очнется.

С этого близкого расстояния было видно, что берсеркер и яхту отделял всего какой-нибудь километр. Масса

его была так велика, что любой землянин мог свихнуться, увидев это чудовище.

Спасательная шлюпка, несущая раненых людей, успешно причалила к яхте. Принсеп возглавил группу людей, пытавшихся протащить пятерых тяжелораненных членов команды через воздушный шлюз в помещение с медроботами. Ему было приятно видеть, что Хейвот проверил все устройства и подготовил их для приема пациентов.

Благодарность командора Хейвот принял с улыбкой:

— Что дальше, сэр?

— Дальше мы с тобой отправимся на биологическую станцию. Дайнант и суперинтендант останутся здесь. Тонгрес, отправляйся в командирскую рубку и посмотри, что с двигателями на этой птичке? Может быть я что-то проглядел.

Безмолвное решение покинуть флагман никто не стал оспаривать. Риск был велик. В любой момент корабль мог взорваться. Телеметрические данные «Симметрии» свидетельствовали о том, что с минуты на минуту могло случиться самое худшее.

Несмотря на нарастающую усталость, Хейвот и командор вскоре снова погрузились на спасательную шлюпку и направились к биологической станции. На расстоянии нескольких метров от внешнего корпуса станции их приборы позволили им более пристально исследовать паутину силовых полей, удерживающих станцию вблизи гигантского берсеркера. Но поля эти имели прерывистый характер, оставляя свободный доступ к некоторым частям. Для двух исследователей не составляло особого труда найти подходящий док и пришвартовать свою лодку.

Брабант и Сэнди Кенсинг, приблизившись к яхте, увидели военный флагман, несомненно, земного происхождения, имевший серьезные повреждения, и даже более того. Между двумя большими кораблями наблюдалось движение спасательных шлюпок.

— Значит, не ложная тревога. У нас и в самом деле

гости.— Кенсинг замолчал, испытав смешанное чувство тревоги и надежды. Он посмотрел на охранника.— Ты еще не будил премьера?

— Нет,— явно замешкался с ответом Брабант. Я не знаю, может быть Ник сделал это. Если Локи ему позволил. Во всяком случае, я отдал распоряжение не будить его, если не произойдет ничего такого, с чем я не смог бы справиться. Но в этом случае устраивало, если бы Дираку позволили спать целую вечность.

Брабант, открыв плотный коммуникационный луч со станцией, вызвал Локи и коротко обсудил что-то со своим оптикоэлектронным оппонентом. Брабант успел выйти из себя прежде, чем удостоверился в том, что караульная программа действительно собирается начать процесс пробуждения Дирака из его самоконтролируемой дремоты.

— А теперь,— сказал Брабант Кенсингу,— мы с тобой отправимся и посмотрим, что же там на самом деле происходит. Так, чтобы мы смогли известить босса.

Он немного усилил мощность небольшого двигателя челнока.

Насколько они могли судить, пока еще никто из людей, снующих между таинственным, жестоко истерзанным военным кораблем и яхтой, не заметил небольшой аппарат Брабанта и Кенсинга.— Должно быть, очень увлечены были своей работой.

Вскоре Брабант и Кенсинг причалили к одному из доков на противоположной стороне яхты, подальше от того места, где пришвартовывались лодки странного корабля.

Оказавшись внутри яхты, Брабант немного помедлил возле одного из арсеналов корабля, откуда взял пистолет в кобуре и приторочил его к своему поясу.

— Тебе лучше подождать здесь, Кенсинг. Я хочу взглянуть на этих людей и узнать, что им надо.— Телохранитель заметно заколебался, а потом указал на оружейную комнату.— Может быть и тебе лучше взять пистолет, так, на всякий случай.

Итак, подумал Сэнди, ты доверяешь мне оружие? Естественно, что в ответ он согласился. Несомненно,

Брабант, Скурлок и сам Дирак могли доверять ему, пока Анни, лежа в заморозке, оставалась надежной заложницей премьера.

Кенсинг выбрал себе один из пистолетов, потом махнув рукой, дал Брабанту знак, что тот может отправляться в свою разведывательную миссию.

Через несколько секунд Кенсинг последовал за ним. Вдохновленный перспективой встретить новые земные лица впервые за триста лет, он не намеревался ждать.

Но далеко уйти ему не удалось. Кто-то, облаченный в космический скафандр, появился в коридорс и шел прямо навстречу ему. Мышцы его напряглись, и он замер.

Но тут же, узнав эмблему на скафандре, изображавшую две древние башни кирпичной кладки, расслабился. Это мог быть только Николас Хоксмур в своей космической форме.

— Ник, я слышал, что на корабле появились какие-то странные люди,— сказал Кенсинг.

— Да,— ответили громкоговорители скафандра Ника. Голос его, как всегда, звучал очень по-человечески. Комбинезон остановился рядом с Кенсингом.

— Ты изменился, Ник,— импульсивно заметил Кенсинг.

— Да, конечно, изменился. Люди ведь всегда меняются, не правда ли?

— Ты прав.

— Но ты имел в виду что-то другое. Я что, изменился как-то по особому?

— Знаешь, я хотел сказать, что до того, как тебя перепрограммировали, ты был другим.

— Сплошная тавтология, Сэнди.

— Да,— Кенсинг решил, что было бы не совсем разумно вдохновлять Ника на размышления о своем прошлом. В конце концов это было бы небезопасно.

Тем не менее, раз уж тема была затронута, Ник не собирался бросать ее.— Как я изменился? Ты заинтриговал меня.

— Видишь ли... мне кажется, что несколько лет назад ты был более независим.

— Именно по этой причине меня перепрограммировали? Я был слишком независим? Знаешь я уверен, что из моей памяти изъято многое.

— Тебе лучше спросить об этом нашего шефа. Какие-либо подробности мне неизвестны. Но, очевидно, ты был перепрограммирован четыре года назад, по-моему, субъективному времени. Именно в это время премьер объявил, что найдена леди Женевьева, и, что она присоединяется к нам.

— Интересно, есть ли в этом какая-то связь? — казалось, что Хоксмур был искренне озадачен.

Кенсинг ничего не ответил.

— Когда-нибудь я спрошу премьера об этом,— решил Ник.— Он еще не проснулся.

— Но скоро проснется. Думаю, что Брабант сумел убедить Локи, поднять старикана из ящика.

Похоже, что на этот счет у Ника были смешанные чувства, потому что скафандр его стал с беспокойством ворочаться в разные стороны и трясти пустым шлемом.— Он не желает, чтобы его будили, если не произошло чего-то экстраординарного, с чем мы не в состоянии справиться.

— Брабант тоже так говорит... так кто же эти люди, пришедшие на яхту? Похоже, что их собственный корабль весь продырявлен.

— Я это заметил. Но я не знаю, кто они. Все люди из плоти и крови находятся на своих местах, кроме одного.

— Вот как, кто же это?

Голос Хоксмура прозвучал на удивление безразлично.— Думаю, что его звали Фулер Аристов, но теперь я не уверен, он ли это. Я не совсем понимаю, что делать.

— Где он сейчас?

Скафандр Ника поднял руку и указал вглубь коридора.

Кенсинг, собравшийся было идти в этом направлении, повернулся и спросил:

— Идешь?

— Не сейчас. Пойди ты и посмотри. Посмотрим, что ты скажешь. Я присоединюсь к тебе позже.

Через несколько минут Кенсинг уже находился возле места, где были установлены медроботы, и тут услышал, что кто-то назвал его по имени.

— Сэнди? — слово было произнесено тихим, едва различимым шепотом. Голос, исходивший откуда-то из-за левого плеча Кенсинга, напугал его так, что он мгновенно повернулся.

Бледнолицая фигура, облаченная, как и он сам в корабельный костюм, состоящий из рубахи, брюк и сандалий, немедленно двигалась ему навстречу по слабо освещенному боковому коридору. Это была фигура молодого человека, свет на которую падал со спины, так что сначала он не мог хорошо разглядеть лицо. Но чем лучше ему становилось видно, тем абсурднее казалась ему ситуация. Потому что оно выглядело как... как...

Но этого же не может быть...

— Сэнди? — Теперь голос, звук из туманного прошлого был вполне узнаваем.— Сэнди, папа здесь? Что происходит? Я знаю, что это его яхта. Я проснулся час назад в медроботе.

Кенсинг подошел поближе к фигуре, бредущей ему навстречу. Он прошептал едва слышно:

— Майк, Майк Сардо?

Проходя по биологической станции Хейвот оказался первым, кто встретился с одним из самых старых жильцов станции.

Осторожно продвигаясь по коридорам биолаборатории, проходы которой были почти совершенно загромождены массой полудикой зелени, он натолкнулся на женщину, которая осторожно кралась ему навстречу. Выражение ее лица свидетельствовало о том, что встреча с чем-то необычным не была для нее неожиданностью. Ее маленькое тело было облачено в обычный корабельный наряд. На вид она была молодой, медные кудри обрамляли ее лицо с едва уловимыми индонезийскими чертами.

Заметив одетого в космические доспехи Хейвота, пробирающегося среди виноградных лоз и стволов, мо-

лодая женщина остановилась и уставилась на него с выражением наивного интереса.

— Кто вы,— спросила она.— Вы вооружены? Почему? Что?..

— Только бедный моряк с терпящего крушение корабля, мэм,— он сделал легкий поклон.— А кто вы?

Хотя Хейвот, изучавший в свободное время в экспедиции историю Дирака и его эпохи, был совершенно уверен, что узнал женщину по фотографии.

Она подтвердила его догадку, машинально прошептав ответ, словно все еще была шокирована самим его присутствием:

— Я леди Дженевьев,— жена Верховного премьера Дирака Сардо.

Несколькими секундами спустя, осторожно двигавшийся в условиях устойчивой искусственной гравитации, благоприятного воздуха, если так можно было назвать непохожий ни на какой другой воздух, насыщенный запахами чрезмерно разросшейся зелени, командор Принсеп, радостно вдыхавший его, повернув за угол, к своему огромному удивлению наткнулся на Хейвота, беседовавшего с леди Дженевьев.

Вскоре после этого к троице присоединился и Дирак, живой и здоровый, которого ни с кем нельзя было спутать.

Одетый в изысканный костюм, сшитый по его собственным заказам, он часто мигал глазами, без конца потирая их руками. Он с императорской важностью обратился к пришельцам своим басом:

— Уверяю вас, джентльмены, оружие вам, вряд ли, понадобится.

Принсеп опустил еще ниже и без того опущенный ствол своего карабина. Но Хейвот все еще сжимал свой в таком положении, из которого он в мгновение ока мог им воспользоваться. Хейвот, оказавшись в окружении существ из плоти и крови, а не металла, незаметно настроил мощь своего оружия на остро сфокусированный луч, что более подходило для поражения мягкой материи.

Приказав убрать оружие, важный человек больше не интересовался им. Неожиданно он спросил:

— Возможно, вы узнаете во мне Дирака Сардо? Или я сильно переоцениваю историческую важность моей личности по прошествии стольких лет? Тем не менее, это я.

Командор тоже представился голосом, в котором преобладали нотки усталости. И добавил:

— А это мистер Хейвот.

Беседа текла вяло. Дирак объяснил, что когда они появились, то он пребывал во сне:

— В довольно глубоком сне, джентльмены. Для полного пробуждения требуется, вероятно, не менее часа, чтобы можно было полностью прийти в себя. Но, послушайте, я совершенно забыл о законах гостеприимства — у нас давно не было гостей.

Из небытия стали появляться другие обитатели станции. Как потом поняли Принсеп и Хейвот, это были только те люди, которых велел разбудить Дирак, включая Варвару Энгадин и человека по имени Скурлок. Скурлок упомянул о своем компаньоне Кэрол, которая все еще пребывала во сне, так же как и доктора Ховелер и Задор. Люди по имени Брабант и Кенсинг в данный момент отсутствовали.

Никто из старых обитателей, естественно, не выглядел на триста лет, и Принсеп отметил этот факт.

Премьер вкрадчиво сказал:

— У нас много морозильных аппаратов, и мы ими активно пользуемся. В основном вахту несет неорганическая часть нашей команды...

Принсепа не интересовали роботы. Он сказал:

— Надеюсь, у вас есть хоть бы три для немедленного использования?

— Простите, сэр?

— Морозильные аппараты, о которых вы говорили. У меня есть раненые, которые остро в них нуждаются. Сначала мы нашли на яхте только пять медроботов, которые сейчас заняты, но еще три члена моей команды нуждаются в помощи.

Лицо Дирака внезапно приняло странное выражение.

— Один из аппаратов на яхте был занят,— произнес он изменившимся голосом.

Поняв, что к этому замечанию следует отнестись всерьез, Принсеп нахмурился и повернулся к своему компаньону:

— Хейвот!

Молодой человек кивнул как ни в чем не бывало:

— Правда, в одном из аппаратов был жилец. Будующий колонист, как указывала его табличка. Я отключил его, чтобы освободить место для нашего раненого.

Несколько секунд Дирак испытующим взглядом смотрел на Хейвота, словно был очень заинтересован как в самом Хейвоте, так и в том, что эти оккупанты могли сделать на его яхте. Потом он спросил:

— Где же он теперь, тот, которого вы отключили.

Хейвот пожал плечами.

В это мгновение Хейвоту показалось, что из глубины глаз Дирака на него взглянуло нечто смертоубийственное.

Принсеп поспешно выступил вперед, предлагая связаться с оставшимися на яхте людьми, и попросить их поискать размороженного.

— Как вы говорите его зовут? — задал вопрос командор.

Премьер задумчиво посмотрел на него:

— Фулер Аристов. Благодарю за участие, но я полагаю, что уже мои собственные люди находятся на судне. Вы можете попросить ваших людей присоединиться к нам здесь,— это прозвучало как приказ.— А сейчас, если вы извините меня, я думаю мне лучше самому отправиться на «Фантом».

— Конечно, премьер Дирак. Но прежде чем вы уйдете, позвольте мне повторить вам, что трое людей с яхты все еще нуждаются в интенсивном уходе. Уходивший Дирак бросил через плечо распоряжение своим подчиненным, чтобы те приняли меры по уходу за ранеными, которые вскоре прибудут, и не забыли разбудить доктора Задора. С этими словами он удалился. Высокий, взъерошенный человек по имени Скурлок по-

спешил заверить вновь прибывших в том, что на биологической станции достаточно медроботов, чтобы помочь всем раненым.

Услышав это, командор обрадовался. Но довольно твердым тоном он попросил, чтобы раненые, уже размещенные по аппаратам на яхте, оставались на своих местах. Повторное их перемещение принесет им дополнительные травмы.

Леди Дженевьев успокоила его:

— Я думаю, премьер Дирак не будет возражать.

Скурлок так же заверил пришельцев, что примерно через час будет предоставлена дополнительная врачебная помощь в лице доктора Задора.

— Процесс пробуждения,— сказал он,— уже начался.

Необходимость оказания медицинской помощи раненым людям, естественно подняла вопрос о берсеркерах, за чем последовало описание последнего сражения, в котором участвовали пришельцы. Внезапно помрачнев, Скурлок спросил:

— Насколько я понимаю, командор, вы не участвовали в боевых действиях с машиной, к которой мы привязаны.

Принсеп удивленно замигал:

— Уже не этот ли гигантский берсеркер все еще активен?

— Я бы сказал, нам не стоит особенно беспокоиться на этот счет. Но ведь с берсеркерами никогда нельзя быть полностью уверенными.

— Полагаю, вы правы. Нет, несколько часов назад мы сражались с другим врагом. С более современными силами. И Принсеп кратко обрисовал ему недавние события, начиная с последнего рейда на Иматру.

Дайнант и Тонгрес и трое тяжело раненных людей из команды, нуждавшихся в уходе, вскоре присоединились к группе на станции. Они сказали, что где-то на яхте они потеряли след суперинтенданта Гейзина, но не хотели откладывать свою поездку ради того, чтобы найти его.

Хейвот, придавленный свинцовой усталостью, еще сохранял любопытство:

— Леди Дженевьев, нам всем было бы интересно узнать, как лично вы сумели выжить?

— Выжить, молодой человек?

— Вы первыми встретились с берсеркером в Иматранской системе. Историки почти единодушно решили, что тогда вы все погибли,— и он наградил леди своей самой обезоруживающей и обольстительной улыбкой.

Сидя в одной из свободных кают яхты, Майкл Сардо рассказывал своему старому приятелю Сенди Кенсингу, как к своему огромному изумлению пробудился ото сна в стеклянном саркофаге одного из функционирующих морозильных аппаратов здесь, на отцовской яхте. Он не знал, как попал туда, кто отдал приказ оживить его? И пока Сэнди не сказал ему, он не знал и того, как долго пробыл там.

Теперь, когда мозг его немного прояснился, Майкл поведал, как благоразумно ему удалось избежать встречи с людьми Принсепа, когда он наблюдал, как они доставляли на борт яхты тяжелораненых. Но до конца в себя он не пришел.

Он понимал, что те люди недавно выдержали сражение, но ему было не до их проблем. Майкл очень сильно подозревал, что в саркофаг его поместили под чужим именем с целью избавиться от него. Кто? Либо его отец, либо кто-то из клики его приверженцев. С другой стороны, его могли похитить и враги премьера.

Кенсинг спросил:

— Имя Фулер Аристов что-нибудь значит для тебя?

— Это имя было написано на моем саркофаге. Вот все, что мне известно. Я никогда...— Внезапно Майкл замолчал. По коридору кто-то шел.

Через мгновение в полуоткрытом дверном проеме появился Николас Хоксмур, он был все еще в своей космической форме.

Кенсинг быстро выполнил необходимое представление. Хоксмур со своей энциклопедической памятью не-

медленно вспомнил сына премьера, изображение лица которого присутствовало в сотне записей того или иного плана.

Но все записи, к которым Ник имел доступ, свидетельствовали о том, что три сотни лет назад Майкл отбыл с выполнением какой-то особой миссии. Его присутствие на борту «Фантома» было неестественным и необъяснимым.

Сначала Нику показалось, что в его записях были допущены какие-то противоречия.

— Вы и в самом деле Майкл Сардо?

— Да,— был усталый ответ.

— Что вы здесь делаете? Ваш отец сказал мне, как и всем остальным, что вы отправились путешествовать.

— Если мой отец действительно сказал это, значит мой отец солгал,— неожиданно выпалил Майкл.

Ник ничего не ответил.

Майкл продолжал:

— Черт бы меня побрал, если я знаю, что делаю здесь; я хочу сказать, что вовсе не удивлен, что нахожусь на яхте, потому что последнее, что могу вспомнить, это как я отправился спать в свою отдельную каюту... между прочим, где мы находимся? В каком месте космоса?

Для начала ему сообщили какое сегодня число, месяц, год. Вслед за чем последовала пауза, в течение которой Майк пытался переварить информацию. Потом Ник спросил его:

— Ты подозреваешь, по какой причине могли усыпить тебя под именем Фулера Аристова три сотни лет назад?

Майк смотрел на них, и его изумление быстро сменилось яростью:

— Полагаю, что знаю причину, вернее, знаю человека, у которого были причины так поступить со мной. Его ничего не могло остановить. Это мой отец. О черт бы его побрал! Черт бы его побрал!

Шлем Ника кивнул:

— Пожалуй, я могу в это поверить. Ты был каким-то образом перепрограммирован, как и я. И тем же челове-

ком — нашим отцом. Я признаю его своим создателем. Понимаешь?

Ник замолчал, и повернувшись приподнял свой пустой шлем, словно его внешние микрофоны к чему-то прислушивались, и через мгновение все услышали звук приближающихся шагов.

В дверях стоял Брабант. Он осматривал их, едва пытаясь скрыть гнев.

Майк тотчас узнал его:

— Брабант, что это значит?

— Детка, я полагаю, что ты немножно вырос из своих штанишек,— вот, что это значит. Старик не терпит возражений, тебе следовало бы это знать.

— Значит он это со мной сделал! — в его словах чувствовалась скрытая ярость, напомнившая остальным самого Старика.

Брабант посмотрел на других, потом снова на Майка:

— Если бы ты не был его сыном, то он бы стер тебя в порошок вместо того, чтобы упрятать здесь. Он не потерпит...

Ник вымолвил:

— Наш отец не желает мириться ни с кем и ни с чем. Он всегда получает то, что хочет.

Выражение лица Брабанта в корне изменилось:

— Вот как ты это представляешь?

На мгновение воцарилась тишина.

Телохранитель, чувствуя, что Майк сейчас взорвется, пытался все замять:

— Какого черта, детка! Могло бы быть и хуже. Часть тебя в течении 300 лет получала удовольствие, будучи архитектором и пилотом в команде Старика, а вторая часть приятно проводила время в долгом сне. Возможно, в один прекрасный день Старик восстановит твою целостность.

Но по мере того, как до Брабанта стало доходить, как троица смотрит на него, голос его звучал все тише и тише, пока не замолк.

— Мы не поняли,— медленно произнес Кенсинг,— не вполне. Но теперь, кажется, начинаем понимать. Дирак записал его. Записал своего собственного сына,

а потом перепрограммировал его, превратив в то, что ему было нужно: в полезного и послушного архитектора и пилота.

— Всем,— раздался новый незнакомый голос,— оставаться на месте!

Обернувшись, они увидели незнакомца в космических доспехах, направляющего на них оружие, которое было эффективным только против твердых тел. Это был суперинтендант Гейзин, как всегда подозревающий в каждом гудлайфа...

На станции находилось необычайно много зелени, выращенной из простых запасов материала, предназначавшегося для колоний. Она заполняла комнаты и коридоры, палубу, первоначально не предназначавшуюся для оранжереи. Виноградные лозы вились по дверям, свисая гроздьями на контрольные панели и на затворы люков. В результате недосмотра бесконтрольный рост зелени уже спрятал многие предметы, зачастую мешал работе.

Леди Дирак и ее помощник Скурлок оказывали помощь в уходе за ранеными Принсепа и выглядели озабоченными. Леди Дженевьев размещала выживших. С величием монарха указывала она командору на коридор, где размещались каюты, предназначавшиеся для них.

Там было большое количество кают и отдельных комнат, которые можно было занять. Проблемы переселения не стояло даже при условии, как заметил кто-то из старых обитателей, что леди Дженевьев не была единственным человеком, который родился или переродился здесь за последние 300 лет.

Как только затуманенные глаза командора убедились в том, что все его раненые получили самое лучше лечение, и что горстка его людей, страдавших больше всего от переутомления были должным образом устроены, он решил отдохнуть сам.

В душе Принсеп подозревал, что все эти, так долго остававшиеся в живых люди, или по крайней мере

Дирак, превратились в какой-то экзотический тип гудлайфа. Но вслух он не хотел высказывать свои подозрения до тех пор, пока не обсудит это со своими верными людьми, с теми, которые еще уцелели.

С такими мыслями командор, все еще борясь со сном, предупредил современников Дирака о том, что еще существует опасность со стороны берсеркеров, с которыми он и его люди недавно сразились.

А потом попытался задавать вопросы:

— Насколько я понимаю, в последнее время этот берсеркер не совершал против яхты и людей на ней никаких агрессивных выпадов.

— Нет,— успокоил его Скурлок,— думаю, мы в праве полагать, что наш древний враг не представляет непосредственной угрозы. Уже много лет у нас нет с ним никаких проблем. Но, если вы задумали агрессивные действия против него, то я бы не посоветовал вам этого делать.

— Агрессивные действия с нашей стороны были возможны только тогда, когда у нас был флагман. Но сейчас... к несчастью, и вы это видите — скорее мы здесь на правах беженцев... В настоящий момент мы нуждаемся в помощи, и никому не можем предложить защиты. Конечно, мы захватили с собой оружие и оборудование, которого, возможно, у вас и нет, и если мы хоть что-то можем сделать...

— Нет никакой спешки после трех столетий. Неужели и в самом деле прошло столько времени?

Показавшись вежливым и гостеприимным, Скурлок, проконсультировавшись с леди Дженевьев, приказал роботам принести для всех закуски.

Постепенно сторожилы стали рассказывать о своем трехсотлетнем пребывании на борту, во всяком случае, наиболее интересные фрагменты, которые делали возможным попытку восстановления картины, как единого целого.

Теперь Принсеп, буквально засыпающий на ходу и собиравшийся удалиться в свою комнату, задал деликатный вопрос о еде: даже внешне было заметно, что он испытал облегчение, когда услышал, что область жиз-

необеспечения все еще пребывала в отличном состоянии.

Принсеп, снимая скафандр в своей новой каюте и чувствуя, что крайнее утомление вот-вот возьмет над ним верх, все же предупредил своего доверенного помощника — для этой роли больше всех подходил Хейвот — что им следовало остерегаться Дирака и не спускать с него глаз. Они переговаривались с помощью шифрованных сообщений, через микрофоны, вмонтированные в шлемы.

— Вы хотите, чтобы за ним наблюдал я? — Хейвот кивнул— Я и сам вам хотел предложить это.

— Я чувствую, что он опасный человек, Хейвот, между прочим, как твое настоящее имя?

Сбросив с себя последнюю часть скафандра и оставшись в нижнем белье, он засеменил к своей кровати, произнося уже не зашифрованные слова:

— Извини, меня: я становлюсь чересчур назойливым. Все это не имеет значения. Да, я хочу, чтобы ты взял на себя наблюдение за Дираком.

— Так значит вы все еще доверяете мне?

— О, да! Есть еще такие дела, Кристофер, ведь это твое настоящее имя, в которых я тебе всецело *доверяю.*

Хейвот, поразмыслив, сказал:

— Понимаете, командор...

Но командор уже крепко спал.

23

Кенсинг, готовый к действию, наблюдал за тем, как незнакомец сделал вперед один нерешительный шаг, а затем и другой. Оружие в руках пришедшего перемещалось то на одну мишень, то на другую. Самонаводящийся карабин альфа или просто ручного управления? Это могло иметь решающее значение.

— Я суперинтендант Службы Человечества Гейзин,— объявил он, пытаясь придать голосу властные

нотки,— веду расследование на предмет деятельности гудлайфов.

Голос Брабанта прозвучал более уверенно, хотя оружие оставалось в кобуре:

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы не тыкали в меня этой штукой.

И тотчас ствол оружия суперинтенданта взметнулся в его сторону:

— Сначала брось свое оружие,— скомандовал он. Тогда Гейзин взглянул на Ника, но в следующее мгновение, когда до суперинтенданта дошло, что шлем пуст, стоял просто скафандр, он, казалось, окаменел.

Что послужило сигналом к действию, Кенсинг сказать не мог. Он бросился вниз, покатившись по палубе, пытаясь спрятать свое незащищенное тело от лучей оружия Гейзина, не оказавших никакого воздействия на доспехи Ника. Майк Сардо тоже пытался спастись.

Представитель Службы Человечества — что бы это не означало — выстрелил в Ника, а Брабант — в него. Мощный пистолет Брабанта оказался более эффективным. Силовые импульсы, пронзив комбинезон Гейзина, заставили его повалиться на переборку, стоящую за его спиной. Оружие Гейзина выпало из рук, и он свалился на палубу, прямо на карабин. Ник в опаленных доспехах, которые остались невредимыми, решился на следующее действие и теперь спокойно исполнял его с электронной скоростью. Он набросился на Брабанта, выпрастав вперед пустые руки костюма. Брабант с размозженной головой корчился на палубе, затем, не произнося ни слова, умер.

Медленно поднявшись на ноги, Кенсинг обнаружил, что держит пистолет в руке. Не спеша он вставил его в кобуру.

Майк — вернее он в двух экземплярах — стоял рядом с Кенсингом, его органическая форма — справа и пустой комбинезон, наполненный только фрагментами информации — слева.

— Уже двое мертвых,— констатировал Кенсинг, глядя на неподвижно лежащие на палубе тела Брабанта и незнакомца. Озабоченное выражение не сходило с его лица:

— Что нам теперь делать?

— Спокойно,— сказал Майк, переводя глаза с Кенсинга на пустой шлем своей копии.

Из внешних динамиков доспехов Ника раздался ответ:

— Идем за Стариканом.

Майк кивнул. Он непременно должен видеть своими глазами, что произошло.

— И я знаю, где мы сможем найти его,— снова раздалось из динамиков Ника.

— Ник?

Ответа не последовало.

Дирак стоял на летной палубе «Фантома» рядом с открытым люком маленького челнока, из которого он только что высадился.

Он попробовал, повысив голос, сообщить о своем присутствии на яхте людям Принсепа, которые еще могли здесь находиться:

— Ник?

Снова никакого ответа. Создавалось впечатление, что на «Фантоме» никого нет. «Молчание на корабле такого рода,— подумал он, давая свободу своей фантазии,— говорит о том, что его когда-то славная яхта ждет только его». Что ж, он посмотрит. А к тому времени, когда Локи со станции даст о себе знать, трансформируясь, он уже получит ответы на свои вопросы. У Локи был приказ оставаться на станции до тех пор, пока Скурлок не убедится в том, что в состоянии справиться с этими хорошо вооруженными пришельцами.

Что касается его самого, то в доспехах и при полном вооружении премьер был уверен в том, что сумеет справиться с любой неординарной ситуацией, по крайней мере до прибытия Локи. Осторожно двигаясь в направлении палубы, где размещались медроботы, он выяснил, что все пять аппаратов были заняты, как и говорил ему командор. Но ни одно из устройств, как он понял, не работало в режиме замораживания.

Рядом никого не было. Здоровые члены команды

Принсепа по всей вероятности уже присоединились к своему командиру на станции. Но где же был и Кенсинг, и Брабант?

И в глубине души его беспокоил самый главный вопрос: что случилось с Майком?

Когда Дирак задавал прямой вопрос главному устройству корабля, то невозмутимый бесстрастный голос сообщил: люди, местоположение которых он пытался определить, находятся в конференцзале.

— Какого черта! — воскликнул он, но обсуждать этот вопрос с Источником информации не имело смысла. Он пошел выяснить это сам.

На пороге конференцзала премьер обнаружил, что работает система видеопоказа, большая часть интерьера была освещена мерцающим светом воспроизводимого зрелища.

Закрыв за собой входную дверь, Дирак нахмурился соображая, что предпринять. Ник, или кто-то еще вызнал и теперь воспроизводил некий план, который премьер еще намеревался держать в секрете. Дисплей работал в режиме не требующем для просмотра специальных шлемов. На голографической панели была представлена модель разрабатываемой колонии. Колонии, представляющей серцевину нового плана, над которым премьер работал в секрете от всех. Дисплей показывал какой вид будет иметь колония, которую он намеревался основать.

Звездную систему и мир, в котором этот план должен был воплотиться, еще предстояло определить, этого еще не знал и сам Дирак. Выбор места будет зависеть в большей степени от того, куда захочет отнести их его главный партнер.

В центре модели, что было видно из голограммы, поднималась царственная резиденция...

Собравшиеся активно обсуждали увиденное. Он не мог видеть говорящих — их закрывал мерцающий свет, но слышать их он мог отлично...

— И чей это будет дом?

— Неужели ты не догадываешься?

Голоса принадлежали Нику и Майку. Они были разными. Оба голоса были Дираку в одинаковой степени знакомы, хотя один из них он не слышал столетия.

Майк говорил:

— Огромный особняк должен принадлежать человеку, который уже сейчас в своем извращенном уме представляет себя все менее и менее человеком и все более и более богом. Человеку, который будет всем этим править.

Ник:

— Но такой шанс ему не представится?

— Сидеть в этом доме и управлять колонией?

— Да, да! Это план колонии. Система внешней обороны продумана. В середине дворец для бога и множество других домов вокруг для ближайших помощников.

— Но интересно, а что это там? Какой-то храм? Церковь? Монумент?

Дирак решил, что настало время вмешаться:

— Это тоже дом,— громко объявил он,— но для машины. Я думаю, что о ней надо получше позаботиться.

— Ты слышишь? Он называет это машиной,— прокомментировал Майк, но самого его пока еще не видел.— Машиной он называет берсеркеры.

Дирак не терпел возражений: уж нет ли тут особой любви к врагу?

— Машина, с которой мы сосуществуем вот уже три сотни лет. Как бы мы ее не называли, это, в принципе, просто машина. И как с машиной, с ней можно справиться, использовать, но для этого необходимо приложить соответствующие усилия, смекалку и правильно с ней обращаться.

Прежде, чем он закончил говорить, по изображению пробежала рябь, и картинка изменилась.

Сверкающие образы преобразовались, потускнели, краски их угасли, казались выцветшими в сочном солнечном свете, просачивающимся через стекло.

Дирак обнаружил, что стоит в Аббатстве у подножия лестницы, ведущей в святилище. Лицо его было обращено к востоку в направлении высокого алтаря и немного выше.

То, что он видел, было всего лишь голографическим изображением, чтобы смягчать остроту реальности, а не для того, чтобы играть в эти игры, оно не должно было быть видимым столь явственно. И тот факт, что он видел аббатство с такой чистотой, означал, что кто-то, должно быть, Ник, манипулировал светом именно в тот момент, когда тот достигал глаз премьера.

Была ли это попытка заставить его снять шлем, чтобы потом физически напасть на него? — вот что беспокоило Дирака.

Изображение раздражало глаза, но тем не менее Дирак теперь мог видеть Брабанта, сквозь определенные слои, идущие навстречу ему в своих космических доспехах. Он поднял руку и жестом позвал премьера подойти поближе. Поборов мгновенный ужас, премьер понял, что временно не владеет ситуацией.

По радиосвязи он предпринял срочную попытку связаться с Локи, хотя сильно опасался, что сигнал не мог пробиться: он был уверен: временно Локи был выведен из строя и не мог выполнять приказы своего хозяина.

Теперь перед премьером вырисовывались неясные очертания еще одной огромной фигуры. Это было многократно увеличенное изображение его сына. Дирак еще не был уверен, являлось ли оно реальным, но на всякий случай приготовил оружие. Одежды Майка на фоне колеблющегося образа Аббатства постоянно причудливо изменялись: то он был одет в средневековое платье, то в вымышленные доспехи, то в современный скафандр. Казалось, что в его руках ничего не было, но Дирак слишком хорошо знал своего сына и ситуацию, чтобы поверить этому.

Огромный рот Майка задвигался и послышался голос:

— Ты меня узнаешь? — властно спросил он.

— Я...— по необъяснимой причине премьер почувствовал, что ему трудно говорить.

Выражение лица молодого человека было расплывчатым и ни о чем не говорило. Но смотрел он прямо на него.

— Я здесь, во плоти и крови, такой же, как и ты, отец. Ты меня узнаешь?

— Хорошо. Я узнаю тебя, Майк.

— Ты не знаешь меня.

— А как насчет меня? — Этот голос исходит из другого направления, и Дирак резко повернулся назад. У южного трансепта (поперечный неф готического собора) возле уголка Поэтов стояла фигура в космическом комбинезоне, шлем которого был пуст. Голос Ника продолжал давить на него.

— А кто я? Отец, ты можешь сказать мне, кто я?

— Ник, кто-то запудрил мозги твоей программе,— он постарался, чтобы голос его звучал спокойно и благоразумно.— Тебе не следовало вести себя подобным образом. «Ну, где же ты, Локи? Немедленно приди ко мне на помощь!» — думал Дирак.

Пустой костюм сделал шаг вперед.

— Запудрил мозги моей программе! Кое-кто сделал гораздо худшее.

Дав выход своему гневу, премьер вскричал:

— Это твоя грязная идея с этой шуткой, Ник? Что это значит?

Снова появился неясный образ Брабанта в доспехах, двигавшегося в направлении премьера с северного трансепта, и продолжающего манить его.

— Брабант?

Вдруг облачение телохранителя стало современным, и премьер в ужасе понял, что лицо Брабанта в надвигающемся на него космическом костюме не было живым лицом.

Из своего оружия Дирак выстрелил по идущему скафандру. Ответный огонь тотчас ударил по Дираку. Его доспехи были достаточно прочными и это спасло ему жизнь. Он поймал взглядом неясные фигуры Кенсинга и Майка, оба они были вооружены тяжелыми пистолетами, хотя тела их не были защищены доспехами. Они его видели хорошо, а ему мешали целиться колеблющиеся образцы голограммы.

Дирак дал несколько очередей и перевел свое оружие в автоматический режим. Тем временем он старался

выбраться из виртуальной реальности Аббатства, нащупывая дорогу среди каменных колонн, каменных надгробий, пытаясь найти выход. Неудивительно, что для расправы над ним они заманили его сюда, здесь, в конференц-зале, у Ника была возможность контролировать события. Во всяком случае, так он думал.

Неумолимый голос Ника не оставлял его в покое.

— Это моя территория, отец. Только мои мечты обретают здесь свою реальность. Мои, но не твои. И Локи не сможет прийти на помощь тебе сейчас.

Дирак снова выстрелил. Вылетело сразу несколько силовых сгустков. Куда он попал, он не знал. Но, если выпустить достаточно очередей, аппаратура, создающая мир виртуальной реальности, должна выйти из строя.

Теперь в работу включились сложные боевые цепи его шлема, управляющие настройкой альфа-волн и обратной связью. Но поскольку в процесс неизбежно было вовлечено и подсознание, возникающие символические образы путали и волновали его.

Вдруг во внутреннее радио скафандра Дирака прорвались какие-то звуки, но тут же все смолкло. Но и этого было достаточно, чтобы породить волну надежды. Локи знал о переделке, в которую он попал, и спешил к нему на помощь. Он преодолевал барьеры, что возвел против него Ник — неметериальный Джаггернаут — одно из воплощений бога Вишну, приливно-отливная волна информации, берущая штурмом оптико-электронный разводной мост, с ревом бьющаяся в разделяющую их преграду.

Здесь внутри мира виртуальной реальности бой шел настоящий. Дирак под надежной защитой своего скафандра никаких серьезных повреждений, кроме ушибов и синяков, еще не получивший, сражался за свою жизнь. В отдельные моменты, когда им овладевали страх и ужас, чтобы избавиться от видений, закрывал глаза, но это помогало ненадолго или вовсе оказывалось бесполезным. Ужасные видения все еще давали ему информацию, если бы он был в состоянии хладнокровно воспринимать ее.

Прямо перед собой он видел дерущихся на дуэли

рыцарей, одним из которых был он сам.

Теперь рыцари дрались на горгульях — рыльцах водосточных труб в готическом храме, и каменные создания, венчавшие края и желоба свинцовой крыши Аббатства, выползали из своих ниш.

Вокруг него кишела безобразная толпа демонических врагов.

Рыцари против чудовища, яркий меч против белых клыков. Красные от крови лезвия мечей. Но он уже не знал, кем из сражающихся был он или хотел бы быть.

И тогда в какой-то момент опускная решетка рухнула, ворота поддались, и внутрь с ревом ворвался Локи, что неизбежно должно было случиться, потому что Дирак, создавая его, предусмотрел, чтобы Локи был сильнее Хоксмура.

Начиная с этого момента холодная реальность стала брать верх. Как крепкая плоть, кровь и металл неизбежно возьмут верх над мечтами и видениями.

Пелена обманчивых видений спадала, обнажая перед реалистичным и жаждущим взглядом Дирака скучные черные стены комнаты. Мгновение спустя большая часть образов рассеялась, и Дирак сквозь лицевую пластину шлема снова мог видеть четкую и правдивую картину реальности. В этот момент последний всплеск энергии, выпущенный из его оружия, словно ножом срезал воображаемый камень одной из воображаемых королевских гробниц Аббатства — Генриха Седьмого, властелина своей собственной трансцедентальной часовни. Там находилось неподвижное тело суперинтенданта Гейзина.

Поединок был окончен. Майк был сражен и Кенсинг умирал. Локи, ворвавшись в зал в своем материальном облике и оживив целую команду в космических доспехах, оказался слишком силен, чтобы можно было его вывести из строя совсем.

В звенящей тишине после сражения, окинув холодным взглядом мертвую плоть своего сына, Дирак подумал: «Какая ужасная ошибка, мне следовало...»

Но он не знал и не мог сформулировать в чем же

именно состояла его ошибка. Сын уничтожил бы его... Ведь вопрос стоял: кто кого?

Против преобладающей силы Локи Ник продержался несколько дольше, чем двое людей из плоти и крови. В конце-концов Локи был спроектирован с таким расчетом, чтобы справиться с Ником. Теперь Хоксмур был заперт подобно джину в бутылке, заперт в своем космическом скафандре в виде водородной плазмы.

Костюм, служащий Нику обителью, был теперь навсегда лишен своей силы и сохранял равновесие лишь только прислонившись к полифазной стене помещения виртуальной реальности. Тем временем Нику была предоставлена возможность, которой могли похвастаться только единицы из живущих людей — он увидел свое мертвое тело. Ник, который проиграл, должен был сказать перед тем, как его отключат, несколько последних слов. Локи уже был занят уничтожением его программы. Дирак не хотел ничего слышать, но он уловил, что голос Хоксмура декламировал что-то нараспев, что оказалось древними стихами, что-то о поцелуе и электрическом стуле.

Командор Принсеп, очнувшись, словно от толчка, после сна, в котором он так отчаянно нуждался, обнаружил, что лежит распростершись на койке в одном нижнем белье в своих комфортабельных новых апартаментах на борту станции. Хейвот все еще в скафандре и с карабином на боку спал на полу — как раз против входной двери.

Усевшись, командор первым делом бросил настороженный и недоверчивый взгляд на карабин Хейвота, успокаивая себя тем, что тот был устроен относительно безопасно. Потом он начал одеваться.

Хейвот тоже проснулся. Мужчины обменялись несколькими ничего не значащими словами.

Принсеп связался с Тонгрес и Дайнантом, которые размещались в комнатах по обе стороны от него. Он убедился в том, что уцелевшие члены его экипажа

находились в безопасности, а их насущные потребности были удовлетворены.

Где же был суперинтендант Гейзин? Никто из людей Принсепа до сих пор не видел его на борту станции, правда, никого из них это особенно и не волновало. Через несколько минут доктор Задор, разбуженный компьютерным мозгом станции, сообщившим, что пришельцы уже проснулись, пришел сообщить новости. Пару часов назад премьер Дирак вернулся с яхты. В настоящее время премьер спал в своей комнате — обычным сном, приказав не беспокоить его, если в этом не возникнет чрезвычайной необходимости.

Решив, что по поводу Гейзина пока рано беспокоиться, Принсеп сел к столу, чтобы насладиться необходимым завтраком в компании Анюты Задор и Хейвота, который наконец-таки снял свой комбинезон. Мужчины приняли душ, и заказали новую одежду. Сваренные без скорлупы в кипятке яйца и выращенная на корабле спаржа были поданы с похвальной скоростью по требованию Принсепа. Он с облегчением заметил, что Дирак печально покачал головой:

— Что ж, мы снова пришли к этому. До свидания, Ник! Но только до тех пор, пока тебя не перепрограммируют, помни об этом. Мы уже с *тобой через это проходили*, но я не собираюсь ставить на тебе крест, нет.

Локи незаметно разомкнул цепь.

Скафандр Ника, теперь действительно опустевший, мягко осел на ковровую поверхность палубы.

Дирак и его охранник Локи стояли победителями на этом поле полуразрушенных видений. Медленно и устало Дирак отстегнул шлем и откинул его за спину. Зрелище разгромленной комнаты не принесло ему облегчения.

Несколько минут стояла тишина, потом начали появляться прозаические работы, которые были вызваны Локи, для наведения порядка.

Мертвые тела Майка Сардо, суперинтенданта Гейзина и телохранителя Брабанта — были оставлены на милость роботов-уборщиков.

Дирак устало отдавал машинам свои распоряжения.

— Да, просто избавьтесь от всех троих любым путем. Как — меня не волнует.

Кенсинг был единственным уцелевшим со стороны проигравших. Локи все еще в своей материальной форме с обломками средневековых доспехов, приставших к нему в то время, когда он находился в зале виртуальной реальности, вместе с Дираком вытащили находившегося в полубессознательном состоянии Сэнди Кенсинга. Локи методично и аккуратно связал руки и ноги пленника.

— Не убивай его. И не причиняй ему пока вреда. Он будет представлять интерес как сохранившийся образчик нетронутой жизни,— сказал премьер.

Механизированная обслуга была на таком же уровне, как и на других кораблях. Жаловаться не приходилось, хотя, конечно, еда не соответствовала гурманским запросам командора.

За утренней трапезой командор возобновил с доктором Задор разговор на историческую тему. Одна из целей Принсепа состояла в том, чтобы как можно детальнее разузнать все о берсеркере Дирака. Кроме того, его также волновали специфические особенности этого общества. С первого взгляда создавалось впечатление, что здесь царит диктаторский строй.

— Хотя общество такого типа, как показывает история, вовсе не бывает благоприятными,— заметил командор.

Доктор Задор уже несколько раз выражала беспокойство по поводу отсутствия Кенсинга. Она боялась, что премьер мог снова приказать ему отправиться спать. И у нее даже не было шанса поговорить с ним. Она сказала, что Скурлок и оптико-электронный Локи, порабски повиновавшиеся Дираку, могли предусмотреть это.

Хейвот поедал блины с отменным аппетитом, с интересом прислушиваясь к разговору. Никаких замечаний он не делал.

Принсеп не стеснялся комментариев:

— Слишком сумасбродно, не правда ли? Заставлять людей проводить в беспамятстве многие годы, невзирая на их желания.

Анюта Задор со спокойной горечью в голосе проговорила:

— Премьер все еще говорит нам, что он — командир корабля, и мы должны подчиняться корабельной дисциплине. Сначала никому не приходило в голову возражать против этого. Но сейчас ситуация сложилась так, что сделать уже ничего нельзя.

Но на этот раз Принсеп пропустил это мимо ушей. Он сказал доктору Задор, что хотел бы, чтобы она по возможности скорее осмотрела его людей с серьезными ранениями, которые были оставлены на медроботов здесь и на яхте.

Задор согласилась. Она была готова отправиться на яхту немедленно, потому что беспокойство по поводу Кенсинга уже не покидало ее. Дирак же, вернувшись на станцию, говорить о Сэнди напрочь отказался.

Прежде, чем командор со своими двумя компаньонами успел закончить трапезу, в дверях его комнаты появилась женщина, которую он никогда раньше не видел. Она неприветливо уставилась на него. Задор сдержанно сообщила, что это Кэрол, супруга Скурлока.

Принсепу с первого взгляда эта особа показалась психически неуравновешенной. И ее поведение подтвердило это мнение.

— Итак,— начала она, после того, как подвергла Принсепа и Хейвота длительному разглядыванию.— Знает ли машина, что на борту находятся новые люди, я имею в виду вас?

— Машина? — вежливо поинтересовался командор.

— Не прикидывайтесь младенцем! — резко бросила она.— Я говорю о машине, которую гудлайфы называют большим берсеркером. Очень большим. Вы знаете, я видела, что тени сотен берсеркеров пересекали лик полной луны.

Хейвот непроизвольно хихикнул, он находил это

забавным. Принсеп строго посмотрел на него, потом повернул голову к раздраженной женщине и спросил:

— Полная луна? О луне какой планеты вы говорите?

— Не прикидывайтесь младенцем. Я видела их, я наблюдала! Я знаю!

Громкий смех Хейвота, прозвучавший в ответ, разозлил Кэролин, она не пожелала больше разговаривать и пошла по коридору, по пути несколько раз останавливаясь и оглядываясь назад.

Доктор Задор объяснила мужчинам, что периодически Кэролин приходилось вводить транквилизаторы. Но это действовало ненадолго. Большую часть своей жизни она проводила во сне и будили ее только тогда, когда нужно было Скурлоку.

Принсеп спросил:

— Теперь я познакомился со всеми? Со всеми вашими современниками?

— Вы еще не познакомились с доктором Ховлером. Он хороший человек и вам стоит поговорить с ним. Но пока он, должно быть, еще находится в морозильнике.

— Тогда нам нужно позаботиться, чтобы извлечь его оттуда. Кроме того, мало мне удалось общаться с леди Дженевьев. Ее история должна быть очень интересной.

Анюта Задор рассказала им все, что знала. Не слишком много о том, как она была записана, но кое-что о том, как ее воссоздали из плоти и крови. На станции за триста лет немало провели экспериментов — родились другие тела, другие люди. Когда развитие технологии достигло соответствующего уровня, то физически зрелое человеческое тело можно было получить за три-четыре года.

Принсеп, внимательно слушая, заметил:

— Я бы не сказал, что наше путешествие, или как там еще можно это назвать, является оптимальной ситуацией для пополнения знаний о воспроизводстве людей.

Хейвот зевнул и потянулся — разговор на эту тему был ему не интересен. Потом он поднялся и, пробормотав какие-то извинения, вышел из комнаты. На нем была новая одежда, утром выданная роботами — мод-

ный комплект с ниспадающими складками на рубашке. Внезапно командору пришла мысль — не скрывается ли под этими складками боевое оружие? Ему и самому хотелось иметь при себе оружие, с ним можно было чувствовать себя немного безопаснее.

24

Кенсинг медленно приходил в сознание. Ему казалось, что рушится вся вселенная — кругом грохотало, словно гигантское воспроизведение виртуальной реальности было неожиданно перепрограммировано каким-то равнодушным богом.

Он полулежал в перегрузочном кресле, все вокруг свидетельствовало о том, что он находился на борту космического судна. Вероятно, это был один из челноков, обычно используемый для перелетов со станции на яхту и обратно. Отсюда он не мог выглянуть наружу, но по некоторым едва уловимым признакам, Кенсинг мог заключить, что крохотный корабль двигался.

Когда он попытался пошевелиться, то с ужасом осознал, что связан по рукам и ногам.

Последним ясным воспоминанием в его памяти было сражение в десятиметровом кубе просмотрового зала. Но он совершенно не помнил, как потерял сознание. Тело его ломило, болело от ушибов, но, похоже, что никаких серьезных повреждений у него не было, если не считать того, что очень кружилась голова...

Повернув голову, Кенсинг увидел, что за пультом управления сидит Скурлок, но без скафандра. Больше никого на борту не было.

Тот, кто связал его, а он предполагал, что это Локи, проделал отличную работу — освободиться без посторонней помощи было невозможно.

— Мы возвращаемся на станцию,— пробормотал он вслух свои подозрения.

Скурлок, повернув голову, посмотрел на своего пас-

сажира, вернее, пленника, взглядом, по которому ничего нельзя было прочесть.

— Не совсем,— ответил он.

Кенсинг предпринял попытку обдумать происходящее. Но мысли путались, выхода, кажется, у него не было.

— А где остальные? — спросил он через некоторое время.

— Премьер присматривает за уборкой. Брабант мертв, ты это и сам должен помнить.

— Майк?

— Я не знаю никого с таким именем. Но ты также убил добровольца по имени Фулер Аристов.

Кенсинг сделал несколько глубоких вздохов:

— Скурлок,— проговорил он,— ты ведь сам в это не веришь, правда? Ни в то, что его действительно так звали, ни в то, что я убил его?

Скурлок смотрел мимо него, но отвечал:

— Премьер и Локи рассказали мне, что произошло на яхте.

Челнок внезапно пошел на снижение и вскоре пришвартовался к твердой поверхности. На обычное пришвартовывание это не походило. К Кенсингу вдруг вернулось полное сознание.

— Не имеет значения то, что ты думаешь,— сказал Скурлок, вставая с места и развязывая Кенсинга.

Он говорил так, словно разговаривал сам с собой.

— Подожди минуточку. Что ты делаешь? Что происходит?

Скурлок предпочел избежать прямого ответа:

— Ты остаешься здесь,— заметил он.

Все же Кенсингу понадобилась еще секунда — другая, чтобы понять, что они причалили к другому объекту, не к станции. Был ли это берсеркер? Если так, значит, за прошедшие триста лет в его корпус был вмонтирован обычный воздушный шлюз, который соответствовал нормам землян.

Маленький воздушный шлюз челнока начал открываться, и перед его взором предстало большое незнакомое помещение, в котором стояла машина — типичный

штурмовик берсеркера, очевидно ожидая, когда произойдет эта заранее обговоренная встреча.

Скурлок, будучи очень сильным, несмотря на нормальную силу гравитации, с легкостью приподнял с кресла Кенсинга.

Только теперь Кенсинг понял, в чем заключается сделка Дирака со своим неодушевленным партнером, позволяющая сохранять с ним дружеские отношения. И он издал вопль. Когда Скурлок выволок его в шлюз, машина берсеркера продвинулась вперед, вытянула захваты, чтобы заключить Кенсинга в свои объятия и унести в черную непроглядную тьму безжизненных внутренностей огромного металлического убийцы.

Примерно час спустя Хейвот и его временная подружка были выведены из состояния полусонной дремы, раздавшимся вдали грохотом. Станция ходила ходуном.

— Что это было? — хриплым шопотом спросила леди Дженевьев. Здесь в отдаленной каюте они могли чувствовать себя в относительной безопасности. Здесь никто их не мог искать. Ник пока пребывал в процессе перепрограммирования. Локи был занят с Дираком.

Хейвот высказал предположение, что по всей видимости взорвался флагман командора, и распространившаяся ударная волна вкупе с мельчайшими материальными частицами ударила в защитный внешний корпус станции.

— Должно быть! — с облегчением сказала леди Дженевьев и снова легла, прижавшись к Хейвоту.

С Дженевьев у Хейвота все получилось до странного легко... Теперь он уже строил планы как обольстить Варвару Энгадин...

Нынешняя подруга Хейвота, подобно и всем остальным женщинам, не смогла избежать его мужской красоты, обаяния. Он не миндальничал с женщинами, был наоборот довольно резок, непочтителен, но женщины мгновенно влюблялись.

Неожиданно он сказал леди Дженевьев:

— Вашему мужу повезло. И я нисколько не сомневаюсь в том, что он заслужил свою судьбу.

Леди не совсем понимала, считать ли это за комплимент?

Поэтому она прильнула к нему и, как бы между прочим, спросила:

— Кристофер, чего ты боишься?

— Не так уж многого,— подумав ответил он.— Одно время меня серьезно беспокоили берсеркеры.

— А сейчас нет?

Он лежал, заложив руки за голову и испытующе смотрел на нее. На последний ее вопрос он ответил своим вопросом:

— А чего боишься ты, Премьерша?

Вдруг Дженни прорвало и она стала торопливо рассказывать Хейвоту о своем опыте с Ником, о кошмарах бесплотной жизни. Тело, на которое смотрел и ласкал Хейвот с такой страстью, было теперь четвертым для нее с тех пор, как она снова обрела плоть и кровь. Дирака интересовали и сами эксперименты, и то, чтобы его леди была вечно свежа и красива.

Правда состояла в том, что с тех пор, как Ник выдернул ее из обломков курьера, Дженни была одержима мыслями о своей собственной внешности. Внешность ее должна была соответствовать какому-то головокружительному, придуманному ею самой, идеалу. В то же время она хотела оставаться узнаваемой для всех, кто знал ее в ее первом материальном воплощении.

Несколько раз обсуждала она с Хейвотом то, как трудно было ей найти совершенное тело. Она страстно желала услышать от него заверения относительно совершенства ее внешности.

Хейвот был заинтересован возможностью изменить внешность. Но испытать это на себе ему лично не очень хотелось. Своей внешностью он был пока удовлетворен.

Хейвота всегда интересовало, что в действительности пугало людей. А узнав это, он иногда искренне изумлялся. Сейчас он испытывал Дженевьев. Но сначала ему нужно было спровоцировать ее.

— Рано или поздно ты не сумеешь найти генетиче-

ские соответствия, которые бы так близко совпадали с твоей оригинальной внешностью, даже, если для выбора в твоем распоряжении будет миллиард образцов.

— Я буду волноваться по этому поводу, когда это и в самом деле произойдет. Пока за все время у меня не было причин для таких волнений.

Сразу после завтрака Принсеп пригласил для обсуждения тактики лейтенанта Тонгрес и младшего офицера Дайнанта.

Командор сказал:

— Вопросы первостепенной важности таковы. Первый: был ли этот проклятый берсеркер и в самом деле прикончен или нет? Второй: если он не мертв, можно ли его уничтожить? И последний, самый жизненноважный: можно ли как-то управлять его двигателями, чтобы группа землян могла вернуться домой?

Чем пристальнее Принсеп смотрел на эту проблему, тем более уверенным он становился в том, что по неизвестной причине премьер Дирак становится на пути решения любого из вопросов.

В течение нескольких последующих часов помощники Дирака продолжали говорить Принсепу, что великий человек отдыхает и просил не беспокоить его. Тем временем Принсеп обнаружил, что остальные давние обитатели станции мало чем могли помочь ему. Кэрол, когда начинала что-либо говорить, обычно несла абсолютный, но вполне безобидный вздор. Скурлок по отношению к Пришельцам занял однозначную антагонистическую позицию. В намерение леди Дженевьев или Варвары Энгадин оказание какой-либо помощи не входило.

Немного беспокоило Принсепа все продолжающееся отсутствие суперинтенданта Гейзина, а также Сэнди Кенсинга и Брабанта.

Скурлок, временно присоединившийся к компании Принсепа, делал намеки, что все трое пропавших стали жертвами берсеркера.

— Значит, он еще активен? На яхте могут находиться его аппараты? — уточнил командор.

Скурлок мягко заметил:

— Когда вы, наконец, привыкнете к нашей ситуации, которая по большому счету уже стала и вашей, вы поймете, что мы не гудлайфы, но и не пленники в полном смысле этого слова.

— Может быть, тогда вы нам дадите разъяснения по поводу нашей станции.

Скурлок бросил взгляд поверх плеча Принсепа, и облегченно вздохнул:

— Вон идет сам премьер. Эти вещи он сумеет объяснить гораздо лучше.

Дирак, элегантно одетый, выглядел мрачновато. Он шел, по-видимому, из своих личных апартаментов. Похоже, что давать объяснения он не намеревался.

— Процесс выздоровления ваших людей в медицинских аппаратах продвигается успешно. Их никто не беспокоит. Что вам еще?

— Где Сэнди? — не преминула спросить только что появившаяся на сцене Анюта Задор. Казалось, что она специально поджидала Дирака, чтобы задать ему этот вопрос.

Премьер обратил на Анюту Задор свой угрюмый взор:

— Я не знаю, доктор Задор, как сообщить вам эту трагическую новость.

Мгновение Задор смотрела на него, потом, поднеся руки к лицу, вскрикнула.

Мрачно и непреклонно Дирак продолжал:

— На яхте произошло сражение. Ваш суперинтендант Гейзин,— он бросил взгляд на Принсепа,— очевидно убил несчастного Фулера Аристова, затем вступил в перестрелку с Брабантом и Кенсингом. Все четверо были убиты. Эти события повергли Ника Хоксмура в такое состояние, что возникла необходимость перепрограммировать его.— Он снова перевел взгляд на Ан-

ни, теперь выражение его лица несколько смягчилось. Он всем своим видом хотел показать, что сочувствует.

Тем временем Тонгрес и Дайнант вступили в беседу с Варварой Энгадин, которая сумела рассказать им немало. Четыре года назад взбунтовавшийся Ник сотворил нечто такое, что повергло Дирака в дикую ярость. Его проступок был как-то связан с леди Дженевьев. Дирак не простил, и Ника перепрограммировали, насильно вернув то состояние, в котором он пребывал до нападения берсеркера на станцию.

Час спустя после того, как Дирак объявил о четырех погибших, по настоятельной просьбе Принсепа был разбужен доктор Даниэл.

И Задор, и Ховлер, когда Принсеп беседовал с ними, были склонны сомневаться в правдивости слов Дирака относительно гибели Кенсинга и остальных людей.

Командор Принсеп намеревался выяснить сам, какие другие источники и материальное имущество, скрытое от него Дираком, могли оказаться доступны. Кроме того, его волновала ядовитая и загадочная ментальная атмосфера, что царила на станции. Он стал требовать созыва общего собрания всех людей, пребывавших на борту станции. Дирак с показным радушием согласился.

Когда все собрались, командор спросил:

— Что удерживает нас от совместной попытки попробовать использовать двигатели с берсеркера для того, чтобы попасть домой?

В ответ Дирак возразил, что, кроме защитных полей и других средств пассивной обороны, имеющихся у берсеркера, приблизиться к его мозгу или двигателям не представлялось возможным, кроме того, такая попытка, наверняка, оказалась бы самоубийственной.

Второе возражение было выдвинуто Скурлоком и состояло в том, что силовые поля, удерживающие станцию, были настолько мощными, что для их преодоления настоящий уровень развития технологии еще не-

достаточен. Они физически будут не в состоянии приблизиться к берсеркеру и попытаться проникнуть в глубь его корпуса.

— Но откуда нам знать, если мы не попробуем?

Ни у кого из старожилов не нашлось удовлетворительного ответа на вопросы Принсепа.

Принсеп заметил:

— Мы захватили с собой кое-что, что могло бы оказаться полезным для технического перевооружения. Поскольку мы не услышали сколько-нибудь убедительных возражений, то намерены испытать их. Если яхта не сможет двигаться, единственным выходом из ситуации остается попробовать высадиться на борт берсеркера и попытаться разведать обстановку.

Принсеп снова обратился к Дираку:

— Как, по вашему мнению, премьер, берсеркер, буксующий станцию, жив или мертв? Или как еще можно охарактеризовать его теперешнее состояние?

Дирак довольно вежливо принялся объяснять:

— На протяжении нескольких веков этот берсеркер оставался совершенно инертным.

— Вы сказали, на протяжении нескольких веков. Не могли бы вы более точно указать время?

Дирак уточнил:

— Он оказался инертным почти с самого начала.

— Вы хотите сказать, что этот берсеркер, то есть его состояние за три столетия совершенно не изменилось? И все же вы не смогли что-то предпринять против него?

— Вам легко, командор, обвинять...

— Вы даже не предприняли попытки?

— Повторяю, тому, кто не делил нашу судьбу, не боролся за выживание, легко критиковать нас и ту дорогу, которую мы выбрали. Я уверен, что в техническом смысле берсеркер не совсем мертв.

— Потому что его двигатель функционирует.

— Поэтому тоже.

— Потому что несомненно действует какая-то астронавигационная система. Автопилот и другая аппаратура, удерживающая машину на одном и том же курсе. Силовые поля, буксирующие станцию. Что-нибудь еще?

— Все остальное относится к области фантастики. Все же нам не следовало бы доверять берсеркеру, не так ли?

— Позвольте мне сказать это по-другому. Насколько вам известно, много лет назад он прекратил попытки уничтожать людей?

Дирак, образец сдержанности, покачал головой:

— Боюсь, что мы только испытываем его терпение.

— Не понимаю. А как насчет трех людей, что погибли на яхте? Неужели все они были убиты в стычке между собой?

— Никто из них не был членом вашей команды. И я не считаю возможным обсуждать с вами то, что они делали.

— Члены моей команды находятся в медроботах на борту того судна, и я...

— Члены вашей команды находятся в такой же безопасности, как и все остальные люди. Командор, вы просто невозможный человек. Мы достигли той точки, когда я считаю лучшим рассказать вам обо всем без обиняков, хотя не намеревался этого делать. Но думаю теперь вы сумеете лучше понять нашу ситуацию. Время от времени мы вступаем с берсеркером в контакт.

— О, что же это за контакт?

— Нам было необходимо достичь с *ним перемирия.* Обоюдовыгодного соглашения,— спокойно объявил премьер.

— Что за соглашение?

— Подразумевающееся,— создавалось впечатление, что премьер прекрасно владеет собой.— Вы все еще не понимаете нашей ситуации до конца, сэр.

Лейтенант Тонгрес взорвалась:

— Это и наша ситуация сейчас!

Дирак смерил ее невозмутимым взглядом.

— Согласен, но, похоже, что вы до сих пор не понимаете ее.

Командор, стараясь хотя бы на время положить конец обвинениям, поднял руку. Он задал разумный вопрос:

— Я очень хочу понять нашу ситуацию, говоря ва-

шими словами. И правда, если бы вы мне объяснили, я бы гораздо лучше понял, что, черт возьми, происходит. И остальное тоже. Я настаиваю на правде. Объясните, что вы подразумеваете под перемирием?

— Чтобы понять это, вам понадобится время. Пожалуйста, не старайтесь запугать меня, командор Принсеп. На этом судне ваша власть на меня не распространяется. Скорее вы должны подчиняться моей.— Дирак величественно повернулся к нему спиной и удалился.

Когда кто-то из людей Принсепа предпринял попытку последовать за ним, Скурлок встал на пути:

— Все, что он пытается сказать, может быть сведено к следующему: мы не трогаем его, и он не трогает нас,— подвел черту под разговором он.

Командор Принсеп также решил не раскрывать карт, во всяком случае пытался оттянуть этот момент во времени. Он боялся, как бы не развернулась борьба между людьми на станции.

Все же, чем больше он обдумывал сложившееся положение, тем более сложным оно представлялось ему. Присутствие старожилов на их первом собрании не оправдало его надежд. Все на борту станции к моменту появления людей с «Симметрии» были хорошо накормлены и одеты. Системы жизнеобеспечения лаборатории работали слаженно и бесперебойно, также, как и на борту яхты: водородные станции, вырабатывающие электроэнергию, как и следовало ожидать, могли обслуживать еще многие поколения. Поддерживающие режим машины тоже работали. Медроботы также сохранили способность ухаживать за тяжелобольными и ранеными.

Поля, генерируемые системой искусственной гравитации, все еще сохраняли внутри станционного корпуса соответствующие параметры. Машины повторной переработки могли быть запрограммированы на создание новых тканей,— если бы вдруг это кому-нибудь пришло в голову,— и вполне могли справиться с задачей создания новых фасонов, если бы это кому-нибудь могло понадобиться. Должно быть, некоторые машины на бор-

ту были установлены специально для того, чтобы их можно было использовать для нужд будущих колонистов.

Принсепа продолжала волновать судьба раненых, он старался внимательно следить за их состоянием. Следил он и за тем, чтобы их регулярно навещали.

Ховелер и Задор пристрастно расспрашивали Принсепа о том, что могло произойти с остальными кораблями флота. Теперь медицинские работники страстно желали,— в то время как все остальные обитатели станции боялись,— прибытия новых людей. Верилось, что спасатели прибудут на мощном корабле. Премьера перспектива этого очень страшила. Для Дирака прибытие новых людей означало бы крушение его заветных мечтаний. Несколько столетий назад он начисто исключил возможность спасения. И планируя дальнейший ход событий, он перестал допускать и мысль о таком повороте судьбы.

Принсеп решил, что с его стороны будет разумным создавать впечатление, что прибытие новых кораблей реально, сам он, конечно, не верил в это. Но вера других в это — подрывала власть Дирака.

Последняя версия Николаса Хоксмура сразу после перепрограммирования стала размышлять над сложностью ситуации, в которой он оказался. Другие люди на борту, знавшие ранее две его прежние версии, называли теперь его Ник-3. Самому Нику две его прежние ипостаси казались совершенно чужими, хотя отдельные воспоминания были и общими.

Одна из немногих истин, в которой он был абсолютно уверен в этом преходящем и опасном мире, в который ему вновь позволили войти, состояла в том, что он считал леди Дженевьев очень красивой. Вторая истина, которую он для себя открыл почти сразу, вернувшись к исполнению своих обязанностей, заключалась в том, что у этой интересной и привлекательной женщины был роман с Кристофером Хейвотом, которого Ник сразу возненавидел.

Еще одним из его открытий было то, что леди Дженевьев была очень осторожна с Ником, словно опасалась его. И он не представлял себе, что могло послужить тому причиной. Поверить в то, что одна из его прежних версий могла причинить ей вред, он был не в состоянии.

Ник-3 осторожно пытался нащупать подход к ней, явившись однажды в ее комнату в виде голограммы, когда она осталась одна, и он разумно предположил, что его не перебьют.

Он сказал:

— Госпожа, думаю, вы знаете меня.

Она резко взглянула на непрошенного гостя:

— Я знаю, тебя зовут Ник. Николас Хоксмур. Чего ты хочешь?

— Только успокоить вас. У меня сложилось впечатление, что вы боитесь меня. Я хочу пообещать вам, что бояться меня нет никаких оснований. С моей стороны это было бы последним делом причинить вам зло...

— Спасибо, Ник, спасибо. Что-нибудь еще? Если это все, пожалуйста, оставь меня одну.

— Да, миледи. Но не соблаговолите ли вы сначала ответить на один мой вопрос?

— Что такое? — нехотя проговорила она.

— Я не сплю, как, вероятно, вы знаете. Все же были времена,— а я полагаю, что это как-то связано с перепрограммированием, времена, когда я видел сны. Мне снилось, что у меня было тело, тело было у вас, и мы были вместе. Я не знаю, сможете ли вы сказать мне что-нибудь об этих моих снах,— но мне казалось, что я должен был рассказать о них вам.

Леди теперь смотрела на него совершенно другими глазами.

— Как странно,— выдохнула она.

— Миледи?

— Нет, Ник, мы никогда в телесной оболочке не были вместе. У тебя никогда не было тела.

— Я это знаю.

— Но ты действительно являлся мне во сне. Точно так, я являлась в твоих. Боги космоса, как бы я хотела избавиться от них!

Мгновение спустя Хоксмур удалился из каюты леди Дженевьев, чувствуя облегчение от того, что у нее не было к нему ненависти, но никакой информации он не получил.

Мысль о том, что он постоянно подвергался процессу перепрограммирования угнетала его, хотя, с другой стороны, это было залогом своего рода бессмертия.

Ник, насколько мог помнить, никогда не делал для себя своей копии, даже такого желания у него не возникало никогда.

Но он боялся, что копии его могли быть у Дирака.

Хейвот поведал Принсепу и другие истории спасения Ника-1, и как была записана невеста Дирака, а потом возрождена из плоти и крови. Эту историю ему рассказала сама леди Дженевьев.

Для самого Дирака факт смерти его невесты, как и любое другое препятствие, с которым он сталкивался, было всего лишь временной задержкой. Фактически он нуждался не столько в самой Дженевьев. Он выбрал свою невесту из многих претенденток, благодаря тем ценным качествам, которыми она обладала. Но решающим тут было то, что она была влиятельна.

Фактически еще до того, как премьер узнал, что существует запись личности Дженевьев, он уже начал производить рассчеты: насколько органически выращенное приближение должно походить на его невесту, чтобы стало признанным в мире политики.

Одна вещь была известна наверняка: ко времени, когда появился истерзанный флагман с небольшой кучкой уцелевших беженцев, Дирак уже на протяжении веков время от времени оперировал с искусственными матками. Его первой решительной попыткой было сделать копию своей возлюбленной, или, как первый шаг к ее копированию, воспроизвести их сына. Но очень скоро он обнаружил, что Ник-1 с помощью Фрейи-2 проводил очень похожую операцию.

После того, как вероломство Ника-1 стало явным, неудачная версия Ника Хоксмура была перепрограмми-

рована в Ника-2, Дирак продолжал эксперименты, но теперь в его голове были другие мысли.

Задор и Ховелер были согласны с сомнениями Принсепа и его людей относительно того, что произошло с Кенсингом и другими людьми, исчезнувшими на яхте:

— Почему так поздно было объявлено об их гибели? Почему все привели в порядок до того, как объявили о том, что произошло?

Когда Дираку были заданы эти вопросы, то он ответил, что не обязан ни перед кем отчитываться в своих действиях, но наличие какой-либо тайны он отрицал.

В общем, казалось, что премьер был удивительно равнодушен к сообщениям о том, что происходит с цивилизованным миром. Его даже не интересовали миры, которыми он когда-то управлял. Казалось, что он предпочитал не верить тем новостям, которые ему не нравились. Когда он говорил о тех людях, которыми когда-то управлял, казалось, будто он считает, что те народы и их потомки с радостью встретят его возвращение. Дирак спокойно говорил, как сильно он скучал по своему дому и своим людям, но не было похоже, чтобы он действительно желал присоединиться к ним.

Принсеп считал, что теперь он начинает постепенно понимать сложившуюся ситуацию. С тех самых пор, как несколько столетий назад станция оказалась в изоляции, Дирак стал пленником своей собственной мании величия. Все его фокусы с искусственными матками были неотъемлемой частью истории, но не более того. Он прочел надписи на тысячах бирок, выводя зиготу за зиготой и стараясь восстановить и материализовать свою погибшую возлюбленную. Пряча себя под охраняемый свод на долгие годы, иногда на десятилетия между отдельными экспериментами, он сохранил относительную молодость. Ему не приходилось ждать результатов своих экспериментов.

Дирак не доверял ни одному живому существу, и

только искусственный интеллект стоял рядом с ним на карауле во время его длительных снов. Он верил только Локи.

25

Ник-3 был приглашен на встречу к боссу и теперь ожидал, когда Локи впустит его. В частные апартаменты премьера Хоксмур пришел не в своем комбинезоне. Ему так приказали. Скорее он был облачен в форму электронной суспензии, парил в определенных цепях задержки, в ожидании команды, когда ему разрешат появиться на голографической панели премьера. Он безуспешно пытался завести разговор с Локи. Теперь Ник ощущал Локи как и обычно — его зловещее присутствие было подобно сильному статическому заряду, который вот-вот должен пробить.

Локи передавал приказы, задавал вопросы, выслушивал ответы — на этом его функции заканчивались.

Наконец босс позвал Ника. Ему позволили проникнуть во внутреннее святилище и он воспарил в виде оптико-электронного образа на голографической панели, находящейся рядом с односпальной кроватью господина.

В первые дни путешествия премьер приказал установить в своей каюте личного медробота. Устройство здесь смотрелось как изысканный морозильник для хранения еды или как стеклянный саркофаг и выглядело шикарно рядом с простой кроватью. На многочисленных панелях робота, его боковых стенках приглушенным светом мерцали цифры. Обитель сна в хорошо развитом представлении Ника казалась окруженной кольцом огня, что было визуальным проявлением электронной сути Локи.

Ник-3, во время своего длительного ожидания беседы с Дираком, поймал себя на том, что гадает: как же дол-

жно выглядеть лицо премьера во время длительного сна, когда от замораживания оно становилось твердым как камень.

Локи информировал Ника, что с Дираком находится женщина. Тот заинтересовался: — Кем могла быть эта сегодняшняя гостья премьера?

Хоксмур сильно сомневался, что частной посетительницей Дирака могла быть доктор Задор. Ему было известно, что с каждым годом все больше и больше она ненавидит премьера. И пока еще Дирак не сделал попытки пригласить в свои апартаменты, что означало и в свою постель, женщину из новичков — лейтенанта Тонгрес. Но многие замечали, что она его очень интересует. Ник и не сомневался в этом.

Но сегодняшней гостьей оказалась леди Дженевьев. У нее было несчастное выражение лица. Стоило Хоксмуру взглянуть на чету, как он понял, что до его прихода эти двое спорили. Не было никаких признаков того, что леди Дженевьев пришла сегодня с романтической целью.

В ответ на формальное официальное приветствие Хоксмура леди Дженевьев едва кивнула. Премьер сразу перешел прямо к делу:

— Ник, у меня к тебе вопрос, к тому же очень важный.

— Сделаю все, что в моих силах, сэр.

— Я очень рассчитываю на это. Полагаю, что я все еще могу рассчитывать на тебя, хотя оба твоих предшественника грубо лгали мне. Ты — Ник-3, я хочу сказать, ты существуешь еще очень мало времени и поэтому пока еще не имеешь вредных наклонностей. Я прав, Хоксмур? Между прочим, тебе это имя еще не надоело?

— Нет, сэр. Я предпочел бы сохранить его, конечно, если у вас нет другого более подходящего имени. Как вам будет угодно.

— Хорошо, пусть имя пока останется. Что ж, Ник, вот мой вопрос: отдает ли леди Дженевьев предпочтение другому мужчине?

Ник скорее почувствовал, чем увидел умоляющий взгляд своей госпожи, хотя и принял все меры предосторожности — глаза его голографического изображения

были обращены в другую сторону. Он ответил с едва скрываемым изумлением:

— Сэр, я никогда не замечал ни малейших свидетельств этого... Как можно...

— О, избавь нас Хоксмур, от своих комментариев. Могу поклясться, что ты краснеешь. Не знаю, как тебе удается постоянно сохранять нравственность. По правде говоря, я много чего не понимаю, что и как в тебе появляется и исчезает.

— Сэр, насколько я знаю, леди Дженевьев совершенно невинна.

— Ты когда-нибудь видел мою жену наедине с человеком по имени Кристофер Хейвот?

Было несколько совершенно невинных встреч в коридорах, или других публичных местах, которые случаются между двумя органическими созданиями на борту. Коротко и точно Ник отчитался о тех случаях, которые ему удалось наблюдать, умалчивая о тех встречах, характер которых был не вполне невинным.

Дирак расспрашивал его о деталях, хотя, конечно, такая попытка со стороны человека, полагающегося только на свой органический мозг, поймать оптико-электронный ум на противоречиях и пропусках в описании деталей, была бесплодной. Ник в таких делах при желании мог вить бесконечную пряжу обмана и делал это мгновенно.

Похоже, что в настоящий момент Дирак понял это. Он вменил в обязанности Нику в будущем шпионить за Хейвотом. И вскоре после этого отпустил его.

Последнее, что Ник видел перед своим исчезновением с голографической панели, взгляд госпожи, выражающий безмерную благодарность, послуживший ему наградой.

Вновь приступив к своим обычным обязанностям, Ник размышлял над новым поручением. Он хотел навредить Хейвоту, но подставлять под удар леди Дженевьев не мог.

Возможно, решил он, самым разумным выходом из

положения будет предупредить Хейвота держаться от нее подальше. Надеясь решить этот вопрос косвенно, Ник разыскал командора Принсепа.

Оказалось, что Принсепу не было никакого дела до попыток Ника сделать предупреждение. Ум командора занимали другие вещи. Он пытался разузнать у Ника о дефектах двигателей яхты и подобных делах.

Ник мог бы оказаться полезным Принсепу, он знал все о двигателе. Он хорошо помнил, что три сотни лет назад двигатель яхты был поврежден в сражении, когда маленькая эскадрилья кораблей Дирака нагнала берсеркер и украденную им станцию.

— Ты уверен, Ник?

— У меня отличная память, командор,— с иронией напомнил органическому человеку Хоксмур, но потом Ник замер, он почувствовал, что память о том, как нанесено было это повреждение для него холодна, лишена эмоциональной окраски, словно он узнал это все из исторических записей.

— Что случилось, Ник?

Ник попробовал объяснить:

— Воспоминание об этом похоже на то, что узнаешь с пленки, понимаете? Или как будто на самом деле этого никогда не было, но было внесено в программу.

— Что вы хотите этим сказать? Я не слишком хорошо знаю твою программу, Ник, но я точно знаю, что у двигателей яхты нет никаких физических повреждений. Когда в иной раз будешь там — взгляни сам.

Ник проследовал на «Фантом» и с удивлением осмотрел неповрежденное оборудование. Он больше не мог понять, который из органических людей заслуживает его доверия, если вообще кто-либо заслуживает. Но он был исполнен решимости делать все, идти на контакт со всеми, только бы помочь Дженни.

Раздумья над двигателем яхты, и над тем, почему в него была вложена заведомо ложная информация, привели Хоксмура к решению о том, как ему найти быстрый и легкий способ восстановления функций двигателя, а потом — отбыть на этом судне вдвоем с леди Дженевьев.

Ник-3 в общем-то не одобрял фантазии. Он полагал, что был подвержен им только в силу какого-то упрямого дефекта в его программе. Экспериментирование с собственной волей в пределах замкнутого пространства своего ума было подобно пустопорожней перегонке воздуха с места на место или сражение с тенью. Это ничего не давало и ничего не доказывало.

Ник уже провел достаточно своего времени, размышляя над тем, как же ему удалось пойти на предательство, которое как утверждали факты и его собственная память, он уже успел совершить.

Теперь Ник-3 полагал, что длительный процесс его предательства премьера, должно быть, начался тогда, когда он, вернее его предшественник Ник-1, бросился на разрушенный курьер, чтобы попытаться помочь леди Дженевьев. До этого момента, похоже, все в его жизни протекало гладко, во всяком случае так ему вспоминалось, не сходя с колеи его запрограммированной преданности. Его единственной целью при высадке на обреченное судно было любой доступной ему ценой спасти даму хозяина.

Все же настоящее предательство, которое действительно имело место, произошло позже. Потому что само спасение леди, запись ее памяти и личностных характеристик означали только служение во благо хозяина. Предположим, он *не стал бы вмешиваться. Теперь* Дженни и в самом деле была бы мертва, как и *считал ее* муж. Но, что бы в таком случае приобрел премьер? Он бы потерял ее на длительное время. И тот период времени, который она провела бы в оптико-электронном состоянии, ничуть не заставил бы Дирака страдать, во всяком случае до тех пор, пока он не узнал бы об этом.

Продолжая беседовать с Ником, Принсеп зашел за лейтенантом Тонгрес и младшим офицером Дайнантом, и вместе с доктором Ховелером они отправились в ту часть лаборатории, где они еще не были, чтобы познакомиться с экспериментами и биологическими проектами,

которыми занимался Дирак раньше да и, по всей видимости, не собирался бросать их теперь.

Ховелера только иногда приглашали принять участие в этой работе, и он нехотя соглашался, потому что из моральных соображений считал неэтичным из зигот выращивать новые тела и помещать в их старые личности людей.

Как объяснял Ховелер, Дирак считал для себя все средства оправданными, только бы вернуть свою невесту, и все опыты проводились именно для этого.

Ховелер, представив вновь прибывших Фрейе-2, объяснил им, как и почему она была создана Ником-1.

Фрейя появилась перед посетителями на голографической панели в виде головы красивой женщины неопределенного возраста. Ее светло-серебристые волосы развивались, словно в оптико-электронном мире, в котором обитала Фрейя, дул легкий ветерок. Этот облик навязал ей однажды Ник.

После короткого обмена комплиментами Принсеп приступил к делу.

— Фрейя, не могли бы вы мне сказать, как обычно поступают с мертвыми органическими телами на станции и яхте?

Воображаемая женщина, казалось, отвечая на вопрос, была совершенно невозмутима:

— Обычно, командор, мертвых органических тел не бывает. Даже такие продукты, как мясо и яйцо, синтезируются непосредственно через систему жизнеобеспечения.

— Я имел ввиду только тела землян. В лаборатории обязательно должны быть отходы, например, в результате неудачного эксперимента. Кроме того, совсем недавно четверо мужчин погибли,— уточнил свой вопрос Принсеп.

— Я храню подобный материал для будущего использования в генетической работе. Пока площади хранилища позволяют это делать.

— Ага, а не могли бы мы видеть тела, которые находятся сейчас в вашем хранилище?

— Можете,— отвечать на вопросы Фрейя была обязана.

Она направила гостей в другую нишу лабораторного комплекса, где сквозь стекло они могли взглянуть на три тела. Фрейя сказала, что роботы группы обслуживания, получившие приказ избавиться от них, доставили тела сюда как органические остатки. Ховелер тотчас узнал тело Брабанта, и Принсеп и его товарищи идентифицировали тело суперинтенданта Гейзина, носившие отметины огнестрельных ранений.

Командор изумленно уставился на третий труп:

— Кто этот парень?

— Определенно, это не Сэнди Кенсинг,— ответил Ховелер, нахмурясь.— Я думал увидеть Кенсинга, но это кто-то еще.

Фрейя сообщила им:

— Ник опознал это тело, назвав его Фулером Аристовым.

— Ага,— кивнул Принсеп.— Несостоявшийся воспитатель колонистов. Хейвот поднял его из медробота на яхте.

Тело Сэнди Кенсинга очевидно отсутствовало. Фрейя знать ничего не знала, что с ним, живым или мертвым, могло приключиться.

Ника, заметившего пришельцев, охватило любопытство и он присоединился к группе. Его изображение на голографической панели рядом с Фрейей подтвердило личность Фулера Аристова. Незадолго до последнего перепрограммирования он видел это лицо в одном из медроботов на яхте. Память об этом, бывшая такой же свежей, как и память о поврежденном двигателе яхты, свидетельствовала о достоверности его сведений.

Ник замолчал, а группа последовала дальше. Вскоре Принсеп с двумя своими помощниками, сопровождаемый Фрейей-2 и Ником-3, сквозь стеклянные стенки искусственной матки понаблюдали за развитием человеческого плода женского рода.

— Еще одно тело для леди Дженевьев?

Ховлер подавленно заметил, что ничего не знал о цели этого проекта, а также о том, сколько именно подобных проектов осуществлялось в данный момент.

Фрейя твердо заметила, что в отсутствии премьера ей не разрешено распространяться на эту и подобную этой тему.

Несколькими минутами позже, когда экскурсия завершилась, Принсеп разыскал Дирака, который, похоже, был в настроении и желал поговорить с ним. Командор сообщил ему обо всем, что видел в лаборатории. Но он не стал упоминать о трех телах мертвых мужчин.

Оказалось, что Дираку было очень интересно услышать мнение командора о перспективе выращивания человеческих тел и возможностью управлять такими процессами.

Было очевидно, что Дирак сгорал от нетерпения обсудить с кем-то, чье мнение он уважал, преимущества своего мало-помалу развивающегося плана кооперации с берсеркером. Несомненно, что в данный момент Принсеп был наиболее подходящим для этого человеком.

Дирак начал с того, что спросил:

— Вы осуждаете мои попытки в области биоинженерии?

— У меня некоторые сомнения насчет того, что я увидел.

Командор Принсеп, мне бы хотелось развеять ваши сомнения. Дело в том, что с тех пор, как мы оказались в этой изоляции, я стал интересоваться фундаментальными проблемами.

— Например?

— Например: что такое человечество? Долгое время простого ответа на этот вопрос не было. Но теперь появились свежие идеи.

— И вы с нетерпением ждете возможности заняться ими вплотную?

— А разве не следует делать этого? Вы только подумайте, мой друг, какое общество можно построить,

имея то разнообразие составляющих, каким мы сейчас располагаем! Слово «общество» не совсем подходит для того, чтобы охарактеризовать эти трансцедентальные возможности. И мы здесь на этом судне — свободны в своем выборе заново построить себя. Мы убежали от догм человечества!

— А какая роль в этом новом смелом мире, который вы планируете создать искусственно, отводится берсеркеру?

— Смерть, командор, неотъемлемая часть любого мира. Смерть и жизнь обречены на вечное сосуществование. Одно без другого невозможно и бессмысленно, а, как вы считаете?

— Возможно,— Принсеп нахмурил брови. Он никогда не был силен в абстрактных разговорах.— Не хотите ли вы сказать, что, когда понадобится умертвить один из человеческих компонентов...

— Я хочу сказать, что их смерти не будут совершенно случайными и бессмысленными. Смерть в форме машины, станет рассчитанной, организованной, управляемой и, наконец, не бессмысленной.

Командор пристально посмотрел на Дирака. Лицо премьера приняло удовлетворенное выражение, словно то, что он говорил, действительно имело для него непреходящее значение.

— И кому,— продолжал командор,— предстоит рассчитывать и организовывать, как вы выражаетесь? Кому решать черед какой *человеческой жизни сейчас пришел?* И с какой целью?

— Кому решать? Самым ясным умам, с самыми глубокими представлениями!

Принсеп даже не старался скрыть свой гнев:

— Заключить перемирие с покалеченным берсеркером по недомыслию — еще можно простить. Но то, что вы предлагаете, кажется просто возмутительным!

Дирак выпрямился. Своему обвинителю он напомнил, что для огромной массы протолюдей на борту лаборатории единственной перспективой является основание какой-либо независимой колонии в новом мире. Они не были нужны нигде, поэтому и оказались здесь.

Он с вызовом потребовал у Принсепа назвать ему хотя бы один из известных тому земных миров, достигших того или иного уровня цивилизации, который бы с распростертыми объятиями встретил миллиард незнакомцев и взял бы под свое покровительство это количество людей. Независимо от пользы, которую они смогут принести в будущем, первым делом их нужно будет воспитать, помочь освоиться в новом мире.

Принсеп укоризненно покачал головой:

— Вы дадите им жизнь только для того, чтобы они могли служить вам. Быть разменной монетой в той сделке, которую вы полагаете возможным для себя заключить со смертью.

— Но я бы напомнил вам, командор, что только моя сделка со смертью, как вы изволили выразиться, помогла нам и вам избежать смерти.

Принсеп поинтересовался:

— В таком случае у Вас должны быть явные доказательства того, что берсеркер способен на агрессивные действия?

Дирак медленно кивнул:

— Вероятно, он способен. И даже более, чем способен.

— Похоже, вам известно довольно много.

Постепенно премьер стал приходить в ярость:

— По крайней мере вам следовало бы признать, что я знаю об этом гораздо больше, чем вы. Вы пробыли в нашем маленьком мире каких-нибудь несколько дней, мой друг. Я занимаюсь этой проблемой уже три столетия, причем, все мои люди живы.

Принсеп, оставив Дирака, одиноко бродил по палубам и коридорам станции, сумрачно размышляя над тем, был ли у него, кроме кровавой стычки с диктатором, иной путь, чтобы свергнуть его власть. Но в подобном конфликте могут погибнуть все земляне, что будет только на руку берсеркеру.

Ноги занесли командора на территорию Фрейи. И сейчас он снова стоял возле стеклянной перегородки

и смотрел на мертвые тела, хранившиеся у нее.

Вслух он размышлял:

— Как плохо, что их интелект не был записан. Полагаю, что к тому времени, когда они попали сюда, такой возможности уже не было.

— Никакой,— согласилась Фрейя-2. Ее радушный облик появился на ближайшей голографической панели:

— С физической смертью ум, личность перестают существовать и не улавливаются аппаратами. В течение нескольких часов после смерти — а при хорошем сохранении немного более — имеется возможность получить четкий образец личности из клеток мозга, этот образец появляется при записи личности. Но делать больше мы пока не можем.

— Интересно,— ответил Принсеп.— Например, скажем, если бы настоящее тело леди Дженевьев еще было доступно...

Да, мы бы узнали, что оно принадлежало ей. Также, как это тело распознается как органическая основа матрицы Николаса Хоксмура.— Она указала на неподвижную форму Фулера Аристова.

Принсеп медленно, недоумевающе повернул голову. Он изумленно уставился на спокойный образ Фрейи, ее длинными волосами играл незримый ветер.

— Объясните мне это еще раз,— медленно попросил он.

Вскоре от Принцепа Ник-3 услышал историю своего собственного происхождения. История, в том виде, в котором поведала ее Фрейя, включала также факт отцовства Дирака...

Когда Ник узнал правду, он вскипел от гнева. Ведь это уже не раз происходило с его предшественниками. Отцом всегда был премьер. Ник жаждал мести, но теперь он решил начать мстить непосредственно с Локи. Физическая сущность Локи была для него недоступна. Она хранилась в отдельных апартаментах Дирака.

Это могло быть осуществимо только при отсутствии

Дирака, причем Локи должен сопровождать его, полностью сосредоточившись на задачах его защиты.

Тем временем премьер прежде, чем принять окончательное решение, решил еще раз посоветоваться с берсеркером. Теперь, гораздо в меньшей степени беспокоясь, что его секретный контакт может быть обнаружен, он принял меры по установлению видеосвязи. Он хотел представить схему будущей колонии.

С нескрываемым любопытством размышлял он о том, в каком виде предстанет берсеркер на голографической панели для проведения диалога с землянином. Ответом на его любопытство оказалась шумная пустота. Никакой видеосигнал не поступал.

Дирак был готов допустить мысль, что этому его плану будущей колонии, нового типа существования человека, может понадобиться еще несколько столетий для совершенствования. Возможно, рассказать о нем Принсепу было с его стороны ошибкой. С первого дня прибытия командора и его людей он знал, что у него не будет ни малейшей надежды склонить их сотрудничать с ним. Никакой. Придется действовать с ними по-другому.

Теперь он мерял шагами узкое свободное пространство своей каюты, время от времени поворачивая голову в направлении шумного тумана, словно надеялся, что этот шум может воплотиться во что-то более осмысленное. Маленький коммуникатор, принесенный премьеру Скурлоком, лежал забытый на столе. Скурлок и Варвара Энгадин стояли тут же и с жадностью прислушивались.

Дирак говорил, обращаясь к хаотичному изображению берсеркера:

— С самого начала, осмелюсь сказать, партнерства было очевидно, что ты вынужден действовать в строгих физических рамках. Массивные повреждения того или иного типа не позволяют тебе непосредственно выполнять команды твоей программы.

Радиоканал издавал только приглушенный шум.

Дирак продолжал:

— Вот уже три столетия ты располагаешь миллиардом потенциальных человеческих жизней. Все же ты не в состоянии заставить их служить своим непосредственным целям. Для органического ума это было бы отчаянным положением...

Наконец раздался голос машины. Он был достаточно четким, но, казалось, что приходит откуда-то с большого расстояния. Он звучал, как всегда, неприятно угрожающе, словно и сейчас он боролся с сопротивляющимся человечеством.

Он говорил:

— Полагаю, что эти заявления означают, что вы хотите предложить мне еще что-то?

Дирак кивнул:

— Да. Это так. Один долгосрочный план. Великую сделку между жизнью и смертью, органической сущностью и неорганической. Подробности все еще предстоит разработать. У меня для представления есть голографическое изображение. Кроме того, я скоро пришлю еще одно земное существо, может быть даже несколько.

Голографическая панель в кабинете Хейвота загорелась. Это означало, что *кто-то пытается связаться с ним.* Он в одиночестве лежал *на своей койке и размышлял.* Теперь слегка повернувшись на бок, он поднялся на локтях и сказал:

— Говори.

Появилась голова и плечи леди Дженевьев. Задыхаясь, Дженни проговорила:

— Крис, я должна тебя видеть, немедленно.

Он был удивлен:

— Не будет ли это слишком опасным для тебя сейчас, когда твой муж стал внезапно таким подозрительным? Я не знаю...

— В настоящий момент он не помеха. Приходи так скоро, как только сможешь. Приходи в то место, которое называешь лесной будуар. Придешь?

Хейвот вздохнул, потом улыбнулся:

— Хорошо, в течение часа.

— Пожалуйста, поспеши! — панель погасла.

Задумавшись, он нахмурился и уже был готов собираться, когда панель снова загорелась.

— Говори,— снова скомандовал он.

На этот раз появилось вымышленное изображение головы Николаса Хоксмура, который не стал тратить время на предисловия:

— Хейвот, я знаю, что тебя только что пригласили на встречу. Но тебе лучше не ходить. Меня не волнует, что станет с тобой, но я хочу спасти леди Дженевьев от каких бы то ни было неприятностей.

Хейвот, натягивающий одежду, на минуту замер, а потом спросил:

— А именно от каких неприятностей?

— Видишь ли, это изображение на панели было не совсем ее.

— Что? — теперь, когда эта мысль была высказана вслух, Хейвот понял, что что-то в том образе было странным.

Хоксмур кивнул:

— Это был Локи. Он может и не такое вытворять с записанными образами и голосами. Не так хорошо, как я, но все же умеет для достижения своих целей.

— Как я понимаю, раз я откликнулся на приглашение, значит, умру?

Ник на минуту замешкался:

— Возможно, ты не умрешь мгновенно. Но может произойти что-то, что тебе не понравится. Локи уже ждет тебя в своей костюмной форме на месте свидания. И небольшой челнок стоит поблизости, за пультом управления которым сидит Скурлок.

Хейвот вздохнул.

— Спасибо за предупреждение.

— Я сделал это не ради тебя.

— Понятно. Тем не менее благодарю. Ник? Одно хорошее дело заслуживает другого. Нам что-то нужно придумать, где полезным мог оказаться для тебя я.

Образ Ника пристально смотрел на Хейвота, как

тому показалось в течение довольно долгого времени. Потом Хоксмур проговорил:

— Я намерен рассмотреть предложение о союзничестве должным образом.

26

Нику понадобилось всего несколько мгновений, чтобы обнаружить местоположение леди Дженевьев. Он знал, что в настоящий момент ее не было ни поблизости от лесного будуара, ни в ее апартаментах, где недруги ее, о которых она не подозревала, ожидали ее. Он нашел Дженни, она бесцельно бродила по палубам станции, и теперь по совету Фрейи пришла в просмотровый клуб лаборатории.

Дженни чувствовала потребность понять свою прошедшую жизнь.

Три столетия назад вступила она на палубу этой станции как невеста Дирака с кратковременным визитом, имеющим определенные цели. Передав своего отпрыска, мальчика или девочку,— она даже не помнила интересовалась ли тогда его полом,— вежливым нежным живым докторам и машинам, молодая жена премьера, сбежала со станции только для того, чтобы погибнуть, во всяком случае все так думали.

Ее дар трехсотлетней давности — зигота, которую с таким остервенением пытался найти Дирак, когда впервые ступил на борт станции, так и не была обнаружена. Скорее всего эта пробирка действительно затерялась среди огромного массива генетического материала в результате удачной попытки Ховелера смешать все записи.

Конечно, думала она теперь, следя за разворачивающимися на дисплее событиями, которые решила просмотреть по совету Фрейи, муж ее в одном был прав: для миллиарда протолюдей, находившихся на борту станции, будущее существовало, если оно вообще могло

существовать, только в новом мире, где можно было бы развернуть колонию землян.

Фанатичное стремление Дженни обрести свою восстановленную плоть было непоколебимо. Но своего мужа она стала ненавидеть и бояться. А он ревновал ее, не столько потому, что она волновала его как женщина, а потому что не терпел никакого посягательства на свои исключительные права в чем бы то ни было.

Недавно, охваченный новым приступом ревности, Дирак пригрозил своей жене тем, что было гораздо хуже, чем намеренная глубокая заморозка: перезаписью и перепрограммированием, которые он уже неоднократно применял по отношению к Нику.

Столетия назад, когда эта биологическая исследовательская станция еще функционировала нормально, ее комната виртуальной реальности, как и другие аналогичные устройства, существовавших во многих исследовательских центрах в той части Галактики, к которой относилась и Солнечная система, была одним из самых излюбленных для исследователя.

Внутри такого помещения могли без особого труда увеличить размеры зиготы или даже простой клетки до размеров Вестминстерского Аббатства, несмотря на то, что реальные размеры самой комнаты были весьма скромными — всего 1000 кубических метров, и блуждать среди представленных компонентов, выполненных программой из полифазных материалов. Работая с таким моделированием, исследователи могли добиться получения такого вида объекта, который им был нужен. С помощью специальных инструментов могли они изменять отдельные молекулы или даже атомы по своему желанию.

При нормальных условиях работы с помощью этой комнаты на биологической станции обычно получали индивидуальные экземпляры в различных опытах по генетическому проектированию.

Конечно, Фрейя для понимания физических связей и взаимоотношений внутри образца в такой помощи не

нуждалась. Как не нуждался в ней и Ник. Но для людей из плоти и крови такая помощь для лучшей визуализации была просто необходима.

Сегодня, к величайшему изумлению Ника, он обнаружил леди, стоящую посредине огромного изображения сложных молекул и, по-видимому, серьезным образом знакомящейся с происхождением человека — архитектоникой генетики.

Она взглянула на Ника сквозь шлем виртуальной реальности и автоматически поздоровалась с ним. На время, достаточное для того, чтобы провести короткую общеобразовательную лекцию о том, что означает та или иная форма, он решил отложить предупреждение, которое и заставило его появиться здесь.

Казалось, леди Дженевьев была поражена всем этим хитросплетением петель и спиралей:

— Значит, это то, из чего мы состоим.

— Нет, это с чего мы начинаемся, миледи. Вернее, так мы выглядим, когда только начинаем свой путь. На пороге пути, если угодно.

— Ник, ты сказал «мы». Но ведь это не относится к тебе.

— Дженни, есть нечто, что я только что узнал о себе. Что-то, что я хочу сообщить и тебе.

И пока Ник рассказывал леди о своих последних открытиях, он одновременно продолжал выполнять другое, не терпящее отлагательств — искусно дурачил Локи относительно местоположения Хейвота.

В настоящий момент Хейвот, облаченный в космические доспехи и с карабином в руках, приближался к Локи, находящемуся в лесном будуаре, только он приближался с той стороны, откуда Локи совершенно не ожидал его. Хейвот поддерживал постоянную связь с Ником. Тем временем Ник, с помощью всевозможных роботов обслуги, какие находились в его распоряжении, посылал различные звуки, тщательно спланированные им во времени, которые отвлекали Локи и скрывали шум,

производимый осторожными движениями Хейвота.

Но вот Хейвот остановился перед дверью. Так же беззвучно Ник слегка приоткрыл перед ним дверь.

Не более, чем в десяти метрах по открывшемуся взору коридору, Хейвот увидел Локи. Оптико-электронный телохранитель Дирака в комбинезоне ждал Хейвота совершенно с противоположной стороны. Оттуда по распоряжению Ника двигался служебный робот, шаги которого имитировали осторожную крадущуюся поступь человека, таким образом, был создан фантом Хейвота. Псевдожертва, медленно, но верно, следовала в подготовленную для нее западню.

А где же был сам Дирак? На мгновение Ник испугался, ему показалось, что он потерял след премьера. Но нет, он был тут же в небольшой комнатке неподалеку от того места, где скрывался Локи. Старик в полном соответствии со своим теперешним поведением был ревнив, беспокоен и снедаем любопытством: что же делает его жена? Намереваясь услышать известие от Локи и Скурлока, стоял он поблизости, ожидая, что похищение Хейвота пройдет без сучка и задоринки.

А Ник, разговаривая с Дженни и направляя Хейвота, одновременно выполнял еще одно дело. В этот самый момент в комбинезоне он ворвался в личные апартаменты Дирака. Включился сигнал тревоги, который пока никем не был услышан. Кроме того, в одном месте взорвалась мина-ловушка, удар которой был наполовину удачен — оторвана была одна конечность в скафандре.

Но и это не могло Ника остановить. Изуродованная форма Ника продолжала ползать в поисках хранилища физической сущности личности Локи. Три объемистых металлических касеты скрывались за обшивкой переборки. Через мгновение Ник огнем уже уничтожал своего врага.

Тем временем на другой палубе в самый последний момент Локи в ожидании приближения Хейвота вдруг почувствовал, что опасность ожидает его сзади. Комби-

незон Локи был отброшен в сторону со сверхчеловеческой скоростью. Но задачей программы телохранителя было взять Хейвота живым, не убивать. Поэтому Локи прежде, чем сумел ответить на огонь, опустил оружие.

Оптико-электронные реакции оказались недостаточно быстрыми, альфа-триггерный карабин Хейвота дрожал и вспыхивал огнем, одну за одной посылая пачки силовых импульсов, способных пробить космические доспехи. Достаточное количество снарядов угодило в цель и повергло вторую физическую сущность Локи в руины.

Теперь события, происходящие вне пределов просмотрового зала, потребовали полного внимания со стороны Хоксмура. Когда он внезапно оставил леди Дженевьев, до ее ушей донесся отдаленный сигнал тревоги, она пришла в ужас.

Внезапная стрельба прервала совещание Принсепа, которое он проводил вместе с лейтенантом Тонгрес, младшим офицером Дайнантом, докторами Ховелером и Задор.

Еще до того, как разгорелось сражение, командор говорил своим союзникам, что ему не представляется возможным избежать атаки берсеркера. Но, как скоро враг начнет нападение, все понимали это, в большей степени зависело от Дирака.

Некоторые из присутствующих считали, что прежде, чем предпринимать такой отчаянный шаг, следовало свергнуть Дирака с его поста диктатора.

Когда Дирак к своему *огромному ужасу обнаружил* останки доспехов Локи, разбросанные по коридору, и когда телохранитель премьера не отозвался на срочный призыв о помощи, он быстро понял, что лишился на время своего самого верного и преданного защитника

Заметив вдали Хейвота, он выстрелил, хотя и без сколько-нибудь заметного успеха. Тогда премьер, почти

парализованный от ярости, поспешил в челнок, который Скурлок держал наготове в воздушном шлюзе неподалеку от места засады.

Принсеп и его союзники были поражены, узнав о фактах, которые вскоре были подтверждены Ником. Во-первых, Локи был эффективно разрушен. Во-вторых, Дирак в сопровождении Скурлока и Варвары Энгадин на небольшом челноке покинули станцию. Но челнок отправился не в направлении яхты, где вскоре беглецы оказались бы в руках Ника, а в сторону берсеркера.

Очевидно, премьер был готов рискнуть искать убежище на берсеркере, уверенный в том, что сумеет убедить машину помочь ему, обещая предоставить в ее распоряжение миллиард протожизней.

Кристофер Хейвот, выйдя из схватки с несколькими царапинами, полученными от выстрела Дирака, был весьма доволен собой и готов выполнять любое задание, предложенное командором.

Теперь, когда он взглянул на ситуацию более объективно, Хейвоту пришлось признать, что у премьера было гораздо больше шансов, чем у Принсепа, выйти из этой сложной борьбы победителем. Как Хейвот понимал, тут необходима была абсолютная безжалостность, а командор не мог состязаться в этом с премьером. Но меньше всего хотелось Хейвоту вернуться в привычное русло жизни земной цивилизации, где его рано или поздно найдет рука правосудия и, за свои преступления ему придется понести наказание.

Хейвоту не хотелось также переходить на сторону Дирака.

Хоксмура мучили слабые, но еще сохранившиеся в нем угрызения совести, ведь он был запрограммирован на защиту людей. Вероятность продолжительного кровавого конфликта между землянами беспокоила его. Эта борьба была неуместна, особенно сейчас, когда берсеркер, казалось, ждал удобного момента, чтобы расправиться с людьми.

Ник обо всем этом много размышлял. Но больше всего он думал о своем отце, о том, что теперь замышлял Дирак.

Командору Ник сказал:

— Раз он удрал на берсеркер, нам придется последовать за ним.

27

Созвав друзей и союзников, Принсеп обвел взглядом все их лица. Среди них находились Хейвот, доктор Ховелер и Задор, лейтенант Тонгрес и младший офицер Дайнант. Леди Дженевьев и Кэрол — единственные органические существа на станции принять участие в собрании отказались и находились теперь в своих апартаментах. Ник Хоксмур заявил, что явится по первому требованию.

Группа попыталась трезво взглянуть на ситуацию. Настало время обсудить шансы на последующее выживание и возвращение домой.

Принсеп сказал, что *не претендует на свою власть* над другими, добавив при этом, что в этих печальных обстоятельствах, с которыми они столкнулись, правом быть выслушанными обладали все.

Увидев, что люди одобряют его, он объявил, что сейчас, когда Дирак отсутствует, у них не было причин откладывать вооруженное вторжение на мертвый или умирающий берсеркер. Потому что, если они не вступят в непосредственную борьбу с монстром, то у них не будет никакой надежды покинуть его цепкие объятья.

Правда командор заметил, доведение плана прямой конфронтации до логического завершения будет сопряжено с самоубийственной опасностью. Кроме того, им еще были нужны двигатели с берсеркера или их компоненты. Наверняка потребуется их радикальная модифи-

кация, помощь в которой могут оказать служебные роботы. Такому техническому подвигу будут сопутствовать неимоверные трудности, но назвать это совершенно невозможным было нельзя.

Альтернативным планом, который по всеобщему согласию был, если не в такой же степени, то еще более трудным — это укрощение самого берсеркера. Полный контроль над ним, установка на нем жилых помещений и полет на нем в районы торговых путей. Там его нужно будет оставить из-за опасности, что люди могут принять их за врагов. Дальше предстояло пересесть в один из сохранившихся небольших истребителей, посылать сигналы и надеяться на то, что их кто-нибудь подберет.

Когда настала очередь говорить младшему офицеру Дайнанту, он засомневался, сказав, что вторжение на берсеркер будет губительным, но заявил, что готов подчиняться приказам.

— Для жалкой горстки людей, вооруженных подобно нам, атаковать берсеркер такого размера непосредственно будет означать смерть. Я уверен, что у проклятого монстра должны быть в запасе силы, даже если он и лишен мобильности, он наверняка повсюду разбросал мины-ловушки. Внутри его механизма должны быть капканы и западни.

Лейтенант Тонгрес придерживалась другого мнения:

— Конечно, берсеркер поступил бы именно так, если бы мог. Но на самом деле он должен быть мертв, или почти мертв. Сначала мы можем послать робота. Если Ник согласится, он может попытаться проникнуть туда через антенную систему. У него должны быть такие возможности. Если это не сработает, то он может выделывать свои штучки, облачившись в костюм.

В наличии имелось большое количество доспехов различного вида, включая комбинезоны, которые носили пришельцы, и стандартные скафандры, которые были на станции. Кроме того, недостатка в ручном и наплечном оружии — достаточно эффектном против берсеркеров — враждебных машин размером с человека, не наблюдалось.

Когда Ник понадобился Принсепу, он услужливо

появился на голографической панели, готовый предоставить любую техническую информацию. В настоящее время плененную станцию и ее таинственного похитителя разделяло не более сотни метров; за время длительного путешествия прежнее расстояние сократилось на несколько сотен метров.

Силовые поля, которыми чужак удерживал свою жертву на протяжении трех столетий, оставались все такими же сильными, что могли подтвердить специалисты.

Тонгрес и Дайнант, имевшие инженерное образование, согласились, что такие поля могут существовать только при наличии значительной, постоянно исходящей энергии. А раз так, то значит берсеркер *был не полностью* мертв.

Атаковать ли берсеркер? В этом вопросе соглашения достигнуто не было. Из шестерых проголосовавших «за» были — Принсеп, Хейвот и Тонгрес, против — Дайнант и двое медицинских работников.

Принсеп вопросительно посмотрел на голограмму:

— Ник?

Во время голосования оптико-электронный человек хранил молчание, словно был уверен, захотят ли узнать его мнение. Теперь же он немедленно ответил:

— И я считаю, что мы должны немедленно идти туда.

Когда настало время обсуждения тактики, Хоксмур решительно отказался от проверки «гостеприимности» антенны берсеркера. Он предпочитал пересечь расстояние между судами в форме комбинезона, неся физический дубликат своей памяти у себя на животе.

Он сообщил леди Дженевьев, что он оставляет первичные записи своей памяти на станции, в таком месте, что она сможет без труда задействовать их, если вдруг ей понадобится помощь.

Через час, отведенный для окончательных сборов, партия вооруженных исследователей собралась на летной палубе, погрузилась в челнок и через мгновение

оставила станцию, вылетев в один из люков со стороны противоположной берсеркеру. Этот путь был выбран специально, в надежде, что враг не заметит, по крайней мере еще какое-то время, что они решили что-то предпринять.

Группа была оснащена несколькими небольшими переговорными устройствами, посредством которых они надеялись поддерживать контакт с людьми, оставшимися на станции. Доктора Задор и Ховелер пообещали делать все от них зависящее, находясь на станции, чтобы попытка увенчалась успехом.

И биоинженер, и терапевт все еще рассматривали биллион своих беспомощных пациентов, как мириады пребывающих во сне братьев и сестер. Ховелер сожалел о том, что принимал участие в работе с Дираком в еще и более радикальных экспериментах. У обоих биоработников появилось сильное родственное чувство к этой неимоверной орде протожищней. Некоторые их товарищи по станции испытывали то же самое.

Отделившись от станции, лейтенант Тонгрес выполнила петлю большого радиуса и приблизилась к корпусу берсеркера.

Бахрома Мавронари, вовлеченная в медленный и неизбежный дрейф, стремилась сомкнуться вокруг земного корабля и берсеркера. Немедленная опасность им не грозила, но она неумолимо нарастала. Последняя надежда на моментальный уход будет, вероятно, разрушена в течение ближайших нескольких лет. Такая перемена может наступить даже еще быстрее из-за естественных возмущений в туманности и из-за вторжения в нее берсеркеров. Здесь крутая волна, вызванная большой машиной берсеркера, может повлечь явления, аналогичные снежной лавине на крутых горных склонах, которые возникают даже в результате громкого звука.

Теперь масса берсеркера, величиной с астероид, громоздилась прямо перед ними. Безжизненная картина с выставленными орудийными стволами и старыми повреждениями напоминала работу художника-сюрреалиста. Цепляясь за малейшую надежду оставаться как можно дольше незамеченными проклятой машиной, дер-

жавшей их в плену, Тонгрес держала маленький челнок вблизи изогнутой силовой линии буксирующих полей. Даже внутри челнока под защитой космических скафандров все чувствовали, что их сжимает и давит то в одну, то в другую сторону, словно сила, подобная приливной, пытается перекрутить их внутри комбинезонов.

Но еще хуже был страх, охватывающий всех сильнее с каждой минутой. Не завлекал ли их берсеркер в ловушку, чтобы потом захлопнуть ее и, использовав свои последние резервы, прикончить их?

Фактически переход, выполненный даже на дрейфующей скорости, был закончен довольно быстро. Вскоре они вышли из поля действия буксирующей силы, и Тонгрес почувствовала, что челнок соприкоснулся с поцарапанным корпусом вражеского корабля.

Земляне производили высадку как можно тише. Естественно, их не ожидал воздушный шлюз и не было искусственной гравитации. В соответствии с планом они начали пробираться вдоль исковерканного и почерневшего внешнего корпуса в поисках подходящего места для вторжения. Незначительная сила тяготения слегка прижимала их к металлической поверхности.

У младшего офицера Дайнанта возникло чувство, что от древней конструкции веет могильным холодом, который начал проникать даже сквозь космический костюм.

Принсеп непреклонно двигался вперед, словно точно знал, что ищет и куда направляется. Бесполезно было бы ожидать от берсеркера, что он каким-то образом пометит свои входные люки для удобства посетителей. Пометок, естественно, не было. Но сомнений быть не могло в том, что любая машина такого размера должна была иметь входные люки. В изуродованном внешнем корпусе имелось большое количество отверстий, являвшихся следами десятков, а то и сотен сражений, в которых участвовал берсеркер на протяжении тысячелетий.

Тут командир, не разрешивший никому пользоваться

радиосвязью, жестом приказал остановиться и на что-то указал рукой. Они стояли на краю глубокого кратера, проделанного во внешней оболочке берсеркера каким-то оружием адской мощности. Металлическая обшивка толщиной с дом была разорвана. Свет прожекторов исследователей глубоко вниз выхватил внутреннюю полость с поврежденными комплексами, представляющими второй защитный слой.

Ник начал спускаться немного ниже, чтобы разглядеть получше. Потом он остановился и, отрицательно покачав своим пустым шлемом, вернулся назад. Никакого доступа к внутренним структурам он не заметил.

Сохраняя терпение, Принсеп снова повел свою группу по поверхности берсеркера. Обходя более мелкие кратеры и натеки расплавленного металла, им приходилось карабкаться, ползти неимоверно извилистым путем, пока они не прошли достаточно по громаде машины. Дважды они останавливались, чтобы установить маленькие переговорные устройства. Временами оружие их позвякивало и ударялось о почти осязаемые, вздымаемые мелкие частицы пылевой туманности.

Дайнант уже начал думать, что они никогда не сумеют пробраться внутрь, и от этой перспективы у него появилось странное чувство подавленности.

Но через несколько минут командор обнаружил обнадеживающую тропу. В этом месте кратер от одного из попаданий наложился на другой, более ранний. Открылась дыра, достаточная для прохода человека.

С командором во главе группа вошла внутрь берсеркера.

Через минуту они оказались в другом сюрреалистическом пространстве, конечно, без воздуха и света в окружении форм и конструкций, о назначении которых догадаться не представлялось возможным. Теперь Принсеп решил начать строго ограниченные шифровые радиопереговоры.

Передвигаясь с потушенными огнями, они настроили

свои лицевые пластины на широкий спектр визуального восприятия, включая инфракрасное излучение. Вскоре непрошенные гости обнаружили, что находятся во внутреннем корпусе, который соединялся с внешним посредством гигантских стоек и подпорок.

Внутренний корпус, простиравшийся во все стороны, был так огромен, что находившимся в нем людям казалось, будто они стоят на поверхности астероида. Здесь тоже повсюду можно было обнаружить признаки повреждений, хотя характер их не был столь явным, как снаружи. Но и здесь отсутствовали порой целые фрагменты внутреннего щита. Некоторые дыры выглядели так, словно были аккуратно вырезаны с целью проведения срочного ремонта. Эта машина остро нуждалась в ремонтных работах или полной перестройке где-нибудь в доке или безопасном тихом месте.

Вторгшиеся земляне несмотря на то, что порой им приходилось возвращаться, когда они оказывались в тупиковых коридорах этого ненанесенного на карту лабиринта, упорно продолжали двигаться вперед.

— Посмотрите сюда.

Перед ними появился внушительных размеров люк, по-видимому, предназначенный для обслуживающих машин. Дверь была открыта, и Принсеп, прежде чем провести свою группу внутрь, с помощью оружия заварил ее в этом же положении.

Теперь они и в самом деле располагались внутри своего врага. Забрезжила надежда, что таким образом, они сумеют проникнуть до самого уже неживого сердца берсеркера.

Но вскоре им стало ясно, что гигантская машина, внутри которой они находились, была вовсе не такой мертвой. Время от времени возникали случайные вибрации, отдаленный шум движения, однажды даже тусклая вспышка на мгновение осветила извивающиеся незнакомые формы неизвестного назначения.

Короткая вспышка их всех напугала.

— Что, черт возьми, что это было такое? — спросил Хейвот.

Командор ворчливо ответил:

— Не знаю. Может быть где-то с целью ремонта ведутся сварочные работы.

Они снова возобновили свой путь.

Некоторые члены их разведывательной группы порой испытывали чувства, близки к панике. Им снова стало казаться, что цель их была нереальна.

Но Принсеп продолжал методично продвигаться вперед. Активного сопротивления они еще не встретили, на это он и обращал внимание своих единомышленников, чтобы хоть немного приободрить их.

Продвижение вперед осуществлялось медленно. Дважды или трижды возникала необходимость увеличивать проходы, иначе было не продвинуться дальше. В таких операциях Ник играл главенствующую роль, вырезая или даже взрывая переборки или слишком маленькие люки, создавая грубое подобие коридора.

Вдруг Принсеп внезапно приказал остановиться. Тщательно ознакомившись с показателями на скафандре, он обратил внимание своих компаньонов на нечто очень странное.

— Где-то в этом районе угадывается наличие кислорода. Кроме того, датчики улавливают присутствие гелия и азота, словно где-то имеется атмосферный воздух.

—Дирак? Очень может быть. Дирак и его люди. У проклятой штуковины может иметься помещение для содержания гудлайфов.

— Это логично. Вероятно, на его борту уже побывали когда-то Скурлок и Кэрол.

— Давайте проверим, сможем ли мы пойти по этим следам?

Признаки воздуха были снова обнаружены, потом потеряны и опять найдены, на этот раз более сильные. Теперь сомнений быть не могло, что здесь имелась система жизнеобеспечения, которая еще недавно функционировала.

— Это металл Строителей,— проворчал Дайнант, получив моментальный образец с обнаженной структуры и тотчас проанализировав его с помощью инженерного устройства, что висело у него на поясе.

Лейтенант Тонгрес приготовилась ему возразить:

— Неужели ты все еще сомневался в происхождении этой штуки? Это берсеркер, вне всяких сомнений. Но берсеркер этот очень стар, он гораздо древнее нашей станции. Можно без опаски сказать, что он старее самого человеческого рода. И хотя внутри еще наблюдаются какие-то движения механизмов, он почти мертв.

— Хорошо, согласен, что он стар. Не спорю, что очень изношен. Не в состоянии проявить должной агрессии — очень может быть. Но как можно быть стопроцентно уверенным, что он мертв?

— Ты только посмотри, где мы находимся! Посмотри, что он разрешает нам выделывать! Сколько лет следует станция, привязанная к его хвосту? Его двигатель еще частично функционирует, но это все. Конечно, и мозг его уже должен был погибнуть. Если бы он еще был жив, то непременно бы пошел на такое ускорение, которое давно бы привело его самого и станцию к гибели.

Снова откуда-то, сверху должно быть, на внешней поверхности возникло несколько вспышек света, но теперь более ярких.

Продолжая упорно продвигаться, разведчики скоро достигли прохода, в котором признаки атмосферного воздуха, судя по чувствительным датчикам скафандров, стали более сильными, а через метр или два появилась искусственная гравитация. Потом без предупреждения появился сигнал об опасности. На *расстоянии менее* пятидесяти метров заметны стали машины с обслуживающими их роботами. Огромный берсеркер был еще жив.

В это самое время поступило первое сообщение от доктора Задор, находившейся на станции. Это был тревожный признак, поскольку люди договорились не начинать переговоров, если не возникнет чрезвычайной необходимости. Сообщение поступило с огромными помехами, но сам факт его получения свидетельствовал, что переговорные устройства все же работали. Содержание послания было неутешающим.

— ...идет сражение, в космосе... идет сражение в космосе...

С большими интервалами она сообщила еще несколько слов. Смысл сообщения Задор заключался в том, что взрывы сражения время от времени разрывали мрак Мавронари. Судя по тому, что сквозь иллюминаторы могли видеть Анюта и Ховелер: на три связанных между собой объекта — яхту, станцию и исковерканный корпус берсеркера — обрушилась атака, откуда ни возьмись, появившихся сил противника. Но атакующим было оказано должное сопротивление неизвестного происхождения.

В одном месте сообщения Анюты слушавшим его даже показалось, что какие-то небольшие аппараты высаживаются прямо на станцию.

— Повтори это снова. Не понимаю тебя, Задор. Скажи снова,— просил Принсеп.

— ...сражение... еще один...

Пока это было все.

Когда связь со станцией так внезапно прервалась, Ник поспешно заявил, что оставляет экспедицию и срочно направляется на станцию, чтобы любой ценой спасти Дженни.

Внезапно командор проявил свою власть.

— Но ты уже здесь. Ты ведь оставил одну из своих версий на борту станции. Именно для такого случая. Итак, ты остаешься здесь. Твое возвращение только создаст путаницу. Здесь Дирак и берсеркер. И, если мы хотим помочь твоей Дженни, должны сразиться с ними здесь.

28

Чувствуя себя как всегда неловко в космических доспехах, Дэн Ховелер схватил оружие и, махнув Анюте Задор, как подумалось ему, в последний раз, покинул

лабораторную палубу. Со всех ног бросился Ховелер защищать отсеки, в которых был груз. Всего мгновение назад компьютерный мозг станции, работавший в режиме тревоги, сообщил о присутствии на борту станции оккупантов. Как оказалось, два посадочных аппарата берсеркеров высадились на станцию с противоположной стороны.

Анюта Задор, также в скафандре и с оружием в руках, оставалась на своем обычном боевом посту, располагавшемся в центре лабораторной палубы.

Пока Ховелер пробирался с одной палубы на другую, они ходили ходуном. Вспышки сражения, идущего в ближайшем космосе, становились все ярче и указывали на то, что теперь оно не было локальным. Люди на борту пока еще не могли сказать, какие соперничающие силы участвовали в бою. И, конечно, ни одна из воюющих сторон не пыталась вступить с ними в контакт.

Ховелер продолжал бежать, хотя его облачение сковывало движения. Он получал регулярные сообщения со станции, что помогало ему идти по следу противника. Он слабо удивился, когда увидел, что ни один из посадочных аппаратов не имел намерения уничтожить миллиард зигот людей. Ему казалось, что берсеркеры должны были бы это сделать. Хотя такое предположение, судя по всей предыдущей длинной истории берсеркеров, было неразумным. По неизвестной причине оба захватчика двигались теперь в направлении палубы, где и размещалась большая часть *искусственных маток.*

В полузасекреченной лаборатории *Фрейи находилось* несколько беспомощных, еще не родившихся *созданий.* О том, сколько их было точно могли знать либо Фрейя, либо Дирак.

Дэн Ховелер бежал так быстро, как только мог, изо всех сил стараясь опередить механических убийц. Выжить в столкновении с ними он и не надеялся.

Несколько мгновений спустя он стремительно завернул за угол, где на него внезапно обрушился перекрестный огонь из оружия более мощного, чем его собственное. Одной ногой Ховелер поскользнулся и упал в лужу расплавленного металла. Это случайное падение

спасло ему жизнь. Все пространство коридора вокруг него полыхало и было разворочено взрывами.

Силовые пучки били по его телу, словно огромные молоты. Ему не потребовалось и секунды, чтобы понять, что перекрестный огонь предназначался вовсе не ему.

С правой стороны от него, на расстоянии не более десяти метров, пригнувшись к полу на своих металлических ногах, так хорошо знакомая и такая ненавистная форма берсеркера поливала огнем из двойного оружия, установленного в плечевых амбразурах машины. Ховелеру, как во сне, казалось, что он может неспеша посчитать количество вспышек.

А сзади, слева от него, он мог видеть двойника первой машины. Оба этих аппарата палили друг в друга.

Разрушительная сила была такой огромной, что одна из машин не выдержала. Та, что стояла по левую сторону от Ховелера, стала оседать. Три последующих взрыва за секунду до ее падения на палубу угодили в металлический корпус, превратив берсеркера в расплавленную груду металла.

Грохот боя, наполнявший ближайший космос, внезапно прекратился. Воцарилась относительная тишина, нарушаемая время от времени поскрипыванием изуродованной металлической обшивки коридора.

Испытывая головокружение от ударов, которые он получил, несмотря на защиту скафандра, Ховелер приподнялся на колени, а потом и встал во весь рост. Осматриваясь, Ховелер заметил, что коридор, в котором он стоял, был основательно разрушен. Если бы на нем не было доспехов, то в этом адском пекле он сгорел бы заживо и в одну секунду превратился бы в пепел. Над его головой длинные трубы системы защиты, случайно уцелевшие в таком разгроме, начали излучать паровые поля, которые позже обернутся прохладными струйками жидкости.

Но один из берсеркеров в этой дуэли остался жив.

Нетвердо держась на ногах, сознавая свою фатальную органическую неуклюжесть и полную непригод-

ность на роль воина, Ховелер начал медленно поднимать оружие.

Ствол чуть подрагивал в его ослабевших руках. Победивший аппарат, находящийся дальше по коридору, в него не целился, а только махал своими металлическими щупальцами. Потом он заговорил. Его динамики издавали речь, совсем не похожую на берсеркерную, интонации были вполне человеческие.

Он сказал:

— Не стреляй! Не стреляй! Прибыл полковник Маркус.

Леди Дженевьев, узнав о том, что ее муж сбежал со станции, задрожала от страха. Но, когда она услышала грохот идущего боя, ее охватил еще больший ужас. В поисках успокоения и защиты она поспешно задействовала станционную версию Ника-3.

Как только появился Ник, она по его настоянию удалилась с ним под прохладные каменные своды Вестминстерского Аббатства.

Оказавшись внутри десятиметрового куба просмотрового зала виртуальной реальности, который в отличие от корабля совсем не пострадал, леди надела просмотровой шлем и отправилась по длинному церковному нефу. Это была сцена из неотступно преследовавших ее ночных кошмаров, когда она была бесплотной, но Ник заставил ее найти в себе силы и встретиться с ними вновь.

— Машины нам не будут угрожать здесь? — *она* едва узнавала интонации своего голоса.

Ник теперь появился в знакомой ей одежде менестреля и шел рядом.

— Я не знаю, грозит нам опасность или нет, но, когда ваш муж, мой отец, придет, чтобы отыскать вас, мы оба будем готовы к встрече с ним.

Ник спокойно вел ее вперед среди каменных ниш воображаемой реальности, словно перед ним стояла какая-то четко очерченная цель. Странно, но очень скоро ужас, охватывающий Дженевьев, оказавшуюся в нена-

вистном ей окружении, рассеялся. Первый раз она смотрела на Аббатство не глазами существа из плоти и крови, и это едва уловимое различие давало ей такое важное ощущение защищенности.

Премьер Дирак поздравлял себя с тем, что ему удалось перехитрить врага.

Когда к его огромному удивлению, они последовали за ним на берсеркер, он имел возможность наблюдать за их приближением. Тогда он осмелился пойти на вторую хитрость и один вернулся на станцию, оставленную его преследователями. Потому, что именно там у него были шансы на будущее, на власть... Беспокоило его, правда, разгоревшееся сейчас в космосе сражение, похоже это была еще одна атака землян.

Посадив свой челнок на взлетной палубе и, забыв на минуту о стычке на борту, он был встречен Варварой Энгадин и Кэрол, которая выглядела еще более рассеянной и безумной, чем обычно.

— Где Скурлок? — требовательно спросила Кэрол, глядя дикими глазами через плечо премьера на маленький пустой челнок.

— Он решил пока остаться на берсеркере. Он мне не нужен здесь. Где моя жена?

— Она ушла в просмотровой зал,— сообщила ему Варвара и замолчала. Потом она горько добавила: — Я подумала, что ты вернулся за мной.

Дирак, словно и не услышав ее слов, сказал:

— Я иду за ней. Тебе лучше подождать здесь.— В доспехах направился он к десятиметровому кубу.

Скурлок и в самом деле предпочел остаться со своим старым защитником, берсеркером. Внутренне он был рад, что избавился от премьера, кроме того, у него не было никакого желания возвращаться в то опасное место. Из небольшого воздушного шлюза через маленькую переднюю можно было попасть в уютную, достаточно большую комнату, с хорошо увлажненным воздухом,

искусственной гравитацией и кое-какой мебелью. Здесь также находилась голографическая панель для наблюдения за космосом. Но Скурлока все это не особенно интересовало.

В маленькой передней находилась еще одна дверь, которая, очевидно, вела дальше в глубину машины. Но эта дверь никогда не открывалась. Возможно, что она никогда и не откроется.

Когда челнок вновь пришвартовался к воздушному шлюзу, из него вышла одна Кэрол и прошла в маленькую комнату.

Увидев ее, Скурлок усмехнулся. В ответ она улыбнулась. Снова все было почти так, как в те давние времена, когда они были только вдвоем и с огромным берсеркером. У него опять появилось чувство, что машина возьмет на себя заботу о них.

Но только тогда, когда появились другие люди, он понял, что начались настоящие проблемы.

Дирак, как и ожидал, обнаружил, что десятиметровый куб просмотрового зала находится под контролем Ника. На этот раз рядом с премьером Локи не было. Это не могло его остановить. Он вошел внутрь.

Пройдя порядочное расстояние по Аббатству и почти достигнув часовни Святого Михаила в северном трансепте (поперечный неф готического собора), он, в ужасе от увиденного, замер. Это была могила леди Элизабет Найтингейл, верх которой был украшен статуями восемнадцатого века, которые Дирак среди тысячи других древних образов раньше и не замечал. Высеченная из дерева Смерть в виде скелета выкарабкивалась из могилы, в руках у нее было копье, которым она хотела пронзить распростертую перед ней леди Элизабет. А каменный мужчина, бывший, по-видимому, мужем леди, вытянул вперед руку, чтобы защитить ее.

— Отец,— раздался за спиной Дирака мягкий голос. Он резко развернулся и увидел Ника, оптико-электронное явление, бывшее когда-то его сыном. В руках Ник сжимал оружие, преображенное системой виртуальной

реальности — остро отточенное лезвие, подобно каменному оружию, что было в руках той смерти.

— Так ты ничего не узнаешь! — вскричал премьер и, подняв свое оружие, выстрелил.

Командор Принсеп, не желал признаваться даже самому себе в том, что больше всего боялся обрыва связи со станцией. И это произошло. Больше никаких сообщений не поступало.

Существовала вероятность, что перерыв не был случайным. Экспедиционные силы землян на расстоянии примерно сорока метров увидели движущуюся машину, которая по своему виду напоминала штурмовик берсеркера. Хейвот выстрелил в ее сторону, но без какого-либо видимого эффекта.

Если бы в планы врага входило заманить маленький отряд землян в ловушку, то ловушка эта должна была захлопнуться именно сейчас.

Как бы то ни было, но намерения повернуть назад у командора не возникало. Напротив, он, собрав все свои силы, старался сосредоточиться все на той же цели: добраться до центрального мозга берсеркера и любой ценой попытаться нейтрализовать его.

Это был единственный способ победить. Но в глубине души Принсеп соглашался, что эта перспектива была почти недостижимой. Каждый, кто хоть чуть-чуть разбирался в берсеркерах, понимал, что задача по выводу из строя или разрушению мозга берсеркера без проведения последней страшной разрушительной атаки, будет трудной, или вообще неосуществимой.

Теперь Дайнант горько заметил, что кажущийся успех на самом деле ничего не означает.

Ник-3, который все еще сопровождал группу Принсепа, в то же время пытался отыскать так люто ненавидимого им отца.

Теперь, когда он был на берсеркере, его вновь мучил один вопрос, на который он никак не мог найти ответа и который в течение столетий прятался где-то на задворках его памяти: что же точно произошло с Фрэнком Маркусом так много лет назад?

Почти три века миновало с момента получения по-

следнего таинственного и непонятного сообщения Фрэнка Маркуса.

Последнее послание от Фрэнка Маркуса никогда не переставало удивлять его. Тысячи раз прослушивал он те слова, вникая в интонации, извлекая их то из одного банка своей памяти, то из другого, изо всех сил старался найти правильную интерпретацию.

Это похоже было на важное сообщение, сделанное человеком, который скорее согласился бы умереть, чем вступить в сделку с берсеркером. Человеком, который также обожал жизнь, как берсеркеры ненавидели ее.

Ник никогда не сомневался в том, что это важное сообщение действительно поступило от самого Фрэнка. Берсеркеры не умели как следует подражать человеческим голосам, также как и принимать человеческий облик. Эти убийцы так сильно ненавидели жизнь, что даже не желали подражать ей. Они с таким презрением относились к человеку, что даже не считали нужным идти на обман. Голоса, принимаемые этими отвратительными машинами тогда, когда те считали необходимым или удобным использовать человеческий язык, скорее походили на пародию речи. В некоторых случаях эти пародийные голоса были неуклюже смоделированы из настоящих голосов, записанных через их пленников.

Хотя его знакомство с полковником было мимолетным, Ник, если бы его спросили, охарактеризовал бы Фрэнка Маркуса, как человека, *совершенно не способного* на самоубийство. Когда силы были не в пользу полковника Маркуса,— а в такой ситуации он бывал не раз,— он все же сражался до конца, стремясь выйти живым и победителем.

Ник страшно уважал Фрэнка, несмотря на то, отвращение, которое испытывал к нему Фрэнк. Нет, не отвращение, это слово было бы не совсем верным для описания отношения полковника. Испытывать отвращение к компьютерной программе Фрэнк не мог от природы. Это было все равно, что понапрасну тратить энергию, испытывая неприязнь к карте или паре плоскогубцев. Все эти вещи были полезными инструментами и заслуживали уважения и использования по назначению.

Разведчики продолжали упрямо продвигаться вперед. Иногда они шли группой, иногда следовали одним коридором, иногда разделялись и шли параллельно, но старались никогда не терять друг с другом связи.

К их неимоверному изумлению они однажды натолкнулись на то, что выглядело как зеленые растения, зелень, которая и впрямь росла за стеклом этой... этой штуки.

Такая прелесть вряд ли могла оказаться в апартаментах гудлайфов.

Хейвот, страшно заинтригованный увиденным зрелищем, хотел свернуть с пути и полюбоваться растениями.

Но Принсеп настоял на том, чтобы они продолжали придерживаться цели, ради которой и предприняли это опасное расследование. Он строго-настрого предупредил всех, что все сколько-нибудь таинственное, заманчивое или интересное, что появляется в коридорах или боковых ответвлениях, может оказаться частью хитроумного капкана.

Дайнант выступил в поддержку:

— У него было более, чем достаточно времени, чтобы подготовиться к встрече с нами. Спланировать все и зарядить имеющееся на борту оружие.

Лейтенант Тонгрес возразила:

— А я говорю, что он мертв, или близок к смерти. Мы находимся в самом его чреве, а он все еще не в состоянии убить нас.

Они продолжали идти.

Через некоторое время по радио, встроенному в скафандр, стало слышно, как кто-то из их числа бормочет себе под нос молитву, взывая о помощи.

Выжившие земляне разумно полагали, что подкрепление, о котором просил командор перед тем, как покинуть Иматру, рано или поздно, чтобы найти их, начнет в этом направлении прочесывать космос. Но понятия «рано» или «поздно», а также «в этом направлении» были слишком слабым утешением, чтобы уповать на них. Не было никакой гарантии, что поиски увенчаются успехом, даже, если будут проводиться интенсивно.

Если реалистично подходить к вопросу, то шансов на то, что спасательный отряд с Иматры или откуда-нибудь придет к ним в ближайшем будущем, не было.

Тем временем на станции чужая машина-штурмовик, называющая себя полковником Маркусом, по-дружески и миролюбиво настаивала на том, чтобы сопровождать Ховелера на лабораторную палубу. Пока они шли, голос полковника из чужого тела машины сообщил, что у него давным-давно не было возможности с кем-нибудь поговорить, хотя, по правде говоря, не создавалось впечатления, что это его слишком расстраивало.

Анюта Задор вышла их встречать в дверях главной лаборатории. При виде компаньона Ховелера, ее кожа, несмотря на сильное влияние африканской наследственности, побледнела. Ховелер, запинаясь, безуспешно пытался ей объяснить что-то. Но стоящая подле него машина мешала. Из нее раздался вполне земной голос:

— Люди, вы смотрите не на берсеркера,— проскрежетал его голос.— Это я, Фрэнк Маркус. Бэдлайф в ящике. Я могу прояснить ситуацию в большей или меньшей степени. Я забрался в эту новую оболочку, потому, что она дает мне определенные преимущества в моей настоящей работе. Машина продолжала объяснять. Оказалось, что в любом сражении с заурядным неодушевленным врагом один полковник запаса Фрэнк Маркус или любой другой землянин придавали особое значение тому, что соответствующим образом экипированный человек, заключенный в свой ящик или ящики, в которые не может втиснуться *никакое тело нормального* взрослого человека, мог *имитировать берсеркерскую* машину так, что мог одурачить любого настоящего берсеркера.

Анюта Задор изумленно сказала:

— Среди нас существовало мнение, что Маркус был убит.

Ховелер подтверждающе кивнул и высказался:

— Дело даже не в том, был ли убит полковник или нет. Даже, если берсеркер с первого взгляда не распознал в этой маленькой механической груде человека. Он все равно должен был почувствовать, что перед ним какая-то опасность.

Машина рассмеялась человеческим голосом:

— Меня бы отлично узнали. Знай вы меня, вы бы не сомневались в том, что я бы нашел какой-нибудь способ заявить о себе. Вот он я. Ну и что вы теперь с этим сделаете?

Голос полковника, исходящий все еще из того же тела берсеркера, рассказал, что на борт станции его привело задание — защита ценного груза.

Задор и Ховелер, у которых головы шли кругом от услышанного, согласились, что груз, состоящий из миллиарда протожизней был действительно ценным.

Полковник — теперь уже никто не сомневался, что это он,— продолжал:

— И должен заметить, что это не совсем тот груз, о котором так печется мой настоящий работодатель.

Станция зашаталась от близкого взрыва. Ховелер спросил:

— А что это за сражение в космосе вокруг нас? Кто нападает?

— Берсеркеры, кто же еще? — и с этими словами полковник оставил их, чтобы приступить к своим обязанностям стражника, он искал место, откуда он мог бы наилучшим образом защитить палубу с искусственными матками.

Но перед тем, как выйти из двери, он оглянулся, блеснул металлическими глазами и добавил:

— Кто-нибудь из вас пойдет со мной или оба? Я расскажу вам тогда, где провел последние три сотни лет.

Некоторое время спустя после своего последнего пробуждения возле огромной машины Фрэнк, несмотря на ужасные вещи, которые ему пришлось наблюдать незадолго до того, как был схвачен, твердо придерживался своего первоначального убеждения: пленили его берсеркеры. Предложения же были не более, чем продуманной хитростью. Машина, до поры до времени игнорировавшая его, обратилась вдруг к нему на хорошем земном языке и сказала Фрэнку:

— Я выбрала тебя для службы, потому что ты оказался самым лучшим для борьбы с реальными берсеркерами. Никто больше не смог бы сделать эту работу так же хорошо.

И он быстро понял, как заблуждался, потому что машина продемонстрировала ему слишком много фактов, в которые нельзя было не поверить. Удивительные объекты, которые Фрэнк едва успел заметить перед тем, как его захватили в плен и усыпили, были наконец предоставлены для его свободного изучения.

В конце концов он согласился:

— Прекрасно, значит ты не берсеркер. Нет, ты самый отвратительный берсеркер из всех, что я...

На этом Фрэнк остановился, вздохнул и сдался. Раздавшийся вздох прозвучал очень правдоподобно — отличная имитация живых органических легких. Этот эффект от так долго отрабатывал и теперь использовал практически непроизвольно:

— Но ты действуешь по-другому. Ты убивал, но ты не живешь ради убийства. Хорошо, я сдаюсь. Ты выглядишь точно, как берсеркер, но ты не берсеркер — ты не можешь им быть. Скажи мне, ради всего святого, кто ты?

И тот сказал ему и потом показал ему. И у него были доказательства, подтверждающие эти утверждения.

— Искусственные матки,— сказал Фрэнк.— Вот, что тебе сейчас нужно больше всего на свете.

29

Дирак, в тяжелых доспехах и хорошо вооруженный в виртуальной реальности Вестминстерского Аббатства десятиметрового куба, выслеживал последнюю оптико-электронную версию своего сына.

Премьер искренне хотел бы отключить хотя бы некоторые из этих проклятых образов. Но в настоящий момент управление иллюзиями в полном распоряжении Ника, а интерактивный коэффициент Ника был очень высок.

Он, Дирак, мог бы иметь преимущества только в реальном мире.

Дирак уже не в первый раз говорил себе, что у вир-

туальных людей-программ есть свои недостатки, как и у людей из плоти и крови. Единственная проблема с первыми, с его точки зрения, была в том, что такие существа, как Ник, нельзя было заставить страдать.

Свет, проникающий сквозь нарисованные образы разноцветного стекла, раскрашивал виртуальные камни настоящих античных башен Хогсмура в приглушенные пастельные тона и отбрасывал глубокие тени вокруг надгробий, монументов, колонн. Дирак продвигаясь вперед, стал понимать, что кроме него и Ника в аббатстве был кто-то еще. Но одного взгляда на эту дополнительную фигуру в проходе, воплощенную в виртуальной реальности в статую ангела, было достаточно понять, что это была Дженни. Премьер, решил, что ее, не представляющую никакой опасности, пока в расчет можно было не брать.

Это преследование увело его на приличное расстояние по виртуальным меркам десятиметрового куба к востоку от высокого алтаря прямо в королевские часовни. И его глаз уловил еще одно подозрительное движение — нежелательное волнение миража. Премьер мгновенно метнулся в направлении огромного каменного саркофага, словно намеревался схватить его крышку. Полифазный материал пола и стен десятиметрового куба моментально перестроился, чтобы соответствовать сигналам, посылаемым зрительной областью коры его мозга. Благодаря обратной связи образовался твердый каменный уступ, за который он смог схватиться.

В приливе гнева премьер Дирак сорвал покров с последнего места упокоения двух своих сводных сестер Елизаветы I и Марии. Но на этот раз на этом месте не покоился прах древних королев — оттуда с криком выпрыгнула фигура более современной женщины, его жены.

Дирак вскричал о возмездии и оттолкнул ее от себя.

Он снова крадучись пробирался вперед. Без предупреждения рядом с ним прозвучал выстрел. Снаряды лишь скользнули по превосходным доспехам премьера. Залп только ударил его, перекрутил и заставил покачнуться. Чтобы свалить его, нужен был другой угол прицела и меньшее расстояние.

Дирак, заскрипев зубами, решил воздержаться от ответного огня, пока ясно не увидит свою мишень. Ему не хотелось разнести на куски помещение десятиметрового куба, как он это уже сделал на яхте. Он все еще планировал выполнить здесь множество работ по проектированию его новой колонии.

Ник-3, до этого успешно скрывающийся, прокричал в адрес Дирака угрозы и проклятья.

Отец его ответил тем же и продолжил преследование.

— Будь я проклят,— бормотал Дирак себе под нос,— будь я проклят, если позволю убить себя или победить какому-то запрограммированному человеку. А если дать этому явлению консервативное определение, то с законным основанием его можно назвать: компьютерной программой — не больше.

Дирак ступал горделивой походкой, отчетливо сознавая, что плоть его смертна. Теперь он входил в огромную величественную часовню Генриха Седьмого, над его головой поднимался свод такой тонкой работы, что казалось будто смыкались настоящие лиственные кроны. Он считал ниже своего достоинства записать самого себя. Премьеру нравилось быть из плоти и крови, и он намеревался сохранить свое тело.

В последние годы ни один раз приходила ему в голову мысль о том, чтобы записать себя, чтобы предусмотреть любые случайности. Были мгновения, когда идея эта казалась очень заманчивой, но каждый раз он отвергал ее. Потому что такая процедура могла *породить* и настоящего конкурента.

Теперь он вышел *из часовни Генриха и, полагаясь на* интуицию, двинулся к духовному центру всего Аббатства. Прямо напротив него стояла часовня Эдуарда Исповедника, сложной архитектуры. Внутри храма была рака из зеленого порфира. Говорят, что в ранние века настоящее Аббатство изобиловало чудесами.

Премьер вошел.

Внезапно пустой шлем скафандра Ника трансформировался в средневековые забрала. И его неясная фигура предстала перед отцом. В тот же момент альфа-триггерный карабин Дирака отстрелил их начисто от доспехов

и они, разлетевшись вдребезги, упали в угол иллюзорного видения Аббатства.

Дирак ликующе пнул осколки ногой:

— Вас снова ждет перепрограммирование, молодой человек! Что такое с тобой, почему ты никак не можешь ничему научиться? Что такое...

Дирак так и не сумел закончить своей мысли. Потому что в этот самый момент Варвара Энгадин, последовавшая за своим бывшим любовником, вторглась в Аббатство и, подойдя к Дираку вплотную, выстрелила ему в спину.

Теперь повергнутый на пол премьер знал, что умирает. На этот раз его превосходные доспехи спасли его от мгновенной смерти и только.

Сквозь туман почувствовал он, что откуда ни возьмись, появилась Фрейя и теперь она склонилась над ним. Ее длинные волосы развевались от невидимого ветра. Дирак не понимал того, что она говорила ему, но одну мысль он уловил и понял: в конце концов его запишут...

— Эта штуковина — проклятый корабль. Во всяком случае должен быть.— Эти слова, произнесенные хриплым яростным шепотом, исходили от Ника. Они несли какой-то необъяснимый смысл.

Остальные члены группы, из опасения не рискнувшие разгерметизировать свои костюмы, удивленно посмотрели на пустой шлем, произнесший это.

Кто-то возразил:

— Но это не может быть корабль.

— Тогда что же это?

— Дьявольские машины не стали бы строить целый корабль только для того, чтобы угодить гудлайфам! Они не могли и не стали бы этого делать.

— Может быть...

— Никогда! Во всяком случае не такой военный корабль как этот.

До сих пор разведчики пока не встретили никакого сопротивления. Держа оружие наготове, они с осторожностью продолжали двигаться вперед по невероятным, заполненным воздухом коридорам, петляющим в чреве зверя.

То там, то здесь виднелись выгравированные знаки, несомненно предназначенные для прочтения их людьми. Эти надписи были написаны или отпечатаны на языке Строителей.

Следуя надписям и указателям разведчики продвигались вперед, на поиски мозга берсеркера.

То, на что они натолкнулись, оказалось совсем другим.

— Идите и посмотрите.

— Черт побери, сохраняйте радиотишину.

— Нет, хватит радиотишины. Говорю вам, теперь это не имеет никакого значения. Пойдемте и посмотрим.

И те, кого позвали, пошли посмотреть. Перед ними открылась комната со стальными сводами, в которой были установлены кресла, экраны, панели.

Панели и экраны пестрели информацией на чужом языке.

В центре сводчатой комнаты на помосте разместилось три кресла странной формы, которые были больше по размеру и более сложной конструкции, чем другие на более низких уровнях. Три центральных кресла были тесно окружены хитроумными аппаратами, и два из них стояли спиной к людям, вошедшим в помещение.

Эта комната была не чем иным, как капитанским мостиком, командным пунктом, если угодно. Так и хотелось предположить, что это изолированное и хорошо защищенное место предназначалось для управления этой огромной машиной.

Разведчики недоуменно смотрели друг на друга. Никто из землян никогда не слышал, чтобы берсеркеры были оснащены подобным *оборудованием*.

Кроме странных кресел, бывших, очевидно, перегрузочными, имелся еще с десяток сидений, располагавшихся даже у дальней стены комнаты. Здесь еще имелись дисплеи, некоторые совершенно чужой конструкции, но некоторые были до смерти знакомы.

Можно ли было предположить, что все это являлось виртуальной реальностью, иллюзией, хитростью берсеркера? Аппаратура в комнате наощупь была такой твердой, какой и выглядела. Не было виртуальной реальности, не было полифазного материала.

Земляне, медленно продвигающиеся вперед, были совершенно ошеломлены и растеряны. Вряд ли, такие совершенные и удобные ручки управления могли предназначаться для гудлайфов.

Откуда-то снаружи, еле уловимо стал доноситься грохот, характерный для жестокого сражения.

Ручки управления и мебель в этой комнате явно предназначались для существ такого же размера, силы и интеллекта, какими были выходцы с Земли, но тела которых по некоторым важным параметрам отличались от человеческих тел. Во-первых, освещение предназначалось для другого типа визуального восприятия. Во-вторых, предполагаемые хозяева этой комнаты должны были быть немного выше и чуть тоньше землян. Форма и местоположение рычагов и кнопок также предполагали значительные отличия в физическом строении.

— Нет,— Дайнант отказывался верить тому, что видел.

Хейвот пробормотал:

— Макет в натуральную величину. Проклятая штуковина воспроизвела реальный мир земного корабля.

— Не земного корабля,— заметил Принсеп.— И я думаю, что это не имитация.

— В этой комнате достаточно воздуха годного для дыхания.— Лейтенант Тонгрес уже была готова открыть свой шлем и заявить тем самым, что поверила в чудо.

Хейвот продолжал гадать:

— Тогда корабля кармпанов?

Такое предположение повергло командора в изумление:

— Когда это кармпаны могли построить такой корабль? Нет, кармпаны тоже исключаются.

Все замолчали. Центральное кресло, стоящее к ним спиной, стало медленно поворачиваться. И это высокое сиденье оказалось занятым. Люди встретились с живым Строителем, вероятно на нем была какая-то одежда,— сказать было трудно,— но не было защитного скафандра. Он (хотя с таким же успехом это могла оказаться она) сидел в кресле и рассматривал непрошенных визитеров своим единственным глазом, располагавшимся

в центре лба. Существо на помосте по земным меркам казалось невероятно тонким.

Лицо принадлежало существу, предки которого не знали солнечного света. Из складок шафроновой кожи раздался голос — приглушенный поток пощелкиваний и стонов. Но тут же это было переведено на земной язык.

Действительно перед ними предстал Строитель. Несмотря на споры, это был живой Строитель. Он поднимался со своего командного кресла и смотрел на них своим единственным подвижным глазом серого или голубого цвета.

— Я действительно капитан этого корабля,— произнесло существо на помосте,— и я приветствую вас на борту моего судна.

30

Строитель, возвышавшийся над маленькой группой удивленно смотрящих на него землян, был высоким тонкокостным существом. Обычные земные мужчины казались по сравнению с ним низкорослыми. В общем-то по комплекции он походил на земных людей.

После короткого замешательства командор Принсеп выступил с приветственной речью, но после он так и не мог вспомнить, что же тогда говорил. Строитель стоял неподвижно, вслушиваясь в произносимые слова, которые машина тут же переводила в пощелкивания и посвистывания.

Теперь уже все сомнения присутствующих развеялись — они поняли, что именно Строитель — капитан корабля. Принсеп и его товарищи знали о существовании Строителей. Все они бесчисленное множество раз видели записи, на которых были изображены Строители. Снимки, сделанные с видео были представлены во всех энциклопедиях и во всех доступных хранилищах информации. Изображение Строителей были также широко известны, как и снимки землян первого века фотографии.

Не успел командор и его маленькая отважная партия переварить один шок, как за ним последовал другой. На помосте, на расстоянии протянутой руки от капитана появился представитель землян. Это был молодой человек с песочными волосами, одетый в современную корабельную форму. Он поднялся с другого центрального кресла, высокая спинка которого до этого скрывала его.

Кенсинг настороженно поздоровался с пришедшими. Как только он поднялся со своего стула, стал жадно искать глазами Анюту Задор. Теперь, услышав, что согласно последнему сообщению со станции, она была жива и здорова, он облегченно вздохнул. Ему не показалось удивительным, что она и доктор Ховелер предпочли остаться на станции.

— Но нам сказали, что вы погибли,— резко заметил командор.

Лицо юноши побледнело, все сразу почувствовали, как он устал.

— Я это знаю. Я сам уже был готов сдаться, если бы меня не встретил полковник Маркус. Теперь он на станции и пытается помочь.

— Кто?

— Я постараюсь вам, как можно лучше объяснить все о приключениях полковника и моих собственных. Но сначала я должен сообщить вам, что нас атакуют настоящие берсеркеры, и это судно, на котором мы с вами находимся, их непосредственная и главная мишень. Так было всегда. Для берсеркеров именно этот корабль является целью первостепенной важности, целью, уничтожить которую важнее, чем любой земной корабль. Его ценность даже больше, чем миллиард протожизней.

Тогда Кенсинг, увидев, что люди не в состоянии переварить сказанное, какое-то время молчал.

— Я вполне понимаю ваше замешательство, друзья. Я находился в состоянии глубокого замораживания и сам несколько часов назад узнал обо всем. Поверьте, я потрясен не меньше,— проговорил он.— Когда меня доставили сюда на борт, Дирак и Скурлок думали, что отдают меня берсеркеру. Я тоже так считал до тех пор, пока...

Говорящий перевел дыхание:

— Позвольте мне начать сначала, представив вам как следует капитана. Его — ее, я еще не знаю точно,— зовут, что можно приблизительно перевести как «Плотник».

Капитан поклонился Строителю еще раз, как-то по-старинному.

Кенсинг продолжал выкладывать информацию. Своим соратникам он сообщил о том, что капитан Плотник, скорее всего является единственным зрелым Строителем во всей вселенной, сохранившимся представителем резервной команды. По приказу оптико-электронного мозга корабля, он-она был разбужен сравнительно недавно, сон капитана длился пятьдесят тысяч лет.

Капитан Плотник принадлежал к элитному корпусу индивидуальностей, фанатически преданных делу сохранения расы Строителей, которые в свое время и взошли на борт этого судна, чтобы отправиться в это отчаянное путешествие в последней попытке избежать гибельной участи, что обрушилась на их цивилизацию в виде их собственных творений — берсеркеров.

Внимательно слушавший Принсеп начинал верить этой фантастической истории. Хотя фактически у него и не было выбора.

— Хорошо,— проговорил командор,— тогда, что это за проклятущая штука? Где мы находимся?

Кенсинг недоверчиво посмотрел на старика:

— Самый лучший перевод, *что я могу вам дать*, командор, это, судя по его функции, «корабль-семяхранилище».

Капитан корабля, с помощью механического переводчика следивший за беседой, *быстро подтвердил точ*ность этого факта. Судно, на котором они пребывали, по всей видимости, осталось одним-единственным из уцелевшего огромного флота Строителей. Корабли были запущены в космос отчаявшейся расой Плотника в последние дни ее существования. Этот корабль — их последняя попытка основать плацдарм для своего будущего потомства. Эту безумную игру они затеяли только тогда, когда осознали, что война против собственных созданий, берсеркеров, наверняка, будет проиграна.

Все до одной планеты Строителей, продукт долгой

и упорной кампании по расширению своей империи, были стерилизованы.

Но этот один корабль-семяхранилище, единственный во всей вселенной, по имени «Феникс» — избежал гибели. Он изрядно был потрепан, команда погибла, все же в своем металлическом нутре он нес более миллиарда заключенных в капсулы зигот, являющихся единственным во всей вселенной хранилищем генетического материала расы Строителей.

Но все искусственные матки, которые он первоначально нес на своем борту, равно, как и приспособления для их создания, были уничтожены штурмовиками берсеркеров и орудийными залпами.

Неустанно преследуемый с самого момента запуска, этот корабль пятьдесят тысяч лет назад сумел избежать уничтожения, внедрившись в эту непроходимую туманность, которую земляне называют Мавронари. Висящие здесь повсюду плотные тучи пыли, грязи и газа были надежной защитой от любого преследования. Путешествовать внутри этой туманности со сверхсветовой скоростью не представлялось возможным.

Младший офицер Дайнант проявил скептицизм:

— Он выглядит как берсеркер, и все наши эксперты в один голос распознали в нем берсеркера.

Кенсинг печально кивнул:

— Конечно, он похож, поэтому его и приняли за берсеркер. И сходство это вызвано не только тем, что он был построен в тех же доках, но и потому что это входило в замысел Строителей, сделать его похожим на берсеркер, чтобы одурачить и сами машины смерти.

За исключением компьютерных программ сходство это было настолько явным, что могло ввести в заблуждение кого угодно. Но получилось так, что цель — одурачить берсеркеров — оказалась недостижимой.

Чувствуя, что стена недоверия еще не сломлена, капитан Плотник решил предоставить доказательства. Из перевода его речи собравшиеся поняли, что нужно спешить. Строитель обещал показать весь груз, находящийся на судне. Все последовали за ним.

Груз, состоящий из миллиарда инкапсулированных

зигот должен был занимать столько же места, сколько клетки на земной биологической станции, оставляя довольно много свободного пространства на таком огромном военном корабле, как этот.

После осмотра груза командор Принсеп и его товарищи утратили последние капли сомнения.

Принсеп взял один из образцов, чтобы получше разглядеть. Каждая оплодотворенная клетка Строителей находилась под надежной защитой небольшой круглой пластины. По размеру она немногим отличалась от земных пластин, с которыми все присутствующие земляне были хорошо знакомы, но была совершенно другой по текстуре и составу.

Тонгрес провела даже несколько абстрагированных подсчетов: миллиарду пластинок или дисков понадобится объем, равный 90×90×50 метров.

Принсеп хотел задать вопрос о том, что известно Строителям о любви в земном смысле. Но потом передумал.

Для этого огромного судна ничего не составляло нести груз. В огромном пространстве корабля секретный груз потому и остался незамеченным людьми, внимание которых целиком и полностью было поглощено своими собственными проблемами.

А вокруг них по-прежнему полыхал бой, развязанный последней волной настоящих берсеркеров. Время от времени об этом факте сжатой информацией напоминал капитан Плотник. Теперь в ход были *брошены* все боевые ресурсы «Феникса», во много раз превышающие силы берсеркеров. Оружие «Феникса» способно было превратить в ничто такой астероид, как Иматра.

— Не можем ли мы помочь?

Капитан Плотник поблагодарил:

— В настоящий момент помощь не требовалась. Но, когда берсеркеры будут отброшены, дела найдутся,— заметил капитан.

Плотник объяснил, что на карту сейчас поставлены не только человеческие жизни, но и существование самого двигателя на борту. А на борту биологической станции — выживание целой флотилии искусственных маток, которые пригодятся для производства различных образцов.

Это заявление тотчас поразило командора:

— Пригодятся для разных образцов?

— Совершенно верно! — сказал Кенсинг и прибавил: — В этом и заключается разгадка странного загадочного поведения корабля.

Чтобы искусственные матки одной расы можно было использовать для выращивания зародышей другой, потребуются значительные модификации аппаратной части и программного обеспечения. Но в основе обеих рас лежат одни и те же биохимические процессы. Столетия назад было решено, что со временем, благодаря развитию инженерной мысли и опытам ученых, искусственные материнские утробы землян можно будет приспособить для выращивания зародышей и других рас.

Коротко оборвав объяснения Кенсинга, капитан Плотник прощелкал и просвистел своим новым единомышленникам что-то вроде извинений по поводу того, что он не мог поведать землянам раньше историю корабля.

Когда в самом начале длительного путешествия «Феникса» команда погибла, то компьютеры взяли на себя обязанности по управлению. Временами напряжение главного компьютера было так велико, что приводило к неправильным решениям.

Спустя примерно пятьдесят тысяч стандартных земных лет (что с довольно большой точностью подтверждалось главными корабельными часами) после внедрения в спасительную туманность этот корабль снова выбрался наружу. Во время своего мучительного продвижения под защитой опасной мглы, он обнаружил одно или два места, где можно было основать колонию. Но не имея необходимой для выращивания органических существ аппаратуры, а также средств для ее создания, использовать эти области по назначению было нельзя.

Поэтому около трех столетий назад, выйдя из темной туманности на более или менее открытое пространство нормального космоса, умные, осторожные и в то же время опасные корабельные компьютеры, настроенные на

сохранение своего ценного груза и установление колонии любой ценой, начали искать снова пути решения этой задачи.

Управляющие «Фениксом» компьютеры обнаружили на частоте довольно часто используемой для передачи сообщений, в этой части Галактики сигналы, веками посылаемые цивилизацией как намеренно, так и неумышленно.

Через год или два, по земным меркам, после выхода из наиболее плотных слоев туманности корабль вновь вернулся в одну из прядей Мавронари. Насколько было известно его компьютерам, Галактика, в которую вторглось судно, и которая была на 50 000 лет старше той, которую они оставили, могла находиться под контролем берсеркеров.

За время тысячелетнего плавания во мгле находившиеся на борту компьютеры пытались сделать вычисления на тему: можно ли полностью уничтожить берсеркеры? Результаты не были полными. А дальше оттягивать закладку колонии было нежелательным.

Но безоглядная спешка, как утверждала базовая программа, привела бы к еще более удручающим результатам.

С механическим упорством, используя все доступные средства, уцелевшие после перенесенных сражений, тягот времени и путешествия, бортовые компьютеры обнаружили новый мир. Они рассмотрели возможность пробуждения одного из представлявших огромную ценность взрослых особей Строителей из резервной команды, но все же решили, что оптимальное время для такого шага еще не наступило.

Компьютеры, бывшие последней надеждой Строителей, вдоль пряди Мавронари, ведущей к Керну, осторожно начали вести активные поиски благоприятного места для основания живой колонии.

Курс, которым следовал в своих поисках корабль, вдоль совсем поредевшей пряди Мавронари, помог им сделать случайное открытие, изменившее все компьютерные планы.

В электромагнитном спектре излучений внезапно

появились следы свежей активности со стороны новой разумной расы. Это были быстро угасающие сигналы, несомненно искусственного происхождения, многократно отраженные от одного межзвездного облака к другому, они уже стали такими слабыми, что были едва различимы.

Бортовые компьютеры корабля выдвинули полевые антенны настолько, насколько это было возможно. Они вслушивались и всматривались в пространство, записывая все сигналы искусственного происхождения.

К тому времени были запрограммированы и запущены умные, хорошо вооруженные машины-скауты, внешне ничем не отличающиеся от берсеркеров. Они двигались быстро в настороженной тишине в направлении только что обнаруженных сигналов, с особым вниманием прислушиваясь к новым.

Наконец были обнаружены и новые сигналы. Они записывались, анализировались, определялось место их происхождения.

Машины-скауты снова устремились вперед, соблюдая всевозможные меры предосторожности, в направлении источника сигналов. Они двигались и слушали, и снова двигались. Осторожно проводимые исследования все более расширялись.

Наконец, был достигнут прямой контакт. Внезапно на расстоянии прямой видимости был обнаружен небольшой земной корабль.

Элекронные стратеги, почувствовав опасность, размышляли: приближаться ли? И было над чем — разумные существа любой расы сразу примут их корабль за старый, потрепанный в боях берсеркер.

Вскоре компьютеры судна получили подтверждение, что маленьким судном действительно управляют живые существа. С чувством облегчения и радости компьютеры восприняли эту новость.

Но опасность все же оставалась. Корабль-семяхранилище выглядел ведь как берсеркер. Быть атакованным и разрушенным как берсеркер после 50 000 лет такого трудного выживания... Надо было во что бы то ни стало избежать этой участи. Следовало сначала изучить один

из земных языков, лучше сразу несколько — тогда вступать в контакт. При отсутствии же источников информации у них оставалось только два способа: либо потратить на эту работу страшно много времени, либо научиться языку у самих разумных существ.

Но как установить контакт с такими существами, не привлекая внимания к присутствию такого огромного незнакомца у большинства расы. Захватить пленника? Но исчезновение может быть замечено и тогда настроение остальных живых существ будет не в их пользу.

Таким образом, компьютерные системы корабля тщательно планировали операцию по приобретению учителей языка.

Решено было украсть небольшой корабль. Особых трудностей в этом не было, что с легкостью и сделали.

К несчастью, во Вселенной, кроме смертоносных машин, имелось немного и других смертельных опасностей. Собственная история Строителей была ярким свидетельством того, что одна разумная раса, может преспокойно развязать войну против другой. Будь это не так, берсеркеры не были бы никогда созданы. Таким образом, на помощь было призвано все искусство дипломатии. Корабельный мозг должен был предсказать (и от точности этого предсказания многое зависело): как отнесутся эти неизвестные существа к миллиарду оплодотворенных клеток Строителей.

Младший офицер Дайнант был одним из последних, кто все еще сомневался в услышанном:

— Но когда он атаковал Иматру, он ведь убивал ее защитников, он насильно захватил станцию и утащил ее.

Командор рассудительно ответил:

— Конечно, Строители и их техника могли бы стереть в порошок все, от земной жизни не осталось бы ничего. Если бы они только поняли, что это единственный способ захватить биостанцию, единственный способ спасти свою расу. Черт побери, и мы бы сделали тоже самое с ними! Правильно?

Строитель, возможно, планировал рассказать этим двум землянам правду, но он, отправившись на небольшом военном скауте наблюдать за операцией, к несчастью, был убит во время первого сражения. После его внезапной кончины его машины, вновь столкнулись с негостеприимством и сумели осуществить план.

В конце жестокого сражения, сопровождавшегося захватом станции, на корабле в жизнеспособном состоянии оставался только один взрослый Строитель. И компьютеры вскоре решили, что прежде чем они рискнут разыграть свою последнюю карту, пробудить ото сна последнего живого хозяина, им лучше собрать как можно больше информации о только что обнаруженной земной расе.

Сразу после захвата станции машины изучили несколько искусственных маток землян. Хитроумная сущность чужой биологии была не по зубам даже большим компьютерам. Ситуация становилась еще отчаяннее, чем была, если бы они осмелились проводить эксперименты на зиготах Строителей без длительного и интенсивного компьютерного моделирования.

И компьютеры скорее были согласны пойти на любой риск, чем позволить землянам понять, какова была их реальная цель. Единственный риск, на который компьютеры не могли пойти — допустить равнодушие этих бесценных аппаратов для выращивания зародышей, которые они таким чудесным образом добыли. При угрозе открытого сражения на борту земной биологической станции, корабль-семяхранилище отозвал свои боевые машины, оставив воинственных землян со своими устройствами, приоткрыл все же некоторые каналы связи и наблюдения. «Феникс» установил на палубе земной станции с бесценными аппаратами для выращивания зародышей, датчики, записывающие устройства, некоторые из которых при тщательном обыске были найдены землянами. Главные компьютеры Строителей хотели иметь полную уверенность в том, что земляне, управляющие станцией, ничего не делали такого, что могло подвергнуть риску искусственные матки и системы их обслуживания.

Прошли сотни лет с тех пор, как бортовые компьютеры корабля-семяхранилища удрали с захваченным ими земным сокровищем. За это время им удалось исчезнуть из поля зрения как берсеркеров, так и землян. Стратеги могли позволить себе быть терпеливыми. Оставалось только дождаться смерти землян, которые еще оставались на станции. И тогда самая важная цель смогла бы стать реальностью.

Но вдруг внезапно без всякого предупреждения, перечеркнув все расчеты, в туманность вторглись другие земляне на страшно поврежденном военном корабле и принесли весть о том, что в любую минуту в этом районе космоса могут оказаться берсеркеры. Теперь было необходимо произвести мобилизацию и подготовительные работы, чтобы отбросить этих потенциальных нападающих.

Ситуация и без того сложная, становилась опасной. Поврежденные бортовые компьютеры «Феникса», работающие иногда на пределе своих возможностей, все-таки продолжали делать все возможное.

При первом контакте с землянами корабль-семяхранилище умышленно выдал себя за берсеркер.

Несмотря на то, что земляне принимали своего похитителя за берсеркер, они все же стремились установить с ним связи, компьютеры корабля хранили тайну. Попытаться рассказать правду — означало бы пойти на риск, могли возникнуть непредсказуемые осложнения. Кроме того, оставалась надежда, что через несколько десятков лет, а может и веков, земляне будут мертвы.

Так постепенно развивались отношения между Дираком Сарду и инопланетной машиной, это была своеобразная сделка.

В дискуссиях, проводимых Дираком и его неживым собеседником, получил развитие план основания общей колонии. При этом каждая из сторон намеревалась перехитрить другую. К тому времени, когда на биологическую станцию прибыл отряд беженцев во главе с командором, корабельный мозг «Феникса» уже не был уверен в полезности вероломного и жестокого премьера в качестве партнера. Конечно, машина Строителей продолжа-

ла сотрудничать с ним — этот человек давно утвердился в качестве лидера выживших землян. А без союзничества было не выжить.

Правда, в архивах корабля-семяхранилища имелись записи некоторых личностей Строителей, которые по своей жестокости и личным амбициям даже превосходили суть характера Дирака. Поэтому не было причины считать, что Дирак не типичный представитель вождя землян.

Так и не открывшись перед Дираком и его людьми компьютеры теперь изучали новых пришельцев, которыми командовал Принсеп. К ним доверия возникло больше. Строитель, объяснив все это, сказал, что задействует резервные боевые машины корабля и начнет операцию по смещению Дирака.

Хоксмур выслушал всю историю с сочувствием к поставленным в безвыходное положение компьютерам.

По мнению Ника, любой передовой компьютер также, как и любая передовая компьютерная программа с большей охотой должны были общаться с себе подобными, чем с существами из плоти и крови. Несомненно, что воссоздатели Строителей не были исключением из этого правила.

Ник не очень-то сочувствовал этим Строителям, которые сделали по сути все возможное: спасли корабль-семяхранилище. Но в тоже время он не спешил выносить оценки их поведению.

Вопросы у него были. Один из них можно было сформулировать так: испытывали ли Строители этические, моральные или социальные проблемы, записывая себя в виде программ? Но, конечно, поднимать этот вопрос в настоящий момент он вовсе не собирался. В настоящий момент хватало злободневных проблем для немедленного обсуждения.

Капитан Плотник продолжал свое повествование. Как только были получены убедительные свидетельства, на основании сообщений землян и их собственных наблюдений, о том, что вот-вот должны появиться мерзкие машины, план «Феникса» укрыться в каком-нибудь надежном месте и начать строительство колонии, пришлось временно приостановить.

В этот самый момент, близкий к отчаянию, компьютеры пришли к выводу, что необходимо разбудить полковника Маркуса.

В архивах корабля хранился в замороженном виде целый взвод землян, которые когда-то были отправлены сюда Дираком, считающим, что он платит дань великому берсеркеру.

Бортовой мозг «Феникса» бесконечное число раз рассматривал возможность пробуждения единственного взрослого Строителя, но всякий раз это откладывалось.

Когда контролер корабля до этого разбудил предпоследнего Строителя, незадолго до первого рейда на Иматру, та погибла при столкновении с землянами. Теперь на корабле оставался только один зрелый представитель расы. Больше ошибок допускать было нельзя.

Поскольку корабль-семяхранилище все же не исключал возможность открытого и серьезного партнерства с землянами, он, не желая быть виновным в гибели молодых землян, предпочел сделать попытку сохранить их жизни, заморозив. Знал ли об этом Дирак?

Теперь уже на протяжении нескольких веков корабль старался сохранить свои собственные жизненно важные секреты, одновременно пытаясь выведать земные. Но все же более предпочтительным вариантом было раскрыть непрошеным гостям правду о себе. Земляне не представляли смертельной опасности, это ведь не берсеркеры.

Корабль провел три столетия занимаясь тем, что изучал инопланетные существа, которые называли себя землянами. Но для любой машины проводить исследования любого разумного существа Галактики было делом чрезвычайной сложности. Поэтому «Феникс» не спешил с конкретными выводами, хотел еще понаблюдать, сравнить, поскольку теперь в их распоряжении оказались и другие индивидуумы.

Корабль понимал, что должен заключить сделку с вздорными землянами или с одной их фракцией, если дойдет между ними до принципиальных разногласий.

Но теперь, когда напали берсеркеры, времени для колебаний не оставалось. Необходимо немедленно принять решение.

Действовать.

— Боекомплекты есть для всех, мы должны любой ценой удержать капитанский мостик,— приказал капитан Плотник.

Одна из служебных машин уже несла Кенсингу боевое снаряжение, включая и доспехи, пригнанные в соответствии с его земной формой. Принсеп, Хейвот, Ник, Тонгрес и Дайнант дополнили необходимым боевую амуницию.

Сообщения вспомогательных машин Строителей теперь шли непрерывным потоком. Плотник приказал немедленно давать перевод всех донесений. Новости были печальными. На «Феникс» продолжали высаживаться штурмовики берсеркеров. Они пробивались внутрь корабля.

Плотник отдавал приказы, находясь на капитанском мостике, в то время, как Принсеп расставлял своих людей на подступах к командному пункту вдоль коридора. Их защищенные скафандрами фигуры надежно укрылись в нишах, за углами и за служебными роботами, которые также были мобилизованы и готовились к бою.

Через мгновение враг уже был внутри, безобразные формы неслись на огромной скорости прямо по проходам. В обрушившемся граде огня и энергетических пучков люди сражались бок о бок с роботами обороны Строителей, стараясь защитить капитанский мостик и другие важные отсеки от атакующего противника.

Кенсинг, чувства которого в пылу боя были обострены до предела, видел, как скафандр Ника, сражавшегося с штурмовиком берсеркера справа от него, был превращен в пепел. Слева от Кенсинга упал Хейвот, а может быть кто-то другой из землян и был оттащен в сторону служебной машиной. На помощь спешили медроботы...

Тут внезапно стрельба прекратилась. Принсеп по радиосвязи сообщил, что был сигнал к бою. Кенсинг был все еще жив. Несколько мгновений он не мог сделать ни вдоха, ни выдоха. Наконец он услышал сообщение, что связь со станцией установлена. Анюта жива. Она была жива и в безопасности.

31

Прошло что-то около 24 часов по земному времени с момента боя, отбросившего штурмовиков берсеркеров. С тех пор о враге ничего не было слышно, но не исключалась возможность, что в любой момент из туманности вновь появятся смертоносные машины и пойдут на новый, убийственный приступ.

Несомненно Галактика еще скрывала в своих гаванях несметные полчища берсеркеров, которые будут использовать любую возможность, чтобы обнаружить местоположение «Феникса». Они были врагами любой жизни и альянс между Строителями и землянами был для них смертельным.

Сэнди Кенсинг и Анюта Задор, все еще в своих космических доспехах, в любую минуту готовые схватиться за оружие, прогуливались по гигантскому судну Строителей, исследуя его уединенные уголки. Они и другие земляне, прибывшие с визитом на корабль, двигались в условиях искусственной гравитации, которую капитан Плотник приказал сделать наиболее оптимальной для комфорта землян.

В настоящий момент Кенсинг и Задор наблюдали за тем, как служебные работы капитана Плотника вывозили из моторного отсека «Феникса» небольшие ящики, содержащие экспертные инженерные системы.

К счастью, на борту корабля Строителей оказалась запасная аналитическая экспертная система, которая теоретически могла, если не переделать, то по крайней мере, устранить старые повреждения системы управления двигателей «Фантома» когда-то причиненные именно по приказу Дирака. В обмен на это тогда Плотнику гарантировалась помощь.

Анюта, нарушив короткое молчание, задала своему товарищу прямой вопрос:

— Ты с нами?

Сэнди Кенсинг сразу не ответил. Он дал себе время все обдумать. Это в буквальном смысле слова *должно* было стать главным решением, которое принимается один раз в жизни.

Если все пойдет хорошо, то яхта с восстановленным до необходимого предела двигателем через день или два сможет предпринять попытку возвращения домой с землянами на борту.

— Конечно, если наше временное парусное оснащение не подведет нас или на нас снова не нападут берсеркеры,— предупредил всех Принсеп.

Путешествие домой обещало немало опасных приключений. Но стоило рискнуть. Ведь оставаться здесь без всякой надежды на возвращение, было просто бессмысленно.

Доктора Задор и Ховелер все еще считали себя ответственными за благополучие биологических особей. Они чувствовали ответственность за миллиарды будущих жизней. Поэтому они отказались от буксировки биостанции яхтой на обитаемые планетоиды. Да и вообще такая буксировка неизвестно чем могла закончиться, ведь возрастала опасность путешествия для всех землян. Да и стоило ли возвращать протолюдей в тот мир, где их не ждали? Доктора относились к этой проблеме спокойно. Они просто продолжали свои исследования и ничуть не жалели о решении разделить свою судьбу с теми, кто был еще только в «пробирках». Проблемы возрождения расы Строителей не оставили Задор и Ховелера равнодушными. Если для этих землян где-то и существовало будущее, то только не в родном их мире.

Анюте не хотелось расставаться с Сэнди Кенсингом. Но было похоже, что чувство долга брало верх, никакого другого выбора не оставалось.

Корабль-семяхранилище, миссия которого теперь с помощью земной технологии стала осуществима, должен был продолжить буксировку станции вглубь туманности Мавронари. Поиск удобного места для колонии Строителей — вот главная задача.

Принсеп твердо решил взять с собой в цивилизованный мир Скурлока и Кэрол. Конечно, он не исключал возможности, что там против них будут выдвинуты обвинения. Ведь были основания расценивать их деятельность в качестве гудлайфов.

Хейвот, находящийся в настоящий момент под опе-

кой медробота из-за тяжелого ранения, тоже должен был вернуться домой.

Премьер, вернее то, что от него осталось — оптико-электронная версия, даже не догадывался, что ему также предстоит путь домой, туда, где он когда-то правил...

Принсеп предоставил право решать что делать с записью личности ее мужа леди Дженевьев. Никому и в голову не пришло, чтобы советоваться о чем-либо с самим Дираком Сардо, вернее программой с таким именем.

Премьера в его бестелесной сущности на время можно было даже просто отключить, потому что были другие более важные дела.

Во время последней атаки выжила только одна версия Ника Хоксмура, которая хранилась Дираком в резерве. По всеобщему согласию ее, являющуюся аналогом Ника-3, включили, ознакомили с последними событиями, предоставили право решать, что делать дальше?

Ник-3 через секунду уже выдал, что присоединяется к докторам и остается на биологической станции. Наверное, это было нелегко, ведь он прощался с Дженевьев.

Теперь о своем будущем должен был позаботиться Сэнди Кенсинг. И сделать это надо было как можно быстрее, пока ремонтировались двигатели «Фантома». А работы велись быстро, отправление яхты откладывать было нельзя: туманность вокруг становилась все гуще и гуще, а путешествие домой все труднее.

Капитан Плотник не исключал и возможность появления в этом районе берсеркеров.

К Кенсингу подошла Анюта. Ей не хотелось навязывать ему своего решения. Ласково дотронувшись до его плеча, она сказала:

— Я не знаю, что буду делать, если тебя не будет с нами, Сэнди. Но ты должен выбрать сам.

Затянувшееся молчание было прервано.

— Анни, ты напрасно волнуешься, расслабься! — Кенсинг протянул руки к любимой, взял ее ладони в свои.— Я с тобой, как и миллиард вопящих младенцев...

— Скорее два миллиарда,— уточнила она,— ведь ты забыл о будущих Строителях...

— Тогда два миллиарда. Я ни на что не променяю.

Литературно-художественное издание

Саберхаген Фред

БЕРСЕРКЕР-IV

Роман

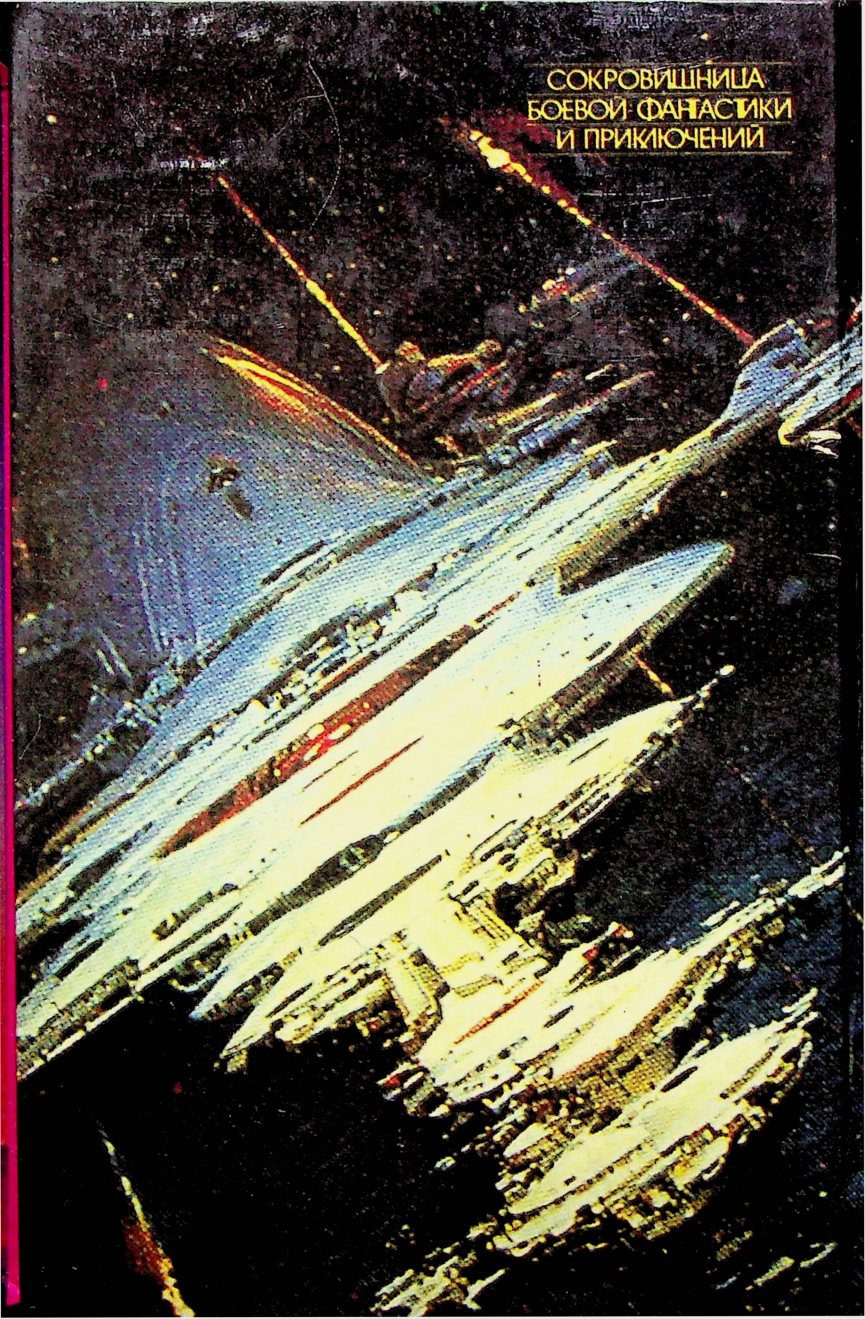
Ответственный за выпуск *В. В. Терасенко*
Редактор *С. Шейдт*

Сдано в набор 06.09.94. Подписано в печать 14.09.94. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Усл. печ. л. 23,52. Усл. кр.-отт. 23,94. Тираж 50 000 экз. Заказ 1233.

Фирма «Русич». Лицензия ЛР № 040432. 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Издание выпущено при участии производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23—415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа, 220005, Минск, ул. Красная, 23.

СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ